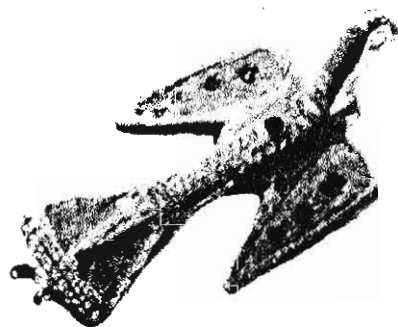

Yu. K. KOLOSSOVSKAYA

ROME

and the World of Tribes in Danube Region

I–IV A.D.

MOSCOW «NAUKA» 2000

Ю. К. КОЛОСОВСКАЯ

РИМ

и мир племен на Дунае

I–IV вв. н.э.

МОСКВА «НАУКА» 2000

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 99-01-16176 д*

Ответственный редактор
доктор исторических наук В.И. КУЗИЩИН

Рецензенты:
доктор исторических наук И.Л. МАЯК
доктор исторических наук В.П. БУДАНОВА

Колосовская Ю.К.

Рим и мир племен на Дунае. I–IV вв. н.э. – М.: Наука, 2000. –
288 с., ил.
ISBN 5-02-008706-8

Монография представляет собой ряд объединенных внутренним единством очерков, являющихся итогом длительных исследований автора в области взаимоотношений Римской империи и варварских племен на огромном протяжении римского лимеса от Рейна до устья Дуная. В центре внимания – проблемы специфики племен, как находившихся под властью Рима, так и обитавших вблизи от границ Империи, этнического и социального развития "варварских" народов. Автор ставит вопрос о глубинных механизмах взаимодействия и взаимооборота двух миров – римского и племенного. Всесторонне освещаются войны Рима с племенами даков при Траяне (начало II в.), маркоманнов и сарматов при Марке Аврелии (Маркоманские войны II в.). На богатом материале источников прослеживается политико-административное устройство Рейнско-Дунайских провинций, организация ремесла и торговли, раскрывается взаимодействие местных традиционных и римских правовых норм и обычаев.

Для историков, этнологов и широкого круга читателей.

По сети "Академкнига"

ISBN 5-02-008706-8

© Издательство "Наука", 2000

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемой вниманию читателя работе рассматриваются две военно-политические и социально-экономические проблемы: организация дунайских провинций и история мира племен. Работа преследует цель показать римское общество на провинциальном уровне, в огромном регионе, начиная от верховий Дуная (Реция и Норик) и кончая его нижним течением (Паннония и Дакия). В системе Римской империи эти провинции составляли единый комплекс. Все они были завоеваны римлянами почти одновременно, на рубеже нашей эры и в I в.; все они подверглись сильной социальной и культурной романизации; в эти области Империи направился поток колонистов едва ли не со всего римского мира. История дунайских провинций включает в себя и вопросы возникновения и развития римского города на столь далекой для Рима периферии. Рост городов на Дунае был также отличительной чертой этого региона Империи.

Но история дунайских провинций была в сущности историей варварской периферии. Она была частично включена в систему римского мира в результате завоевания и стала ее проявлением. Здесь процесс преобразования племенных структур в романизованное классовое общество римских граждан происходил в пределах самой римской системы, хотя придунайские провинции воспринимались из пределов Италии как во времена Цезаря, так и в IV в. н.э. как полуварварские. Наше же внимание обращено на племена, находившиеся вне пределов Империи, где влияние Рима было косвенным, но достаточно действенным. История племенных союзов и царств, которые существовали или возникали за лимесом нередко с помощью римской дипломатии, была действительно историей варварской периферии. При изучении истории племенного мира возникает ощущение вечного движения и перемещения племен. И хотя оно справедливо, остается неясной сама причина таких миграций: то ли это внутренние силы племен, распирающие их вовне, то ли межплеменные войны, или недостаток обработанных земель для членов племени на огромных просторах Европы, но в те времена покрытых сплошными непроходимыми лесными чащобами, что делало любой участок с трудом возделанной земли лакомой добычей для племен (что и говорить об обширных распаханых пространствах Империи)? Но поскольку речь пойдет об отдаленной от нас исторической эпохе, будет верным предполагать наличие всех этих факторов в качестве побудительных причин перманентных переселений племен.

Остаются, правда, неучтенными географический фактор (например, климат) и такие особенности демографии, как эпидемии. Внимание в работе обращено на военные столкновения римского мира с миром племен: свевов, маркоманнов, херусков, даков, готов и многих других. Все они попали в разное время в сферу интересов Рима. Со всеми этими племенами и царствами и на Рейне, и на Дунае Рим вынужден был считаться. Без исследования мира племен картина римской цивилизации окажется неполной, ибо этот мир был не только внешней средой для Рима – он стал также активным действующим лицом самой его истории.

Дунайские провинции были пограничными областями. За их рубежами лежал варварский мир, отношения с которым составляли едва ли не главное содержание в истории как самого Рима, так и племен. Поэтому акцент в работе сделан преимущественно на истории не собственно Рима, а самих племен, в частности, жили ли они в условиях первобытно-общинных отношений или слабо развитого рабства¹. Этнокультурный состав племен Европы, существовавший в древности в виде различных этносов: кельтского, германского, фракийского, иллирийского, а также славян, – в известной степени определял общие тенденции развития римского мира и дает возможность их сопоставления. Мы попытаемся проследить разнообразные связи двух миров прежде всего в военной и торговой сферах, ибо войны с племенами, как и сама торговля были явлением постоянным в истории обоих миров. Из варварской периферии античные государства всегда получали немалую часть материальных средств путем войны. Войны доставляли необходимые для Рима людские резервы в виде не только рабов или позднее военнопленных, сажаемых на землю в качестве колоннов, но и иноземных формирований в римской армии. Войны давали также сырье: скот, кожи, строительный лес и полезные ископаемые.

Взаимоотношения мира племен и Рима являются также частью общей проблемы древней истории. "Римский мир" был наполнен конкретным содержанием. Он представлял собой единство нескольких факторов: экономического, политического, военного и культурного, – и был связан прежде всего с городом и городской культурой. Одновременно "Римский мир" воплощал некий политико-идеологизированный миф, возникший в эпоху Августа. Выдвинутый Августом лозунг *Pax Romana* как знак согласия всех сословий Империи после окончания гражданских войн в Риме, олицетворял собой благополучие и процветание людей, живущих в его пределах. Для мира племен экономические, политические и военные структуры Империи имели первостепенное значение, ибо соприкосновение с ними означало для племен обогащение своего опыта в военной и хозяйственной областях. Поэтому в монографии показаны особенности такого взаимодействия на

примере войн Рима с задунайскими племенами, что было обусловлено самой темой работы, а также тем обстоятельством, что данные войны наиболее полно отражены в римских источниках.

Сосуществование двух миров было необходимо и закономерно, подобно наличию мира кочевников Степи для феодального строя или колониального мира при капитализме. История Римской империи будет неполной без исследования племенного мира, ибо мир племен оказывал активное обратное воздействие на развитие Рима, в частности на экономическую структуру городов на границе Империи. Поэтому мы рассматриваем их взаимодействие в области экономики и торговли как факторы, ускоряющие социально-экономическое развитие племен.

Влияние фактора войны на дунайские города демонстрирует история Дакии. Продвижение Рима за Дунай, завоевание римлянами в начале II в. племен даков и превращение их земель в провинцию трактуется в работе как отход от внешней политики Рима, принципы которой были некогда завещаны Августом. История Дакии рассматривается также и как попытка включения римского мира в мир племен, окружавших Дакию, под давлением которых Рим оказался вынужденным в конце концов оставить эту провинцию. Само развитие города на Дунае происходило во взаимодействии с варварскими племенами, с размещением на землях городов, а впоследствии с захватом варварами целых римских провинций. Их поселение на римских городских землях означало также изменение способа эксплуатации местного населения. Город как центр романизации теряет свое значение. Происходит крушение основ муниципальной организации городов и самой римской администрации, что отчетливо проявляется в Дакии и в городах позднеримского периода в Норике.

С позднеримским городом на Дунае связано и выявление континуитета и дисконтинуитета городов Римской империи. Решение этой сложной и важной для исторической науки проблемы сопряжено с вопросом сохранения в провинциях прежнего римского населения в городах и селах, а также с выяснением того, в какой мере с падением римского господства продолжали свою жизнь в провинциях собственно римские города. Исследование проблемы континуитета римских городов, после того как они попадали под военный контроль федератов, что, в сущности, знаменовало собой падение политической власти Рима, важно и для истории раннесредневекового города Европы.

Кардинальная проблема взаимодействия римского мира и мира племен раскрывается также в их культурных и правовых контактах. Заключение Римом с племенами союзов и договоров типа *foedus* или *amicitia* способствовало приобщению последних к римским правовым нормам в сфере внешней политики. Основой такого взаимодействия служило гостеприимство, право народов древности, на котором покоились религиозные и правовые учреждения и Рима, и самих племен. Гостеприимство учитывалось римским правительством в политике по отношению к племенам, где связи гостеприимства были очень живучи. Это право между народами (*ius gentium*), сформулированное римскими правоведами, осталось вне поля зрения историков. Автору настоящей

¹ Мы не рассматриваем здесь историю рабства в провинциях, поскольку вопрос этот был уже предметом исследования. См.: Штаерман Е.М., Смирин В.М., Белова Н.Н., Колосонская Ю.К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I–III вв. М., 1977.

монографии казалось возможным включить в работу и раздел о гостеприимстве. Он предваряет исследование о племенах, и о войнах Рима с ними, и ставит вопрос о правовой основе этих войн. Право народов, или международное право было, по словам Гермогениана (III в.), тем правом, на основании которого велись войны, были разделены народы и царства, производилась торговля, были размежеваны поля и определена собственность.

Для развития культурно-правовых связей племенного мира с Римом имели большое значение внешнеполитические связи племен, выразившиеся в институте заложничества. Статус заложников, посылаемых в Рим из числа представителей племенной знати, ограничивал для племен рамки самостоятельности. Это было своего рода способом дипломатического давления Рима на племена, средством принуждения местной верхушки проводить угодную Риму политику. Клятва на верность Риму, которую произносили царьки и вожди в храме Марса Мстителя, означала принятие племенами условий "Римского мира" (*Pax Romana*). Для племен имело большое политическое и религиозно-нравственное значение, что клятва приносилась в самом городе Рима, в том храме, где сенат принимал решение о войне и о триумфах, откуда отправлялись наместники провинций и куда приносилась военная добыча.

Средством культурной экспансии Рима на варварскую периферию было также право римского гражданства, даруемое местной знати и царькам. Оно влекло за собой внедрение в племенную среду римского образа жизни как в частной, так и в общественной сфере, а также овладение племенной знатью латинским языком. Влияние Рима на племена выражалось и в его стремлении превлекать к себе местных царей брачными и дружественными связями. Возникшая при Августе, эта система патроната Римской империи в отношении племен прослеживается вплоть до ее конца.

Обеспечение самого существования римского мира достигалось не только внешней политикой, но и созданием пограничной полосы (лимеса) в провинциях. Именно на лимесе сходились друг с другом два мира, два типа цивилизации – римская и варварская, разделенные плотной линией укреплений и водных рубежей, словно два могучих и спокойных на первый взгляд, но внутренне напряженных атлета на арене, которые в вечном кружении примериваются к противнику, выискивая его слабые места, чтобы, улучив момент, молниеносным рывком подмять его под себя. На протяжении всей истории Империи лимес был зоной военных конфликтов и мирного соседства, ибо именно здесь Римская империя постоянно и острее всего ощущала у себя под боком брожение огромного мира племен, в любой момент готового ринуться на ее тучные нивы и богатые города. И в то же время Империя, повторю, не могла ни ликвидировать этот враждебный мир (разве что включив его в свои пределы), ни обходиться без него, подпитываясь его материальными ресурсами и "свежей кровью". Если в пределах Империи сложились принципы "Римского мира", провозглашенного Августом, то мир племен вследствие общего характера своей культуры

выпадал из этой системы. Постараемся рассмотреть лимес как комплекс взаимосвязей – и экономических, и политических, и военных. Лимес на Дунае выступает как действенный инструмент таких связей и в провинциях, и в самом варварском мире. Дунайские и рейнские области Империи дают возможность определить этапы развития лимеса и постепенное падение его значения в качестве военной защиты Империи. Постоянные войны Империи с варварами в III–IV вв. указывают на активизацию передвижения племен Европы, когда уже были утрачены и военные, и экономические, и торговые контакты Империи с племенами. Феномен лимеса важен для исторической науки, потому что в проблеме "Рим и варвары" определяются и другие аспекты его роли, а именно – значение лимеса для племен как фактора морально-этического восприятия ими римской границы вообще.

Таков комплекс вопросов, которые рассматриваются в работе. Это и определило ее характер. Она состоит из ряда самостоятельных глав, или очерков, посвященных войнам римлян с племенами свевов, даков, маркоманнов, а также с союзом готов. Все они объединены одной и той же темой: взаимодействие римского мира и мира племен. Работа состоит из двух разделов. В первом исследуются племенные структуры и войны римлян на Дунае и Рейне. Во втором показана специфика развития городов Дунайских провинций, а также их торговые связи с Римом и с варварским миром. Автору представлялось также целесообразным охарактеризовать с политической и нравственно-этической позиций некоторые лица, действовавшие на Дунае в качестве представителей императорской власти, в частности представить образ римского наместника в провинции Дакии. Для воссоздания картины позднеримского города в Норике привлечено сочинение Евгиппия (VI в.), известное в литературе как *Vita Sancti Severini*, что дает возможность обрисовать особенности развития города в последний период римского господства. Хронологические рамки исследования – I–IV вв. н.э. – обусловлены характером источников времени Ранней империи. Комплексный анализ источников: эпиграфических, нумизматических, нарративных свидетельств древних авторов, – позволяет представить римский мир на Дунае в движении, в развитии связей и взаимоотношений, которые складывались у Рима с постоянно менявшимся миром племен. Изложенные здесь аспекты воссоздают единство двух миров – мира римского и мира варварского. Все вместе они позволяют, на наш взгляд, дать обобщенную картину сложных взаимоотношений в рамках античной цивилизации, развертывавшуюся в Дунайском регионе в первые четыре века нашей эры.

* * *

Но прежде чем закончить предисловие, нужно хотя бы кратко сказать об исследовании в нашей науке племенного мира античности. Оно было связано с работами конца 40–70-х годов XX в., имевшими большое значение при изучении мира племен как внутри провинций, так

и за ее пределами. Начало раскрытию этой темы положила, как известно, серия работ "Причерноморье в античную эпоху", основанная профессором В.Н. Дьяковым. Здесь можно назвать кроме работ самого В.Н. Дьякова также исследования Т.Д. Златковской, И.Т. Кругликовой, Е.С. Голубцовой, А.М. Ременникова, О.В. Кудрявцева, Т.В. и В.Д. Блаватских, Д.Б. Шелова и других исследователей. В их числе должны быть упомянуты и работы А.В. Мишулина, где трактовалась роль войны в древности, а также право войны в международных отношениях античного мира. Эти работы, а также исследования Е.М. Штаерман имели для изучения западных провинций Римской империи огромное значение. Фундаментальное же исследование Н.А. Машкина по истории Принципата Августа было особенно значимым для эпохи Августа, когда возникали отношения одного мира – римского – с другим миром – варварским. Все эти исследования, как и названные в самом тексте работы дали возможность представить римский мир во взаимодействии всех связей и отношений, которым и посвящена наша работа. Поскольку число трудов по истории Рейнско-Дунайского региона в зарубежной историографии необъятно, то сочтем возможным не давать общего очерка историографии, а наиболее важные работы ученых Венгрии, Румынии, Югославии, Чехии, Словакии, Австрии, Болгарии, Германии и других стран, а также полемику по конкретным вопросам разобрать подробно в последующих главах.

Раздел первый

ПЛЕМЕННЫЕ СТРУКТУРЫ НА РЕЙНЕ И ДУНАЕ

Глава I

ГОСТЕПРИИМСТВО В СИСТЕМЕ IUS GENTIUM ДРЕВНЕГО РИМА

Гостеприимство является правовым институтом, посредством которого осуществлялись связи племен и народов. Его возникновение относится к глубокой древности. Как правовой институт оно присутствует уже во время Троянской войны: Гомер рассказывает о связях гостеприимства между троянцами (Антенором и Энеем) и ахейцами (Менелаем и Одиссеем). Гостеприимство отличало и римскую общину, занимая большое место в истории ее политических и военных соглашений. В сущности, можно прямо сказать, что писанная история древнего Рима начинается с института гостеприимства. Уже древние связывали его происхождение с правом народов (*ius gentium*) или с естественным правом (*ius naturale*), возникшем позднее под влиянием философской мысли греков. Гостеприимство как право народов явилось здесь первым шагом на пути возникновения международного права вообще.

Обо всех этих сюжетах в западной историографии было написано немало работ¹. И тем не менее мы возвращаемся к вопросу о гостеприимстве: в отечественной науке, насколько нам известно, нет исследования о гостеприимстве, хотя имеется несколько общих и специальных работ по римскому праву вообще². Мы попытаемся обрисовать этот институт в общинах Италии и представить его развитие на территориях провинций.

Этимология слова "гостеприимство" (*hospitium*) восходит к общинно-европейскому корню и связана с родственными понятиями – *hospes/hostis*, когда этим словом обозначали не только "врага", "неприя-

¹ См. критику лит. и источников по этой теме в кн.: *Catalano P. Linee del sistema sovranazionale romano*. Torino, 1965. P. 65 sq; ср. нашу ст. в: Древнее право. 1999. № 4.

² См., например: *Муромцев С.А. Гражданское право древних римлян*. М., 1883. С. 170 и след. Краткий обзор современных работ о *ius gentium* см.: *Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 годах до н.э.* М., 1993. С. 13 и след. См. также: *Майорова Н.Г. Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н.э.) // Религия и община в Древнем Риме*. М., 1994. С. 98 и след.

теля", но и вообще "чужого человека", "чужака", "чужеземца, нарушающего границы"³. Это слово присутствует и в германских и в славянских языках. Оно наличествует в немецком языке как *Der Gast*, в верхненемецком воспроизводится как *gast*, в готском – как *gasts*. В средневековом русском языке, а также в церковных текстах славянских языков оно обозначает "гостя"⁴. Ближайшей аналогией латинскому слову *hospes/hostis* в греческом языке является слово *ξένος* (*гость, чужеземец*). В Греции это слово было известно уже Гомеру, когда словом *ξένια* обозначалось гостеприимство⁵.

Этимология слова "чужой", "чужеземец" примечательна и в том отношении, что она показывает развитие мышления человека древности, когда окружающий мир мыслился как разделенный на два противоположных мира – чужой и свой. Древнегреческий язык здесь является лучшим свидетельством, показывая языковую связь латинского слова *aliud* (*другой, чужой*) с греческими словами того же значения. Так, для понятия "чужая речь", "чужой человек" (*ἄλλοτριος φῶς*), "чужая", "неприятельская страна" (*ἡ ἄλλοτρία*) служили многие слова со значением "враждебный", "вражеский", "неприятельский" (*πόλεμος, ἐχθρός, ἄλλοτριος*)⁶. Многозначность слов для определения чужого человека, враждебного нам, наличествует и у римлян. Однако она сопряжена еще и с изменением значения слов. Так, Варрон упоминает, что "враг" (*hostis*) у римлян в древности обозначало лишь иностранца, т.е. того, кого в его время называли словом "перегрини". Это слово, согласно Варрону, обозначает свободного человека, который пользуется законами своей общины⁷. Цицерон также сообщает, что предки наши называли словом *hostis* того, кого теперь мы зовем "перегрином" (*Cic. Off. I. 37*). Фест говорит, что словом *hostis* у древних назывался чужеземец, а тот, кто ныне называется враг (*hostis*) назывался *perduellis*⁸. По словам Гая, тех, кого мы сегодня называем *hostes*, в древности называли *perduelles*, обозначая этим словом людей, с которыми ведется война⁹.

³ Mommsen Th. Das römische Gastrecht und die römischen Clientel // Römische Forschungen. B., 1864. Bd. I. S. 326 u. folg.; 338. Подробно значение слова *hostis* разобрано в одной из недавних итальянских работ: Sini F. Bellum nefandum: Vergilio e il problema del diritto internazionale antico. Sassari, 1991. P. 145–148.

⁴ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. СПб., 1875. С. 195, примеч. 126; В средневековой Москве "гостями" называли богатейших купцов, ведущих заморскую торговлю. См.: Вернадский Г.В. Россия в средние века. М.; Тверь, 1997. С. 14.

⁵ Латышев В.В. Очерк греческих древностей. 2-е изд. СПб., 1888. Ч. 1. С. 298–300.

⁶ Vaniček A. Griechisch-Lateinisches Etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Leipzig, 1877. Bd. I. S. 65–66; Lehnard R. Hospitium // RE. Stuttgart, 1913. Hbhd. XVI. Sp. 2494.

⁷ Varro. LL.V.1.3: ...nam tum eo verbo dicebant peregrinum qui suis legibus uteretur, nunc dicunt cum quem tum dicebant perduellem (...нед прежде этим словом называли перегрина, который пользовался своими законами, теперь же так называют того, кого раньше называли "ноккущий враг"). Ср.: Macr. Sat. I. 16.14; Gai. D. 50.16.234.

⁸ Законы XII таблиц / Сост. и пер. Л.Л. Кофанова. М., 1996. С. 80–83.

⁹ D. 50.16.234: Quos nos hostes appellamus, eos veteres "perduelles" appellabant, per cam adiectionem indicantes cum quibus bellum esset.

Родство слов подобного значения, а также наличие общеиндоевропейского *hostis* в латинском, древнегреческом, в германских и славянских языках является следствием того, что в древности гостеприимство представляло собой институт международный. Перемена в сознании людей произошла вследствие их длительного общения друг с другом, когда чужеземец не был больше врагом, но воспринимался как лицо, прибывающее из-за границы. Вместо слова – *hostis* появилось слово – *перегрины* (*peregrini*), понимаемые как "чужеземцы", как люди "из-за поля"¹⁰. Это изменение произошло, как считают, в середине III в. до н.э. – в 247 г., когда в Риме была учреждена должность второго претора, *praetor peregrinus*. В его ведении находились дела, которые он вел между перегринами, а также между римскими гражданами и перегринами (*inter peregrinus, inter cives et peregrinus*)¹¹. Правовое положение перегринов зависело от их гражданского статуса, т.е. от того, становились ли они гражданами Рима или оставались гражданами чужой общины. Слово *hostis* осталось в словаре римлян, хотя и изменило свое значение, ибо вся история Рима, как известно, была наполнена войнами. Но на каком-то этапе его истории появилось слово "гость" (*hospes*) и возникло понятие союза или уз гостеприимства (*hospitium*). Для Италии вплоть до начала I в. до н.э., а для провинций и позднее, их свободное население получило название "перегрины". В качестве перегринских общин это население осталось существовать на своем обычном праве вплоть до конституции Каракаллы, когда право римского гражданства было распространено на все свободное население Империи. Это население, вследствие внешних завоеваний, пополнялось вплоть до падения Империи. Оно меняло свое название и свой правовой статус от общин Ранней империи (*civitates peregrinarum*) до общин гентиллов и летов Поздней империи. Но этот экскурс мы оставляем пока в стороне и обратимся к общинам Италии времени Республики, где гостеприимство было связано с итальянскими племенами и возникло оно на определенной стадии развития древнего Рима. Гостеприимство не было установлено вследствие завоевания Римом итальянских общин, хотя и это имело место. Гостеприимство представляло собой связи добровольные, взятые на себя одной общиной, более сильной и влиятельной, как покровительство над другой.

Вначале мы скажем несколько слов о правах и обязанностях "гостя" и "гостеприимца", как они вырисовываются исходя из свидетельств источников¹². Обязанности "гостя" и "гостеприимца" состояли в соблю-

¹⁰ Бартошек М. Римское право: термины, понятия, определения. М., 1989. С. 242.

¹¹ Литавэр Я. Общенародное гражданское право в древнем Риме // Юридический вестник. М., 1892. Т. XI, Кн. III–IV. С. 380 и след.; 390; Боголепов Н.П. Учебник истории римского права. М., 1900. С. 357; Пухта Г.Ф. История римского права. М., 1864, С. 216 и след.; 222–225.

¹² Здесь я следую за Моммзен и Марквардтом в описании прав гостя (Mommsen Th. Op. cit. S. 326 u. folg.; Marquardt J. Das Privatleben der Römer. 2. Aufl. Leipzig, 1886. S. 195 u. folg.; Phillipson C. The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome. L., 1911. Vol. I–II; Ziegler K.H. Das Völkerrecht der römischen Republik // ANRW. B.; N.Y., 1972. Bd. I, T. 2. S. 68–114; Кащеев В.И. Эллинистический мир и Рим: война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н.э. М., 1993. С. 35 и след.

дении условий договора, о котором договорились обе стороны, вступающие в гостеприимство. Гостеприимство заключалось между частными лицами одной общины и другой – и тогда оно было личным (*hospitium privatum*). Гостеприимство могло заключаться и между всей общиной, и тогда оно было общественным или государственным (*hospitium publicum*). При гостеприимстве общественном вступал в соглашение весь римский народ, от имени которого сенат заключал договорные отношения с представителями другой общины¹³. Привилегии гостя, прибывшего в чужую общину, состояли в бесплатном жилье, бесплатном питании (*laetitia*), гостевом подарке (*xeniolum*). Он имел также право участвовать в жертвоприношениях, быть приглашенным на торжественный обед, устраиваемый сенатом, смотреть на зрелища и в качестве посла находиться на особом помосте форума, так называемом грекостасисе. Гостю дарились подарки – золотые и серебряные в зависимости от статуса лица, прибывшего в общину. В случае, если гость заболел, в обязанности гостеприимца входило оказание ему медицинской помощи, в случае смерти – обязанность погребения. К гостю был прикомандирован специальный раб для услуг (*servus ab hospitibus*).

При гостеприимстве личном права гостя приобретали характер семейных связей. Гость имел право на участие в ужине со всеми членами семьи; при его приходе готовилась ванна; он участвовал в жертвоприношении домашним богам – очагу Весты, а также – Ларам и Пенатам, т.е. приобщался к святыням дома. В доме, где размещался гость, имелись специальные комнаты, так называемые домики (*domuncula*). Двери дома, где принимали гостя, были открыты для его друзей и друзей хозяина дома. Это связывало гостя с интересами той общины, куда он прибыл и одновременно способствовало упрочению связей между обеими общинами – родной и чужой.

Дом, в котором останавливался гость, считался домом священным. Его не позволено было разрушать даже во время военных действий или политических неурядиц. Так, еще во время Троянской войны на дверях дома, где жил Антенор, была повешена леопардовая шкура в знак того, что этот дом является домом гостеприимца и в нем принимали Менелая и Одиссея (*Hom. II. III.203–208; Paus. X. 26.7; 27.2; Strabo. XIII. 1.53*). Во время проскрипций Суллы святость гостеприимства была нарушена, когда в Риме "не были пощажены ни храмы богов, ни очаг гостеприимства, ни отчий дом" (*Plut. Sulla. XXXI. Пер. В. Смирин*).

¹³ В Греции гостеприимству на государственном уровне (*hospitium publicum*) соответствовал институт проксении. Обязанности проксена состояли в том, что он принимал на себя защиту интересов той общины и того гражданина, проксеном которой он становился. Обязанности эти носили высоко моральный характер. Сам проксен, как и весь институт гостеприимства, находились под защитой государства, Зевса-Гостеприимца. За заслуги перед общиной проксен мог получить от нее экономические и юридические права, а именно – право приобретения недвижимой собственности, освобождение от налогов и повинностей, право личной и имущественной безопасности во время мира и войны, право решения судебных дел вне очереди, почетное место в театрах и собраниях. См.: Латышев В.В. Указ. соч. С. 298 и след.

Сам гость, находясь в Риме, не был связан никакими правовыми нормами с римской общиной, ибо его право было правом другой общины¹⁴. Но римский гражданин, обычно патриций, принимавший гостя в своем доме, обязывался защищать интересы его и общины, которую он представлял, а также оказывать поддержку в его судебных делах. Права, которые гость приобретал через посредничество своего римского друга, делали его участником в делах римской общины. Авл Геллий, ссылаясь на правоведа Сабина, пишет, что Мазурий Сабин поставил обязанности в отношении гостя даже выше, чем обязанности в отношении клиента и члена семьи: "У предков (*apud maiores*) было установлено так, что сначала обязанности должны исполняться в отношении опекаемого, затем – гостя, после этого – в отношении клиента, после чего – кровных родственников и уже потом – остальных сородичей"¹⁵. Это были обязанности морального характера: попечительство (*tutela*) и опека (*cura*), которые возлагались на римских граждан, бравших на себя ответственность за дела малолетних, а также за умалишенных (*furiosi*) и за тех, которые проматывали свое состояние (*prodigi*). Предпочтение прав гостя перед правами клиента означало то, что гость в отличие от клиента, который имел ограниченную правами патрона собственность в римской общине, не обладал в этой общине никакой собственностью, но как лицо опекаемое он мог получить право пользоваться доходами с движимой и недвижимой собственности. Как peregrin гость имел возможность совершать торговые сделки с римскими гражданами, ибо он обладал, как исключение, *ius commercii* (*peregrinos, quibus commercium datum est*) (*Ulp. Fr. XIX.4*)¹⁶. Он мог также производить заемные операции, вступать в наследование имущества, вверенного ему на сохранение по завещанию, так называемое наследование по смерти (*fidei commissa*)¹⁷. При императоре Клавдии дела о посмертной доверенности было поручено вести не только в Риме, но и в провинциях (*Suet. Claud. 23.1*), что свидетельствует об уравнивании экономических и судебных прав римских граждан и peregrin. Далее, не имея правовой защиты в чужой общине (так как гость не обладал правом римского гражданства), он мог испросить для себя попечительство патрона (*applicatio ad patronum*). Как лицо опекаемое патроном, гость мог приобрести права клиента, т.е. право собственности в той общине, где он был принят.

Но такие права, как право торговли, опеки и попечительства, наследования движимой и недвижимой собственности после смерти наследника были принадлежностью римского гражданства. Принятие этих экономических прав могло приводить гостя к положению, когда он

¹⁴ Иеринг Р. Указ. соч. С. 200 и след.

¹⁵ Gell. V. 13.5: In officiis apud maiores ita observatum est, primum tutelae, deinde hospitii, deinde clientis, tum cognato postea affini.

¹⁶ См.: Памятники римского права: Пер. Е.М. Штаерман / Отв. ред. и сост. Л.Л. Кофанов. М., 1998. С. 190–191.

¹⁷ Gai. Inst. II. 40; III. 93; 119–120; 133; 179; IV. 37; Виллемс П. Римское государственное право. Киев, 1888. Ч. 1. С. 141.

оказывался римским гражданином той общины, куда он прибывал. Так, галльское племя лингонов, которым римское гражданство даровал Отон, всей общине целиком (*Lingonibus universis civitatem Romanam*), состояло в гостеприимстве с Римом (*vetere instituto dona dextras hospitii insigne*) (*Tac. Hist. I. 53–54; 78*). Следовательно, лингоны могли теоретически стать гражданами самого города Рима.

Патронат и покровительство, известные для времени Империи над целыми областями Италии, имеют своим происхождением и клиентелу, и гостеприимство. Покровительство богатых и знатных патрицианских родов существовало в Риме долгое время. Помпей, например, набрал в Пицене из своих клиентов три легiona, которые он отправил Сулле (*Plut. Pomp. 6*). Спарта находилась под опекой рода Клавдиев (*quod in tutela Claudiorum erant*) (*Suet. Tib. 6.2; Cic. De Orat. I. 99*), а Бонония издавна состояла в клиентеле рода Антониев (*quod in Antoniorum clientela antiquitus erant*) (*Suet. Aug. 17*). Личное гостеприимство было также распространено в знатных римских семьях. Веллей Патеркул передает, что во время Испанской войны Цезарь держал при себе, на правах гостя (*usum hospitio*), своего племянника Октавия, будущего императора Августа (*Vell. Pat. II. 59.2*). В число прав гостя входило и право политического убежища (*асилия*). Марк Брут, бежавший из Рима после убийства Цезаря (еще до сражения при Филиппах), нашел гостеприимство у одного из своих гостеприимцев афиняин (*Vell. Pat. II. 64.1; Plut. Brut. XXIV; App. BC. III.96*).

Гостеприимство стремилось превратиться в наследственный институт в римской общине (*hospitium paternum*) и стало таковым, что отвечало интересам Рима и в известной мере являлось следствием патриархальности общественных отношений в древности вообще. Будучи наследственным институтом, гостеприимство действовало в Италии и за ее пределами. Как институт покровительства, гостеприимство становится одним из факторов внешней политики Рима. Об этом свидетельствуют взаимоотношения Рима с государствами Средиземноморья времени Республики. Так, связи гостеприимства на государственном уровне были заключены с общиной Липарских островов (*in publicum hospitium*) (*Liv. V. 28. 4–5*). В гостеприимстве с Римом находился Родос, а также цари провинции Азия (*XXXVII.54.5*). Известно также, что царь Персей, стараясь предотвратить вмешательство римлян в дела Эпира, ссылаясь на наследственное гостеприимство, заключенное с этой областью его отцом Филиппом (*amicitiam hospitiumque cum Philippo fuisse*) (*XLII. 38. 8–9*). Во время экспедиции Цезаря в Африку мавретанский царь Юба ссылаясь на гостеприимство, заключенное Помпеем с его отцом, Гиемпсалом (*paternum hospitium cum Pompeio*) (*Caes. BC. II. 25.4*). Гостеприимство выступает как средство, охранявшее политическую самостоятельность иноземных царств, когда цари, оказавшиеся в зависимости от Рима, прибегают к гостеприимству, как способу сохранить свою независимость.

Одной из важнейших особенностей гостеприимства было право гостя в области религиозно-нравственной. Прибывая в другую общину,

гость, как лицо бесправное, мог полагаться больше на защиту божеского права, чем человеческого. Существовало твердое понятие о праве гостеприимства (*ius hospitii* – *Tac. Germ. 21*), которое нарушить было невозможно вследствие нравственных законов человеческого общества. Гость старался заручиться поддержкой влиятельных и знатных людей. Плиний Младший пишет, что предки наши добровольно вступали на защиту каждого обиженного частного лица (*hospitium iniurias*), находящегося под покровительством гостеприимства (*Plin. Epist. III. 4.5*). У германцев оскорбить гостя, как и отказать ему в крове, считалось грехом (*hospitum violare fas non putant*) (*Caes. BG. VI. 23.9; Tac. Germ. 21*). Обязанности гостеприимца в отношении гостя свято соблюдались. Оскорбить или убить гостя было делом неслыханным. Существовало нравственно-религиозное понятие о святости стола и стоявшей на нем еды (*sacra mensa*). Эту трапезу нарушить было делом безбожным, ибо приглашенный за стол считался лицом неприкосновенным. Нарушение законов гостеприимства, когда оно совершалось за пиршественным столом, сурово осуждалось. Гостеприимство могло быть нарушено даже во время пира наложением оков или убийством приглашенного на пир, как это известно для фракийского царя Рескупорида. Он убил за пиршественным столом своего брата Котиса (*sacra regni, eiusdem familiae deos et hospitalis mensas*) (*Tac. Ann. II. 65*).

Нарушение гостеприимства в отношении племен позволяли себе наместники провинций. Например, дукс Марцеллин пригласил к себе на пир царя квадов Габиния и вероломно его убил (*post epulas hospitalis officii sanctitate nefarie violata, trucidari securum fecit*) (*Amm. Marc. XXIX.6.5*). За пиршественным столом Нерона был отравлен Британик (*inter sacra mensae* – *Tac. Ann. XIII.17*). Тацит передает, что заговор против Нерона не удался лишь потому, что главный из заговорщиков, Пизон, считал, что убить Нерона во время пиршества, значит покрыть себя бесчестьем, ибо святость пиршественного стола будет поправа, и боги гостеприимства будут осквернены (*sacra mensae dii hospitales*) (*Tac. Ann. XV.52*). Преступление против гостя было поэтому преступлением перед божеством и своей и чужой общины. Грех ложился не только на одно лицо, но на всех, приглашенных за стол.

Институт гостеприимства находился под защитой главного божества римской общины – Юпитера-Гостеприимца (*Iuppiter Hospitalis*). Нарушение гостеприимства было одновременно нарушением клятвы "Верности", которая давалась при вступлении в такой союз. Нарушение клятвы каралось римским обществом, так как было нарушением божеского права. Это право нужно было соблюдать вследствие самой его природы, ибо оно исходит от божества, в то время как право гражданское было учреждено законами человеческого общества и оно может быть отменено. Отличие одного права от другого состояло в том, что *Fas* есть право священное. Оно опирается на волю богов и, стало быть, неизменно. Нарушение религиозного права, как права (*fas*), установленного богами и обычаями предков, ложилось позором на римское оружие (*Flor. XXXV.11.7*). *Ius* – есть закон, созданный людьми, и он

может быть отменен или упразднен (*Fas lex divina, ius lex humana est*) (*Isid. Or. V.2*).

При заключении договора о гостеприимстве на первое место выступает доверие, добросовестность соглашения – категория скорее нравственного, чем правового характера. Добросовестность договора связывалась у римлян с религиозным понятием о божественной сущности "Верности" (*Fides*). Она ведет свое происхождение от религиозных обычаев предков (*mos maiorum, Consuetudo*)¹⁸. Божество, надзиравшее за верностью клятвы, почиталось уже в глубокой древности. При Нуме в качестве права и законов действовали еще и обычаи предков (*iure eam legibus ac moribus de integro condere parat*) (*Liv. I.19.1*). Нумой было установлено празднество в честь "Верности". Ее жрецы приезжали в крытой повозке. Жертвоприношение совершалось рукой, опеленутой до пальцев в знак того, что верность должно сохранять, что она свята и остается святыней даже в пожатии руки (*Liv. I.21.4*). "Верность" выступает как гарант добропорядочности договора. В храм "Верности" на Капитолии приносили тексты договоров о гостеприимстве (*Cic. De deor. II.61; Off. I.23*)¹⁹. Текст договора изготавливали в двух экземплярах, чеканили на медной доске и хранили в главных святилищах общин. В случае если соглашение о гостеприимстве было заключено между частными лицами, то договор хранился в атрии того дома, где останавливался гость²⁰. Сами таблички, удостоверявшие гостеприимство, назывались тессерами (*tessera hospitalis*). В знак гостеприимства в сенат посылалось изображение правых рук в пожатии (*Liv. XXX.13.8; Tac. Hist. I.54*). Договор о *hospitium publicum* утверждался решением сената и народа.

При заключении договора о верности, а это качество более всего отличало гостеприимство, произносилась устная клятва у алтаря с возлиянием на него вина и молока²¹ со словами: "Обещаешь дать"? (*Dari spondes?*). Обе стороны давали устное обещание (*verbis obligatio*) честно и верно исполнять договор. Клятва *Dari spondes* относилась к сфере римского права (*стипуляции*). Но поскольку в ней участвовали и римские граждане, и лица peregrинского права (*sive cives Romanos sive peregrinos*) (*Gai. Inst. III.92; 93*), а сама она по своему происхождению восходит к древнейшим пластам общенародного права, есть основание считать, что эта клятва была именно той, которой заключался договор о гостеприимстве.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что гостеприимство, будучи правовой нормой общения народов, по самой сути этих норм

и обязанностей восходит к древнейшим институтам Средиземноморья. Гостеприимство несет на себе отчетливый отпечаток религиозных и нравственных воззрений эпохи глубокой архаики.

То, что гостеприимство выступает вначале как обычное право народов, вытекает из слов Ливия. Римский правовой термин *ius* был применен Ливием к гостеприимству Италии эпохи после Троянской войны. Союз царя латинян с Энеем назван Ливием правом старинного гостеприимства (*vetustate iure hospitii*) (*Liv. I.1.1*). Это был оборонительный союз двух общин – троянцев и латинян. Основан он был на доверии и покровительстве и сопровождался произнесением клятвы обеими сторонами. Обычай протягивать правую руку в знак гостеприимства восходит к древнейшему периоду истории Италии – к концу II тыс. до н.э. Царь Латин протянул правую руку Энею (*dextra data*) в знак будущей дружбы, скрепив гостеприимство клятвой и жертвоприношением в честь Богов-Пенатов (*Liv. I.1.9*). Аналогичный обычай продолжал действовать и во времена Империи. Но покровительство над общиной и народом осуществлялось теперь императорской властью. Разрыв связей гостеприимства свидетельствовал лишь о том, что произошла смена власти одного императора другим. Так, в период гражданских войн, последовавших после гибели Нерона (68–69 гг. н.э.), некоторые галльские племена, например, уже упомянутое племя лингонов, расторгли союз гостеприимства с Гальбой и перешли на сторону Отона. После гибели Отона они присягнули на верность императору Вителлию и прислали его войску изображение двух соединенных правых рук, издавна служивших символом гостеприимства (*vetere instituto dona dextras, hospitii insigne*) (*Tac. Hist. I.53–54*).

Развитие института гостеприимства в Лации традиция связывает и с Сервием Туллем (VI в. до н.э.). На основе гостеприимства и дружбы им был основан союз латинских городов с Римом (*publice privatimque hospitia amicitiasque de industria iunxerat*) (*Liv. I.45.2*). Союз имел политическое значение, когда латинские города объединились вокруг Рима. Но сам процесс образования союза отражает лишь стадию оформления гостеприимства в правовой институт, что усматривается в словах, сказанных по этому случаю жрецом при открытии храма Дианы (*Liv. I.45.6*). Вместо наиболее применяемого в позднереспубликанский период названия "перегрины", он, согласно Ливию, употребил слово *hospes*. Термин же *peregrini* в обозначении граждан латинских общин появляется чуть позже, при Тарквинии Гордом. Этот царь стремился объединить латинские общины, названные Ливием племенами (*gentes*), посредством родственных союзов (*adfinitates quoque iungebant*), а также гостеприимства (*hospitia modo cum primoribus*) (*Liv. I.49.8*). Этот факт показывает, что тогда, в конце VI в. до н.э. в правовой практике римлян действовали обычные нормы родового права племен. Правовые нормы римской общины еще только формировались.

Очевидно, гостеприимство как право, было зафиксировано Законами XII таблиц, ибо в середине V в. до н.э., когда были приняты Законы, право фециалов, заимствованное еще римскими царями у народа

¹⁸ Dalheim W. Struktur und Entwicklung des römischen Völkerrechts im dritten und zweiten Jahrhundert v. Chr. München, 1968. S. 25ff.; Кащеев В.И. Указ. соч. С. 39.

¹⁹ Во время пожара в Риме, последовавшего за гибелью Нерона, на Капитолии погибло от огня 3 тыс. медных досок. Они хранились там чуть ли не с самого основания Рима и содержали постановления сената и народа о союзах, дружбе и льготах (*Suet. Vesp. 8.5*).

²⁰ Mommsen Th. Op. cit. S. 339, 340. Anm. 27.

²¹ Творения Лактанция: Пер. Е. Карсеева. СПб., 1848. Т. I. С. 78.

фалисков, определяло отношения римлян и латинян²². До введения XII таблиц они регулировались Латинским договором 493 г. до н.э.²³ По словам Помпония, после изгнания царей римский народ стал больше пользоваться обычным, неписанным правом, чем правом писанным²⁴. Однако в начале V в. в отношениях римлян с иноплемениками преобладали не писанные законы и договоры, а обычаи. Такое положение отчасти справедливо и для более позднего времени, когда гостеприимство служило не только правовым институтом, но и религиозным обычаем. В текстах Ульпиана и Павла сказано, что "укоренившийся обычай (consuetudo) заслуженно применяется в качестве закона, и как было установлено предками, он называется правом"²⁵. И далее: "если речь идет о толковании права, то прежде всего следует иметь в виду, каким правом пользовалась община раньше и в каких именно случаях: ведь обычаи (consuetudo) есть лучший толкователь закона"²⁶. Гостеприимство же основывалось на *leges sacrae*, т.е. на сакральных законах, а их значение в древности было велико²⁷.

Гостеприимство относилось к факторам, регулирующим отношения Рима с итальянскими общинами. Его существованию не препятствовали войны Рима с ними. Военные конфликты общин, находившихся в гостеприимстве с Римом, тянулись, как известно, века. Войны прерывались лишь на время, а заключение перемирия (*indutiae*) не означало окончания войны, но только то, что война была приостановлена. Так, общине вольсков и латинян, входивших в союз гостеприимства с римлянами, сказано, что последние воевали с ними 200 лет (*Liv. I.53.2*). С общиной Цере, которая имела большие заслуги перед Римом и состояла с ним в гостеприимстве (*cum Caeribus hospitium publice fuerit*), было заключено перемирие сроком на 100 лет (*indutiasque in centum annos factas*) (*Liv. V.50.3; VII.20.8*). По-видимому, договор не был расторгнут совсем. Он был лишь прерван на время военных действий и мирные отношения обеих общин были снова возобновлены по окончании войны. Действие договора, как бы мы сказали сейчас, было пролонгировано,

поскольку прервалось войной. Поэтому в договорах римлян с общинами Италии о перемирии мы находим столь большие их сроки.

Что касается гостеприимства личного, то оно с согласия одной из сторон могло быть расторгнуто. Это прослеживается в событиях в Италии времени Ганнибаловой войны. В этой войне города, входившие в конфедерацию под главенством Капуи (Нола и Неаполь), состояли в союзе гостеприимства друг с другом и одновременно с Капуей²⁸. В личном гостеприимстве с Капуей находились и римские граждане. Во время войны произошел разрыв личного гостеприимства, существовавшего между гражданином Капуи, Бадием и римским гражданином Титом Квинкцием Криспином, хотя условия войны не препятствовали сохранению гостеприимства (*Liv. XXV.18.1-15*). Чтобы разорвать гостеприимство, потребовалось объявление военных действий со стороны одного из участников. Бадий вызвал Криспина на бой. Победу одержал Криспин, и снятые с Бадия доспехи, добытые в бою (*insignis spoliis*), он принес в римский лагерь как теперь уже принадлежавшие не гостю, но врагу, ибо "не может быть никакого договора с врагом" (*nihil foederatum hosti cum hoste*) (*Liv. XXV. 18.10*).

Гостеприимство известно и для провинций, где сословно-социальная структура общества отличалась от римской. В провинциях нередко случался, когда гостеприимство, объединенное вместе с клиентелой, выступает в виде единого правового института. Вместе и гостеприимство, и клиента выступают средством юридического и экономического неполноправия местного населения. Отношения договора, выраженные клиентелой и гостеприимством, заключаются под наблюдением города. В качестве лиц, удостоверяющих договор, выступают магистраты с правом римского гражданства и лица, не обладающие таким правом, но пользующиеся влиянием в общине. Так, в одном из договоров из Испании речь идет о вступлении в гостеприимство, заключенное между племенем (*gens*) зелов и родовыми общинами (*gentilitas*) того же племени²⁹ – родом десонков и родом тридиавов. Племя зелов выступает в качестве гостеприимца, а общины десонков и тридиавов – гостей. Отношения гостеприимства, как сказано в надписи, сохранялись издавна. Союз этих общин с племенем зелов был оформлен договором и зафиксирован документально в местности под названием Курунда. Затем право гостеприимства было дополнено вступлением в клиентелу, и она, как и гостеприимство, распространялась на детей и на их потомков. Речь идет о наследственной клиентеле и гостеприимстве, в которую вступают эти общины (*hospitium vetustum antiquom renovaverunt eique omnes alias alium in fidem clientelamque suam suorum liberorum posterorumque receperunt*). В качестве поручителей договора от 27 г. н.э. выступают представители родовой знати общин племен зелов: Аравза,

²⁸ Маяк И.Л. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III-II вв. до н.э. М., 1971. С. 51 и след.; 94, 97.

²⁹ Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Ранней Римской империи: Пер. Е.М. Штаерман // ВДИ. 1956. № 4. № 1395. Mommsen Th. Op. cit. S. 329. Anm. 5.

²² См.: Законы XII таблиц. С. 31, 206 и след.; Кофанов Л.Л. Обязательственное право в архаическом Риме. М., 1994. С. 51–56; Catalano P. Op. cit. P. 65–77.

²³ См.: Capogrossi Colognesi L. Dalla tribù allo stato. Roma, 1990. P. 197–207.

²⁴ D. I.2.2.3: Exactis deinde regibus lege tribunicia omnes leges hae exoleverunt iterumque coepit populus Romanus incerto magis iure et consuetudine aliqua uti quam per latam legem, idque prope viginti annis passus est (Потом после изгнания царей трибунской властью были отменены все законы, и опять начал римский народ пользоваться обычным, неписанным правом, чем законами записанными. И так продолжалось около 20 лет.).

²⁵ D. I.3.32: Inveterata consuetudo pro lege non immerito custoditur et hoc est ius quod dicitur moribus constitutum.

²⁶ D. I.3.37: Si de interpretatione legis quaeratur, in primis inspiciendum est, quo iure civitas retro in eiusmodi casibus usa fuisset: optima enim est legum interpretatio consuetudo.

²⁷ Кофанов Л.Л. Сакральное право: от человеческих жертвоприношений к правовым санкциям // Религия и община в древнем Риме. М., 1994. С. 16 и след.; Он же. К вопросу о палингенезе законов XII таблиц // Законы XII таблиц. М., 1996. С. 207–208.

сын Блещена, Турай, сын Клоуция, Доций, сын Элеса, Магилон, сын Клоуция, Бедеций, сын Буралла, Элес, сын Клутама. Вел дело Абиен, сын Пентила, магистрат зелов (per Abienum Pentili magistratum Zoelagum). Как видно, племя зелов в 27 г. н.э. располагало некой правовой автономией. В договор 152 г. вступают представители других племен – авголиков, висалигов, кабруагенигов. Их представителями оказываются римские граждане: Семпроний Перпетуий Орниак, Антоний Арквий, Флавий Фронтон, – и принимаются они в гостеприимство и клиентелу, очевидно, вследствие заслуг и покровительства, оказываемого племенем и родовым общинам. Оформляется договор под наблюдением городских властей города Астурики.

Перед нами встает картина сложной зависимости племен от города, и оформляется она как гостеприимство и клиентела. Подобная зависимость распространяется впоследствии на все большие территории и охватывает немалое число людей, ибо в договоре 152 г. названы уже четыре племена: зелы, авголики, висалиги, кабруагениги. Город Астурика и его декурионы Луций Домиций Силон и Луций Флавий Север выступают гарантами соглашений.

Связи гостеприимства и клиентелы были не только морального свойства. За ними стоят экономические интересы, а также римское право в провинциях, где город, как правовая и административная единица, выступает в качестве юридического лица, фиксирующего отношения сторон. Связь гостеприимства с клиентелой – институтами разного правового статуса (гость был гражданином не римской общины, клиент был неполноправным гражданином, но римской общины) – была возможной потому, что на провинциальных землях обязанности патрона–клиентелы и обязанности покровительства–гостеприимства совпадали³⁰. И гость, и клиент – оба они в условиях провинций были по своему гражданскому статусу лицами неполноправными.

Отношения гостеприимства в Испании не были, однако, следствием римского завоевания. Они существовали здесь задолго до римлян, но те усложнили их, связав экономически и юридически с римским городом.

Для городских общин провинций наблюдается процесс проникновения в города в качестве "гостей" лиц из высших сословий Рима. Законодательство колоний и муниципиев старается оградить городские общины от принятия подобных претендентов в гостеприимство. Так, закон колонии Генетивы Юлии Урсона (ныне Осуна в Испании) отказывал в гостеприимстве (hospes uteretur) сенаторам и их сыновьям (quis senator senatorisve filius populi Romani)³¹. Он запрещал также изготовление знаков гостеприимства (hospitium tesserarumve hospitales). Изданный Цезарем, этот закон преследовал цель воспрепятствовать образованию в городах и на городских территориях групп людей, связанных с Римом морально и экономически, а также в военном отношении, поскольку как мы видели на примере Помпея, гостеприимство и клиентела

часто служили материальной силой в руках знатных и влиятельных людей.

Гостеприимство известно и для общин Галлии времени Цезаря и отличалось там некоторой спецификой, поскольку связи гостеприимства действовали в стране, подвергшейся завоеванию. Союз гостеприимства был заключен Цезарем с галльской общиной эдуев. Эдуи получили от римского сената и титул "друга Римского народа" (populi Romani hospitio atque amicitia) (BG. I.31.6)³². Они названы общиной, пользующейся своим правом и своими законами (suo jure et legibus) (Caes. BG. VII.37.5), что было естественно для чужеземных общин вообще. Эдуи определены Цезарем, как община, дружественная Риму (amicitia populi Romani) (BG. VII.39.3), как consanguinei fratres – единокровные братья римского народа (Aeduos fratres consanguineos saepenumero a senatu appellatos) (BG. I.33.2; 44.9). И такое звание эдуи получали от Рима неоднократно (saepenumero). В его основе не лежали кровнородственные связи римлян и эдуев, а правовые отношения, ибо сам термин consanguineus принадлежит римскому праву. Это слово означало кровное родство братьев и сестер со стороны отца в отличие от братьев и сестер со стороны матери. Родственники со стороны матери находились в другой родственной группе, основывающейся, по определению Гая, на естественном праве родства (naturali iure) (Gai. Inst. I.156). Гай пишет: "братья, рожденные от одного и того же отца, суть агнаты по отношению друг к другу. Их называют также единокровными (qui etiam consanguinei vocantur), и безразлично, имеют они также одну мать"³³. И те и другие – агнаты и когнаты – имеют права законных наследников. Но римское право Поздней республики, чтобы ограничить число лиц, претендующих на наследство и не дробить его, охраняло права прямых родственников со стороны отца³⁴. Эти ближайшие кровные родственники именуются Гаем как propinqui (Gai. Inst. II.182).

Мнение об эдуях, как кровных братьях римлян, было известно в Риме еще до похода Цезаря в Галлию. Цицерон в письме к Аттику (март 60 г. до н.э.) назвал эдуев "нашими братьями" (fratres nostri Aedui) (Cic. Ad Fam. XXV. 2), а согласно Ливию, они получили звание союзников Римского народа еще в 121 г. до н.э. вследствие завоевания Цизальпинской Галлии (quodque Aeduum agros, sociarum populi Romani) (Liv. Per. LXI; Plut. Caes. 26). Страбон относительно эдуев сказал следующее: они не только назывались кровными родственниками римлян,

³² Право "вечной дружбы" получил от сената царь Ариовист (populoque Romano perpetuam gratiam atque amicitiam cum eo futuram) (Caes. BG. I.35.2; 35.4; 40.2; 43.4). Он находился в союзе гостеприимства с некоторыми галльскими общинами (Ibid. I.47.5), а также с германскими племенами.

³³ Гай. Институции: Пер. Ф. Дыдынского / Под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Савельева. М., 1997. Кн. III.10.

³⁴ Бартошек М. Указ. соч. С. 72, 86; Leonhard R. Cognatio // RE. Stuttgart, 1900. Hbhd. VII. Sp. 205; Хаостов В.М. История римского права. М., 1907. Вып. I. С. 85.

³⁰ Badian E. Foreign Clientelae. Baltimore, 1958. P. 12.155.

³¹ Избранные латинские надписи по социально-экономической истории Ранней Римской империи: Пер. Е.М. Штрагман // ВДИ. 1956. № 2. № 1045.

но были первыми из общин Галлии, которые заключили договор о дружбе и союзе с Римом³⁵.

Пример с общиной эдуев примечателен демонстрацией того, как институт гостеприимства, уходящий своими корнями в глубокую древность, превращается в римский институт правовой и социальной жизни провинций.

Еще один аспект права гостеприимства особенно показательно раскрывает пример с общиной бойев. Это кельтское по происхождению племя, обитавшее за Дунаем и имевшее обширную клиентелу, было родственно гельветам (*Helvetii, ulteriora Boii, Gallica utraque gens*) (*Tac. Germ. 28*). Оно было изгнано со своих земель в результате походов Биребисты. Гельветы приняли бойев к себе как своих союзников (*receptos ad se socios sibi adsciscunt*) (*Caes. BG. I.5.4*), но когда сами гельветы лишились собственных земель, то в качестве гостеприимцев бойев выступили эдуи. С разрешения Цезаря эдуи предоставили бойам свои земли (*illi agros dederunt*), свой город Горгобину (*Corgobiam, Boiorum oppidum... attribuerat*) и дали им те же самые законы (*iuris libertatisque conditionem*), которыми пользовались сами (*Caes. BG. I.28.5; VII.9.6; 28*). Следовательно, в право гостеприимства входило право надления гостеприимцем земель лиц, состоявших с ним в гостеприимстве. Изгнанному племени, задунайским бойам, земли были даны из разряда пахотных, так как при определении наделов Цезарь не применил слова *possessiones, vici, fines*, но назвал эти земли *ager*, как надел пахотной земли. Он употребил и слово *attribuerat*, которое указывало, что земля эта принадлежала городу Горгобине (*oppidum*).

Но подобное положение известно не только для варварских общин, такая практика существовала и в италийских общинах, находившихся в союзе гостеприимства. Предоставление земли гостю влекло за собой

и предоставление ему права римского гражданства. И хотя я не касаюсь подробно здесь этого вопроса, поскольку он требует отдельного рассмотрения, можно сослаться на декрет из Афин II в. до н.э. Декрет был принят в честь византийца Ирия, и в нем сообщается, что Афины предоставляют проксену византийцев, Ирию, право владеть землей в городе³⁶.

Само гостеприимство как институт исторический претерпевает изменения не только юридического свойства, но и сущностного, в частности его понятий. Поскольку практически в период Империи он перестал существовать, это отразилось в словарном языке римлян позднего периода. Так, Плиний Младший в письме к Траяну назвал дом в Прусе, в котором останавливались приезжающие из Рима официальные лица, как *intra hospitium* (*Plin. Ep. X.81.1*). Светоний, упоминая, что Тиберием был образован военный лагерь в Риме для преторианцев, сказал, что прежде преторианские когорты расписывались по постоям — *per hospitium* (*Suet. Tib. 37.1*). Войска, прибывшие с Вителлием в Рим, были расквартированы на постой по всей Италии (*tantum hospitibus metuendus*) (*Tac. Hist. III.2*). И дом для приезжих, и места стоянок легионеров ведут свое происхождение от института гостеприимства.

В правовых документах Империи гостеприимство выступает как государственный институт, что можно было увидеть и раньше, когда гостеприимство находилось под защитой Юпитера-Гостеприимца. В правовых текстах оно названо вместе с "дружбой" (*amicitia*). Титул "друга Римского народа" был первым и основным, даровавшимся сенатом и народом, как одному лицу, так и общине в целом вследствие мирных отношений ее с Римом (*Liv. XXXI. 11.16*). Это была слабая форма связи, хотя римляне пользовались ею ради установления международных контактов³⁷. У Помпония "дружба" предшествует гостеприимству³⁸. Значит, было отличие правового статуса "дружба" от статуса "гостеприимство". Союз, обозначенный как гостеприимство, не был соглашением типа *foedus*, поскольку такой договор обычно заключался в результате войны. Для заключения союза о гостеприимстве требовалось непременно произнесение клятвенных заверений (*ius iurandum*). Клятва о гостеприимстве давалась не по окончании военных действий,

³⁵ Κατ' ἐξουσίαν τῶν αἰσθητικῶν καὶ πρῶτοι τῶν ταύτῃ προσήλθον πρὸς τὴν φιλίαν καὶ συμμαχίαν (*Sirabo. IV.3.2*). Галлия вся была обращена в провинцию и обложена соответствующими налогом на землю за исключением тех общин, которые были союзными Риму и оказали ему услугу (*praetor socios ac bene meritis civitates* — *Suet. Caes. 25.1*). А так как эдуи, о чем уже упоминалось, еще в 121 г. до н.э. были общиной, союзной Риму, то естественно предположить, что в качестве благодарения эдуи получили от Цезаря латинское гражданство. В подтверждение можно привести еще один текст Светония: некоторые из общин Галлии, названные Цезарем как переселенческие и полуварварские, получили от него доступ в сенат и римское гражданство (*civitate donatus et quosdam e semibarbaris Gallorum recepit in curiam. Peregrinis in senatum allectis* — *Ibid. 76.3; 80.3*). Добавим и рассказ Тацита: когда в сенате шла дискуссия, принимать ли лиц из галльской знати в сенат вследствие их давнишних союзнических связей и уже имевших римское гражданство, сенатом было принято мнение императора Клавдия о включении в сенат эдуев (*foedera et civitatem Romanam pridem assecuti* — *Tac. Ann. XI.23*). Давними союзниками римлян (*foedri antiquo*) и имевшими римское гражданство (*vocabulo civitatis*) несомненно были эдуи, поэтому они именовались единокровными братьями Римского народа (*et quia soli Gallorum fraternitatis nomen cum populo Romano usurpant* — *Tac. Ann. XI.25*). Следовательно, Цезарь имел все основания назвать эдуев в качестве единокровных братьев Римского народа и обладающих теми же правами, что и Римский народ (*Caes. BG. I.33.2; 49.4*).

³⁶ Кащеев В.И. Указ. соч. С. 230.

³⁷ Braund D. Rome and the Friendly Kings: The Character of the Client Kingship. L., 1984. passim; Кащеев. Указ. соч. С. 218–219, 227 и след.

³⁸ D. 49.15.5.2: In pace quoque postliminium datum est: nam si cum gente aliqua necque amicitiam necque hospitium necque foedus amicitiae causa habemus, hi hostem quidem non sunt, quod autem ex nostro ad eos pervenit illorum fit, et liber homo noster ab eis captus servus fit et eorum. Idemque est, si ab illis ad nos aliquid perveniat. (Право постлиминия (вступление в прежние гражданские права. — Ю.К.) в мирных условиях дается в случае, если с каким-либо народом мы не имеем ни "дружбы", ни гостеприимства, ни договора, заключенного на основании "дружбы" и эти люди не являются нашими врагами. Если же кто перебежит от нас к ним, то пусть будет принадлежать им и станет рабом тех, которыми он был захвачен. То же самое правило действует и тогда, когда то или иное лицо перебежало от них к нам.)

но при заключении соглашения сторон, вступающих в гостеприимство вследствие договоренности и в мирных условиях. Гость прибывал в другую общину во время мира, чтобы найти покровительство и защиту интересов той общины, которую он представлял. Преимущество религиозных и нравственных мотивов перед правовыми здесь несомненно.

Итак, гостеприимство появляется на заре римской истории в виде обычного права народов. Приобретая со временем черты правового института, оно действует как бы в двойной форме. С одной стороны, гостеприимство принадлежит праву народов (*ius gentium*), с другой – праву римской общины (*ius civile*), ибо само гостеприимство исходит от римской общины и действует в интересах нее. Эту особенность гостеприимства, когда оно выступает как право обычное, как право римское, как право между народами, дает возможность рассматривать его в качестве вливания чужеземного права в право римское. Это чужеземное право было правом, в сущности, перегинов, что было отмечено еще в работах Пухты, и выступает оно как международное право, как право народов, вошедших в состав римского государства. Вместе с "дружбой" гостеприимство явилось основой и для внешней политики Рима и на Западе, и на Востоке. Оно было инструментом и для установления отношений Империи с племенами за лимесом, ибо в самой варварской среде отношения внутри племен часто строились на основе гостеприимства.

Глава II

ПЛЕМЕНА И РИМ НА РЕЙНЕ И НА ДУНАЕ в I в. до н.э. – I в. н.э.: СВЕВЫ, МАРКОМАННЫ, ХЕРУСКИ, ДАКИ

Мы приступаем к рассмотрению истории племен и народов собственно континентальной Европы. Она тесно взаимодействовала с римским миром и приобрела значительный характер для Римской империи вообще. Племена, с которыми мы встретимся в этой главе, оказались участниками тех грандиозных событий, в результате которых Римская империя претерпела существенные потрясения, а впоследствии не без участия племенного мира, окружавшего Империю плотным кольцом, сошла навечно с арены истории. Но в изучаемое нами время (I в. до н.э. – I в. н.э.) эти племена только вступали в сферу жизненных интересов внешней политики Рима, одновременно открывая нашим взорам историю огромного региона – Центральной Европы.

Отношения Рима и племен Европы начались в ходе завоевания Гаем Юлием Цезарем территории Галлии вплоть до Рейна. Но Цезарь только очертил те пределы, где Риму предстояло простираť свою власть. Рейн еще не был границей Империи, хотя ее рубеж был обозначен самим фактом завоевания Галлии. Населявшие ее народы еще нужно было приобщить к римским порядкам. Процесс этот был длительным и сложным; он занял не одно десятилетие и сопровождался войнами среди племен, а также столкновениями Рима с местными племенами. Умиротворение Галлии и завоевания областей на правом берегу Рейна оказалось уделом Августа, с которого, собственно, и открывается эпоха Империи. Свои деяния в Европе, лежащей вне пределов Империи, Август начал с обеспечения ее северной границы. Эту политику он проводил осторожно и медленно. Прежде всего он позаботился о безопасности северной Италии. Завоевав сначала земли на правобережье Дуная: северные области Иллирика, затем альпийские племена, области Реции, Норика и Паннонии, – римляне при Августе вышли на берега Дуная. В поле зрения Августа находилась также Галлия, правый берег Рейна и левый берег Дуная. Подчинение этих регионов власти Рима и покорение населявших их племен и народов обеспечивали талантливые действия полководцев Августа: Тита Статилия Тавра, Марка Випсания Агриппы, Луция Домиция Агенобарба, Марка Лоллия, а также членов его семьи: Тиберия, будущего императора, и его брата Цезаря Друза, а также Германика, сына Цезаря Друза. Эти войны – галльские, германские, дунайские – представляют собой содержание внешней политики Августа на Западе Европы. Она не была решена войнами ни Цезаря, ни Августа и продолжалась при Тиберии, проходя красной нитью через все следующие века существования Римской империи.

Остановимся сейчас на событиях в Галлии и на Рейне во времена Цезаря и прежде всего обратимся к племени севов. Со севами связан сложный вопрос об этногенезе германских племен, который до настоящего времени окончательно не прояснен. Следует заметить и то, что бытование севов было не изолировано, а связано с племенами и кельтов, и германцев, и даков. Все эти народы тесно взаимодействовали друг с другом; все они в то время доминировали в Европе и потому в античных письменных источниках внимание обращалось преимущественно на эти народы. В то же время нельзя не отметить нашу слабую обеспеченность источниками в отношении севов. Наиболее подробную характеристику их дал Тацит в своей "Германии", где он описал области от Рейна до Вислы, а также обитавшие там племена. Это сочинение носит этнографический характер, тем не менее, оно является весьма важным источником и практически единственным для историка в описании народов Германии. Как известно, Тацит использовал сведения, полученные от участников завоевания германских земель, в том числе "Германские войны" Плиния Старшего (*Tac. Ann.* I.69)¹. Другой наш источник, Страбон, передает картину, которая сложилась в Германии в его время, при Августе; более ранние события, произошедшие на Дунае и Рейне, он опускает². Племя севов Страбон не называет ни германским, ни кельтским, показывая тем самым то, что севы были каким-то другим народом Европы (*Strabo.* VII.1.3). Цезарь в своих "Записках о галльских войнах" понимал под "зарейнскими германцами" (*cisrhenani Germani*) племя севов, включая в это определение то германские, то галльские племена (кельтские) (*Caes.* BG. IV.6.3). Поседоний, сведения которого о землях Германии и ее людях восходят к Пифею из Массилии, называет племена Германии кельтоскифами, отделяя, однако, один народ от другого – кельтов от скифов. Эта неясность и недостаточность сведений источников определила отнесение севов к племенам или германским, или кельтским. Само слово "Германия" (*Germania*) является, очевидно, кельтским.

Германская историография относил севов обычно к германским племенам³. В то же время ряд исследователей отмечали, что севы

представляют собой отдельную группу внутри германских племен, известную как "дунайские германцы". В современной историографии существует и другая точка зрения, относящая севов к народу венетов⁴. В своей работе я не касаюсь огромной литературы о венетах (особенно польской), а лишь пытаюсь определить, принадлежали ли севы к венетам, и провести анализ возможных источников о севых.

Завоевание Галлии Цезарем явилось кардинальным событием в Центральной Европе I в. до н.э., определившим собой ход истории и Рима, и племен. Не менее значимым было и вторжение в Галлию племен под предводительством царя севов Ариовиста, которые перешли через Рейн. Вторжение Ариовиста не могло не инициировать походы и переселения других племен, межплеменных войн. Движение севов повлекло за собой племена из-за Эльбы, а, может быть, и из-за Одера. Именно тогда римляне впервые столкнулись с таким народом, как севы.

Ариовист, названный Цезарем царем германцев (*rex Germanorum*) (*BG.* I.31.10), вторгся в Галлию в 70-х годах I в. до н.э. Он захватил земли сантонов и секванов, а также город Магетобригу (62 г. до н.э.). Его ополчение состояло из отрядов нескольких племен – гарудов, маркоманнов, трибоков, вангионов, неметов, седусиев, севов (*Caes.* BG. I.51.2). Не все племена принадлежали к собственно севам, но весьма вероятно, что они были родственны друг другу (подробнее см. ниже). Примечательно, что все эти двигавшиеся к Рейну племена выступали по родам (*generatim*). Ополчение Ариовиста уже в течение 14 лет находилось в состоянии войны и насчитывало, по данным Цезаря, 430 тыс. человек (*Caes.* BG. I.36.7; IV.15.3; *App. Celt.* XVII). Само племя севов состояло из 100 пагов – территориально-родовых общин. Если считать, что каждый паг выставлял для войны по сотне человек, то боевая сила севов насчитывала 10 тыс. человек пехоты, не считая конницы (*Tac. Germ.* 6). В источниках народ севов определяется как самый воинственный из германцев: "...севы не боятся никого, кроме бессмертных богов" (*Caes.* BG. I.37.4; ср. IV.1.3; 7.3). Эти слова напоминают некогда сказанные кельтами Александру Македонскому: кельтов ничто не страшит, разве только небо упадет на них (*Strabo.* VII.3.8).

Царем всех германцев Ариовист, однако, не был. Это мнение Цезаря основывается на том представлении в эпоху античности, что земли за Рейном были населены кельтскими племенами. Области далее на восток отводились племенам скифов. "Старинные греческие исто-

¹ Модестов В.И. Тацит и его сочинения. СПб., 1864; Гревс И.М. Тацит. М.; Л., 1946. С. 127 и след.; Кнабе Г.С. Корнелий Тацит. М., 1981; Norden E. Die germanische Urgeschichte in Tacitus Germania. 4. Aufl. Leipzig, 1959; Walser G. Caesar und Germanen. Wiesbaden, 1959; Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. Die Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962.

² См.: Грацианская Л.И. "География" Страбона: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1986. С. 141 и след.

³ Исследования по истории германских племен многочисленны, начиная с классической работы Л. Шмидта. См.: Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. 2. Aufl. München, 1934. Bd. I: Die Ostgermanen; 1938. Bd. II: Die Westgermanen (Nachdruck. 1941); Schwarz E. Germanische Stammesgeschichte. Heidelberg, 1956; Siroheker K.F. Germanentum und der Spätantike. Zürich; Stuttgart, 1965; Kornemann E. Staaten, Völker, Männer. Stuttgart, 1934; Die Germanen: Geschichte und Kultur der Germanischen Stämme in Mitteleuropa. Bd. I: Von den Anfängen bis zum 2. Jahrhundert unserer Zeitrechnung. B., 1978; Römer und Germanen in Mitteleuropa.

B., 1976; Die Römer an Rhein und Donau. B.: Academic-Verlag, 1975; Hachmann R. Die Germanen // Archaeologia Mundi. München; P., 1971. В нашей историографии проблемы переселения народов рассматриваются в работах: Буданова В.П. Готы в эпоху великого переселения народов. М., 1990; Лавров В.В. Германские племена в этнической истории Северного Причерноморья в III–IV вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

⁴ Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. Die Völker zwischen Germanen und Kelten. Neumünster, 1962.

рики называли все северные народности общим именем скифов или кельтоскифов" (*Strabo*. XI.6.2)⁵. Ариовист бегло говорил на кельтском языке от давнего пребывания в Галлии (*Caes.* BG. I.47), но был ли этот язык его родным языком? Сам царь и его окружение могли владеть кельтским языком, тем более в то время, когда царь занял треть земель Галлии. Очевидно, он знал и латинский язык, так как статус царя и "друга Римского народа" Ариовист получил во время консулата Цезаря в 59 г. до н.э. (*in consulatu suo rex atque amicus a senatu appellatus esset* – *Ibid.* I.35.43; *Dio Cass.* 38.34.3). Еще до того, как развернулась галльская кампания Цезаря, Ариовист находился в контакте с ним, и тот старался держать царя в русле своей политики. Признав его права на царский титул над множеством племен, римляне, тем не менее, наблюдали за его действиями в Галлии, так как они угрожали римским позициям и на юге этой провинции, которую они считали своей (*provincia nostra*) и старались оградить ее от угрозы со стороны перешедших Рейн полчищ германцев. Учтем, что, обосновавшись на землях секванов и медиоматриков, Ариовист в отличие от римлян встретил поддержку у ряда галльских племен. В результате позиции самого Цезаря в Галлии в 58 г. до н.э. оказались существенно подорванными. Прежде чем начать переговоры с Ариовистом, Цезарь провел военный совет, так как его армия колебалась вступить в сражение с германцами. Использовал Цезарь и узы гостеприимства, которые имелись у некоторых галлов с Ариовистом (*Caes.* BG. I.40–42; 47), в качестве меры по удержанию того от дальнейшего продвижения в Галлию. Однако эти меры не привели к желаемым результатам. Римляне открыли военные действия против Ариовиста. Счастье оказалось на стороне Цезаря; войска Ариовиста были разбиты, а сам он бежал из Галлии за Рейн, оставив здесь двух погибших жен и дочь (*Caes.* BG. I.53.4).

Относительно происхождения Ариовиста считают, что он был из племени трибоков⁶. Племя это осело на землях галльских племен секванов и медиоматриков. Трибоки же считаются германским племенем, перешедшим Рейн со своей родины⁷ (*ἐκ τῆς οἰκείας* – *Strabo*. IV.3.4). Но родина трибоков могла и не быть в Галлии, где трибоки (*τρίβοκχοι*) появились в связи с приходом Ариовиста. Можно вполне усомниться, что это племя было германским. Его название сходно с названием племен, обитавших вдоль Карпатской дуги – сабоки, костобоки (*Σαβῶκοι* и *Κοστοβῶκοι* – *Ptol.* Geogr. III.5.8). И это совпадение может указывать на вероятное родство этих трех племен. Как считал еще О.В. Кудрявцев, "данные о местах обитания костобоков и сабоков не могут служить аргументом против их славянского проис-

хождения"⁸. Корнелий Непот в "Биографиях царей" (*De regibus*) назвал Ариовиста царем не германцев, но свевов (*rex Sueborum*)⁹.

Племя свевов прибыло на Рейн из областей за Эльбой. Но, как мы увидим далее, была и другая часть свевов, обитавшая во внутренних областях Центральной Европы, которая не тронулась на Рейн. Это были те древние народы Европы (*vetum et antiquum popen*), о которых Тацит сказал, что к ним принадлежали свевы, марсы, гамбрии и вандалы (вандалы) (*Germ.* 2). В числе свевских племен Страбон называет и племя гамбрийцев (*VII.1.3*). Свевы не представляли собой единого народа (*quorum non una gens*), но состояли из многих племен, "занимая большую часть Германии" (*maiores enim Germaniae partem obtinent*). Они делятся на множество народностей, "носящих и доселе (т.е. во времена Тацита) свои наименования" (*propriis adhuc nationibus nominibusque discreti*), хотя "все вместе именуются свевами" (*in commune Suebi vocentur* – *Tac.* *Germ.* 38). Самым древним и прославленным из племен свевов считались семноны. Их религиозные представления уходят в седую древность (*fides antiquitatis religione firmatur*). Они сильны своей сплоченностью (*magno corpore efficitur*), так что считаются главенствующими над свевами (*Tac.* *Germ.* 39). К свевам принадлежат и лангобарды, обитающие "среди множества очень сильных народов" (*plurimis ac valentissimis nationibus*). Они стяжали себе славу своей малочисленностью, ибо оберегали себя не изъявлением покорности более сильным соседям, а "в битвах и идя навстречу опасностям" (*Ibid.* 40). К свевам относилось и племя гермундуров, обитающее у истоков р. Альбис (*Ibid.* 41). К свевским племенам можно причислить буров и марсигнов. Тацит сообщал, что "они наречием и образом жизни схожи со свевами" (*Ibid.* 43). Это значит, что оба племени – и буры, и марсигны, схожие речью и нравами со свевами (*Marsingi et Buri sermone cultuque Suebos referunt* – *Ibid.* 43), – принадлежат к одному и тому же народу, но говорили на разных диалектах. Упоминание Тацита о *mare Suebicum*, "по берегам которого живут племена эстиев" (*Ibid.* 45.2), ведет нас еще далее на восток, на побережье Балтийского моря. По словам Тацита, у эстиев (*Aestiorum gentes*) обычаи и облик такие же, как у свевов, а язык – ближе к британскому (*quibus ritus habitusque Sueborum, linguae Britannicae propior* – *Ibid.* 45). Данные о языке британцев, "который ближе стоит к языку свевов", может служить отличительным признаком для многих племен морского побережья Балтики: и свевов, и британцев, и эстиев. Все они принадлежали к тому пласту народов древности, который населял северные области Европы и Британию. И этим народом были венеты¹⁰. Множественное число для

⁵ Пер. в кн.: Страбон. География / Пер. ст. и коммент. Г.А. Стратановского. М., 1964. С. 480.

⁶ См., например: *Kornemann E. Römische Geschichte*. 7. Aufl. Stuttgart, 1977. Bd. II. S. 18; *Die Germanen...* S. 43; *Ariovistus* // *Der kleine Pauly*. München, 1979. Bd. I. Sp. 549 u.fol.

⁷ *Christ K. Caesar und Ariovistus* // *Chiron: Mitteilungen der Kommission für alte Geschichte und Epigraphik des deutschen archäologischen Institut*. München, 1974. N 4.

⁸ Кудрявцев О.В. Костобоки, их расселение и этническая принадлежность // О.В. Кудрявцев. Исследования по истории Балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 33 и след., 37.

⁹ См.: *Die Germanen...* S. 72.

¹⁰ В работе трех ученых, уже называвшихся нами – археолога, лингвиста, историка – ставится под сомнение вопрос о принадлежности к кельтским или германским

обозначения эстиев может указывать также на то, что под ними понималась группа племен Балтийского побережья. Эстии названы Тацитом и потому, что они были крайними из племен на северо-востоке Европы, известных римлянам, а также потому, что из областей Балтийского побережья поставлялся янтарь в Рим и в страны Средиземноморья. Янтарь поступал в средиземноморские земли уже в крито-микенскую эпоху¹¹.

Тацит указал также и на то, что часть свевов (*pars Sueborum*) совершает жертвоприношения Изиде (*Tac. Germ. 9*). Очевидно, это была богиня, сходная с культом Изиды Норейи, которая в римское время известна как главная богиня царства Норик. С юго-востока провинции Норик происходят письменные и археологические свидетельства о венедах времени IV–II вв. до н.э. Часть свевов, которая поклонялась Изиде, чтит также священные рощи и дубравы (*Tac. Ann. 1.50–51*). И святилища эти отмечены, как сказал Тацит, только благочестием свевов. Изида является по своему происхождению святыней чужеземной (*origo peregrino sacro*) потому, что она не была богиней германского происхождения; она почиталась другим народом – марсами, которые вели род от свевов¹². Это свидетельство Тацита – лучшее доказательство того, что свевы не были германцами, но принадлежали к народам другой этнической группы. Культ Изиды, как известно, был земледельческим, культом плодородия и произрастания. Богиня изображалась в виде либуны, которая скорее могла служить изображением лемеха плуга. Можно утверждать, что часть свевов, у которых как земледельческое божество почиталась Изида, относилась к древнейшим народам Европы, а ими, повторим, считаются венецы.

Описав народности Германии, Тацит завершает свой рассказ о племенах как бы не Германии как таковой, но Свевии: "Здесь конец Свевии" (*hic Suebiae finis – Tac. Germ. 46*). Причем границы ее простираются до мест расселения певкинов, феннов и венецов. Следовательно, название народа "севы", как и наименование страны – Suebia – покрывало собой в древности большое пространство Европы. Многие народы, как и зафиксировал Тацит в своей "Германии", а именно свевы, не представляют собой одного и единого народа и само название страны – "Германия" – в отличие от "Свевии" является новым и недавно вошедшим в обиход (*Tac. Germ. 2; Strabo. VII.1.2*).

В сведениях Диона Кассия содержатся данные и о свевах, и о даках, что заставляет предполагать соседство обоих народов. Дион писал об играх, которые давал римскому народу Август по случаю Актийской победы над Антонием: на арене цирка пленные даки и свевы

боролись в кулачном бою. Относительно свевов Дион сообщает, что они являются кельтами. Даки же своими нравами и обычаями принадлежат к скифам. Севы обитают на берегу Рейна, хотя многие другие племена, поясняет Дион, называют себя принадлежащими к народу свевов. Даки же обитают на берегу Дуная. Это сообщение Диона подтверждает значительность объединения свевов и указывает также на их местоположение, поскольку свевы в его время оказываются и на Рейне, и по соседству с даками. Можно считать их одним народом – свевами, часть которого продвинулась далеко на запад, к Рейну. В плен же к Августу даки попали потому, что они оказали помощь Антонию, но когда их посольство не достигло цели, даки попытались вернуться назад и оказались в плену у Августа. И вот тогда-то на арене римского цирка даки были вынуждены бороться со свевами (*Dio Cass. 51.22.6–8*).

О происхождении свевов с севера Европы сообщает Плиний Старший. Свевское море (по терминологии Тацита, *mare Suebicum*) определяется Плинием как *sinus Codanus* (Коданский залив), название которого сходно с названием польского города Гдыня. Этот Коданский залив Плиний связывает с местоположением горы Сево (*Sevo*), в имени которой слышится отзвук названия племени свевов. Залив этот омывает крупные полуострова Европы – Ютландию и Скандинавию (*Plin. NH. IV.27.6*). Птолемей называет этот залив Венедским (т.е. Балтийским морем) и связывает его с народностью венецов (*Geogr. III.5.1; 7–10*).

Для Страбона свевы – это племена, о которых "говорят, что они германцы" (*οἱ Σόηβοι προσαγορεύομενοι Γερμανοὶ – IV.3.4*). Эта оговорка заставляет сомневаться, были ли они германцами на самом деле. Севы, продолжает Страбон, самое большое племя (*μέγιστον μὲν οὖν τὸ τῶν Σόηβων ἔθνος – VII.1.3*), к ним примыкает земля гетов (*ἡ τῶν Γετῶν συνάπτει γῆ – VII.3.1*). На границе с гетами был расположен Герцинский лес (*VII.1.3*), который берет начало близ истоков Дуная (*IV.3.4; 6,9; VII.1.5*). Занятая свевами территория простирается от Рейна до земель гетов (*VII.1.3*). В сообщении Страбона речь идет о свевах, которые достигли Рейна при Цезаре, а также о тех, которые остались дома и сами себя называли свевами. Вся народность свевов занимала пространство от Рейна до владений даков. Названный Страбоном Герцинский лес является обширным лесным массивом южной Германии, тянущимся до Карпат¹³. А это заставляет считать, что под властью свевов действительно находилась обширная область Европы вплоть до земель даков.

Краткий сравнительный анализ источников приводит нас к заключению, что свевами в древности называлась единая большая группа племен Европы, а все другие народы находились под их властью. Одна

культурам областей Северной Франции, Бельгии, Голландии, Германии вплоть до течения Везера и Аллера. Происходящий из этого ареала археологический материал не атрибутирован ни к тем, ни к другим; более всего он соответствует народу венецов. См.: *Hachmann R., Kossack G., Kuhn H.* Op. cit. S. 43 u.folg., 127 u.folg., 132 u.folg., 139 u.folg.; см. также: *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 86.

¹¹ *Бланатская Т.В.* Ахейская Греция. М., 1966. С. 51, 61, 74.

¹² *Hachmann R., Kossack G., Kuhn H.* Op. cit. S. 53.

¹³ Герцинский лес тянется от истоков Дуная до Дакии, от Шварцвальда до Карпат, и включает в себя Богемский лес. См.: *The Geography of Strabo. V.III. L., 1962. (The Loeb classical Library.) P. 164; Записки Юлия Цезаря / Пер. и коммент. М.М. Покровского. М.; Л., 1948. С. 523.*

часть свевских племен достигла Рейна и воевала с Цезарем. Другая – занимала территории за Эльбой и Одером. Она выступала союзником остальных севов, когда этого требовали обстоятельства. Народ севов не был ни германским, ни кельтским, ни скифским. Его возможно признать народом венеков¹⁴, т.е. народом славянского происхождения. Само упоминание о морском побережье (*mare Suebicum*), как находящемся во владении севов, позволяет утверждать, что в древности под контролем севов находилась и протяженная прибрежная территория от Северного до Балтийского морей. Развитие этого народа происходило среди множества других племен, поэтому естественно предполагать влияние на севов различных культур – кельтской, германской и скифской.

Но вернемся к севам, оказавшимся на Рейне. Достигнув реки, севы не перешли ее, но вернулись назад, узнав о поражении Ариовиста (*domum reverti coegerunt* – *Caes. BG. I.54.1*). Замечание Цезаря показывает лишь результат похода севов. Но откуда они пришли, остается неизвестным римскому полководцу. Употребленное им слово *domus* (подобно *sedes* и *domicilium*) не является свидетельством указания на родину севов, иначе Цезарь употребил бы такие, как "родина" или "отечество" (*origo, patria*)¹⁵. По его словам, во главе севов стояли вожди племен братья Насуя и Кимберий (*BG. I.37.3*). Уже приводившаяся нами цифра в 430 тыс. человек, оказавшихся на Рейне, явно относится ко всему ополчению Ариовиста. Из числа составлявших его племен названы Цезарем только трибоки, вангионы и неметы, перешедшие Рейн с Ариовистом. В ополчение же входили и другие племена – маркоманны, гаруды, седусии, севы. Бросается в глаза упомянутая выше численность севов, которые делились на 100 пагов (*Ibid.*). Для сравнения приведем данные Цезаря о гелльетах, которые делились на четыре пага; из них названы – Вербигенский и Тигуринский паги (*BG. I.12.4*). Вербигенский паг насчитывал шесть тыс. человек (*BG. I.27.4*); возможно, столько же – Тигуринский паг (*BG. I.12.4*). Указанные выше севы были теми, с которыми Цезарь собирался воевать за Рейном. Однако из его сообщений можно заключить, что столкновения со севами у него не произошло. По его словам, он форсировал Рейн, чтобы нагнать страху на германцев. Для этого Цезарем через Рейн был наведен мост.

Тем временем севы опустошали земли соседей и мешали им обрабатывать землю. Это стало причиной переселения за Рейн германских племен тенктеров и узипетов. А войны с племенами велись на землях Германии и до прихода севов (*BG. IV.1.2*).

Узнав о приближении римской армии в 54 г. до н.э., севы "по своему обыкновению" созвали собрание племен и приняли решение оставить свои города (*oppides*), а женщин и детей вместе со всем скарбом укрыть в глухих лесах. Всем способным носить оружие велено

было собраться в центре свевских владений, где поджидать римлян и дать им решительный бой (*BG. IV.19.2*). Но Цезарь пробыл за Рейном 18 дней и ушел, не приняв боя. Пикантно, что даже в его "убедительных" оправданиях отступления тем, что "им уже достаточно сделано для славы и пользы римского народа" (нагнан страх на германцев, покараны сугамбры, освобождены убиты от осады), проскальзывает немалое опасение мощи и решительности этого народа. Его местонахождение за Рейном оставалось Цезарю неизвестным, хотя в 53 г. во время второй переправы Цезарь попытался разведать, где находятся дороги в страну севов, так как узнал, что именно они поддерживали вспомогательными войсками восставших галлов (*BG. VI.9.8*). Севы же, получив точные (!) сведения о приближении Цезаря, вместе со своими союзниками (*sociorumque copias*), которых они набрали у соседних племен, отступили к самым отдаленным границам своей страны, в Баценский лес (*Bacenis silva*) (*BG. VI.10.4*). Его помещают у города Майнингена¹⁶ в той части массива, который служил естественной разделительной стеной между владениями севов и херусков. Территорию же херусков располагают на р. Визурге (совр. Везер). Следовательно, область расселения севов на Среднем Рейне соседствовала с херусками. Далее, следуя повествованию Цезаря, севы стягивают в одно место свои силы, а также отряды племен, находящихся под их господством (*nationibus, quae sub eorum sint imperio*). Союзники севов прислали им конные и пешие отряды (*auxilia peditatus equitatusque mittant*) (*BG. VI.10.1*). Если севы набрали войска у соседних племен и располагались сами на границе племен херусков, то из этого можно заключить, что все другие племена находились в зависимости от них.

При приближении Цезаря севы укрылись в городах (*oppides*). Эти города Тацит назвал как *urbs*. Упоминание о городах севов не случайно и относится к тем из них, о которых Дион Кассий сказал, что они сами себя считали "народами свевскими". А ими были те самые племена, которые названы и у Страбона, и у Тацита как свевские: лугии, семноны, гермундуры, лангобарды. Упоминание же о городах севов, достигших Рейна (*BG. IV.19*), относится к той части севов, которые позднее выступили союзниками царя севов Маробода. Подчеркнем, что в Центральной Европе, как известно, города строили совсем другие народы – кельтские, фракийские, славянские. Германцы же, как передает Тацит, не терпят жилищ, примыкающих вплотную друг к другу и не живут в городах (*Tac. Germ. 16*).

О местоположении севов, которые отправились на Рейн и осели позднее при Августе на Среднем Рейне, сообщают Цезарь, Страбон и Тацит¹⁷. Ориентиром обитания севов на Рейне служат для Цезаря большие лесные массивы Европы, которые были разделительной полосой владений племен. Что же касается севов, то они долгое время

¹⁴ Hachmann R., Kossak G., Kuhn H. Op. cit.

¹⁵ Бартошек М. Римское право: понятия, термины и определения. М., 1989. С. 122–113. 235.

¹⁶ C. Julii Caesaris. Commentarii de bello Gallico / Ed. W. Dittenberger. B., 1875. Sp. 245, Anm. 5.

¹⁷ Strabo. VII. 1.4; Caes. BG. VI. 24–25; Tac. Germ. 28; Liv. V. 34.4; Ptol. Geogr. II. 11.4.

блуждали и на Верхнем Рейне, и на Верхнем Дунае. Так, Страбон пишет, что свевы обитают также в Герцинском лесу (*Strabo*. VII.1.5), и что в этом же массиве по эту сторону страны свевов лежит лес Габрета (Богемский). Далее он сообщает, что свевы обитали за рекой Эльбой, и их соседями были геты (*Strabo*. VII.3.1). Страбоном допущено смешение понятий одного племени и другого, когда племена гетов обозначаются как даки: не владения гетов простирались до земель свевов во времена Цезаря, но даков. Именно их и имел в виду Цезарь, когда он собирался выступить против даков. При Цезаре господство даков действительно распространялось до областей свевов. Объединение племен (свевов и даков) представлялось Цезарю опасным для его политики и в Галлии, и за Рейном. Период завоеваний Цезаря и правления дакийских царей был эпохой грабительских походов и римлян, и свевов, и даков. Скажем, при Биребисте даки доходили до Иллирии и Македонии.

После прибытия на Рейн свевы превратились в постоянный фактор внешней политики Рима и в зарейнских, и в задунайских землях. Их присутствие здесь привело к существенным изменениям в этническом составе населения этих регионов. Севрами были изгнаны с правого берега Рейна тенктеры и узипеты. Лишившись земли, эти племена в течение нескольких лет в качестве изгнанников скитались по разным областям за Рейном, пока не были поселены Цезарем в Галлии (*Caes.* BG. IV.4.2). Свевы пытались изгнать с правого берега Рейна общину убиев, сделав их своими данниками (BG. IV.3.3). Свевы подвергались нападениям также земли менапиев, имевших владения на обоих берегах Рейна (*Caes.* BG. IV.4), из чего можно заключить, что до прихода римлян Рейн не являлся границей для местных племен. Вытесненные племена просили у Цезаря земли, так как они лишились своей собственной вследствие захвата ее севрами (BG. IV.4; *Plut.* *Caes.* 22–23). Изгнанные из своего отечества узипеты и тенктеры требовали от Цезаря отвести им земли в Галлии или оставить старые, которые они завоевали оружием по праву войны (*Caes.* BG. IV.7.3–4). Цезарь посоветовал узипетам и тенктерам поселиться на землях тех же убиев (*Caes.* BG. IV.7).

Послы тенктеров и узипетов должны были дать ему ответ в трехдневный срок. Но пока шли переговоры, наступление римской армии за Рейн продолжалось. Сам Цезарь, правда, ничего не сообщает об этом, но Плутарх передает, что дело Цезаря о послах рассматривалось в сенате, ибо продолжать военные действия, когда прибыли представители для переговоров, считалось нарушением клятвы в отношении них. Ведь послы признавались лицами неприкосновенными, находившимися под покровительством общины, принимающей их, в данном случае лично Цезаря. Поэтому в сенате Катон даже предлагал выдать Цезаря этим племенам как клятвopеступника и тем очистить Город, чтобы вина одного не пала на весь римский народ (*Plut.* *Caes.* 22). Политическая подоплека выступлений Катона очевидна, как и то, что права послов любого народа свято соблюдались. Впрочем, политика Цезаря

в отношении племен отнюдь не отличалась гуманностью; она часто была вероломной и агрессивной. В результате римского вторжения за Рейн, а также войн между самими племенами обезлюдели целые области правого берега Рейна. В речной полосе между Верхним Рейном и истоками Дуная образовалась безлюдная пустыня, названная позднее "Декуматскими полями". Здесь поселились остатки племен, которые погибли или в войнах, или при переселении их в Галлию.

Переселение племен было отчасти вызвано военно-экономическими причинами, когда племена многочисленные и могущественные изгоняли более слабые со своих земель. Сильным побудительным мотивом вторжений на чужие территории служила борьба за обработанную и возделанную землю, которой на покрытых сплошными лесами просторах Центральной Европы хронически не хватало.

Но это была не единственная причина переселения народов. В основе ее лежали также внутренние силы племени, трудно определимые конкретно в настоящее время. Эти причины зависели и тогда, и сейчас от нравственно-психологических свойств того или иного народа. Так, продвижение свевов к Рейну в конечном итоге было следствием физического и материального превосходства племени. Можно сказать, его провоцировала внутренняя сила племени, заставлявшая его сниматься с места и проходить через огромные пространства, сокрушая при этом другие народы или включая их в состав своей мощной лавины. Этот перманентный процесс нашел отражение в источниках начиная со времени Цезаря и кончая падением Империи. Так, натиск тех же свевов Цезарь сравнил с новым полчищем свевов (*nova manus Sveborum* – *Caes.* BG. I.37), с которым Рим столкнулся вторично со времени первого вторжения в Северную Италию в 101 г. до н.э. кимвров и тевтонов. Тацит силу племен называл необъятной и сокрушительной (*vis innumera*) добавляя, что в этом движении участвовали также лугии и другие племена (*Lugii aliaeque gentes adventabant* – *Tac.* Ann. XII.29). Страбон рисовал страшную картину: "Племена движутся толпами, со всем войском (*πανστράτις*), поднимаются всем народом (*πανοικία*), теснимые другими, более сильными племенами" (*Strabo*. IV.4.2). Не случайно Тацит подчеркивал, что сила и авторитет одного племени среди других добывается "насилием и войной" (*per bella et raptus* – *Tac.* Germ. 14; 36; 40). Захват племенем чужой земли был насильственным актом и означал простое присвоение земли.

* * *

И здесь мы должны остановиться на порядках землепользования у свевов, которые отличались от земельных обычаев галльских племен и тем более самих римлян. Эти порядки определяли их хозяйственный и военный строй¹⁸. Они так впечатлили Цезаря, что он дал их особое описание (BG. IV.1; VI.22). Цезарь пишет, что у свевов "нет перерыва

¹⁸ См.: Удалыцин А.Д. К вопросу о переселенческом движении свевов эпохи Цезаря // Проблемы истории докапиталистических обществ. Л., 1934. № 11–12. С. 19–34.

ни в обработке полей, ни в приобретении военных знаний и опытности. У них вовсе нет земельной собственности, и никому не позволяется больше года оставаться на одном месте для обработки земли"¹⁹.

Если разбить этот текст Цезаря на отдельные фразы, то можно уяснить, в чем состояли эти обычаи. Те люди, которые остаются дома, кормят себя и тех, которые ушли воевать (*reliqui, qui domi manserant, se atque illos alunt*). Следовательно, не все племя свевов покидало землю и отправлялось в поход, но только его часть. Согласно Цезарю – это кровнородственные общины семей (*gentilitas*), они ежегодно выставляли отряды по тысяче человек и отправлялись за пределы обитания ради войны (*quotannis singula milia armatorum bellandi causa educunt*). При таком способе хозяйствования у свевов не было перерыва ни в обработке земли, ни в ведении войны (*sia neque agriculture nec ratio atque usus belli intermittitur*). Следующая особенность их землепользования состояла в том, что свевы не имеют в собственности землю, разделенную на отдельные участки (*privati ac separati agri eos nihil est*), что отличало их от галлов и было совершенно неведомо римлянам. Далее Цезарь пишет, что больше года никому из свевов не разрешается оставаться на одном месте (*neque longius anno remanere ullo in loco incolendi causa licet*). Значит, собственником земли являлось все племя свевов (*Sueborum gens*); оно препятствовало переходу земли в частное владение. Земля, повторю, принадлежала всему племени сообща и только на один год, в течение которого она находилась в индивидуальном владении, когда часть племени находилась в походе, а другая часть, оставшаяся дома, обрабатывала землю. Поэтому передел земли состоял не в действительном перераспределении земельной собственности, а в перемене лиц, владеющих землей лишь временно, один год. Спевы, оставленные дома для обработки полей, должны были вернуть наделы членам племени, возвращавшимся с войны. При таком способе хозяйствования в состоянии боевой готовности находился весь народ. В этом и заключался передел земли у свевов, когда одни из них воюют, другие – обрабатывают землю.

Цезарь еще раз в другом месте возвращается к порядкам землепользования у свевов (BG. VI.22): "Земледелием они занимаются мало (*agriculture non student*). Ни у кого из них нет определенных земельных участков и вообще земельной собственности (*...neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios*), но власти и вожди каждый год наделают землей, насколько и где найдут нужным. Через год они заставляют переходить их на другое место" (*...sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una colunt, quantum et quo loco visum est agri attribunt atque anno post alio transire cogunt*). Из этого описания следует, что свевы мало занимаются обработкой земли; у них нет частной собственности на землю; земля находится в распоряжении должностных лиц племени и вождей и предоставляется ими только на один год. Земля выделялась в том количестве

и в том месте, где она ходится в тот или иной момент, т.е. там, где останавливается племя, ибо оно находится в постоянном движении вследствие войн. На следующий год она переходит в пользование другой семьи, состоящей из кровных родственников. Надел мог быть выделен в другом месте, если в прежнем он был неудобен для обработки, например, из-за болот, или иной величины, если речь шла о земельном наделе вождя. Подобное наделение землей вождей в большем количестве и в лучшем месте (*quantum et quo loco*) приводило к тому, что она постепенно переходила в их собственное владение. На этой экономической основе и возникала царская власть.

Описание земельных порядков свевов отражает картину, типичную для обществ первобытно-общинного строя. Такое племя постоянно находится в движении, в состоянии войны со своими соседями. Вот и свевы не дают окрестным племенам спокойно заниматься земледелием (*qui complures annos Sueborum vim sustinuerunt – Caes. BG. VI.4.1; ср. 1.2*).

У германцев считалось доблестью прилегающие к пределам обитания племена земли держать в состоянии опустошения (*Caes. BG. VI.23*). Так, занятые свевами, но безлюдные земли простирались на восток на 6 тыс. миль (*Ibid. IV.3*). Наличие этих пустующих земель (*agri vacari dicuntur*) было обусловлено как тем, что свевы занимались преимущественно скотоводством и охотой (IV.8–9), так и военным характером своего хозяйства. Подобное Тацит сказал и о германцах: хотя они ежегодно и сменяют пашню, у них всегда остается излишек полей (*arva per annos mutant, et superest ager – Tac. Germ. 26*). Добавим, что пустующие земли в древности были признаком того, что ранее занимавшие их народы не были в состоянии отразить нападения на них более сильных соседей и оставляли места обитания. Так, в Галлию в 38 г. до н.э. Марком Випсанием Агриппой была переселена община убиев в качестве "сдавшейся Риму вместе с оружием" (*deditionis*). Позднее, при Клавдии она получила статус колонии и называлась *colonia Claudia Ara Agrippinensium* (совр. Кёльн). Еще ранее, во времена Цезаря, как уже отмечалось, эта община подвергалась нападениям всех тех же свевов. Позднее Август переселил в провинцию Германию и самих свевов, а также сугамбров, разместив оба племена на землях левого берега Рейна (*Suet. Aug. 21.1*). Германское племя сугамбров численностью 40 тыс. человек было переселено с правого берега Рейна в Галлию при Тиберии на правах дедичиев (*deditionum traieci in Galliam*) (*Suet. Tib. 9.2*). Эти события нашли отражение в "Деяниях" Августа, составленных самим императором. В них говорится, что царь свевов-маркоманнов (его имя в надписи не сохранилось) добился "дружбы" с Римом. Такой "дружбе" предшествовали частые военные столкновения римлян со свевами. Статус "друга Римского народа" был дан им лишь после того, как племя сдалось на милость победителя.

Дату переселения свевов на левый берег Рейна можно отнести к 31–30 годам I в. до н.э. Именно тогда пленные свевы, как уже отмечалось выше, боролись с даками на арене цирка по случаю игр, устроенных Августом в честь победы над Антонием при Акции в 31 г. до н.э. Эти свевы были размещены в провинции Нижняя Германия, на

¹⁹ Записки Юлия Цезаря / Пер. и коммент. М.М. Покровского. М.: Л., 1948. С. 70. (Здесь и далее: пер. М.М. Покровского).

Среднем Рейне, в нынешних Эльзасе и Лотарингии. Здесь они выделились в отдельную общину – *civitas Nicretes* (в устье р. Неккар). Известен их город Лоподун (ныне Ладенберг, между Майнцем и Страсбургом). Их длительное проживание на Рейне и этническая общность выразилась в том, что позднее они образовали собственную территорию – "Свевию" (Швабия), известную по поздним римским источникам, и по данным Певтингеровой карты. Хотя город *Lorodunum*, носящий кельтское название, вряд ли ранее принадлежал свевам. В IV в. свевы выступают вместе с аламанными, ютунгами, франками, вандалами, аланами и готами – "с этими будущими разрушителями римского государства" (*Amm. Marc. XXXI.4.5*). Свевы были активными участниками войн с римлянами в последний период существования Империи. Пройдя насквозь в 406 г. Галлию, они вместе с вандалами и готами пытались обосноваться в Испании. Известен Рехиарий, король свевов в Испании (448–456 гг.), сын язычницы Рехиллы. Он был убит вестготским королем Теодорихом II в 456 г. Свевы служили в римской армии на закате Империи. Аммиан Марцеллин сообщает о Флавие Рихомере, свеве по происхождению, крупном военном, находившемся на службе Империи в IV в. (*Amm. Marc. XXI.7.5; 8.2; 13.9*). Позднейшая история свевов выходит за рамки нашей темы, поэтому мы заострим внимание на изучении тех свевов и остатков других племен, которые в это смутное время переселений (I в. до н.э.) обосновались на Верхнем Дунае, в прежних владениях бойев.

С этим процессом связано переселение свевского племени маркоманнов, которое произошло в правление Августа, в 8 г. до н.э., и преследовало цели политического характера. Маркоманнов, как упоминалось, входили в объединение Ариовиста. Тацит никогда не говорит о маркоманнах как о племени германском, и если упоминает их, то причисляет к свевским народам. Рассказывая о маркоманнах, он называет царя Маробода вместе с царем Турдом "древними и знаменитыми из царей (свевов)" (*ex gente ipsorum, nobile Marobodui et Turdi genus – Tac. Germ. 42*). У Светония Маробод является германцем (*ut Marobodum Germanum – Suet. Tib. 37.4*)²⁰.

До поселения на Дунае маркоманнов занимали территории вдоль среднего течения Эльбы. Со своих земель они были изгнаны кимврами и тевтонами и поселились на верхнем Майне, в нынешней Тюрингии. На Дунае они обосновались на прежних землях бойев (*Strabo. VII.1.3*), включив их области в сферу господства свевов. Об этом сообщает Тацит, упоминая, что в столице Маробода Бойгеме (совр. Богемия, т.е. Чехия) в древности находилась добыча свевов (*Tac. Ann. II.62*), а теперь эти земли на Верхнем Дунае лежали опустошенными из-за войн свевов и даков с племенем бойев, когда "каждый мог захватить и переменить места своего жительства" (*occuparet permutaretque sedes promiscuas – Tac. Germ. 28.42*).

²⁰ Т. Моммзен считал маркоманнов германским племенем, однако он отметил, что маркоманнов, будучи из народа свевов, были племенем, искони враждовавшим с германцами. См.: Моммзен Т. История Рима. М., 1949. Т. V. С. 38.

Рис. 1. Золотая монета Августа. 8–6 гг. до н.э. Трир

Непосредственной причиной миграции маркоманнов на Дунай послужили походы римской армии Цезаря Друза за Рейн, где в 11–9 гг. до н.э. он воевал с племенами херусков, хаттов, свевов и маркоманнов. Кампания Друза на Рейне увенчалась успехом. Он разбил батавов и фризов, занимавших низовья Рейна и часть побережья Северного моря. Рейды Друза доходили до Везера и Эльбы. Разгромил он и маркоманнов и в честь победы украсил холм их доспехами (*Flor. II.30.23*). Под давлением военных действий против маркоманнов Маробод и принял решение выселиться со Средней Эльбы. Как сообщал Веллей Патеркул, "укрывшись от более сильного оружия, он может сделать более могущественным свое собственное" (*Vell. Pat. II.108*). Под "сильным оружием" Патеркул, естественно, понимал римское, которое казалось тогда неодолимым. Тем более, что в племенной среде происходило брожение и перемещение среди как свевских, так и германских племен, спровоцированное прямым вторжением за Дунай и Рейн римских армий. Свевское племя гермундуров на верхней Эльбе, изгнанное со своих земель, было поселено в 1 г. н.э. Луцием Домицием Агенобарбом на землях маркоманнов (*Dio Cass. 55.10a.2–3*). Заметим, гермундуры были приняты маркоманнами в свою страну по обычаю гостеприимства, что подтверждает родство обоих племен. Войска Домиция Агенобарба перешли Эльбу, не встретив сопротивления. Заключив с местными племенами союз о дружбе, Агенобарб воздвиг в честь Августа алтарь на берегу реки Эльбы. В то же время, предпринятый поход против херусков не имел успеха (*Tac. Ann. I.63; IV.44*).

Продвижение Рима за Рейн встречало растущее противодействие местных племен и вылилось в конце концов в восстание под главенством херусков. Предводителем его стал вождь херусков Арминий. Восстание Арминия полыхало несколько лет. Против Рима сложилась коалиция свевских и германских племен – Арминия и Маробода. На его подавление были брошены крупные римские армии. Сначала Арминий и Маробод действовали совместно, но скоро пути их разошлись. Сила и мужество обоих вождей были равны, но, добавляет Тацит, имя одного вождя было ненавистно людям, в то время как имя другого, отстаивавшего свободу Германии, находило поддержку и сочувствие у народа. Маробод ориентировался в своей политике на Августа, лавируя между Римом и германскими и свевскими племенами. Царский титул, который Маробод получил от Августа, обязывал его проводить проримскую линию в мире племен²¹. Титул царя, римское гражданство и полученное от Рима всадническое достоинство, а также то, что именно Маробод принес римлянам голову убитого херусками Вара, – все средства были использованы им для укрепления своих позиций в римской среде. "Это был человек, непрестанно стремившийся упрочить свою власть, чем вызывал неудовольствие даже у своих соплеменников", – характеризовал его Веллей Патеркул (*Vell. Pat.* II.108; ср. 109; 119; ср. *Tac. Ann.* II.44; 46). У германцев же он считался, по словам Тацита, "предателем интересов родины и приспешником Августа" (*proditorum patriae, satellitem Caesaris* – *Tac. Ann.* XII.45). Отношение Маробода к херускам было двойственным. Он воздерживался от прямой помощи им в борьбе против римских армий, вторгавшихся в германские земли, хотя имел значительное войско, насчитывавшее 70 тыс. человек пехоты и четыре тыс. конницы (*Vell. Pat.* II.109).

Разгром херусками римской армии под командованием Публия Квинтилия Вара, наместника Нижней Германии, в Тевтобургском лесу в 9 г. н.э. усилил их влияние в германском мире. В засаду попали три легиона и вспомогательные части²². В четырехдневной битве было уничтожено все римское войско²³. Сам Вар покончил жизнь самоубийством. Катастрофа в Тевтобургском лесу произвела страшное впечатление в Риме. Пытаясь спасти положение, Август продлил власть наместникам провинций и наказал им удерживать в повиновении римских союзников на Рейне и на Дунае (*Suet. Aug.* 23). После этой победы Арминий открыто выступил против Рима, спланировав вокруг херусков германские племена. Тацит рисует его как освободителя Германии (*liberator huius*

Germaniae – *Tac. Ann.* II.88). Страбон именовал Арминия полемархонтом – главнокомандующим объединенными силами германцев. Названия этих германских племен получили огласку при проведении триумфа Германика в 16 г. н.э. по случаю одержанной над ними победы: каульки, кампсаны, бруктеры, узипеты, хатты, херуски, хаттуарии, сугамбры, ланды, тубантии (*Strabo.* VII.1.4; *Tac. Ann.* II.41).

Успех херусков Арминия над римской армией поколебал авторитет маркоманнов в племенном мире и способствовал еще большему влиянию среди восставших. Маробод же бездействовал по отношению к своим союзникам даже тогда, когда римские войска производили карательные экспедиции против германцев. В решающем сражении с римской армией под командованием Германика в битве при Идиставизо (близ нынешнего Бюгенбурга на Везере) херуски потерпели поражение. В схватке получили ранения оба вождя херусков – Арминий и Ингвиомер, дядя Арминия со стороны отца. Оставшись в одиночестве, так как потом Ингвиомер перешел на сторону Маробода, Арминий все еще продолжал борьбу с Римом во главе отряда своих единомышленников. Он подвергался преследованию со стороны соплеменной знати, от коварства которой и пал в 19 г.²⁴

Объединение племен вокруг Арминия действительно вызвало сплочение враждебных Риму сил за Рейном. И может быть, как заметил Тацит, оба вождя – и Арминий и Маробод – оспаривали царскую власть над племенами, входившими в их союзы и потому втайне боролись между собой. Их поступки были противоречивыми по отношению как к Риму, так и друг к другу. Их линия поведения основывалась на простом средстве – династических браках знати племен. С помощью таких браков племена старались привлечь на свою сторону то одни, то другие силы.

В Риме, однако, деятельность Маробода воспринималась как угроза римскому господству на Дунае. Позиции Рима в Норике и Паннонии, в тех провинциях, которые были завоеваны совсем недавно, оказались ослаблены. Лояльность их зависела от политической обстановки среди задунайских племен. Дунай приобрел тогда для Империи важное стратегическое значение: он становился ее северной границей, и потому Рим стремился обеспечить свое господство на дунайских землях. Учитывая эту обстановку в Риме, да и в своих задунайских владениях, Маробод и перешел к римлянам (*Tac. Ann.* II.26; III.11). Цель Рима, таким образом, была достигнута, ему удалось расколоть оба союза: находившиеся под властью Маробода и под верховенством Арминия. Власть Маробода основывалась на силе не только маркоманнов, но и тех племен, которые двинулись к Рейну и Дунаю вместе с ним. Его союзниками были большие свевские племена – лугии и семноны. С их помощью он и создал свою державу силой и договорами (*aut bello domuit, aut conditionibus iuris sui fecit* – *Vell. Pat.* II.108).

²¹ Dobias J. King Marobodus as a Politician // *Klio.* 1960. Vol. 38. P. 155.

²² Местоположение Тевтобургского леса, который посетил Германик с римской армией (*Suet. Calig.* 3.3), точно не установлено. Со времени Моммзена высказываются разные мнения на этот счет. Наиболее вероятно локализация его в лесном массиве, расположенном в районе среднего Везера, между верхней Липпе и Эмсом. См., например: Der kleine Payli. s.v. Teutoburgiensis saltus. München, 1979. Bd. V. Sp. 639–640; Mommsen Th. Die Oertlichkeit der Varusschlacht. B., 1885; Meyer Edm. Untersuchungen über die Schlacht im Teutoburger Walds. B., 1893.

²³ *Vell. Pat.* II. 118; *Flor.* II. 30.29–39; *Dio Cass.* 56.18.1–5.

²⁴ *Timpe D. Arminius-Studien.* Heidelberg, 1970.

Рис. 2. Кенотаф центуриона Марка Целия, погибшего в Тевтобургском лесу

Зависимость племен от Маробода проявлялась, в частности, в том, что подчиненные ему цари и вожди были обязаны поставлять войска для военных действий против как Рима, так и враждебных племен. Под его пятой находилось объединение племен, скреплявшееся, очевидно, самой идеей царской власти, подобной власти Августа или Ариовиста. В его подчинении оказалась большая территория: от Верхнего Дуная и Верхней Эльбы до Карпат включительно, а в сферу его влияния

входили континентальные готы, обитавшие на Висле (*Tac. Germ.* 44), а также сигинны на Среднем Дунае²⁵. Впрочем, союз племен Маробода был непрочным; племена нередко враждовали между собой, а для разрешения конфликтов прибегали к помощи Рима. Так, в правление Тиберия свевы, подвластные Марободу, запросили помощи римлян в борьбе с херусками (*sed Suebi praetendebantur, auxilium adversus Cheruscos optantes* – *Tac. Ann.* II.44). К Арминию примкнули на последнем этапе его борьбы свевские племена – лангобарды и семноны, а к Марободу перешел отряд зависимых от Арминия воинов, во главе которых стоял вождь херусков Ингвиомер. Переход отряда Ингвиомера на сторону Маробода (*Tac. Ann.* II.45) типичен для практики племенного строя. Социальный статус воинов отряда Ингвиомера характеризуется как клиента, как младшие сородичи. Это позволяет подтвердить мнение о наборе в войска у германцев по кровнородственному принципу.

Союз племен Маробода был разрушен силой дипломатии Рима²⁶. Среди знати маркоманнов возник заговор, во главе которого встал знатный молодой человек из племени готов Катуальда, в свое время бежавший от чинимых Марободом насилий. Он неожиданно вторгся в пределы маркоманнов на Дунае, их вождей подкупил и вступил с ними в союз, затем ворвался в столицу царя город Боигем и захватил расположенное рядом укрепление (*Tac. Ann.* II.62).

В действиях Катуальды можно усмотреть вмешательство готов в дела на Дунае²⁷. Но его выступление из района Вислы едва ли было акцией одного лица и одной дружины, тем более что Тацит назвал его не вождем, но знатым лицом (*nobilis iuvenis*) из племени готов (*Tac. Ann.* II.62). Далее, Катуальда не возвратился домой, в земли готов на Вислу, а, изгнанный гермундурами, поселен был римлянами не в Италии, как Маробод, а в Нарбоннской Галлии. Сопровождавшие обоих вождей – Катуальду и Маробода – свиты варваров разместились в Паннонии, на правом берегу Дуная (*Tac. Ann.* II.62–63)²⁸. Оставленный всеми, Маробод переправился через Дунай в Норик и написал письмо Тиберию (*Tac. Ann.* II.62–63). Он был милостиво принят и получил жительство в Равенне. Более того, римляне дали понять, что в случае, если свевы начнут своевольничать, царская власть будет ему возвращена. Тем не менее, держава Маробода была разделена на несколько частей: на владения гермундунов, свевов–маркоманнов и квадов – все эти племена свевского происхождения. Таким образом, попытка создать

²⁵ Название племени "сигинны" сохранилось в названии Сингидун (совр. Белград), римского города и крепости в провинции Верхняя Мезия. См.: *Graf A. Übersicht der antiken Geographie von Pannonien*. Budapest, 1936. Это племя упоминает еще Геродот (*Herod.* V.6). В его время земли сигиннов простирались на запад вплоть до областей венетов на побережье Адриатики.

²⁶ *Dobias J. Op. cit.* S. 162.

²⁷ *Hachmann R., Kossack G., Kuhn H. Op. cit.* S. 66 f.

²⁸ *Dobias J. Wo lagen die Wohnsitze der Markomannen // Historia. Pr.*, 1960. Bd. II. S. 37 u.fol.; *Mócsy A. Pannonia // RE. Stuttgart, 1962. Supplbd. IX. Sp. 554.*

сильное объединение свевских племен на Дунае, как это было сделано Марободом, вблизи римских рубежей, была предотвращена.

В ходе межплеменной борьбы, осложнявшейся вмешательством Рима, была истреблена знать херусков. Как передает Тацит, римляне даже послали им своего царя по просьбе членов племени (*Cheruscorum gens regem Romaе petiuit – Tac. Ann. XI.16*), Италика, единственного представителя царского рода: его отцом был брат Арминия Флав, матерью – дочь вождя хаттов Актумера. Примечательно, что Италик находился в Риме не как заложник, а как римский гражданин (*pec obsidem, sed civem*). Назначение его имело большое политическое значение для укрепления римских позиций в мире германских племен. Причем он был направлен как раз в ту общину, которая в течение ряда лет упорно боролась с Римом. Теперь во главе херусков был поставлен человек из того же самого племени, но превратившийся в представителя романизированной знати, о чем свидетельствует и его имя – Италик. Отправляя его на царство за Рейн, Рим возлагал на него большие надежды. Не случайно император Клавдий снабдил Италика деньгами и выделил ему охрану (*austum pecunia, additus stipatoribus – Tac. Ann. XI.16*). Однако, вначале хорошо принятый херусками, тот был затем изгнан из страны, правда, вновь возвратился на царство, но уже с помощью лангобардов.

Правление Италика воспринималось на его родине как отход от отеческих порядков. Слой проримски настроенной знати среди германцев был еще незначителен. Возможно, херусками не воспринималась и сама форма правления – царская власть. При Домициане другой царь херусков, Хариомер, был также изгнан из страны с помощью хаттов за свою проримскую политику. Вначале Хариомер одержал победу и вернулся на трон, но позднее был свергнут вновь теми соплеменниками, родственники которых были им посланы в Рим в качестве заложников. Римляне не оказали ему поддержку военной силой, но снабдили деньгами (*Dio Cass. 67.5.1*). В результате всех этих междоусобиц, в которые вмешивались хатты, лангобарды и сами римляне, посылая царям деньги и требуя от них заложников, херуски утратили свою былую славу: они упоминаются Тацитом как племя малое и незначительное (*Tac. Germ. 36*).

После падения Маробода от его зависимости освободились как свевские племена, так и германские, образовав уже упомянутые государственные образования маркоманнов, свевов, гермундуров и квадов. Немалую роль в их сложении сыграла римская дипломатия. В ходе внутренних неурядиц и междоусобиц из среды свевов произошло выделение другого племени – квадов²⁹. Квады заняли регион нынешней Словакии. Отметим, что их царь Ванний получил власть также с помощью Рима (*dato rege Vannius gentis Quadorum – Tac. Ann. II.62*). Вначале он был поставлен царем над свевами (*Vannius Suebis a Druso Caesaris inpositus pellitur regno – Ibid. XII.29*), но был свергнут из-за разногласий в собственном доме (*domesticis discordiis – Ibid.*). В борьбу за царскую

власть были вовлечены цари, знать и вожди племен. В заговор против Ванния вступили родственники царя – дети его сестры, Вангион и Сидон. Впоследствии лугии и гермундуры были главными из племен, названных Тацитом "несметной силой" (*Ibid.*), которые двинулись против царя квадов Ванния, в результате чего он был изгнан из страны и нашел убежище на римском берегу. Римляне не вмешивались в события на Дунае и не оказали ему никакой военной помощи, но приняли изгнанников и поселили их в Паннонии³⁰. Возмущение племен за Дунаем против Ванния было вызвано общими для всего мира племен причинами – насильственным, грабительским обращением одних племен с другими. Пресловутый царь квадов Ванний за 30 лет своего правления накопил несметные богатства, налагая дань и грабя соседние племена (*Tac. Ann. XII.30*).

В качестве самостоятельного царства, образованного еще Августом на среднем Рейне с центром в Лаподуне, свевы участвовали в гражданской войне после гибели Нерона. Их цари Сидон и Италик командовали конницей свевов в битве за Кремону (*Tac. Hist. III.5; 11*). В этой гражданской войне участвовали и вожди сарматского племени язигов (*principes Sarmatarum Iazigum – Tac. Hist. III.5*), недавно появившиеся в междуречье Дуная и Тисы. Для Рима было важно иметь на Рейне и на Дунае твердые позиции. И эти позиции характеризуются отношением обоих этих племен к Риму. Свевы, например, отмечены Тацитом как племя, соблюдающее верность по отношению к Риму (*Tac. Hist. III.5; 21; Ann. XII.30; Germ. 41*). Союзником римской политики на Верхнем Дунае и Верхней Эльбе стало племя гермундуров, определяемое Тацитом как верное римлянам (*fida Romanis*) (*Germ. 41*).

Контакты Рима с миром племен происходили в I в. н.э. главным образом во время войн, а также в зоне, прилегающей к римским рубежам. Но влияние Рима достигало и народов, расположенных за Рейном и Дунаем. Этот мир племен был тесно связан между собой. Едва ли в самых отдаленных уголках его оставались неизвестными важные события, происходившие в это время на римских границах. Римский фактор присутствовал всегда и в отношениях племен друг к другу.

Продвижение Рима за Дунай означало одновременно и усиление культурного влияния римского мира на мир племен, хотя само это влияние достигалось, как мы видели, главным образом, силой римского оружия. Традиционная политика Рима состояла в приобщении членов племен к своим гражданским и моральным ценностям путем привлечения их к воинской службе во вспомогательных войсках Империи, а также дарования прав римского гражданства царькам и представителям племенной знати. Особенно ярко это проявилось на примере херусков, одна часть знати которой держалась римской стороны, другая – не принимала римских порядков, отстаивая прежние, отеческие обычаи. Во главе проримской группировки херусков стоял Сергест, получивший римское гражданство от Августа (*a divo Augusto civitate donatus est*); другую возглавлял Арминий, названный Тацитом "Возмутителем Германии"

²⁹ Kolník T. Anfänge der germanischen Besiedlung in der Südwestslowakei und das Regnum Vannianum // Slovenská Archeológia. 1963. XI. S. 339 u. folg.

³⁰ Колосовская Ю.К. Паннония в I–III веках. М., 1973. С. 209–210.

(*Turbator Germaniae* – *Tac. Ann.* I.55). Вокруг Сегеста образовался клан из его сородичей и клиентов. К ним принадлежал его брат Сегимер и сын брата Сесифак, а также дядя Арминия Ингвиомер, отправший, как мы помним, от Арминия и перебежавший к Марободу. Родной брат Арминия Флав также ориентировался на римлян. Ведь Флав служил в римских войсках, имел римское гражданство и всадническое достоинство. Знать херусков колебалась, перейти ли ей на сторону Рима или поддерживать восстание германских племен (см. выше о нем). В числе колеблющихся оказался сын Сегеста Сегимунд, исполнявший обязанности жреца императорского культа в общине убиев, который примкнул к Риму не сразу. Сомневался и сын Сегимера Сесифак, который в свое время глумился над трупом Вара (I.71). Упомянутому Сегесту удалось послать римлянам в провинцию Германию письмо о начавшемся возмущении, и это письмо вез его сын Сегимунд. Оба они, и Сегест и Сегимунд, были задержаны римлянами под предлогом их безопасности (*Tac. Ann.* I.58). Дочь же Сегеста, Туснельда, жена Арминия, которую он увел силой, осталась верна мужу и делу свободы Германии. Захваченная в плен, она была проведена в триумфе Германика (*Strabo*. VII.1.4; *Tac. Ann.* I.58–59).

Характерен рассказ Тацита о встрече двух братьев – Арминия и Флава. Он передает психологическую и нравственную сложность противоречий обеих групп знати херусков, когда по разные стороны в одной и той же семье сражались и противники, и сторонники римлян (*Tac. Ann.* II.9–10). Встреча произошла на реке Визуриге, на земле херусков. Оба брата, и Арминий и Флав, встретились как враги. Флав под началом императора Тиберия участвовал в рейдах по завоеванию германских земель. Он воевал даже против своего родного племени – херусков. Арминий напоминает Флаву о святом долге перед родиной, о свободе, унаследованной предками, об исконных богах Германии, о своей матери, о том, чтобы не быть предателем отечества (*gentis suae desertor et proditor*); он взывает к патриотическим чувствам Флава, указывая ему на гибель свободы Германии. На эти слова последовало самооправдание Флава, которое высказал сам Тацит: Флав – человек выдающийся верности Риму; он заслужил высокие воинские награды; получает жалование за службу; человек, который вследствие долга чести пренебрег самыми священными для человека обязанностями, составлявшими для римлян его святыни – *fas, penatales dii* (ср. *Cic. De nat. deor.* II.27.68).

Это был первый шаг к развитию процесса романизации в варварской среде. Но еще более реальные результаты дало создание воинских контингентов, набранных из племен. Так, из галльских и германских рекрутов были сформированы римские вспомогательные части, начало которым положил уже Цезарь. Но эти племена трудно было назвать варварами. Они трансформировались в римлян, став таковыми по языку, образу жизни, культуре, а иные народы – даже по административному устройству своих общин. Знание латинского языка в этой военной среде не всегда было обязательным, хотя в войсках служили 26 лет и научиться латинскому языку было не трудно. Командный же

состав частей из контингентов племен был укомплектован знатью, знакомой с латинским языком. Не только аристократия племен обычно служила проводником романизации провинций: армия также стала главным инструментом распространения римского влияния в завоеванных землях и на Рейне, и на Дунае. Армия и римский город всегда оставались центрами утверждения римского авторитета в племенной среде.

Варварские контингенты привлекались на военную службу как от племен, вошедших в состав Империи, так и от числа союзных Риму общин, находившихся вне римского государства³¹. Например, сформированные из батавов и германцев вспомогательные войска участвовали в войнах Рима с племенами марсов, хаттов, херусков. Отряд хавков воевал против битуригов. Этот же отряд действовал и в походах Германика за Рейн (*Tac. Ann.* I. 60; 63). Комплектовались конные алы и пешие когорты из племени нервиев. В походе Цезаря Друза сопровождали военные трибуны этих частей – Хумстинкт и Авекций, *ex civitate Nerviorum* (*Liv. Per.* 141). Войска были набраны Тиберием и Друзом из только что покоренных ретов и винделиков (*Tac. Ann.* II.16–17). Они были отправлены на Рейн и участвовали в кампаниях Германика 14–16 гг. Германцы и батавы были в числе охраны Тиберия и Нерона (*Ibid.* I.24). Вспомогательные войска из батавов сражались на стороне римлян с херусками, когда погиб их вождь Хариовальда, *dux Batavorum* (*Ibid.* II.11).

Война с херусками и союзными им племенами выявила то непереносимое обстоятельство, что два мира: и римский, и племенной, – не могли существовать изолированно и все вместе составляли единство античного мира. Пример с херусками особенно показателен тем, что внутри одного народа образовались две враждующие группировки – римская и патриотическая. Подобные "партии" возникали практически в рамках всех племен, что существенно облегчало римлянам покорение галлов, германцев и задунайских народов. Это наглядно проявилось на примере знати марсов. Тацит передает: хотя марсы были сравнительно недавно разбиты римлянами, среди их знати все же оформился круг людей, вождь которых Малловенд сдал Риму всю общину целиком (*dux Mallovendus nuper in deditionem acceptus* – *Tac. Ann.* II.25). Этот Малловенд оказал также содействие римлянам в получении серебряного легионного орла, утерянного ими в битве в Тевтобургском лесу и хранившегося у хавков. Проримская "партия" сложилась и у хаттов. Их вождь Адгандестерий даже предлагал Риму умертвить Арминия, если ему пришлют яд из Рима (*Tac. Ann.* II.88). Но другой вождь хаттов, Арп, занимал совсем иную позицию, нежели Адгандестерий; римляне захватили в плен в 15 г. н.э. его жену и дочь. Напомним, что матерью Италика была дочь вождя хаттов, Актумера (*Ibid.* II.7; XI.16).

Среди знати всех племен был особый слой – жреческой аристократии, который управлял и самим царем, и всей общиной.

³¹ См., например: *Kraft K.* Rekrutierung der Alen und Kohorten an Rhein und Donau. Bern, 1951; *Alföldi G.* Die Hilfstruppen der römischen Provinz Germania Inferior // *Epigraphische Studien*. Düsseldorf, 1968. Bd. 6.

Жрецы и жрицы, определяемые древними как *sacerdotes, vates*, или *υοῖτες, ιερείς*, воспринимались как наставники всего народа. Обладая искусством пророчества, волшебства, магии они передавали свои знания из поколения в поколение и занимали свою должность пожизненно. Пост жреца всегда находился рядом с царем: Тацит отмечает, что жрец был фигурой, близкой к царю (*Tac. Germ.* 10). Жрецы воспринимались как толкователи воли богов, как люди, обладающие способностью понимать их волю и желание. О власти, которой обладали жрецы дакийских племен, красноречиво заявляет Страбон. По его словам, царь Биребиста, чтобы удержать народ в повиновении, обратился к помощи колдуна Декеней (*Strabo*. VII.3.5; 3.11). Огромную роль, цементирующую всю общину, играло учение жреца гетов Залмоксиса. По словам Геродота (IV.94–96) и Диогена Лаэртца (*Proaem.* 1.1), в философии Залмоксиса, которую он проповедывал гетам, сказалось греческое влияние. Залмоксису были известны идеи Пифагора. Его собственное учение о бессмертии души и о том, что он сам и их потомки никогда не умрут, но перейдут в другую обитель, где их ожидает блаженная жизнь, оказывало немалое влияние на нравственные нормы гетов. Значение лиц, подобных Залмоксису, было огромным для формирования самосознания того или иного народа.

Наиболее очевидно это обстоятельство проявилось в среде жреческой знати галльских племен – друидов³². Их звание было наследственным. Друиды ведали делами божескими, но их религиозные воззрения оказывали действие и на светские дела общины³³. В их власти было отлучить виновного от жертвоприношений (*sacrificiis interdicunt*). В ведении друидов были специальные школы, где обучались этому искусству. Для записи своих знаний друиды, как и галльские племена вообще, пользовались греческим письмом (*Caes. BG.* I.29; VI.14). Единство друидов и сила их власти поддерживались на всей территории Галлии. Их связи между собой, духовное воздействие на народ имели немалое значение для сплочения галльских общин. Проявление этого мы видим в восстании Верцингеторига, которому удалось, не без поддержки друидов, объединить галльские племена против Рима ради независимости всех общин Галлии (*sed communis libertatis causa demonstrat*) (*Caes. BG.* VII.89). Цари и жрецы (*sacerdotes vel reges*) галльских племен поддерживают в этом восстании галльские общины и редко занимают сторону Цезаря.

Друиды были опорой кельтского возрождения и в римский период, они являлись объединительной силой народа в период крупных освободительных движений. Тацит сообщает, что во время восстания батавов (69–71 гг. н.э.) под предводительством Клавдия Павла и Юлия Цивилиса (оба были царского рода – *Tac. Hist.* IV.13) именно друиды распространяли идею, что после пожара Капитолия в ходе Гражданских

войн боги разгневались на Рим и господство над миром должно перейти к народам, живущим за Альпами, ибо Рим был некогда взят галлами, но престол Юпитера остался нетронутым и Империя устояла (*Ibid.* IV.54). Император Клавдий, воспользовавшись тем, что друиды допускали человеческие жертвоприношения, запретил их деятельность и подверг их самих преследованиям (*Suet. Claud.* 25.5). Еще ранее Август, а потом и Тиберий принимали карательные меры против друидов, видя пагубное для римлян влияние этой касты на простой народ. В целом жреческая знать всегда была оплотом старины, противником римских порядков и деятельно сопротивлялась установлению римского господства в покоренных провинциях, а следовательно, отвергала романизацию страны. И свои священные традиции она нередко подкрепляла делами. Подобного типа жреческая знать, повторим, занимала ведущую позицию во время восстания галла Верцингеторига, в царствование дака Биребисты, в период освободительной войны батавов Цивилиса против Рима.

Объединительным символом выступила во второй половине I в. н.э. у германцев пророчица Веледа, девушка из племени бруктеров (*Tac. Hist.* IV.61, 65; V.22–24; *Germ.* 8). Она пользовалась огромным авторитетом в народе, особенно когда сбылись ее пророчества о падении римского лагеря на Рейне, где полностью погибли римские легионы. Победитель Цивилис даже отправил Веледе в качестве подарка легата XV легиона Муния Луперка, который, однако, был убит римлянами по дороге (*Tac. Hist.* IV.61). Веледа была посредницей в переговорах между германскими племенами, где речь шла о судьбе колонии Агриппины. Характерно, что послов агриппинцы отправляют, согласно Тациту, к Цивилису и Веледе как равным и преподносят равные дары (*Ibid.* IV.65.3). Как и некогда Залмоксис, который уединялся в пещере и общался только с царем и близкими к нему людьми, загадочная Веледа также жила отдельно, в большой башне и вступала в контакт с людьми через посредство своих приближенных. Они и передавали ее пророчества народу.

Насколько сильно германцы почитали Веледу, свидетельствует тот факт, что восставшие племена подарили ей флагманский корабль римского флота на Рейне. Более того, Веледа была доставлена в Рим при императоре Веспасиане и представлена ему как великая пророчица. По данным Тацита, она была захвачена римлянами (*Germ.* 8). Ее преемницей стала некая Ганна, также пророчица (*δεῖλφισσα*). Вместе с царем семнонов Масием Ганна была приглашена в Рим, где с почетом была принята императором Домицианом и отпущена назад (*Dio Cass.* 67.5.3).

Такие нравственно-этические и религиозные воззрения народов Европы уходят своими корнями в глубокую древность. Мы можем сослаться здесь на единственный, но красноречивый пример времени Августа. Известно, что Цезарь Друз погиб в 9 г. н.э. в германских землях, воюя между Рейном и Эльбой. Дион Кассий сообщает, что, когда он собирался перейти Эльбу, в лесу пред ним возникло видение величественной женщины, сказавшей: "Куда ты так стремишься,

³² Широкова Н.С. Идентификация друидов в античной литературной традиции // Античный полис. Л., 1979. С. 129 и след.

³³ См., например: *Caes. BG.* VI.13–14: *regibus divinis intersunt, sacrificiis publica et privata, religiones interpraentantur.*

неумный Друз? Не все тебе подвластно в этих землях. Остановись! Ведь и дела твои, и твоя жизнь скоро окончатся" (*Dio Cass.* 55.1.2–5). А по словам Светония, данная пророчица обратилась к Друзу на латинском языке, запретив ему двигаться дальше (*Suet. Claud.* 1.2). Очевидно, это была одна из тех пророчиц в священных рощах германцев, о которых упоминает Тацит. Эти рощи были посвящены богам (*Tac. Germ.* 8.9), и там никому не разрешалось бывать кроме жрецов (*quidem nisi sacerdotibus permissum*) (*Ibid.* 7). В такой роще, например, были развешаны на деревьях значки римского войска, погибшего в Тевтобургском лесу. Там сооружались и жертвенники (*Tac. Ann.* 1.59; 61; II.12).

Верховные жрецы удостаивались "честь" быть проведенными в триумфах, как, например, Веледа (*Tac. Germ.* 8) и Либес, верховный жрец хаттов (*Strabo.* VII.1.4). В триумфе Цезаря был проведен и Верцингеториг, позднее казненный (*Caes. BG.* VII.89; *Plut. Caes.* 25–27). Жреческая знать служила опорой царя при его провозглашении и при попытках его свержения. Царь либо опирался на этот слой знати, либо противился ему, последнее воспринималось знатью и народом как отход царя от верований предков.

Мир племен, взятый целиком, представлялся римской стороной как некое единое сообщество, но в политическом и в нравственном отношении этот мир был далеко не сплочен. Хотя для сохранения единства мира у племен существовали определенные религиозные и нравственные нормы и правила поведения, которые уходят своими корнями в глубокую архаику. Мы имеем в виду гостеприимство, как право народов древности, чему уже была посвящена отдельная глава (см. гл. I). Известно, например, что еще во время похода Александра Македонского против кельтов к нему примкнул их воинский отряд. Выразив большое уважение к личности и делам великого полководца, кельты пожелали заключить с ним союз о дружбе и гостеприимстве (*φιλίας καὶ ξενίας* – *Strabo.* VII.3.8). Аналогичное поведение отличало и царька гетов Дромихета. Захватив в плен царя Фракии Лисимаха, Дромихет отпустил его добровольно, посоветовав не воевать с народом гетов, но заключать с ним дружественные связи гостеприимства (*ξενίας καὶ συνδέμενος φιλίαν* – *Strabo.* VII.3.14). На базе гостеприимства покоились соглашения племен и расторгались они на той же основе. Право народов древности основывалось прежде всего на религиозных нормах племенного права. Источники свидетельствуют, что германцы оказывают гостеприимство тем племенам, которые к ним переселились, и тем, с которыми они смешались (*et hospitibus mixtos* – *Tac. Germ.* 2); святость крова и предложенной гостю пищи обозначена как божеское право (*hospitem violare fas non putant* – *Caes. BG.* VI.23); отказать гостю в крове считалось грехом, бесчестным поступком (*nefas habitur*), как и не выставить ему и его дружине угощения (*qui modo hospes fuerat, monstator hospitii et comes* – *Tac. Germ.* 2; 6; 21). Права гостеприимства действуют у племен непреложным законом (*ad ius hospitis nemo discemit* – *Ibid.* 21). Узы гостеприимства и связанные с ним

Рис. 3. Гемма Августа с изображением триумфа Тиберия над паннонцами и далматами

обязанности относились к обязательствам скорее нравственного, чем правового характера. Клятва верности как божеское право (*fas*) входила в религиозные обряды, за исполнением которых наблюдали жрецы. Их права в этом смысле обозначены как *sacra* и *sancta*. Таким образом, права жрецов считались священными и осуществлялись по повелению бога (*sed velut deo imperentem* – *Ibid.* 7). В право жрецов входило право налагать оковы, бичевать и карать виновного смертью. Правда, это скорее относилось к функциям гражданского права, но в руках жрецов была сосредоточена и религиозная, и гражданская власть, что делало этот слой племенного общества могущественной силой. Тацит рассказывает об одном древнейшем религиозном ритуале семнонов (*Germ.* 39). Священнодействия семнонов совершались в роще (*in silvam augurii patrum*), где собирались все вместе представители всех связанных с ними по крови народностей, чтобы скрепить верность союзу. В роще открыто (*publice*), от имени всех членов племени приносилась клятва путем человеческого жертвоприношения. Этот ритуал, обозначенный как священный (*sacra*), был не чем иным, как принесением клятвы верности, одной из основных процедур при заключении гостеприимства. Нарушение клятвы каралось божеским правом, ибо принимавший ее на себя клялся кровью своей и своих

соплеменников. Тацит назвал этот обряд жестоким, варварским обычаем (*barbari ritus*). С точки зрения просвещенного римлянина, регулярного зрителя гладиаторских боев, ритуал этот, конечно, казался "жестоким".

* * *

В этот мир племен Центральной и Юго-Восточной Европы I в. н.э. составной частью входили и племена даков. Они сыграли немалую роль в войнах придунайских племен, под ударами которых пало на Дунае кельтское сообщество бойев. История даков, как уже говорилось, была также связана и со славянами, а именно с той их частью, которая издавна принадлежала к народам внутренней Германии; Тацит назвал их народами "истинными и древними". Жизнь даков доримского времени остается, к сожалению, почти неизвестной, хотя, несомненно, она была схожа с историей соседних народов: славян, семнонов и лугиев. Источники о них чрезвычайно скудны. Так, лугии являлись большим славянским племенем. Они занимали обширную территорию и расчленились на различные племена (*latissime patet Lugiorum nomen in plures civitates diffusum* – *Tac. Germ.* 43). Племя представляло собой союз, или конфедерацию нескольких более мелких племен. Каждое из таких племен имело свой центр. Тацит назвал общины лугиев – *civitates*, понимая под этим термином гражданский характер общества лугиев: их управление, культовую жизнь, образ жизни, территорию. Из племен, которые принадлежали к объединению лугиев, Тацитом названо пять: гарии, геллеконы, манимы, гелизии, наганарвалы. В почитании божеств Алки, сходных с римскими Кастором и Поллуксом, в частности у наганарвалов, нет никаких следов иноземного культа, никаких изображений (*nullum peregrinae superstitionis vestigium*) (*Tac. Germ.* 43). Из этого сообщения можно сделать заключение об устойчивости их жизни и верований, отличных от германцев. Лугии были племенем совсем не германского происхождения, являясь западной ветвью славянства³⁴. В контакте с Римом они находились, как и племена семнонов, уже в I в. н.э. В раннем средневековье град и градская область лугиев – полабских славян, живущих на Эльбе (или Лаббе), стали политическим центром, вокруг которого формировались общины славян³⁵. Лугии занимали все течение Эльбы, расселяясь на том и другом берегу, и одно время входили в упомянутый союз Маробода.

Обращает на себя внимание название римской крепости на Дунае – Лугион (*Lugio*), – возникшей, возможно, в правление Домициана

³⁴ См., например: Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 96 и след.; Кляница З., Тржетиц Д. Первые славяне в Среднем Подунавье и Полабье // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 12 и след.

³⁵ Санчук Г.С. Формирование государственности и раннефеодальной народности у славян // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 97 и след.

на³⁶. Существование крепости прослеживается с начала II до IV в. Ее называют Птолемей (*Geogr.* II.15.3), "Дорожник Антонина", Певтингерова карта и Равеннский географ (VII в.). Крепость была предназначена для охраны участка дунайской границы Нижней Паннонии, но возникновение ее восходит к временам расселения лугиев. В правление Домициана (80-е годы н.э.) лугии запросили помощи римлян от натиска соседних племен; им была послана римская конница числом в 100 человек, помощь, "достойная не числом, но славой римской конницы" (*Dio Cass.* 67.5.2). Вероятно, тогда и была основана крепость Лугион, и в то же время из лугиев был сформирован отряд вспомогательных римских войск. Несомненно, лугии состояли в союзе с Римом, иначе как объяснить помощь, посланную им Домицианом. Лугии являлись активным фактором внешнеполитических перипетий соседних племен. Не без их содействия разворачивались и процессы внутри дакийских племен.

Союз даков начал формироваться задолго до завоевания Дакии Римом. Эволюция его, как и племенного мира вообще, отразилась в источниках далеко не полностью. Страбон передает о давно существовавшем делении страны на дакийцев (даков) и гетов, которое, как он пишет, сохраняется с древности (*ἐκ παλαιού* – *Strabo.* VII.3.12). Следовательно, еще до нашей эры существовало два племенных союза: один под властью даков, другой – гетов. Даки располагались от истоков Дуная и до рубежей Германии (*Strabo.* VII.3.1; 12–13), там, где отметил их Цезарь. Области, обращенные на восток и к Понту, были заняты гетами. Сведения Страбона, что славяне живут на границе с гетами, указывают лишь на то, что в его время власть даков простиралась до мест обитания славян, точнее тех из них, которые называли себя как племена славянские: уже известные нам лугии, семноны, лангобарды и гермундуры. Все они обитали на Эльбе и Одере и потому могли быть соседями даков. Страбон называет племена, определявшие в то время историческую ситуацию в Европе: германцы, дакийцы, геты, понимая под германцами славян (*Strabo.* VII.5.1). Даки и геты описаны Страбоном отдельно, как разделенные на два народа, что соответствовало и их истории. Однако Страбон говорит, что дакийцы и геты говорят на одном языке (*Strabo.* VII.3.13). Оба племени были объединены в один народ только после вступления на трон Биребисты, при котором началась активная экспансия даков³⁷, устремившихся не только в пределы греческих городов Западного Понта, но и в западные области Иллирика.

В правление Биребисты (60–40-е годы I в. до н.э.) было разрушено кельтское объединение бойев на Верхнем Дунае, территории которого, как мы уже видели, захватили позднее маркоманы, хотя немалую роль

³⁶ *Der römische Limes in Ungarn. Székesszehervár, 1976. S. 113; Колосовская Ю.К. Некоторые вопросы истории взаимоотношений Римской империи с варварским миром // ВДИ. 1996. № 2. С. 161.*

³⁷ См.: Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. "Царства" Биребисты и Децебала: союзы племен или государства? // ВД. 1984. № 7. С. 59–80.

в падении боев сыграли даки. Племенное "государство" боев было высокоразвитым образованием. Оно имело давние традиции царской власти, а также обширную клиентелу среди племен Верхних Рейна и Дуная. Владычество боев на правом берегу Дуная простиралось от Вены до Средней Тисы. Под их господством жили тогда племена, известные в большинстве своем под собственными названиями (геркуниаты, озеряты). Все они вошли потом в состав провинции Паннонии³⁸. В этническом отношении они отличались от кельтов-боев и принадлежали совсем к другой ветви народа. Так, племя озерятов считается племенем славянского происхождения³⁹. Кельты-бойи опирались в своей власти на племена Верхнего Дуная. Их главным союзником было обитавшее в Норике и на юго-западе Паннонии племя таврисков. Однако выступившие в союзе с боями под главенством царя Критасира тавриски были разбиты даками Биребисты.

Вследствие опустошительных походов даков держава боев перестала существовать. Был разрушен их племенной центр в современной Моравии, названный как Старое Городище⁴⁰. Место сражения боев и таврисков с даками историки локализируют в районе впадения Тисы в Дунай. Отсюда происходят находки серебряных монет с именем последнего царя боев Биатека⁴¹. Само сражение датируется различно: 60-е и 40-е годы I в. до н.э.⁴² С этого времени течение Дуная на всем своем протяжении оказалось в подчинении даков, хотя между ними обитало множество других племен. Страбон говорит, что под властью даков находилась большая часть соседних племен (*Strabo*. VII.3.11). Он сообщает даже о земле даков, путая их с гетами (VII.3.1). Объединенное войско Биребисты состояло из 200 тыс. человек (VII.3.13). Страбон называет его страну великой державой (μέγαλην ἀρχήν – VII.3.11). Его походы на запад против иллирийских племен затрагивали интересы Рима и провинции Македонии⁴³. Поскольку в I в. до н.э.

свевы, даки и геты определяли расстановку сил в племенном мире, у Цезаря и возникло намерение выступить против даков, когда по закону Ватиния 54 г. до н.э. ему были определены на пятилетний срок провинции Цизальпийская Галлия и Иллирик с тремя легионами⁴⁴.

Период I в. до н.э., особенно его второй половины, был отмечен постоянным движением племен, их переправами через Дунай. Причиной миграций послужили последствия прихода в этот регион свевов, а также римское силовое давление на племена как за Рейном, так и за Дунаем. Так, бойи в середине I в. до н.э., бежав за Дунай, пытались овладеть на его правом берегу столицей Норика Нореей (*Caes. BG. I.5*)⁴⁵. Позднее они примкнули к гельветам и разделили с ними одну судьбу. Будучи разбиты Цезарем в Галлии, бойи получили по ходатайству эдоев право остаться на землях этого племени (*Caes. BG. VII.17*), но лишились права иметь собственного царя, поскольку теперь были изгнаны из своей страны и находились под властью эдоев и Рима одновременно. Оставленные ими земли за Дунаем определяются древними как "пустыня боев" (*Deserta Boiorum*) (*Plin. NH. III.115; Strabo. VII.1.5*), что свидетельствует о беспощадности враждующих сторон (боев, даков, свевов), когда выступающее завоевателем племя оставляло после себя выжженную пустыню.

Но возвратимся к Биребисте. В его намерение входило распространение власти даков в районе правобережного Дуная вплоть до Тисы. Даки считали область течения Тисы своей, хотя от боев их отделяла река Парис (ныне Тиса) (*Strabo. VII.5.2*). Держава Биребисты делилась сначала на пять частей, потом, во время восстания – на четыре. В правление Августа войско даков составляло 40 тыс. человек в отличие от 200 тыс. прежних времен (*Strabo. VII.3.11; 12*). На какой-то период времени дакам удалось распространить свое господство на оба берега Дуная, что подтверждается археологическими источниками. Дакийская керамика и монеты времени Биребисты происходят из района Будапешта, достигая современной южной Словакии⁴⁶. Наследственным владением Биребисты была территория нынешнего Баната, где располагалась его столица Аргедава (Арцидава, совр. Вередия) (*Ptolem. Geogr. III.8.4*) и откуда он совершал свои грабительские походы на запад и восток Балканского полуострова. Разгромив в 52 г. до н.э. боев, царь подчинил себе ряд племен правобережья Дуная. Так, например, его "союзниками" стали скордиски. Он развернул также широкую дипломатическую активность, войдя в союз с Помпеем, который после победы над Цезарем при Диррахии пребывал в Македонии. Возможно, царь состоял в союзе с Ариовистом, весьма опасном для Цезаря.

Походы Биребисты против греческих городов Причерноморья достигали Аполлонии. Жители Одессы оставили город при подходе его войск. Была захвачена гетами также Ольвия. Подобной участи избег

³⁸ Колосовская Ю.К. Паннония... С. 19 и след.

³⁹ Polaschek E. Oseriates // RE. Stuttgart, 1943. Hbhd. XXXVI. Col. 1579–1580; Mócsy A. Pannonia // RE. Stuttgart, 1962. Suplbd. IX. Col. 708. Озерятов помещают на южных берегах оз. Балатон (античное оз. Пельсо).

⁴⁰ Meduna J. Das keltische Oppidum Stare Hradisko in Mähren // Germania. 1970. Bd. 48. S. 34–59; Filip J. Die keltische Zivilization und ihre Erbe. Pr., 1961; Filip J. Keltové ve Střední Evropě. Pr., 1956.

⁴¹ Paulsen R. Die Münzprägung der Boier I. Wien; Leipzig, 1933. S. 96; Graf A. Übersicht der antiken Geographie von Pannonien. Budapest, 1936. S. 20–21.

⁴² Alföldi A. Zur Geschichte des Karpatenbeckens im I. Jahrhundert vor Christ. B.; Leipzig, 1942. S. 15 u. folg.; Alföldi G. Noricum. L.; Boston, 1974. P. 40–41; Mócsy A. Pannonia // RE. Stuttgart, 1962. Supl. IX. Sp. 534; Swoboda E. Carnuntum: Seine Geschichte und seine Denkmäler. 4. Aufl. Köln; Graz, 1964. S. 232 u. folg.

⁴³ Златковская Т.Д. Племенной союз гетов под руководством Биребисты // ВДИ. 1995. № 2. С. 73 и след.; Macrea M. Burebista și celtii de la Dunărea de mijloc // SCIV. 1956. N 1–2. P. 119; Idem. Биребиста и кельты на Среднем Дунае // Dacia. NS. 1958. II. С. 143 ff.; Daicoviciu H. Dacia de la Burebista la cucerirea Romană. Cluj, 1972; Idem. Burebista: Roi des Daces // Revue Roumaine d'Histoire. 1980. Vol. XIX, 2–3. P. 149 et suiv.; Crișan J.H. Burebista and His Time. București, 1978.

⁴⁴ *Strabo. VII.3.5; 11; Suet. Caes. 44; Aug. 8; Vell. Pat. II.59; Liv. Per. 117; App. Illyr. 13; BG. II.110; III.25.*

⁴⁵ Swoboda E. Carnuntum. S. 230 u. folg.

⁴⁶ Археология Венгрии. М., 1986. Т. II. С. 278–279.

Дионисополь (совр. Балчик), жители которого направили к Биребисте посольство в Аргедаву. В надписи в честь Акориона, возглавлявшего это посольство в 48 г. до н.э., отмечено, что Биребиста "стал первым и величайшим из фракийских царей, захватившим всю страну по ту и по сю сторону реки Дунай". Но в результате беспрерывных межплеменных войн погиб и сам Биребиста. На недолгое время с политической арены даки были устранены. Впрочем, они вновь заявляют о себе в правление Августа.

Последовавшие при Августе военные экспедиции римлян преследовали цель усмирить левый берег Дуная, чтобы не подвергать нападению правобережные провинции Рима. Экспедиции направлялись не против даков вообще, но против отдельных дакийских племен. При Августе были побеждены трое вождей даков (*duces*) (*Suet. Aug.* 21). Следовательно, государство даков как целое еще не существовало. Двое из вождей – Котизон и Дикомес – известны в источниках этого времени. Котизон держался стороны Августа, и с ним был заключен римлянами союз, в обеспечение которого Август обещал отдать Котизону в жены свою дочь Юлию (*Suet. Aug.* 63), а Дикомес поддерживал Антония. Союз с Котизоном относится к 30 г. до н.э.⁴⁷ Сам он погиб в стычках между даками, а Дикомес попал в плен к Августу, и об этом мы уже упоминали.

Под властью Котизона находились горные области страны даков⁴⁸. Флор сообщает о том, что даки Котизона засели за горами и совершают набеги через замерзший Дунай (*Flor.* II.XXVIII.18–19). Как полагают, власть Котизона распространялась на оба берега реки⁴⁹. Вместе с Котизоном Флор назвал и Гнея Корнелия Лентула, наместника Иллирика, который построил укрепления на правом берегу Дуная (*Flor.* II.XXVIII.18–19). Задача Лентула состояла в том, чтобы вытеснить даков на другой, левый берег Дуная и укрепить свой, установив на нем сторожевые посты (*praesidia*)⁵⁰. Сами походы Котизона через Дунай

⁴⁷ *Patsch C.* Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa: Bis zur Festsetzung der Römer in Transdanuvien // SBAW in Wien. Philos.-hist. Kl. Wien; Leipzig, 1932. Vol. 214. Abt. I. S. 60 u. folg.

⁴⁸ Владения Котизона локализируют или в современном Банате или в Трансильвании. См.: *Istoria României*. București, 1960. Vol. I. P. 289.

⁴⁹ См.: *Mócsy A.* Die vorgeschichte Obermoesiens im hellenistisch römische Zeitalter // AASH. 1966. Bd. 14, fasc. 1–2. S. 101–102.

⁵⁰ Эти события относятся к организации провинции Мёзии и датируются различно: 27 г. до н.э., 14 г. до н.э., периодом от 6 г. до н.э. до 4 г. н.э. или 10–12 гг. н.э. Так, Т.Д. Златковская считала наиболее вероятной датой похода Лентула против даков период 10–12 гг. н.э. (*Златковская Т.Д.* Мёзия в I–II веках нашей эры. М., 1951. С. 43). К. Пач относил поход Лентула на зиму 14/13 г. до н.э. (*Patsch C.* Bis zur Festsetzung der Römer... S. 93). Сайм помещал поход на время между 6 г. до н.э. и 4 г. н.э. (*Syme R.* *Lentulus and the Origin of Moesia* // JRS. 1934. № XXIV. P. 113). С организацией Мёзии связана и экспедиция за Дунай Секста Элия Ката, консула 4 г. н.э. Он переселил с левого берега на правый 50 тыс. гетов (*Sirabo*. VII.3.10; *Vell. Pat.* II.103.3). Но имеются в виду здесь не геты, а даки. Известен один из этих даков – Туттион, сын Бута, принятый на службу в Мизенский флот и получивший отставку

приходясь на период 29–28 гг. до н.э. Именно тогда тема о даках и парфиях звучала в произведениях Горация ("Не слышал ты что-либо о даках?" – *Serm.* II.6.53; "Котизона-дака полки погибли" – *Od.* III.8). Мотив даков возник у Горация в связи с возвращением в его время из Парфии римских знамен, утраченных в войнах Марка Лициния Красса в 28 г. до н.э.

Страбон (VII.3.13) сообщает о другой кампании против даков, упоминая о сборе на реке Марисос (совр. Муреш) римского войска. Достигнуть этой реки было возможно в случае, если правый берег Дуная в какой-то своей части принадлежал римлянам и был укреплен сооружениями Лентула. Направлялась эта экспедиция, очевидно, не против даков вообще, но против одного или нескольких дакийских племен (*gentes Dacorum*) (RGDA. 30). Возможно, к этому походу за Дунай относится "Слово утешения к Ливии". Это произведение принадлежит поэту круга Овидия. Оно посвящено обоим сыновьям Ливии – Цезарю Друзу, погибшему в германских землях в 9 г. до н.э., а также Тиберию. В "Слове" имеются строки, повествующие о походе Тиберия за Дунай, хотя сам он не принимал в нем участия⁵¹. В "Слове" говорится, что войска под командованием Тиберия достигли Апула (совр. Альба-Юлия), "лежащего на краю вселенной". Апул был племенным центром; он находился на реке Муреш и предположительно связывается с агафирсами⁵².

О войнах с даками во время правления Августа повествует и известная элогия из Тускула⁵³. В ней упоминается наместник Иллирика Марк Виниций⁵⁴. Надпись вызвала много суждений о личности наместника, о дате его похода за Дунай, о порядке названных в надписи племен, а также о том, из какой провинции (Норик, Мёзия, Паннония) направлялся этот поход⁵⁵. Текст надписи следующий: "Марк Виниций,

в 71 г.: *Tutio Buti f(ilio) Dacus*. См.: *Dobó A.* *Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes*. Budapest, 1975. N 640.

⁵¹ *Consolatio ad Liviam*. V. 385 sqq. Цит. по: *Baehrens A.* *Poetae Latini minores*. Lipsiae, 1879. Bd. I. См. также: *Patsch K.* Bis zur Festsetzung der Römer... S. 109.

⁵² *Колосовская Ю.К.* Агафирсы и их место в истории племен юго-восточной Европы // ВДИ. 1982. № 4. С. 47 и след.

⁵³ *Dobó A.* *Inscriptiones...* N 489.

⁵⁴ О личности самого наместника существуют два предположения, поскольку от его имени в надписи сохранился только слог – *cius*. Считают, что им был или Марк Виниций, или Публий Сульпиций, поскольку оба они служили наместниками Иллирика в правление Августа. Большинство ученых принимают восстановление имени наместника как Марк Виниций. См.: *Dobó A.* *Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletianus*. Budapest, 1968. S. 16–18.

⁵⁵ Если следовать порядку названных в надписи племен, то первыми названы даки и бастарны, которых римляне могли достигнуть только с востока Дакии. Если же племена названы без определенного порядка, а среди усмиривших племен первыми упомянуты котины, то римляне могли выступить с запада. А. Премерштейн считал, что поход Виниция за Дунай состоялся в 14 гг. до н.э. из Карнунта в Норике. По мнению К. Пача, поход мог быть совершен с юго-востока Паннонии, в 10–9 г. до н.э. А. Мочи полагал, что поход Виниция был осуществлен в 10 г. до н.э. с территории Верхней Мёзии. См.: *Premmerstein von A.* *Der Daker- und Germanensieger M. Vinicius*

сын Публия, консул, квиндецемвир, претор, квестор, наместник в ранге пропретора Августа Цезаря в Иллирике, будучи послан за Дунай, разбил войско даков и бастарнов, усмирил котинов, озов, таврисков и анартов, заставив эти племена признать власть Римского народа и Августа Цезаря⁵⁶. Эти племена были соседями даков и на севере, и на западе, и на востоке будущей провинции. В надписи сказано о даках и бастарнах, которые вместе с даками вступили в правильное сражение с римлянами (exercitum vicit). Вероятно, поход против бастарнов и даков предпринимался отдельно от рейда против котинов, озов, таврисков, анартов, так как о них сказано, что они были лишь усмирены (profligavit). Бастарны и даки были же главными противниками Рима, и потому оба народа были побеждены в регулярном военном строю.

Что же представлял собой народ бастарнов, разделенный на многие племена (εἰς πλείω φύλη διρρεμένοι) (Strabo. VII.3.17)? Объединение бастарнов, названное Страбоном филими, представляло конфедерацию нескольких племен. Страбон помещает их на границе с даками и гетами (VII.3.13). К гетам их относил Аппиан (Mас. XVI.1.2). Полибий, Ливий и Плутарх считали бастарнов кельтским племенем (Polyb. XXV.6; Liv. 44.26.11; Plut. Aem. Pav. IX). К германцам их относил Тацит (Germ. 46). Согласно Диону Кассию, бастарны были скифским племенем (Dio Cass. 51.23. 2–3). Из этой разобщенности сведений источников об этносе бастарнов закономерно вытекает вывод, что древние авторы были неосведомлены о составе населения Юго-Восточной Европы. Трудно также с уверенностью определить, к какой этнической группе принадлежали бастарны; только частные соображения на этот счет могут быть высказаны здесь.

Птолемей разместил бастарнов на северо-востоке Дакии и отнес их к племенам Европейской Сарматии (Geogr. III.5.7; 10). В III в. до н.э. они занимали области Верхней Вислы, затем захватили течение Днестра и Прута вплоть до устья Дуная. То, что Дион Кассий отнес бастарнов к скифским народам, а не к кельтским, позволяет причислять их к народам не германского происхождения. В III в. н.э. они упоминаются в союзе с карпами и роксоланами⁵⁷. Вместе с певкинами они участвовали в Маркоманнских войнах (SHA: Marc. 22.1). Употребление термина "бастарны" в поздних источниках IV–V вв., когда произошли большие этнические сдвиги в Европе (SHA: Marc. 22; Prob. 18.1; Zosim. I.42.7), свидетельствует, что под этим именем могли пониматься тогда совсем другие народы. Бастарны составляли население Прикарпатских и Закарпатских регионов. Восточная часть Карпат, как известно, была населена племенами бастарнов, постоянно проживающими там, и называлась она "Бастарнские Альпы" (Bastarnicae Alpes). Длительность

проживания бастарнов в этом регионе Европы указывает на их возможные связи со славянским населением.

Об общественной организации бастарнов мы знаем немного, разве что управлялись они царями и вождями (regulus, duces). Известен один из царьков бастарнов (regulus) Клондик (Liv. XL. 58.2; 44.26.11). Под словом "царек" (regulus) обычно понимаются лица, обладающие меньшей властью по сравнению с верховными правителями, в объединение которых они входили. Занимали такие царьки по отношению к царю объединения положение данников и зависимых от него лиц. Ливий упоминает Коттона, "знатного человека племени бастарнов" (Cotto nobilis erat Bastarna – Liv. XL. 57.3). Присутствует в источниках царь бастарнов Дельдон (Dio Cass. 51.24.1–7). В правление Августа (29 г. до н.э.) бастарны во главе с Дельдоном перешли Дунай зимой со своими женами и детьми, с телегами и скарбом. Они были разбиты наместником Македонии Марком Лицинием Крассом, который в сражении убил своей рукой их царя Дельдона. Совершенный Крассом поступок считался величайшим подвигом на войне. Юпитеру Феретрию приносилась в этом случае благодарственная жертва, а снятые с царя доспехи (spolia opima) помещались в храм. За такой воинский подвиг полагался триумф от сената, а сам полководец мог быть провозглашен императором на поле боя своими воинами. Но победный титул "императора" Красс не получил, поскольку это означало бы умаление политического авторитета Августа⁵⁸.

Неизменное присутствие бастарнов в политических реалиях Рима в качестве далекой, но актуальной варварской периферии подтверждает пассаж из "Деяний Августа". В нем бастарны перечислены вместе с племенами скифов и савроматов как просящие у Августа "дружбы" (nostram amicitiam appellerunt per legatos Bastarnae Scythiaeque et Sarmatarum, qui sunt intra flumen Tanaiam – RGDA. 31.2). Мы видим, что политика Рима в отношении этих далеких народов была направлена, как и прежде, на сдерживание враждебных поползновений племен посредством предоставления им почетного статуса "друзей Римского народа". Тем самым преследовалась цель укрепления авторитета римского мира среди племен. Влияние варварского мира на Рим ощущалось всегда, в том числе и в этом регионе, особенно вблизи греческих городов Северного Причерноморья и морских баз Рима на Понте⁵⁹.

⁵⁸ После того как в 40 г. до н.э. титул "император" был унаследован Августом вследствие усыновления его Цезарем, он в качестве личного прозвища входил в титулатуру Августа (Dio Cass. 43.44.2; Suet. Caes. 76). Отныне титул "император" не принадлежал к прежним отличиям полководцев, которыми они награждались войсками на поле битвы после победы римского оружия, но стал частью императорской титулатуры. См.: Машикин Н.А. Принципат Августа. М., 1949. С. 392–393; Picard G.Ch. Les trophées romains. P., 1957. P. 245; Kornemann E. Römische Geschichte. Stuttgart, 1977. Bd. II. S. 136–137.

⁵⁹ Чаплыгина Н.А. Население днестровско-карпатских земель и Рим во II в. – начале III в. н.э. Кишинев, 1990. С. 74 и след.; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989. С. 263 и след.

(cos. 19. v. Chr.) und seine Enkel (cos. 30 und 45 n. Chr.) // JÖA. 1904. Bd. VII. S. 215 u. folg.; Paisch K. Bis zur Festsetzung der Römer... S. 103–108; Mócsy A. Pannonia. Sp. 532; 543–544).

⁵⁶ См.: Dobš A. Inscriptiones... N 489.

⁵⁷ Bastarnae // RE. Stuttgart, 1902. Bd. III. Col. 113 u. folg.

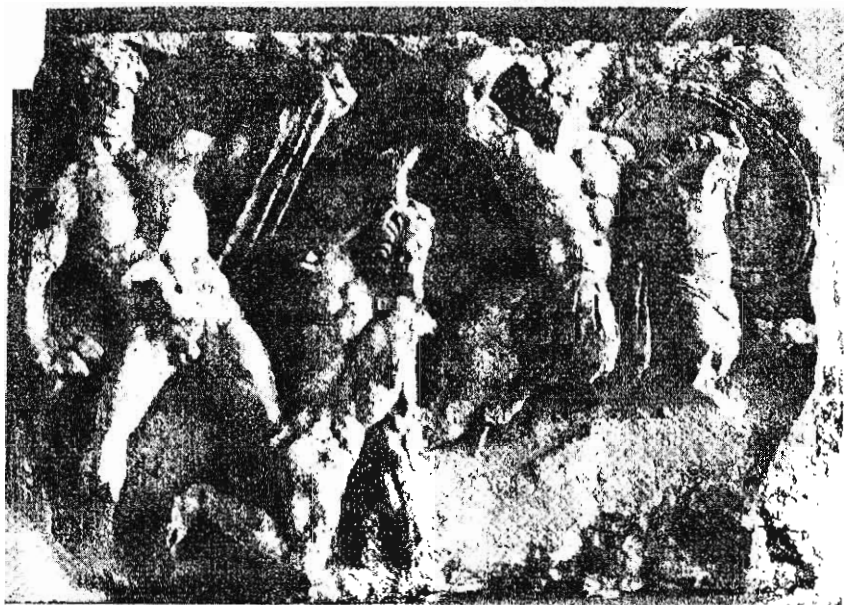

Рис. 4. Битва между римским всадником и варварами.
Фрагмент рельефа I в. н.э. Трир

Бастарны всегда учитывались Римом в качестве заслона дунайских рубежей.

Район Нижнего Дуная часто находился под угрозой нашествия со стороны варварского мира. Племена стремились достигнуть римских пределов, столь притягательных для них. Тем более ситуация обострилась с появлением на Дунае новой политической силы в лице сарматов. О движении сарматов к Дунаю известно во время Тиберия, когда в провинцию Мёзию вторглись даки и сарматы (*Suet. Tib.* 41). Это событие связывают с язигами-метанастами, переселенцами из Северного Причерноморья в область современного Баната, прилегающую к западной границе Дакии. Язиги оказались в чуждой им этнической среде, отличавшейся к тому же иной хозяйственной структурой. Их поселение на Дунае произошло с разрешения римского правительства⁶⁰, чтобы обезопасить Империю от вторжения даков⁶¹, в правление или Тиберия, или Клавдия⁶². Но это не могло не повлечь за собой военных конфликтов со стороны соседних племен. Названные Птолемеем "пересе-

⁶⁰ Alföldi A. Die Roxolanen in der Walachei // Bericht über den VI. Intern. Kongress für Archäologie. B., 1939. 1940. S. 528 u. folg.

⁶¹ Mócsy A. Pannonia. Ap. 534; 553; Мочи А. К вопросу о периодизации раннесарматской эпохи // AAASH. 1954. IV. S. 124 ff.

⁶² Kloss J. Roms Klientel-Randstaaten am Rhein und an der Donau: Beiträge zu ihrer Geschichte und Rechtlichen Stellung im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Breslau, 1934. S. 128–129; Fitz J. Pannonien und Klientel-Staaten an den Donau // Alba Regia. Székesfehérvár, 1963–1964. S. 80 u. folg.

ленцами" (*Geogr.* III.5.1) язиги-метанасты открыли путь миграции на запад Империи другим племенам Северного Причерноморья, в частности сарматам. И с тех пор на Дунае сарматы стали одним из значительных факторов внешнеполитических пристрастий Рима. Эпиграфика эпохи Веспасиана очерчивает тот круг непростых проблем, с которыми столкнулся Рим в I в. и которые надолго определили перспективы его внешней политики на Дунае.

Надпись, о которой пойдет теперь речь, представляет собой элогию Тиберия Плавтия Сильвана Элиана, высокопоставленного сановника на службе Римской империи эпохи Флавиев. Надпись перечисляет этапы его senatorской карьеры⁶³. Сам Веспасиан произнес похвалу в сенате успехам Плавтия Сильвана в Мёзии и на Понте. Его карьера в свое время была подробно рассмотрена Г. Альфельди⁶⁴. Военную карьеру Плавтий Сильван начал квестором при Тиберии. При Калигуле в 40 г. он командовал легионом V Alaudae, стоявшем в Нижней Германии. Плавтий Сильван находился в свите императора Клавдия во время его подхода в Британию в 43–44 гг. Сестра Плавтия Сильвана, Элия Петина была первой женой императора Клавдия. Он занимал должность понтифика, верховного жреца (*sodales Augustales*), в ведении которого находился культ Августа, а также одного из трех лиц, ответственных за выпуск золотой и серебряной монеты. В 45 г. Плавтий Сильван был избран консулом, в 56 г. – наместником в ранге проконсула в провинции Азия. В ранге пропретора он управлял в 70–73 гг. Ближней Испанией. В 74 г. был назначен Веспасианом на пост префекта города Рима. В этом же году он удостоился по рекомендации императора вторичного консулата. За успешные действия в провинции Мёзии и на Понте Плавтий Сильван по предложению Веспасиана получил *ornamenta triumphalia*. Это была высокая почесть, которую мог заслужить полководец на войне. Удостоившемуся отличий триумфатора полагалась одежда триумфатора: пурпурная тога, туника, расшитая пальмовыми ветвями, лавровый венок, жезл, увенчанный серебряным орлом. (Во времена Империи полный триумф полагался только императору⁶⁵.)

Мы остановимся на той части надписи, в которой речь идет о действиях Плавтия Сильвана как наместника Мёзии⁶⁶. В ней сказано:

⁶³ См.: Dobó A. Inscriptiones... N 840.

⁶⁴ Alföldi G. Die Legionslegaten der römischen Rheenarmeen // Epigraphische Studien. Köln; Graz, 1967. Vol. 22. S. 4, N 5; S. 111, 112.

⁶⁵ См.: Picard G.Ch. Op. cit. P. 102, 257.

⁶⁶ Сроки наместничества Плавтия Сильвана в Мёзии определяются различно. Племена, переселенные им с левого берега Дуная на правый, атрибутируются неодинаково. Сама последовательность действий за Дунаем, а также их отношение к событиям под Херсонесом, толкуются также по-разному. Так, В. Пырван считал, что Плавтий Сильван был наместником Мёзии два года – в 52 г. и в 53 г. (*Párvan V. Getica o protoistoria a Daciei. București, 1926. P. 128–129*). К. Пач помещал его наместничество на 60-е годы (*Patsch K. Bis zur Festsetzung der Römer... S. 164*). По мнению Д. Пиппиди, пост наместника Мёзии Плавтий Сильван занимал в течение 10 лет, с 57 по 67 г. Присоединение к Империи земель не было достигнуто: речь идет лишь о замирении

"Тибериус Плавтий Сильван Элиан, наместник Мёзии в ранге пропретора, переселил в провинцию более 100 тыс. человек из числа задунайских племен вместе с их женами и детьми, вождями и царями для поставки налогов. Он подавил начавшееся движение сарматов, хотя большую часть войска отослал в экспедицию против Армении. Неведомых дотоле и враждебных римскому народу царей он привел на тот берег, который защищал, чтобы народы почитали римские знамена. Он возвратил сыновей царям бастарнов и роксоланов, царю даков – брата, захваченных в плен или отбитых у врагов. От некоторых из них он получил заложников, чем укрепил мир в провинции..."⁶⁷ Как видим, большую часть военного контингента Мёзии Плавтий Сильван отослал в поход на Восток: Домиция Корбулона в Армению и Цезенния Пета – в Парфию. Значит, если легионы Мёзии (VIII Августов, XI Клавдиев, I Италийский, V Македонский) были посланы из провинции, то она действительно лишилась своей защиты, ибо ее оборона была возложена на вспомогательные войска.

Этот момент сочли для себя благоприятным народы, названные как "дотоле неизвестные и враждебные Риму народы" (*ignotos ante aut infensos*). В движении к Дунаю участвовали и даки, и бастарны, и роксоланы, а также сарматы Северного Причерноморья. Обо всех о них сказано как о народах, враждебных Риму, причем обозначены они множественным числом (*ignotos aut infensos*), что свидетельствует о натиске племен, обрушившихся на правобережные провинции.

Наступление племен исходило из восточных и южных областей Левобережья Дуная. Оно заставило бастарнов и даков вступить в стычки и с римлянами, и с сарматами. Как сказано в надписи, Плавтий Сильван вернул родственников царям бастарнов и роксолан и брата – царю даков, захваченных или уведенных в плен (*regibus Bastarnarum et Roxolanorum filios, Dacorum fratrem captos aut hostibus ereptos remisit*). Значит, все племена, названные в надписи (*ex numero Transdanuvianorum*), в результате беспорядочных столкновений друг с другом очутились в плену и у римлян, и у сарматов, но были освобождены римским войском. Нападение сарматов (*motum orientem Sarmatarum*) было отбито. Возможно, роксоланы стали тогда заложниками римлян и были размещены на землях Валахии. Согласно надписи, с левого берега Дуная на правый было переселено более 100 тыс. человек, и от племен были получены заложники. Относительно переселенных племен существуют разные суждения. В. Пырван считал в числе *Transdanuviani*

даков, сарматов и обитавших в Мунтении гетов⁶⁸. По мнению К. Дайковичу, дакийские племена были оставлены за Дунаем в качестве заслона римских рубежей, а переселены были геты, бастарны и сарматы⁶⁹. Р. Вульпе также исключал даков из числа переселенцев, заменяя их гетами из областей Южной Молдавии⁷⁰. Отсутствие в надписи гетов скорее указывает на то, что к этому времени они утратили прежнее этническое влияние и находились под властью других племен. Часть племен была поселена на правом берегу Дуная. Мы знаем, например, о племенной общине на лimesе Верхней Мёзии *civitas Tiscomenses*, образованной искусственно; ее возникновение связывают с событиями, зафиксированными в надписи Плавтия Сильвана⁷¹.

Установление спокойствия на Дунае обуславливалось укреплением влияния Рима в варварской среде, в том числе среди племен Северного Причерноморья. Надпись Плавтия Сильвана сообщает и об экспедиции против скифов, в результате чего была снята осада с Херсонеса. А сделать это римляне могли в случае, если они подступили к городу с суши, базирясь в тылу на Тиру или Ольвию⁷². Оба эти города имели для Рима немаловажное значение для защиты границ на дунайском берегу, а также в самом варварском тылу. Они лежали на окраине варварского мира, в приднестровских и приднепровских землях, и потому являлись форпостами римской власти. Тира несла особые функции для укрепления римских позиций на Нижнем Дунае. Уже в середине I в. н.э. при Клавдии и Нероне город установил политические и экономические контакты с Римом⁷³. Миграция сарматов к Дунаю могла побудить Тиру к заключению военного союза с Римом. В свое время М.И. Ростовцев, не останавливаясь специально на экспедиции Плавтия Сильвана, отмечал, что при Клавдии произошла аннексия Фракии, а при Нероне к Мёзии был присоединен город Тира и его хора⁷⁴. Ростовцев считал безусловным, что после обращения Фракии в римскую провинцию должен был быть решен и вопрос о Тире, так как она оставалась единственным греческим городом Северо-Западного Причерноморья вне римской власти. Присоединение Тиры к Империи последовало до наместничества Плавтия Сильвана и произошло оно при Нероне, в 56 или в 57 г.⁷⁵ Тира могла быть признана как община свободная и союзная с Римом (*civitas libera et foederata*). С этим могло быть связано и введение в Тире в 57 г. нового летоисчисления, столь

⁶⁸ Pârvan V. *Getica*. P. 111–112.

⁶⁹ Daicoviciu C. *Dacia capta: Zur Frage der Eroberung und ursprünglichen Organisation Dakien* // *Klio*. 1960. N 38. S. 176–177.

⁷⁰ Vulpe R. *Les getes de la rive gauche du Bas-Danube et les Romains* // *Dacia*. N.S. 1960. IV. P. 321–323.

⁷¹ Mócsy A. *Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior*. Budapest, 1970. S. 28.

⁷² Дьяков В.Н. Таврика в эпоху римской оккупации // Учен. зап. МГПИ им. Ленина. М., 1942. Т. XXVIII, вып. 1. С. 47 и след.; Златковская Т.З. Мезия. С. 59 и след.

⁷³ Чаплыгина Н.А. Указ. соч. С. 74 и след.

⁷⁴ Ростовцев М.И. *Эллинизма и иранство на юге России*. Пг., 1918. С. 156.

⁷⁵ Patsch C. *Bis zur Festsetzung der Römer*... S. 166.

областей левого берега Дуная (*Pippidi D.M. Tiberius Plautius Aelianus și frontiera Dunării de Jos în sec. I e.n. // Contribuții la istoria veche a României*. București, 1967. P. 559–561 (фр. резюме)). В недавней работе В.М. Зубаря высказывается мнение, что поход Тибериуса Плавтия Сильвана имел место между 63–66 гг. и проводился он в русле внешнеполитических акций Нерона. См.: Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 27. Исследованием этой надписи занимался также П.О. Карышковский. См.: Карышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 91 и след.

⁶⁷ Dobó A. *Inscriptiones*... N 840.

важное событие сопровождалось предоставлением права римского гражданства лицам из высших сословий города. Так, среди граждан Тиры в III в. отмечены лица с императорскими именами Клавдиев, например, Клавдий Никомед, член буле Тиры в правление Каракаллы⁷⁶. Его предки получили римское гражданство или от Клавдия, или от Нерона.

Если Тира была объявлена городом свободным и союзным Риму, то она должна была сохранить свое самоуправление и судопроизводство. Она удержала за собой также право на подвластную ей сельскую территорию и была обязана Риму натуральными поставками в случае военных действий на Понте и на Дунае. В вопросах своей внешней политики Тира обязана была ориентироваться на Рим, который брал на себя обязанность защищать ее от внешних врагов. Именно тогда и был дислоцирован в Тире римский воинский контингент, что означало продвижение границ Империи за Дунай; об этом сообщает сама рассмотренная надпись: *pacem provinciae et confirmavit et protulit*. За свои свершения в Мёзии и на Понте Плавтий Сильван и был удостоен, как уже сказано, отличий триумфатора⁷⁷.

Аргументом вхождения Тиры в состав Империи уже в конце I в., в правление Домициана, служит известный папирус Ханта. Новое чтение папируса было дано Р. Финком. Он датируется 99 г. С такой датировкой папируса связывается мнение о том, входили ли левобережные области Нижнего Дуная в состав Нижней Мёзии уже при Домициане, как думал Р. Финк, или этот район Нижнего Дуная восходит ко времени дакийских войн Траяна, как полагал Р. Сайм. Речь идет, таким образом, о том, вошли ли задунайские области, и в том числе Тира, в состав Империи вследствие договора Домициана с даками в 89 г. или эти области были присоединены при Траяне, в период дакийских войн, между 105–108 гг.⁷⁸

Папирус представляет собой распорядок дня нарядов воинов Первой Испанской конной когорты ветеранов, входившей в состав войск

⁷⁶ Dobó A. Inscriptiones... N 555.

⁷⁷ Заслуживают внимания наблюдения П.О. Карышковского о монетной чеканке Тиры времени Домициана. Исследователь обратил внимание на то, что среди монетных типов в Тире резко преобладают монеты Домициана. Отмеченный им особый тип римских монет Тиры с изображением безбородой головы императора, а также орла, хотя и требует еще, как заметил Карышковский, атрибуции и исторической интерпретации, но этот тип монет – не одинок, и он находит параллели в чеканке Херсонеса и Ольвии при Флавиях. Римский гарнизон в Тире стоял "по крайней мере со времени Траяна". Гарнизонами же Тиры были обычно векилляции, откомандированные от легионов Нижней Мёзии. См.: Карышковский П.О., Коцевский А.С. Античные монеты из раскопок Тиры // Античная Тира и средневековый Белгород. Киев, 1979. С. 89, 91–92; Он же. Новые Тирасские надписи // Там же. С. 77; Крыжицкий С.Д., Клейман И.Б. Раскопки Тиры в 1963 и в 1965–1967 гг. // Там же. С. 19 и след., с. 643.

⁷⁸ Fink R.O. Hunts Pridianum: British Museum Papyrus 2851 // JRS. 1958. N 48, 1/2. P. 102 ff.; cp.: Syme R. The Lower Danube under Trajan // JRS. 1959. 49. P. 26 ff.; Vulpe R. Muntenia și Moldova de Jos în timpul lui Traian în lumina unei noi lecturi a papirului Hunt // Studii clasice. 1960. T. II. P. 337–353; Idem. La Valachie et la Basse-Moldavie sous les Romains // Dacia. N.S. 1961. T. V. P. 365 ff.

Нижней Мёзии. Тира в нем обозначена как укрепленный пост (*Turrae in praesidio*), но сам город назван находящимся вне провинции (*extra provinciam*), что соответствовало положению Тиры, при Веспасиане или даже Нероне объявленной городом свободным и союзным Риму.

Правление Флавиев отмечено активностью задунайских племен и в то же время решительными контрмерами Рима против них. К этому времени принадлежит надпись с упоминанием наместника Паннонии Тампия Флавиана, а также императора Веспасиана. В ней речь идет о заложниках, полученных Римом от знати задунайских племен (*obsidibus a Transdanuvianorum gentium principibus – Dobó. N 593*). Под названием *Transdanuviani* в надписи скрываются различные племена, хотя специально выделены свевы и язиги. От этих племен наместник получил конные и пешие войска, которые те представили Риму в знак дружеского расположения. "За все эти дела, успешно проведенные в Паннонии", Тампий Флавиан получил от сената, по предложению Веспасиана, отличие триумфатора.

Надписи Флавиана и Сильвана относятся к тем мероприятиям римлян в полосе дунайского рубежа, которые привели к созданию оборонительной системы лимеса, а также к организации Дунайской флотилии⁷⁹. Учреждение Веспасианом Мёзийской и Паннонской флотилий было бы невозможным, если оба берега реки не контролировались бы Римом. В этом смысле большое значение могло иметь установление и в Тире в правление Флавиев военного поста (*praesidium*).

Итак, вне сферы римского влияния оставались в I в. н.э. пока даки. Поздний историк Иордан сообщает, что геты (т.е. даки) после долгого времени, опасаясь скупости Домициана, расторгли союз (*foedus*), который они заключили с другими принцесами (*Jord. Get. 76*). Из этого можно заключить, что до времени Домициана у даков с римлянами существовали нормальные отношения, в обеспечение которых даки получали от Рима денежные субсидии. Эти субсидии Домициан отменил. Даки отказали в ответ в помощи римлянам в войне с племенами маркоманнов и квадов. Известно, что с последними шли какие-то переговоры, не увенчавшиеся успехом. Домициан казнил послов, прибывших с просьбой о мире (*Dio Cass. 67.7.1*). Как следствие, на Дунае возникли осложнения с местными племенами, чем воспользовались язиги и вторглись в Паннонию. В борьбе с язигами в Паннонии погиб XXI Хищный легион, прибывший с Рейна (*Suet. Dom. 6; Tac. Agr. 41; Eutrop. VII.23*). Сама война определяется в источниках как *bellum Marcomannorum, Quadorum, Sarmatarum (Dobó. 502)*⁸⁰. То, что военные действия против племен обозначены в источниках термином "война", может свидетельствовать о союзных отношениях всех этих племен между собой при Домициане, и не исключено, что к этому союзу

⁷⁹ Toth E., Vekony G. Beiträge zur Pannoniens Geschichte im Zeitalter des Vespasianus // AAASH. 1970. XXII, 1–4. S. 133 u.fol.

⁸⁰ Sauer R. Untersuchungen zu den Vexillationen den römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diocletian // Epigraphische Studien I. BJ. Köln; Graz, 1967. Bd. 18. S. 22–23, N 39.

примкнули и даки. Данную войну с маркоманнами и квадами вел командующий римскими войсками Гай Великий Руф. Пройдя через царство Децебала (*per regnum Decebal regis Dacorum*), он зашел в тыл к мятежным племенам, чтобы начать военные действия против них. Маршрут через страну даков был возможен в случае, если даки рассматривались как клиенты Рима и если римляне были хозяевами положения, например, одержав над даками какую-то решительную победу⁸¹. Руф дважды принимал участие в войне с даками и удостоился воинских наград.

Но война началась с больших потерь римлян. Зимой 85/86 г. даки и их союзники вторглись в Мёзию через замерзший Дунай и захватили часть ее территории⁸². В битве погиб наместник провинции Гай Оппий Сабин. Его отрубленная голова в качестве трофея была публично выставлена даками. Ведение войны было поручено прибывшему из Рима префекту претория Корнелию Фуску⁸³. На театр военных действий прибыл сам император Домициан (*Dio Cass.* 67.6.3). Его штаб-квартирой был город в Верхней Мёзии Наисс (совр. Ниш). В Мёзии действия Фуска развивались успешно, и ему удалось очистить захваченную часть страны от неприятеля. Но когда римское войско перешло Дунай и вступило в пределы даков, продвигаясь в направлении их столицы Сармизегетузы, даки совершили нападение на римлян⁸⁴. Римское войско погибло в Карпатских теснинах, в битве пал и Корнелий Фуск. Был уничтожен легион V *Alaudae* ("Жаворонки"), некогда сформированный Цезарем из галлов. В руки даков попал военный штандарт легиона – серебряный орел, – что считалось величайшим бесчестьем, а также множество пленных, обоз и снаряжение римской армии⁸⁵.

До вторжения римлян в пределы Дакии Децебал искал мира. Но после уничтожения армии Фуска он предложил римлянам заключить мир на унижительных для тех условиях: пусть каждый римлянин заплатит ему два обола в год, иначе он продолжит войну и причинит римлянам большие неприятности⁸⁶.

Следующее наступление римлян началось в 88 г. Новый префект претория Теттий Юлиан перешел Дунай у Виминация (совр. Костолац) и двинулся в направлении на Тибиск (близ Карансебеш). О ходе военных действий в стране даков до сражения при Тапах практически

ничего не известно. Царем даков в то время был Диурпаней. На какое-то время в источниках возникает фигура этого царя. У Анонима Валезия есть упоминание о Дурасе, которому принадлежала верховная власть над даками. Орозий, ссылаясь на Тацита в той части своего сочинения, которая до нас не дошла, говорит о победе Диурпаней над войском Корнелия Фуска (*Oros.* VII.10.4). Об этом упоминает и Иордан: римское войско было разбито в Мёзии даками под властью Диурпаней, когда погибла армия Оппия Сабина (*Jord. Get.* 76). Под командованием Диурпаней даки дважды победили римлян, разбив две армии: одну – в Мёзии, где пал Оппий Сабин, другую в Дакии, которой командовал Корнелий Фуск. Но потребовалась, очевидно, более твердая власть, и потому Диурпаней добровольно отрекся от нее в пользу Децебала, считая его более упорным и проницательным в ведении войны с римлянами (*Dio Cass.* 67.6.1). Возможно потому, что статус клиентов Рима после заключенного Диурпанеем перемирия не был одобрен знатью и жречеством даков, царь и был отстранен от власти⁸⁷.

При Тапах ("Железные ворота" в Трансильвании, совр. Дева) римляне одержали решительную победу. В этой битве произошел любопытный случай, связанный с Везиной, приближенным к царю Децебалу, "вторым человеком после царя" (*τὰ δεύτερα μετὰ Δέκεβαλον ἑχων*). Этот Везина, видя, что не сможет уйти живым, упал, притворившись мертвым, пролежал так весь день и лишь ночью сумел бежать (*Dio Cass.* 67.10.2).

Дальнейшие события этой войны остаются неизвестными. Мир с даками был заключен в 89 г. Децебал не пожелал встретиться с Домицианом и вместо себя послал своего брата, Диега. Диег был принят Домицианом в Паннонии, так как еще продолжалась война с квадами и маркоманнами (*Dio Cass.* 67.7.2–3; *Martial.* V.3; VI.10.7). Император возложил на голову Диега корону и отправил его в Рим с делегацией дакийских послов и с письмом в сенат от царя Децебала, которое, как говорили в Риме, Домициан написал сам (*Dio Cass.* 67.7.3).

По условиям мирного договора римляне обязались выплачивать Децебалу ежегодные денежные субсидии. В его распоряжение были предоставлены военные инженеры и ремесленники. Децебал не должен был вести военных действий против своих соседей. Он выдавал римлянам часть захваченного оружия и пленных. Так как римляне находились еще в состоянии войны с маркоманнами и квадами, Децебал предоставлял свободный проход римской армии через свое царство с целью нанести удар с тыла маркоманнам и квадам. В этом военном походе принимал участие римский всадник Гай Великий Руф, о котором мы уже упоминали.

Характеристика древних авторов, даваемая Децебалу, сопоставима с описанием личности Ганнибала у Ливия. Образ упорного врага, с которым тогда столкнулся Рим в лице Децебала, раскрывает Дион Кассий: "Этот человек был жесток и непреклонен в понимании сущности

⁸¹ Mócsy A. *Pannonia*. Sp. 551.

⁸² Patsch C. Beiträge zur völkerrunde von Südosteuropa. Bd. V, 2: Der Kampf um den Donaauraum unter Domitian und Trajan // SBAWW. Philosoph.-Hist. Kl. Wien; Leipzig. 1937. Bd. 217, 1. S. 5–6; 9–13; Златковская Т.Д. Мёзия... С. 71–74.

⁸³ Suet. Dom. 6; Eutrop. VII.23; Oros. VII.10.4; Jord. Get. 77–78. События войн с даками при Домициане нашли отражение и в римской поэзии. См.: Juven. IV.9–112; 37–38; VI.205; Martial. V.3; VI.10.

⁸⁴ Армия Фуска переправилась через Дунай по мосту, составленному из судов, у совр. д. Орля (в р-не г. Корабия). См.: Tudor D. Podurile romane de la Dunarea de Jos. București, 1971. P. 17 sqq.

⁸⁵ Tac. Agr. 41; Suet. Dom. 6; Dio Cass. 68.9.3; Eutrop. VII.23; Jord. Get. 77–78.

⁸⁶ Dio Cass. 67.5; Peir. Patr. fr. 4 = FHG. IV. P. 185.

⁸⁷ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955. С. 35–36.

войны, а также в руководстве войной. Он знал, когда надо атаковать и когда отступать. Был чрезвычайно опытен в засадах и знал, когда нужно вступать в сражение. Он стремился не только к достижению победы, но знал и то, как избежать поражения, ибо считал себя непримиримым и извечным противником римлян" (*Dio Cass.* 67.6.1). Некоторые особенности хитростей Децебала, примененные в его войнах с римлянами при Домициане, показывают его изобретательность. После сражения у Тап, в котором даки потерпели поражение, Децебал применил следующий прием. "Боясь продвижения римлян к своей столице, так как теперь римляне были победителями и движутся против нее, Децебал начал валить деревья и размещать на их стволах оружие, чтобы римляне могли принять их за воинов, готовых к отражению врага, и потому могли испугаться и отступить. И такое действительно случилось" (*Dio Cass.* 67.10.1–3). Примененный Децебалом прием схож с засадами славян, когда верхушки деревьев валятся в сторону противника и прижимаются кольями к земле. Преодолевая такую преграду, враг попадал в ловушку, волчьи ямы и капканы, где погибала его конница, ломая ноги. Использование засад широко применялось и в военных действиях Децебала. С тех пор для римлян речь шла уже не о наказании даков и не об их статусе клиснтов Рима, но о завоевании всей страны целиком и превращении ее в римскую провинцию.

* * *

Итак, подчеркнем еще раз, римская политика в отношении племен формировалась в I в. до н.э. – I в. н.э. таким образом, чтобы укрепить прочность границ на севере и северо-востоке Империи: и на Рейне, и на Дунае. Эта политика строилась на нейтрализации грубой, физической силы племен и одновременно на агрессивных устремлениях римлян – противостоять движениям племен, ограничив их пределы руслами крупных рек Европы. И для I в. н.э. Риму это удавалось, хотя германские племена остались вне сферы римской власти. Однако большой массив племен, выступающих под главенством свевов, был в результате военных акций Рима разобщен и раздроблен на несколько государственных образований. Одним из них оказалось объединение маркоманнов, известное с этого времени в качестве союзников Рима, но чаще его противников. Возросло влияние даков, выступивших на международной арене при Биребисте и обративших на себя пристальное внимание Рима. При Августе Римом был завоеван Дунай. Твердых постулатов о том, что Империи не следует переходить за пределы, указанные самой природой, в римском обществе еще не существовало. Они возникли в последние годы правления Августа под влиянием гибели легионов Вара и вследствие восстания германских племен во главе с Арминием. Вначале же римляне стремились продвинуть границы Рима за Рейн, достигли Эльбы и даже перешли ее, выйдя на побережье Северного моря. В то же время период этот отличался активным стремлением племен участвовать в большой римской

политике. И племенам удавалось занять свое место в отношениях с Римом. Они выступали нередко против римлян почти одновременно, военные столкновения разворачивались по всему фронту европейских границ Империи, и сами племена: свевы, маркоманны, херуски, даки и многие другие – потому и попали в поле зрения римских историков, что войны с ними были для Рима главнейшими из внешних событий в Европе. В ходе борьбы племена обрели этническую самостоятельность и собственную внешнюю политику. В середине II в. эти варварские "государства" станут участниками новых войн с Римом, причем действия развернутся на большом пространстве Европы и достигнут северной Италии. Теперь, в конце I в. внимание Рима было сосредоточено на даках.

ВОЙНЫ ТРАЯНА С ДАКАМИ

Дакийские войны Траяна относятся к большим и знаменательным событиям в истории Рима. Они означали изменение приоритетов внешней политики Империи и выход пределов ее за Дунай. Отказ от традиций Августа основывать границу Империи по большим рекам Европы (Рейну и Дунаю) был не случайным, а вызван целым комплексом причин морально-нравственного, экономического и военного характера. Мы не можем убедительно ответить на вопрос о причинах Дакийских войн в силу как ограниченности источников, так и современной нравственно-политической оценки этого события как развязанной Римом большой внешней войны. Мы также весьма относительно осведомлены о положении в Империи в I–II вв., мешаает и утраченная перспектива такого далекого от нас события, как завоевание Дакии. Мы вправе задавать себе вопросы, на которые не получим однозначного ответа. Почему же в Риме через сто лет после образования дунайской границы возникла потребность эту границу перейти и завоевать народ даков? Мы можем выдвигать в качестве причин дакийских войн Траяна те или иные факторы: стремительная воинственность даков, финансовые трудности Империи, природные богатства страны, помыслы самого Траяна, для которого завоевание Дакии могло обеспечить возрождение подорванного воинского духа и прикрыть обширными пространствами северные и северо-восточные фланги Империи. Следует учесть также, что дух римской армии при Домициане совершенно упал. И хотя с большим трудом были выиграны войны с хаттами, маркоманнами, квадами, сарматами, положение Рима на Дунае было ослаблено (*Suet. Dom. 12.1; Dio Cass. 67.3.1*). Убеждение в том, что Римская империя утрачивала свои внешнеполитические позиции, стало особенно заметно проявляться в последние годы правления Домициана в римской историографии¹ и поэзии, в том числе в злободневном творчестве Ювенала². Унижение римского войска, которое, как выразился Плиний Младший, не только "видели и римские орлы, и римские знамена, и даже сами римские берега" (*Romanae aquila, Romana signa, Romana denique pra – Plin. Paneg. 82.3*), наводило на мысль, что Империя могла вновь обрести славу только при качественно новом

правлении. Казна государства была истощена постройками и зрелищами Домициана, повышением жалования военным, раздачей донатив войскам по случаю мнимых военных успехов. Все это не могло не привести к тому, что римская граница, в сущности, оказалась открытой, а путь для нападения варваров – свободным. Римское общество ожидало решительных перемен во внешней политике и связывало эти перемены с правительством Траяна, из наместника Нижней Германии вззошедшего на трон римских императоров. Флор писал, что лишь при Траяне народ Империи вновь напряг свои мускулы и вспыхнули надежды, что вопреки всеобщему ожиданию старость Империи "зазелелена возвращенной юностью" (*Flor. I. 8*).

Настроение римского общества отражает и знаменитый памятник того времени – Панегирик Плиния Младшего Траяну, прочитанный им в сенате 1 сентября 100 г. при вступлении императора в третье консульство³. Несмотря на то, что она пронизана лестью и торжественным восхвалением императора, речь, произнесенная Плинием и изданная им отдельно, воспринималась образованным обществом и его правящими слоями как глубокий вздох облегчения после многих лет тиранического правления Домициана. В Панегирике отразился и реальный застой во внешней политике конца I в. Шаткость римских позиций на Дунае и на Рейне (а эти реки были рубежом Империи, отделявшим римский мир от варварского) определялась неудачной политикой Домициана. Частая смена наместников провинций, подвергавшихся гневу Домициана, падение жесткой дисциплины в войсках, – все это не могло не сказаться на новом брожении варварских народов сразу за лимесом и далеко за его пределами. По этому случаю Плиний писал, что у племен на глазах римского войска "вошло в привычку развезжать по этим рекам" как зимой, так и летом "на простых челнах, а то и просто вплавь". Плиний как бы предваряет значимость деяний, ожидавших Империю на Дунае: "Место императора – пребывать на берегах Дуная. Великое это дело... – остановиться на берегу Дуная (*magnum est stare in Danubii pra*) ведь если перейти его – верный триумф!" (*Plin. Paneg. 16*). Император должен восседать на трибуне, окруженный варварами, одетыми в разноплеменные одежды, с разноплеменной речью, редко обращаясь к переводчикам (*Ibid. 16–17, 57*). "Увидит теперь, наконец, – восклицает Плиний, – Капитолий не бутафорные триумфальные колесницы и не атрибуты вымышленной победы, но императора, украшенного истинной и прочной славой!..." Плинию видится триумфальное шествие Траяна; везут оружие, отнятое у врагов, а перед колесницею пробитые императором щиты; идут закованные в цепи варварские цари и просто пленники со связанными за спиной руками. Но все это было в некоторой мере пропагандистской патетикой; достигнуть же желаемого было возможно лишь сильнейшим напряжением материальных и физических сил, которые потребовало у Рима завоевание Дакии. Как передавал Дион Кассий, когда Траян узнал о состоянии дел казны и о том, сколько

¹ *Suet. Dom. 12.1; Flor. I. 1.1.8; Dio Cass. LXVII. 11.3; 12.2–5; 13.1–4; Plin. Paneg. 82.*

² При Домициане Ювенал не издавался и начал публиковать свои эпиграммы при Траяне, а последние сатиры – при Адриане. См.: Модестов В.И. Лекции по истории римской литературы. СПб., 1888. С. 731 и след.; Белецкий А.И. Ювенал // Ювенал. Сатиры. М.: Academia, 1937. С. IX и след.; Тронский И.М. История античной литературы. Л., 1951. С. 474 и след.

³ Письма Плиния Младшего / Пер. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура. М., 1982. С. 283 и след.

денег она получает ежегодно, он был сильно огорчен: соответствует ли все это его планам, а также силе и мощи государства (*Dio Cass.* 68.6.1–2).

Позволит ли сложное финансовое положение в Империи начать войну с даками, по словам Тацита, "племенем, никогда не верным римлянам" (*Тас. Анн.* III. 46), или ее придется отложить, – такие вопросы возникали среди правящих кругов Рима, будоражили они и современных исследователей. Так, еще Ростовцев писал, что за свой огромный успех в Дакии Траян заплатил величайшим напряжением сил всей Империи. Время, когда войны сами себя финансировали, обеспечивая победу, уже прошли. Дакийская добыча от войны была огромной, но она оказалась недостаточной, чтобы покрыть расходы на войну. Завоевание Дакии приравнивалось, по мысли Ростовцева, к завоеванию Цезарем Галлии. Но за те 150 лет, которые прошли со времени Цезаря, в корне изменилось положение дел в самой Империи и в окружающем ее варварском мире⁴. Действительно, успехи, которые были достигнуты Траяном в Дакии, уже следующим поколением римлян оценивались как пагубные для Империи; не случайно уже Адриан намеревался оставить эту провинцию. Выдвижение границы через Дунай далее на север и восток в реальности означало то, что новые земли оказались открытыми с трех сторон и были подвержены частым набегам варварских племен.

* * *

Исследованию данных о Дакийских войнах в письменных источниках и изображениях эпизодов этих войн на Колонне Траяна посвящена немалая литература⁵. Были высказаны разные суждения о достоверности событий и лиц, изображенных на Колонне, о топографической точности мест и пути следования римских армий, о характере

⁴ *Rostovtzeff M.* Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Leipzig, 1929. Bd. II. S. 70 u. folg.

⁵ *Кругликова И.Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955. С. 60 и след.; *Cichorius C.* Die Reliefs der Traianssäule. B., 1896–1900. Textbd. I–II; Tafelbd. I–II; *Petersen E.* Trajans Dakische Kriege nach den Säulenreliefs erzählt. Leipzig, 1899–1903. Bd. I–II; *Domaszewski v.A.* Die Dakerkriege Traians auf den Reliefs der Säule // *Philologus*. 1906; *Patsch C.* Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa. Vol. 2: Der Kampf um den Donauraum unter Domitian und Trajan // *SBAWW. Philos.-hist. Kl.* Wien; Leipzig, 1937. Bd. 217. Abt. I; *Lehmann-Hartleben K.* Die Traianssäule: Ein römisches Kunstwerk zu Beginn des Spätantike. B.; Leipzig, 1926; *Longden R.P.* The Wars of Trajan // *CAH*. 1937. Vol. XI. P. 223 ff.; *Paribeni R.* Optimus princeps. Messina, 1926–1927. Vol. I–II; *Daicoviciu C.* Siebenbürgen in Abertum. Bukarest, 1943; *Istoria României*. București, 1960. T. I; *Daicoviciu H.* Osservazioni intorno alla colonna Traiana // *Dacia*. 1959. III. P. 311–323; *Hanslik R. M.* Ulpian Traianus // *RE*. Stuttgart, 1965. Supplbd. X. Sp. 1035–1113. Лучшей книгой о Дакийских войнах Траяна является, по мнению Р. Ханслика, работа Карла Пача, с этой оценкой нельзя не согласиться. Само исследование Ханслика выходит далеко за рамки справочника, что обычно свойственно статьям *Realencyclopädie Pauly-Wissowa*, и равнозначно монографическому исследованию о Траяне и его войнах в Дакии. В нашей работе мы будем большей частью ссылаться на эти обстоятельные работы, как наиболее значимые для нашей темы.

и типах помещенных на Колонне варваров, о хронологической последовательности военных действий на самой Колонне. Например, представленные на Колонне сцены XXXI–XXXVIII не отвечают исторической хронике событий. Так, если Пач и Цихориус считали, что на них воплощены факты первого года войны (101 г. или зимы 101/102 г.), а нападающих на римлян варваров признавали роксоланами, то Р. Ханслик и Б. Геров показали, что на деле напавшие на римские войска в Нижней Мёзии были не роксоланами и не даками, но каким-то иным союзником даков. Эти союзники предприняли отвлекающую акцию через Дунай, в современную Добруджу, чтобы задержать поход римской армии в Банате. На Колонне нет сцены встречи двух римских армий – самого императора и Мания Лаберия Максима. Объяснение этому может быть только одно: на этой встрече отсутствовал император Траян⁶, потому что он был отвлечен от главного театра войны другими вылазками варваров. Оставив армию в Банате, Траян отправился вниз по Дунаю. Рейд варваров был так глубок, что они проникли внутрь Нижней Мёзии. Ими был захвачен лагерь легиона в Трезмисе (совр. Иглица). Тогда в руки врага попал лекарь Каллидром, раб наместника провинции Мания Лаберия Максима. Раба захватил в плен вождь (*dux*) Сусаг и переслал его Децебалу, который в свою очередь отослал раба в подарок парфянскому царю, Пакору, возможно, с доверительной миссией к последнему (*Plin. Epist.* X. 74).

Если говорить относительно этнической идентификации варваров, то Пач считал их агафирсами, как одними из главных участников войн Траяна⁷. К ним на восток и бежал впоследствии Децебал. Пач находил, что на Колонне жилища агафирсов были отличны от домов даков⁸. К. Дайковичу также полагал, что последние сражения римлян с даками происходили на востоке, но в области карпов, родственных дакам⁹. Свое толкование Колонне дал Адриан Дайковичу. По его мнению, художники, создавшие рельефы Колонны, не посещали театр войны. Они не видели ни дакийских крепостей, ни жилищ, ни оружия даков. Эти сцены создавались, по его мнению, по описаниям лиц, не участвовавших в сражениях. Сцены, изображающие уход даков из страны, представляют на деле возвращение даков назад¹⁰. Но среди лиц, по данным которых создавались рельефы, как заметил Р. Ханслик, был все-таки император Траян и офицеры его штаба: Луций Лициний Сура, Тиберий Клавдий Ливиан, префект претория, Маний Лаберий Максим, Квинт Глитий Атилиус Агрикола и будущий император Адриан,

⁶ *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1063 u. folg.; *Gervoy B.* Die Einfälle der Nordvölker in den Ostbalkanraum im Lichte der Münzschatzfunde. I: Das II. und III. Jahrhundert // *ANRW*. B.; N.Y., 1977. Bd. II, T. 6. S. 115 u. folg.

⁷ Об этнической принадлежности агафирсов и их роли в истории племен юго-восточной Европы нам уже приходилось писать. См.: *Колосовская Ю.К.* Агафирсы и их роль в истории племен юго-восточной Европы // *ВДИ*. 1982. № 4. С. 47 и след.

⁸ *Patsch C.* Op. cit. S. 123 u. folg.

⁹ *Daicoviciu C.* Op. cit. S. 82–83.

¹⁰ *Daicoviciu H.* Op. cit. P. 317 sq.

командовавший во Второй дакийской кампании Первым легионом Минервы¹¹.

Несмотря на то, что в нашем распоряжении находится Колонна с 200-метровой лентой рельефов о войне, а это 150 сцен, в их толковании и в определении самого маршрута войск Траяна в Дакии нет единого мнения. К тому же Колонна представляет собой прежде всего памятник искусства, являясь выдающимся архитектурным сооружением древности. Колонна была построена в честь победы над Дакией в 113 г., при жизни императора, и потому имеет соответствующее идеологическое звучание.

Письменных источников о дакийских войнах сохранилось немного. "Римская история" Диона Кассия дошла не полностью; она дополняется частично сведениями историков византийского времени – Петра Патриция (VI в.), Ксифилина (XII в.), Зонары (XII в.). Незначительные сведения можно почерпнуть у историков позднего времени – Аврелия Виктора и Евтропия. Более многочисленны надписи Траяна о дакийских делах. Их сведения важны потому, что они были документальными свидетельствами. "Дакийские войны", написанные самим Траяном, до нас не дошли. Личный врач Траяна, Тит Статилий Критон, принимавший участие в войнах (его упоминает Марциал – XI. 60.6), описал эти войны на греческом языке¹². Этот источник, как полагают, использовал Дион Кассий¹³. Сохранилась единственная фраза у константинопольского грамматика VI в. Присциана: "Наш путь пролегал в направлении на Берзобис, а затем на Аизис" (GL. II. 205.6). Была утрачена книга Аппиана о дакийских делах. В числе источников, к сожалению, до нас не дошедших, числятся и Каниний Руф, писатель, поэт и друг Плиния Младшего. По словам Плиния, он обещал описать на греческом языке Дакийские войны Траяна, – "событие, сопоставимое с произведениями Гомера" (Plin. Epist. VIII. 4.5). Плиний передает эпизоды этих войн: создание новых рек (путем отвода их течения в другое русло), переброска мостов через реки, строительство лагерей на вершинах гор, о царе даков, "выброшенном из дворца, выброшенном из жизни" и не пришедшем в отчаяние (pulsum regia, pulsum etiam vita, regem nihil desperantem), о триумфе "над народом, не знавшим поражений" (Ibid. VIII. 4.2).

* * *

В Дакийских кампаниях участвовало 13 или 14 легионов, перебросенных из Паннонии, Верхней и Нижней Мёзии, Верхней Германии и Британии, 24 конные алы, стоявшие в этих провинциях, а также преторианские части. Прибыла конница из Мавретании, из племени

берберов под командованием племенного вождя Лузия Квиета (Dio Cass. 68. 32.4), конные лучники, набранные в Астурии (Испания), вспомогательные войска из союзных с Римом народов – язигов, квадов и маркоманнов (Ibid. 68.10.3)¹⁴. На театр военных действий отправилась жена Траяна Помпея Плотина и его племянница Марциана. (Позднее в ее честь был основан город Марцианополь в Нижней Мёзии.) Были задействованы также флоты Рейнской и Дунайской флотилии (classium Raetoniae et Germaniae). Переговоры с Децебалом было поручено вести Клавдию Ливиану и Лицинию Суру (Ibid. 68.9.2). Перед выступлением и переправой войск через Дунай Траян произвел lustratio, религиозное очищение войска перед вступлением армии в чужую страну с целью получить поддержку верховных богов Рима.

Траян отправился из Рима 25 марта 101 г. Арвальские братья принесли жертвы и совершили обеты Юноне, Минерве, Юпитеру Побеждающему, а также молебствие за процветание государства Отцу-Марсу, Марсу-Победителю, Победе, Фортуне Возвращающейся, Матери-Весте, Отцу-Нептуну, Гераклу-Победителю, "чтобы ты, император, Цезарь Август Траян Германик Нерва, сын божественного Нервы, благополучно возвратился и одержал победу" (CIL. VI. 2040).

Какой дорогой прибыл на Дунай Траян, остается неизвестным. Предполагают, что часть экспедиционной армии покинула Италию морем из Анконы, другая часть армии – по суше через Далмацию, либо в римский город Сениу (совр. Сень) или в Ядер (совр. Задар). Дальнейший путь обеих соединившихся армий проходил по Далмации. Целью было прибытие войска в Верхнюю Мёзию на Дунай, в Виминаций (совр. Костолац). Движение армии на римском берегу сопровождалось строительством укреплений и крепостей, сооружением мостов, прорубкой лесных чащ. Некоторые из дорог были проложены раньше, например, в горной области Верхней Мёзии напротив Дакии, в узком месте течения Дуная (так называемая Клисса) у "Железных ворот", у современного Джердапа были предприняты большие строительные работы¹⁵. Об этом сообщает надпись 100 г., из которой сле-

¹⁴ Patsch C. Op. cit. S. 54; Hanslik R. Op. cit. Sp. 1058.

¹⁵ "Железные ворота" – теснина в среднем течении Дуная, где река прорывается через Банатские и Восточно-Сербские горы. Здесь Дунай глубоко врезается в горы Южных Карпат. Ущелье называется Клисса и находится ниже "Железных ворот". Ширина Дуная достигает здесь 113 м. По выходе из "Железных ворот" у Турну-Северина течение реки расширяется и достигает 745 м при глубине 8 м.

В 100 г. н.э. на Дунае был построен канал в том месте, где течение реки становилось очень сильным и изобиловало порогами. Канал пролегал между городами Гиекья (Gekija) и селом Караташ (Karataš); называлось оно в древности "Катаракты". Этот канал до сих пор называется Sipski; его длина составляла 3,2 км, ширина 11–35 м. При его сооружении перед Дунаем были насыпаны земляные валы высотой около 14 м. Они питали канал водою небольших рек – Кашаньи, Трестетицы, Косовицы (Kašanja, Trešetinca, Kosoviza). Об этом повествует надпись, открытая недавно, в 60-х годах XX в. Она гласит: "Император Цезарь, сын божественного Нервы, Нерва Траян Август Германик, великий понтифик, обладавший трибунской властью пять раз, отец отечества, консул в четвертый раз, отводя воды реки вследствие опасности

¹¹ Hanslik R. Op. cit. Sp. 1058.

¹² Обычай описывать великие войны, которые кончались присоединением к Империи новых территорий, возможно, был перенят Траяном от Цезаря. Название войн как Bellum Gallicum, Bellum Alexandrinum было, по мнению Пикара, своего рода трофеем Цезаря, и оно было признано сенатом. См.: Picard G.Ch. Les throphées romain. P., 1957. P. 297).

¹³ Hanslik R. Op. cit. Sp. 1058.

дует, что император Траян соорудил дорогу, когда были скрыты горы. Эта дорога представляла собой подобие висячего балкона (CIL. III. 1699) и служила для транспортировки войск и военных орудий.

Дион Кассий передает реакцию даков на подготовку римлян к большой войне: узнав об этом, Децебал сильно встревожился, ведь раньше он боролся не с римлянами, а с Домицианом; теперь же ему предстоит борьба и с самими римлянами, и с императором Траяном (*Dio Cass.* 68. 6.1–2).

Весной 101 г. римская армия в количестве около 200 тыс. чел. в сопровождении флота собралась в Виминации. Маршрут римских войск в стране даков восстанавливается предположительно на основании рельефов Колонны Траяна, подробнее о которой мы расскажем ниже. Колонна воспроизводит важнейшие эпизоды войны и передает их общую тяжелую атмосферу: переход римских армий через Дунай, сражения с даками, уничтожение их жилищ, захват римлянами имущества даков, угон скота, пленные даки у римлян, уборка легионерами хлеба на полях даков, разрушение и поджог их жилищ, уход даков из своей страны, строительство римлянами крепостей, мостов и дорог, пленные римляне у дакийских женщин, которые их пытаются огнем, прием императором посольств даков, захват в плен сыновей или внуков Децебала, пленение его самого, его голова и правая рука выставлены в военном лагере римлян. Неоднократно представлен Траян и офицеры его штаба. (Д. Тудор считал, что Траян изображен на Колонне 50 раз, Децебал – шесть¹⁶.) Рельефы Колонны в целом соотносятся с топографией: реки, горные вершины и перевалы, римские крепости и мосты, укрепления самих даков.

Римляне вступили в Дакию с двух сторон. Одна армия под командованием императора перешла Дунай по мосту, составленному из судов, у Ледераты (совр. Паланка), другая армия во главе с Манием Лаберием Максимом переправилась через Дунай у Диерны (совр. Оршова). Армия императора держала курс на Тибиск (близ нынешнего Карансебеш) через Арцидаву (совр. Вередия), Берзобис (совр. Берзовия) и Аизис (совр. Фырлюг). Вторая армия направлялась к долине реки Черны и верхнего Тимиша. Свой путь на Тибиск римляне обеспечивали строительством дорог и укреплений. Обе армии должны были соединиться у Тибиска, форсировав р. Бистру, и затем выйти к Тапам (совр. Дева). С запада столицы Децебала Сармизегетузы можно было достигнуть через ущелье в южных Карпатах (Трансильванские "Железные ворота", античные Тапы). С востока через ущелье "Красной Башни" (античные Боуты) римляне вышли в долину р. Алуты (совр. р. Олт). Двигаясь в направлении на Сармизегетузу, римляне под-

Рис. 5. Подношение Траяну гриба с латинской надписью.
Сцена Колонны Траяна

ступили к Тапам, где у даков имелся укрепленный лагерь. Децебал предпринял попытку остановить римлян. Траяну принесли огромный гриб, на шляпке которого латинскими буквами было написано, что "и буры, и другие союзники советуют Траяну вернуться назад и заключить мир" (*Dio Cass.* 68.8.1) (к вопросу о союзниках даков мы еще вернемся). О сражении у Тап упоминает Дион Кассий (68.8.1–2). За этим сражением, как считает Д. Тудор, наблюдал сам царь Децебал. Оно было столь кровопролитным, а серповидные мечи даков так разили атакующих римлян, что тем не хватало перевязочных средств. Траян распорядился разорвать на бинты свои собственные одежды. На этом месте он повелел позднее соорудить алтарь, где

Катаракт, сделал судоходным течение Дуная" (*Mircović M. Rimski gradovi na Dunavu u Gornjoj Meziji*. Beograd, 1968; *Šašel A et J. Inscriptiones latinae quae in Jugoslavia inter annos MCMLX et MCMLXX repertae et editae sunt // Situla*. Ljubljana., 1978. Кн. 19. P. 29–30, w. 468).

¹⁶ Tudor D. *Decabalus der Heldenkönig der Daker*. Bukarest, 1966. S. 23.

ежегодно в честь павших в этой битве совершалось жертвоприношение¹⁷.

Несмотря на большие потери, римской армии удалось прорваться в теснины реки Бистры. Вероятно, тогда же близ Тап была сооружена римская крепость Pons Augusti¹⁸. Во время летней кампании 101 г., как передает Дион Кассий, в Рим отправили пленную знатную женщину с ребенком на руках. Возможно, эта женщина была сестрой Децебала, захваченной в плен Манием Лаберием Максимом (*Dio Cass.* 68.9.4). Полагают, что ее отправка в Италию изображена на одной из сцен Колонны, где на римском берегу Дуная стоит женщина, обратившая свой взор назад; ее приветствует император с протянутой рукой (*Ibid.* 68.9.5). Возможно, к этому времени относится надпись, упоминающая Марка Ульпия Тарскану и Ульпию Лупу – детей Сабитуты, царя костобоков, дака¹⁹. Высказанные предположения о ее подлинности вряд ли могут быть признаны. Известно, например, что некоторые из пленных агафирсов (видимо, знать племени) получили название ргаепотен и потеп Ulpus. Эти агафирсы происходят из разных провинций Империи и даже из самого Рима²⁰.

Вторая кампания началась в 102 г. И вновь мы видим на Колонне шествие римских воинов, сооружение лагерей, штурм дакийских опорных пунктов на горных кручах, переход на сторону римлян какого-то народа²¹. Все усилия римской армии были направлены на захват Сармизегеты. Теперь против даков армии выступили с двух разных позиций: со стороны Тап, у "Железных ворот" Трансильвании во главе с Траяном, и со стороны Нижней Мёзии, где операциями руководил Лаберий Максим. Следуя течению реки Жиу, через ущелье Тыргу-Жиу, римляне старались проникнуть в долину реки Стрей, в горы Хатцег²². С востока орудовала конница мавров во главе с Лузием Квиетом, которому удалось прорваться в ущелье Сурдук²³. Римским армиям приходилось преодолевать горную местность, с трудом овладевая одной вершиной за другой (*Ibid.* 68.8.3). В этот момент Децебал отправил посольство к Траяну, чтобы начать переговоры о мире. Царь настаивал на присутствии людей из штаба Траяна. К нему были посланы Луций Лициний Сура и Клавдий Ливиан, но сам Децебал на встречу не явился, ограничившись своими представителями (*Ibid.* 68.9.2). Условия мира не были приняты и военные действия возобновились.

Дальнейший ход войны устанавливается главным образом по релье-

¹⁷ "Римский народ никогда не ставил знаки своих побед в упрек покоренным варварам" (*Flor.* I. XXXVII. 3.6). Ювенал неодобрительно относился к обычаю ставить триумфальные памятники (*Juv. Sat.* X. 133. sqq.).

¹⁸ *Cichorius C.* Op. cit. Tafelbd. XXII, fig. LII–LIII; *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1065.

¹⁹ Кудрявцев О. В. Исследования по истории Балкано-Дунайских областей... С. 51–52.

²⁰ *Patsch C.* Op. cit. S. 126; Колосовская Ю. К. Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // ВДИ. 1982. № 4. С. 47 и след.

²¹ *Cichorius C.* Op. cit. Tafelbd. XXXIX, XXX fig. 100; *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1066.

²² *Patsch C.* Op. cit. S. 108; *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1066.

²³ *Patsch C.* Op. cit. S. 71.

фам Колонны Траяна. Теперь римская армия продвигается вверх по течению реки Алуты, в долине которой было заложено укрепление Castra Traiana. Вдоль реки римляне вышли к ущелью Боуты (*Jord. Get.* 74), или "Красной Башни". Позднее здесь была сооружена крепость *Sarut steganum* ("Глава ущелий"). Движение всех римских армий было нацелено на Сармизегетузу (совр. Гредиште Мунчелулуй). Она располагалась высоко в горах Орешти на высоте 1200 м над уровнем моря, в долине реки Стрей. Рельефы Колонны позволяют представить общее наступление римских войск, штурм крепости, очевидно, Апула (совр. Альба Юлия), удерживаемой даками. Здесь был найден орел V легиона *Alaudae* ("Жаворонки"), сформированного еще Цезарем из галлов, который был утерян в Дакии во время войн Домициана. Там же в руки римлян попала часть вооружения армии Корнелия Фуска, префекта претория при Домициане, которая была найдена здесь (*Dio. Cass.* 68.9.3). При подходе римских войск к Сармизегетузе даки решили дать сражение, но оно было проиграно ими. В 103 г. Децебал принял выдвинутые Траяном условия мира. Эта сцена изображена на Колонне Траяна: бросив к ногам императора оружие, Децебал выразил готовность повиноваться римлянам²⁴. Об этом же сообщает и Петр Патриций, что к Траяну было отряжено посольство из знатных даков (пилофоров), в то время как прежде были посланы незнатные даки (кометы). Послы выказали полное повиновение Траяну, положив у его ног свое оружие и связав за спиной руки на манер пленных (*Petr. Patr.* fr. 5 = FHG. IV. P. 185 sq.).

Условия мира, которым завершилась Первая война против даков, передает Дион Кассий, рассказывая о появлении их представителей в сенате: "Прибывшие послы вошли в сенат, сложили свое оружие и со связанными за спиной руками, как пленные, обратились к сенату с мольбой о мире" (*Dio Cass.* 68.10.1). В условия мира входила выдача даками оружия, пленных и военного снаряжения, а также мастеров и перебежчиков. Крепости даков должны были быть разрушены, и очищена от населения захваченная римлянами территория, т.е. нынешний Банат и Олтения. Даки обязывались следовать в русле римской внешней политики, не принимать римских перебежчиков и поставлять Риму вспомогательные войска, т.е. выполнять те обязанности, которые были некогда возложены на соседние с даками "государства" квадов, маркоманнов, язигов. Командовать оставшимися в Дакии войсками был оставлен Гней Помпей Лонгин. В Рим было направлено посольство даков, чтобы сенат утвердил условия мира (*Ibid.* 68.9.7; *Zonar.* XI. 24). Хроника Остии, сохранившаяся частично, свидетельствует об этом событии так: *Decebalus, rex Dacorum, invocavit fidem dominationis Romanae et veniam ante tribunal praecatus est* (Децебал, царь даков, клятвою признал господство римлян и дал в этом клятву перед трибуналом)²⁵. Траян, первый из римских императоров получил победный титул

²⁴ *Cichorius C.* Op. cit. Tafelbd. Bild LXXV, Taf. LXII.

²⁵ *Vidman L.* Fasti Ostiensis. Pr., 1982. P. 17.

наступали через перевалы Тыргу-Жиу и Сурдук. Но каким путем римляне достигли Сармизегетызы, сведения отсутствуют. Все предположения строятся на топографии местности, воспроизводимой по рельефам Колонны. Так, Цихориус думал, что римляне подступили к столице даков, двигаясь с востока по реке Алуте, через перевал "Красной башни" в направлении на город и крепость Апул.

Сармизегетуза была взята в результате длительной осады, с использованием военных машин и не без посредства предателей из числа осажденных. Вожди даков предпочли смерть, чтобы не быть захваченными в плен. На одной из сцен Колонны изображено, как знатные даки, пустив по кругу отравленный кубок, умирают³³. Большая часть населения покинула страну. В руки Траяна попали огромные сокровища царя. Они были спрятаны на дне протекающей близ столицы реки Саргетии, для чего ее русло отвели и на дне вырыли пещеру, в которую и заложили сокровища; русло же реки было возвращено назад. Исполнявшие эту работу пленные римляне были убиты, так что никто не мог сообщить эту тайну римлянам, но знавший об этом приближенный царя некто Бицилис выдал ее (*Dio Cass.* 68.14.4–5; *Zonar.* XI.21).

Столица Децебала пала, он сам бежал на восток страны, в горы Харгита³⁴. Римляне преследовали царя: Колонна дает изображение римской конницы, скачущей в горах. Контрнаступление даков было отбито римлянами, и даки снова устремляются в горы, где часть из них покончили с собой. Последние эпизоды драмы разворачивались в верховьях реки Тырнава Маре, там, где она замыкается горами Харгита; здесь Децебал был настигнут. Свиту его перебили преследователи, а он сам, не видя спасения, пронзил себя мечом³⁵. Это следует из рельефов Колонны и сведений Диона Кассия. Голова Децебала была выставлена на всеобщее обозрение сначала в ставке Траяна и затем отослана в Рим (*Dio Cass.* 68.14.3), где была брошена на лестницу Гемоний: *Decabal[i] [caput in sca]llis Gemoni[is] iacuit*³⁶. Оба его юных сына или внука были захвачены в плен³⁷. Не только столица, но и вся страна оказалась оккупирована.

К обстоятельствам, связанным с гибелью Децебала, относится сравнительно недавно найденная в Греции (в дер. Граммени) надпись, на территории римской колонии в Филиппах. Она представляет собой надгробие Тиберия Клавдия Максима, поставленное им себе при жизни,

³³ *Cichorius C.* Op. cit. Tafelbd: Bild CXIX. Taf. XC; Bild CXX. Taf. XC, XCI; Bild. CXXII. Taf. XCII; Bild. CXIII. Taf. CXIII; *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1078.

³⁴ *Patsch C.* Op. cit. S. 113 u.folg.; *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1078.

³⁵ *Patsch C.* Op. cit. S. 119 u.folg.; *Cichorius C.* Op. cit. Textbd. III.319. Bild. 19; Tafelbd: CXLV, CV, CVI; *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1078.

³⁶ См.: *Degrassi A.* Inscriptiones Italiae. Berolini, T. XIII. Ps I. P. 198 sq.; 227. Эта лестница вздохов и печали вела от государственной тюрьмы вниз к Тибру и проходила близ храма Юноны Монеты. На нее на обозрение толпы бросали трупы казненных важных государственных деятелей и преступников. См.: *Gemoniae scalae* // *Der Kleine Pauly*. München, 1979. Bd. 2. Sp. 736.

³⁷ *Cichorius C.* Op. cit. Tafelbd: CXLVI. Bild. CVII; *Vidman L.* Op. cit. P. 38; *Hanslik R.* Op. cit. Sp. 1079.

и содержит описание воинской карьеры этого истового служаки. Так, сказано, что он служил в коннице VII Клавдиева легиона, был повышен в чине и переведен в конную охрану знаменосцем при легате легиона; он участвовал в Дакийской войне Домициана в 85 г. и удостоился воинских наград, вышел в почетную отставку в 115 г. при первом наместнике Дакии, Дециме Теренции Савриане. При Траяне Клавдий Максим служил во Второй Паннонской але, где с двойным окладом был переведен Траяном в разведку (*explorator*) этой же алы. Принимал участие в войнах в Дакии и в Парфии, где дважды удостоен воинских наград. Далее говорится, что в Дакии он захватил в плен Децебала и принес его голову Траяну в крепость Ранистор (*cepisset Decebalum et caput eius protulisset ei Ranistoro*)³⁸. (Название крепости считается иллирийским, ее местоположение не обозначено.) В верхней части надписи дано изображение, имеющее отношение к Децебалу: скачущий римский воин, очевидно сам Тиберий Клавдий Максим, занес меч над фигурой лежащего человека, опирающегося левой рукой на щит. Несмотря на находку этой надписи, остается неясным, покончил ли Децебал с собой или был захвачен раненым в плен. В греческой надписи из Кирены, представляющей собой посвящение Аполлону и Артемиде за здоровье и благополучие Траяна и всего божественного дома, Траян назван как захвативший в плен царя даков Децебала³⁹. Надпись датируется 107 г., когда был отпразднован триумф над даками.

Окончание дакийской кампании Траяна осенью 106 г. нашло отражение в его монетной чеканке: на серебряных и золотых монетах изображалась склоненная женщина – *Dacia Capta*, символизирующая падение Дакии. Ее территория была завоевана полностью, о чем сообщает надпись Гая Целия Марциала из Коринфа. В числе его военных должностей карьеры всадника назван префект когорты Ретов, стоявшей в Реции, трибун XIII легиона, принимавшего участие в дакийских войнах и оставленного в провинции в Апуле. Он был награжден Траяном во время прохождения службы трибуна военными наградами и заведовал обеспечением войск продовольствием во время второй экспедиции, в которой была завоевана "вся Дакия" (*qua universa Dacia devicta est*)⁴⁰.

После Первой войны области совр. Баната и Олтении были присоединены к Верхней Мёзии. Современные восточная Мунтения и юг Молдавии отошли к Нижней Мёзии. В устье реки Сирета, близ нынешнего Галаца, Траяном была заложена крепость. На Сирете располагались укрепления в Пироборидаве и на р. Олт в Буридаве. Оба они называются в папирусе Ханта как *intra provincia*, т.е. как находящиеся в пределах Нижней Мёзии. По мнению Финка, эти регионы отошли к

³⁸ *Speidel M.P.* The Captor of Decebalus: A New Inscription from Philippi // *JRS*. 1970. N 60. P. 142 ff.; *Dobó A.* Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975. N 817.

³⁹ *Dobó A.* Inscriptiones... N 816.

⁴⁰ *Ibid.* N 811.

Империи при Домициане⁴¹. Но по версии Р. Сайма, области Нижней Мёзии и все течение реки Сирета были приобретены при Траяне, в период 105–108 гг.⁴²

* * *

Траян справил блестящий триумф и дал народу игры в честь победы над Дакией. По прибытии в Рим он распределил среди граждан конгиарий (денежные суммы), а также оливковое масло, вино и хлеб. Каждому жителю досталось по 500 денариев, причем эта сумма выделялась трижды, пока справлялись игры. Всю вторую половину 107 г., весь 108 и 109 годы в Риме давались блестящие игры; в них участвовало 10 тыс. пар гладиаторов. На арене амфитеатра сражались бестиарии с 11 тыс. ручных и диких зверей (*Dio Cass.* 68.15.1). Так, в период с 4-го июня по ноябрь 109 г. игры продолжались 117 дней. А поскольку следует вычесть дни судебных разбирательств и государственных праздников, то получается, что они происходили почти ежедневно. На них присутствовали посольства от варварских народов, от чужеземных царей, которым было предоставлено место вместе с сенаторами; присутствовало и посольство из Индии (*Dio Cass.* 68.15.1). Сенат принял решение о сооружении известной нам Колонны в честь этих войн. Его поручили архитектору Аполлодору Дамасскому, как и устройство форума Траяна, который был построен на средства от дакийской добычи.

Колонна Траяна явилась памятником огромной значимости для Рима, символом доблести и мужества римского войска и служила апофеозом Траяна (*virtus Augusti*), олицетворяя его триумф. После смерти императора (а он умер в 117 г. на Востоке) прах его был доставлен в Рим и погребен на форуме Траяна в золотой урне под Колонной, на вершине которой была поставлена статуя императора. Сама Колонна была ввезена в Рим по обычаю триумфальных въездов, предшествуемая сенатом и войском (*Aur. Vict. Epit. de Caes.* XIII.11). Сооружение Колонны, а она, как уже упоминалось, была построена в 113 г., знаменовало собой принесение "тучных доспехов" Юпитеру (*Spolia opima*), как некогда это было совершено Ромулом, который, убив царя сабинян, снял с него доспехи и, возложив их на деревянный остов, посвятил их в храм Юпитера Феретрия (*Liv.* I.10.4). *Spolia opima* была действием религиозного характера и именовалась *sacra*, как священный акт. Траян не поразил, конечно, сам варварского царя Децебала, но он сделал справедливое и почетное, с точки зрения римлян, дело: сняв доспехи с царя, он совершил *spolia opima*. Плиний Младший в своей речи, обращенной к Траяну, произнес пророческие слова: "И не будет у тебя недостатка в доспехах, снятых с врагов, если кто-либо из царей осмелится сразиться с тобой" (*Paneg.* 17.3). На форуме, где вознеслась Колонна, расположились библиотеки – греческая и

латинская. В портиках и в библиотеке были размещены скульптуры знатных и незнатных даков (хранящиеся сейчас в музеях Рима) как свидетельство римских побед и проявление уважения к народу, "не терпящему поражения". На форуме воздвигли позолоченные конные статуи видных военачальников в дакийских войнах. Под этими скульптурами помечалось: "Из военной добычи" (*Ex manubiis*)⁴³. Вдоль всего форума расставили позолоченные скульптуры коней – признание заслуг конных войск в этой войне, а также значки боевых частей с такой же надписью под ними: "Из военной добычи". Кстати, помимо этого, Аполлодор построил в Риме гимнасий или термы (*Dio Cass.* 69.4.1–3)⁴⁴. Была также сооружена базилика Ульпия, восстановлен канал, соединивший Нил с Красным морем. Какой-то знаменитый источник в Египте получил название *Fons felicissimus Traianus Dacicus* (*CIL.* III.24). Обеты за победу (*vota pro victoria*), появляющиеся при Траяне и Адриане, посвящались Гераклу-Победителю. Император Траян выступал в образе Нового Геракла, как победитель даков. В его честь были даны блестящие игры и выпущены серии монет с изображением Геракла⁴⁵. Играл он роль также Нового Александра и Нового Диониса⁴⁶.

Казна Империи сильно пополнилась золотом и серебром из Дакии. Как считали сами древние, Траяном было вывезено золота в количестве 1 650 000 фунтов, двойное количество серебра – 3 310 000 и 500 000 военнопленных с их оружием (*Joan. Lyd. De mag.* II.28). По мнению некоторых современных историков, эта цифра была преувеличена в 10 раз⁴⁷. На Авентинском холме Траян построил термы от имени Луция Лициния Суры (*Mart.* VI.64.13; *Aur. Vict. Epit. de Caes.* 13.6). В Анконе была воздвигнута арка, которая стоит до сих пор, с над-

⁴³ Объяснение слов "из добычи" дал известный ученый, ритор и грамматик, современник Адриана Фаворин. Когда он прогуливался на форуме Траяна в ожидании своего друга консула, то пояснил значение слов – *Ex manubiis*, которые происходят от *manubiae* – добычи, добытой своими руками (*praeda, quae manu capta est*) (*Gell.* XIII.25.1–7).

⁴⁴ Карьера Аполлодора окончилась печально. Он был изгнан из Рима Адрианом и затем казнен, возможно, потому, что Адриан при всей своей учености был человеком завистливым и злопамятным. Будучи еще частным человеком, он вмешивался в проекты Аполлодора. Известен ответ Аполлодора Адриану по поводу его чертежа храма Венеры и Рому: "Уходите и чертите свои тыквы. Вы ничего не понимаете в архитектурном деле" (*Dio Cass.* 69.4.1–5). Сам Адриан был хорошим художником и ваятелем (*Aur. Vict. Caes.* XIV.2; SHA: *Hadr.* XIV.8). Многих сторонников Траяна после его смерти Адриан сослал или казнил. В их числе были герои дакийских войн – Маний Лаберий Максим и Лузий Квиет (SHA: *Hadr.* V.5; 8; VII.2; XIV.3–4).

⁴⁵ *Strak P.* Untersuchungen sur römischen Reichsprägung des zweiten Jahrhunderts. Stuttgart, 1931. Bd. 1. S. 95, 98, 133–134; *Picard G.Ch.* Les throphées romains. P., 1957. P. 367.

⁴⁶ *Picard G.Ch.* Op. cit. P. 410.

⁴⁷ *Carcopino J.* Les richesses des Daces et le redressement de l'Empire romain sous Trajan // *Dacia*. 1924. I. P. 31–33; *Кругликова И.Т.* Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955. С. 72; *Tudor D.* Istoria sclavajului în Dacia Romană. București, 1957. P. 44–46.

⁴¹ *Fink R.O.* Hunts Pridianum: British Museum Papyrus 2851 // *JRS.* 1958. N 48, fasc 1/2. P. 102 ff.

⁴² *Syme R.* The Lower Danube under Trajan // *JRS.* 1959. N 49. P. 26 ff.

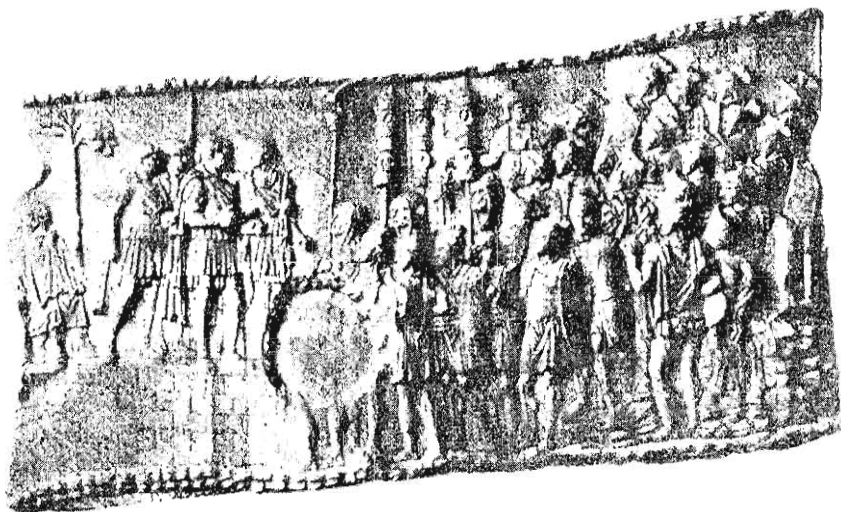

Рис. 6. Обращение Траяна к войскам. Сцена Колонны Траяна

писью, что она сооружена на средства самого Траяна (CIL. IX.5894). А в Нижней Мёзии в честь одержанных в Дакии побед установлен грандиозный памятник – Трофей Траяна (совр. с. Адамклинси), давший название городу. Он представлял собой трофей и кенотаф и должен был знаменовать победу римского оружия. Памятник восстановлен сейчас. Это грандиозное сооружение цилиндрической формы, высотой около 40 м, на вершине которого находится трофей – каменный остов, где были запечатлены доспехи варваров. Монумент имел два ряда барельефов, изображавших римских легионеров. У подножия трофея сидели фигуры пленных варваров, побежденных даков и их союзников. По стилю исполнения памятник датируется временем Константина, хотя скорее он относится к эпохе Траяна⁴⁸.

⁴⁸ Толкованию этого памятника посвящена большая литература. Первое его описание дал Мольке. По мнению Точилеску, Ниманна и Бендорфа памятник принадлежит времени Траяна. Известный археолог и искусствовед А. Фуртвенглер относил памятник к правлению Августа; он лишь потом восстановлен Траяном. Он был посвящен борьбе Марка Лициния Красса с бастарнами, когда он своей рукой убил царя бастарнов Дельдона. Цихориус полагал, что памятник связан с Домицианом, а надпись на нем была восстановлена Траяном и позднее – Константином. Йорга сдвигал его ко времени Валента, имея в виду его борьбу с готами. Вульпе считал, что памятник принадлежит Траяну, но восстановлен был Константином. Пикар склонен считать, что памятник датируется временем Августа. Он был посвящен Mars Ultor, храм которого был построен в Риме Августом, где отмечались успехи Рима в борьбе с варварами. Сравнительно недавнее исследование памятника, детально проведенное Флореску, показывает, что основателем памятника является Траян. Исходя из данных Колонны Траяна и этнографических деталей одежды варваров и их типов (а они представлены на 54 метопах памятника), он полагает, что памятник в Адамклинси воспроизводит даков и их союзников – бастарнов и роксолан. Он располагался на

По окончании Дакийских войн, знаменовавших собой крупный успех внешней политики Траяна, произошел отход в его правлении от республиканских традиций, в соблюдении которых, казалось, оно было начато. Развивавшаяся идея о божественной сущности императора и его культе вольно или невольно накладывала отпечаток на всю последующую эпоху его правления. Идеология императорской власти требовала соответствующего оформления, и Колонна была самым красноречивым свидетельством императорского культа Траяна среди как римского мира, так и завоеванных варварских племен⁴⁹.

* * *

А теперь попытаемся выяснить, кто же были союзники Децебала в этой войне с Римом? Об их наличии сообщает Дион Кассий, говоря, что царь развернул большую деятельность по образованию антиримской коалиции (Dio Cass. 68.10.3). В числе союзников мы можем считать племена, обитающие у восточных границ Дакии или поблизости от нее. Одним из таких племен были саки. Наш единственный источник, Аврелий Виктор, упоминает об их царе Сардонии, союзнике Децебала. Он сообщает, что Траян – первый и единственный из римских мужей перешел Дунай и покорил народ даков, носящий шапки, союзником же Децебала был царь Сардоний, стоявший во главе саков (Aur. Vict. De Caes. XIII.3). Известен город Сацидава или Суцидава (имеется и одно и другое написание), возможно, как племенной центр саков,

расстоянии 18 км от правого берега Дуная. Вопрос, однако, остается открытым. Этнографические детали варваров, привлеченные Флореску, их разные типы и одежду, и лиц, и по растительному орнаменту, на фоне которых изображены союзники даков, не могут быть доказательным материалом происхождения памятника. См.: Florescu F.B. Monumentul de la Adamklissi: Tropeum Traiani. București, 1959; Picard G.Ch. Op. cit. P. 104, 245, 392, 396–397; Bendorf O., Niemann G., Tocilescu G. Das Monument von Adamklissi. Vienne, 1895; Fürtwängler A. Das Tropaion von Adamklissi und provinzialrömische Kunst // Abhandlungen des Bayer Akad. 1903. Bd. XIII. T. 3. S. 455 u.fol.; Cichorius C. Die römischen Denkmäler in der Dobrudscha. B., 1904; Paribeni R. Optimus princeps: Saggio sulla storia e sui tempi dell'Imperatore Traiano. Messina, 1926. I; Vulpe R. La Dobroudja. București, 1938.

⁴⁹ В римской исторической традиции сохранилось много свидетельств о Траяне как личности и как государственном деятеле. Древние неоднократно обращались к образу Траяна. Имя этого императора воспринималось как благое предзнаменование (SHA: Alex. Sev. X.2; XIII.2; XIV.4–5; XXV. 5; XXXIV.1; LXV.5). Александр Север, сторонник староримских традиций, не будучи сам римлянином, неоднократно ссылался на времена Траяна. Украшательская и строительная деятельность Траяна была предметом для подражания его и других императоров. На форуме Траяна он поставил статуи выдающихся людей, снес их отовсюду (SHA: Alex. Sev. XXVI.4; XXVIII.6). Траян восстановил мосты и сохранил на них прежние имена их строителей (Ibid. XXVI.11). Император Константин называл его "стенным лишаем" за то, что Траян любил сооружать надписи на общественных зданиях, воздвигнутых или восстановленных им (Aur. Vict. Epit. de Caes. XLI.13). Возможно, что восстановленные им здания он также украшал своими надписями, как бы построенные заново.

который локализуется на Дунае, в низовьях реки Алуты, в нынешней Олтении⁵⁰. Суцидава расположена еще далее на восток, следуя течению Дуная; помещается она на территории Нижней Мёзии. Известен и другой вождь, Сусаг, союзник Децебала (*Plin. Epist. X.74*), участник отвлекающих действий против римлян в Дакии в 101 г. на Нижнем Дунае и в дельте реки. Тогда он захватил не только неукрепленные местности в Нижней Мёзии, но и воинские лагеря. Именно тогда Сусаг напал на штаб-квартиру наместника провинции Мания Лаберия Максима. В руки врагов попал тогда раб наместника, пекарь Каллид-ром, о чем уже упоминалось. Сусаг передал этого раба Децебалу, который послал его как подарок парфянскому царю Пакору II как свидетельство своего успеха (*Plin. Epist. X.74*), возможно, поручив рабу какую-то доверительную миссию к царю. Получив известие о вторжении варваров в Нижнюю Мёзию, Траян, оставив армию в Банате, двинулся вниз по Дунаю. В Нижней Мёзии римляне и разбили каких-то союзников даков. В оставшиеся месяцы 101 г. римляне не могли больше действовать активно. Проникнуть к Тапам, горному перевалу в Южных Карпатах, овладение которым означало бы свободный путь на Сармизегетузу, римляне сумели только позднее, благодаря действиям своих союзников.

Одни исследователи считают, что Децебала поддерживали буры, племя, жившее в верховьях Тисы⁵¹. Хотя Цвиккер полагал, что в Первую дакийскую войну буры были союзниками не даков, но римлян⁵². Западные соседи даков – клиентские государства маркоманнов, квадов и язигов, занимавшие области Богемии, Моравии и северо-запад Словакии, не могут быть включены в число союзников даков, поскольку они были разбиты при Домициане и к тому же из них были набраны вспомогательные войска для этой войны. У язигов же во время второй кампании против даков, о чем уже упоминалось, даки отняли земли, загнав язигов в горы (*Plin. NH. IV.80–81; Dio Cass. 68.8.1*).

К решению вопроса о возможных союзниках даков времени Децебала можно привлечь сообщения источников. Говоря о племенах, живших северо-восточнее Дакии, Плиний Старший и Птолемей называют племена бастарнов, скифов, костобоков, певкинов и карпов. Причем, бастарны и "скифы", объединенные вместе, часто выступают в качестве основной силы на Нижнем Дунае. Так, с ними собирался воевать при Тиберии фракийский царь Рескупорид (*bellum adversus Bastarnas Scythasque*) (*Tac. Ann. II.65*). Эти племена в разное время появились в поле зрения римских историков. Скажем, Плиний дает расположение племен Европы на северо-восток от устья Дуная. Северо-восточные области занимают племена скифов (*omnes Scytharum sunt gentes*), захватывая часть побережья Черного моря. Историография древних

относила к скифским племенам и население областей Северного Причерноморья и области Юго-Восточной Европы. Эти народы были соседними с даками. Не случайно на восток бежал Децебал к дружественным племенам, а не на запад, где обитали германские и кельтские народы. Известно, что с востока последовало и вторжение племен, отвлекшее движение римской армии в Банате во время первой кампании Траяна. В эти племена могли входить и карпы, и костобоки, и сабоки. Ни одно из них, и прежде всего бастарны, не стояло в стороне от важнейших событий эпохи, в число которых входило и завоевание Дакии.

Охарактеризуем в общих чертах племя бастарнов⁵³. Оно играло заметную роль в эллинистическую и римскую эпохи и не осталось вдали от войн в Дакии.

Прежде чем поселиться в областях между Днестром, Прутом и Бугом, за Дакией (*ὕπερ τὴν Δακίαν Πευκίνοι τε καὶ Βαστέρναι*) (*Ptol. Geogr. III.5.7*) бастарны обитали в бассейне Верхней Вислы. Страбон называл их племенем, разделенным на многие народы (*εἰς πλείω φύλα διηρημένοι*) (*Strabo. VII.3.17*) – иными словами, в его время они представляли собой племенной союз. Страбон не назвал их как единственное племя, как *ἔθνος*, но употребил термин *φυλὴ* – "народ", образованный из отдельных племен, родов или колен⁵⁴. (Так, заметим, спартанцы составляли три филы, а афиняне до времени Клефена делились на четыре филы.) Этот племенной союз бастарнов соседствовал с даками, занимая область, как мы уже сказали, у ее восточных границ (*Strabo. VII.3.13–14*)⁵⁵. Ливий знал царей, царьков, вождей бастарнов (*rex, regulus, dux*), имея в виду, очевидно, политическую форму зависимости для племен, входивших в их объединение, а именно – обложение данью, участие в военных походах бастарнов, политическое признание власти их царя. Были цари-вассалы (*reguli*), входившие в этот союз. Там, где царской власти еще не было, племена управлялись вождями (*dux*). Известна знать племен (*principes*) и лица, принадлежавшие

⁵³ Я не касаюсь археологического материала о бастарнах и соседних с ними племенах – костобоках и карпах. Этот материал специфический и требует археологического исследования. См.: Чаплыгина Н.А. Население днестро-карпатских земель и Рим в I–начале III в. н.э. Кишинев, 1990; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973.

⁵⁴ Относительно этнической принадлежности бастарнов, исходя из сведений античных авторов, нет единого суждения. Полибий, Плутарх (*Aem. Paul. 9; 12; 13*) и Ливий считали бастарнов галатами, т.е. кельтами, Аппиан называет их гетами. Дион Кассий причисляет их к скифам (*Dio Cass. LI.23*). Тацит (*Ger. 46*) и Страбон (оба не столь уверенно) относят их к германцам. Такого же мнения держится и Плиний Старший (*NH. VI.81*). Название Диона Кассия бастарнов скифами было свойственно римской историографии, а также византийской, заимствовавшей эту терминологию от греческих авторов. Пространства к юго-востоку от устья Дуная считались принадлежащими скифам. Диоклетиан, например, из земель Нижней Мёзии образовал провинцию, назван ее Малой Скифией (*Scythia Minor*). Византийская историография признавала скифов преимущественно славянским народом.

⁵⁵ На Певтингеровой карте (XIV в.) восточная сторона Карпатской дуги называется Бастарнскими Альпами (*Bastarnicae Alpes*).

⁵⁰ *Macrea M. Viaja în Dacia Romană. București 1969. P. 146, 157.*

⁵¹ Пач считает буров германским племенем, обитавшим в верхнем течении Вага (*Patsch C. Der Kampf um den Donauraum. S. 54–55*); *Vulpe Radu. Les Bures alliés de Décébale dans la première guerre Dacique de Trajan // Studii Clasiche. 1963. V. P. 223 sqq.*

⁵² *Zwicker W. Studien zur Marcussäule. Amsterdam, 1941. Bd. I. S. 22.*

царской крови (inde nobiles invenies et regii quosdam generis – *Liv.* XL.5.10). Еще раньше, как значительная сила Левобережья Нижнего Дуная, бастарны использовались македонскими царями в их политических целях. Но бастарны действовали также, имея в виду свои интересы. Известно, что македонские цари разрешали бастарнам переходить Дунай и захватывать земли соседей-дарданов (eorum agro sedes dare Bastarnis) (*Liv.* XL.57.5). Бастарны были вовлечены в общеевропейские дела и при Митридатe VI Евпаторе, когда им отводилась задача вторжения в Италию с северо-востока, равная плану Ганнибала – вторгнуться в Италию с запада Европы⁵⁶. Бастарны поставляли македонским царям вспомогательные войска (ad arcessenda auxilia) (*Liv.* XL.5.10), но они поставляли и пехотные части (*Ibid.* 57.2–3), сформированные из числа земледельческих племен, входивших в их союз.

При Августе, когда Империя вышла на линию Дуная, для бастарнов это серьезно затруднило набеги их на правобережные земли Дуная. В правление Августа был предпринят ряд военных действий римлян за Дунаем против даков и бастарнов (см. гл. II). Если бы бастарны не были крупным объединением племен и не включали в себя, помимо названных, других народов, возможно, славянских, то остается удивительным, как могло сохраняться имя "бастарны"⁵⁷ в течение более чем 300-летнего периода исторического существования, ведь бастарнами были названы также участники Маркоманнских войн (160–180 гг.) (SHA: Marc. 22.1) и столкновений с готами при императоре Пробе (276–282 гг.). В племенной союз бастарнов могли входить и другие окружающие их племена.

В союз бастарнов могло влиться во II в. племя карпианов или карпов (μεταξὺ Πευκινῶν καὶ Βαστερῶν Καρπιανοί) (*Ptol. Geogr.* III.5.10; 24). В другом месте Птолемей называет "Арпюи вместе с городом – "Арпис πόλις. Вероятно, карпы и карпианы были тем же самым племенем, что и "Арпюи, ибо этнографическая номенклатура Птолемея довольно запутана.

В III в. карпы принимали участие в набегах на Дакию (CIL. III.8031) и в нападении на Истрию (SHA: Max. et Balb. XVI.3). Они выступали в качестве стороны, конфликтующей с готами и их союзниками. Карпы были весьма воинственным племенем начиная с середины III в., что отразилось в номенклатуре императоров Carpicus, принятой Аврелианом, Диоклетианом и Константином.

О племени костобок, живших вне пределов Дакии, у ее восточных границ, можно также предполагать, что они были едва ли не главным союзником даков. Мы уже вели речь о Сабитуте, царе костобок, дакийце по происхождению. Упоминаемые вместе с ними трансмонтаны, как полагал О.В. Кудрявцев, были эпитетом к костобокам⁵⁸. Он считал, что в той части исследования, где речь идет о

племенах Дакии, Птолемей пользовался латинскими географическими источниками, что отразилось в названии τραυσιονταί, что могло пониматься, как "живущие за горами". Возможно, они были частью тех самых племен, "бастарнов", которые с востока вторглись в Дакию во время войн Траяна, перешли Дунай и опустошили правобережные провинции во время Маркоманнских войн.

* * *

После экскурса о союзниках даков, что нам кажется не совсем бесполезным, ибо мы старались обрисовать связи даков с их соседями на востоке, вернемся в завоеванную Дакию. Многие жители покинули свою страну, и в позднейших источниках они упоминаются как "свободные даки". Но были ли они все действительно даками или под этим термином скрываются и фракийские, и германские, и славянские племена? Ответить однозначно утвердительно вряд ли возможно, хотя все говорит за это. Известно одно, – в войнах с Римом погибло множество даков, что отразилось в источниках. Император Юлиан писал, что Траян совсем истребил племя гетов⁵⁹. И хотя все население страны не могло быть ни уничтожено, ни уведено в плен, опустошение Дакии было огромным.

Теперь остановимся на уровне общественного и социального развития даков, – народа, с которым римляне так долго и упорно воевали. Общество даков определяется и как раннерабовладельческое, и как государство типа эллинистической монархии, основным производящим классом которого было крестьянство, обязанное государству повинностями⁶⁰. Это образование, на наш взгляд, переживало далеко зашедший процесс разложения общинных отношений, сопровождавшийся социальной дифференциацией, формированием наследственной царской власти, опиравшейся на знать и жречество, стремлением установить политическое господство над союзом родственных или подчиненных им племен. Учреждение царской власти нередко вызывало сопротивление знати. В войнах римлян с Децебалом не все племена поддерживали царя (*Dio Cass.* 68.11.1). Нам, в сущности, неизвестно, насколько была на-

Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 37. Литература о костобоках (было ли это племя фракийским, кельтским или славянским) довольно значительна. Из сравнительно недавних работ о костобоках, в которой они считаются племенем дако-фракийским, см.: *Russu J. Les costoboces // Dacia.* 1957. III. P. 341 et suiv.

⁵⁹ *Julian.* Caes. 327 D (Juliani imperatoris quae supersunt. Lipsiae. 1876).

⁶⁰ *Daicoviciu C. Le problème de l'Etat et de la culture des Daces à la lumière des nouvelles recherches // Nouvelles études d'Histoire.* Bucarest, 1955. P. 121–137; *Daicoviciu H. Dacia de la Burebista la cucerirea Romana.* Cluj, 1972; *Idem.* Les Daces et leur civilisation // *Rapports XVe Congrès International des sciences historiques.* Bucarest, 1980. II. P. 84–97; *Vulpe R. La civilisation dace et ses problèmes à la lumière des dernières fouilles de Poiana, en Basse-Moldavie // Dacia N.S.* 1957. I. P. 157 et suiv.; *Istoria României.* București, 1960. I. P. 278 sqq.; *Werner R. Geten und Daker. Abriss der Geschichte antiken Randkulturen.* München, 1961; *Crișan J.H. Burebista and His Time.* București, 1978.

⁵⁶ *App.* Mac. 18; *Mithr.* 15.69.71; *Justin.* XXXVIII.3.6–7.

⁵⁷ *Strabo.* I.3.21; IV.3.4; V.1; VI.1.6; VII.1.3; 13.3; *Tac.* Germ. 2; 28; *Ann.* II.65.

⁵⁸ *Кудрявцев О.В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период

следственной власти самого Децебала. Его отцом был Скорилон. Как уже сказано, в пользу Децебала от власти отрекся Диурпаней, хотя именно он разбил римскую армию в Нижней Мёзии и войска Корнелия Фуска в Дакии. Социальные различия даков не свидетельствуют о наличии в структуре их общества антагонистических классов. Общество даков делилось на знатных, отличительным внешним признаком которых был носимый на голове войлочный колпак, и даков, не имевших такого отличия⁶¹. Пилофоры же, носившие высокие шапки, были жреческим сословием даков в отличие от светской знати и слоя военных вождей. А простые соплеменники, или, как их называют древние, "простоволосые", "длинноволосые даки", находились в зависимости и от знати, и от вождя, и от царя. Они служили в войске, представлявшем собой ополчение, набиравшееся всякий раз в случае военных конфликтов и затем распускавшееся по домам. Они несли также строительные и гужевые повинности, необходимые при сооружении крепостей и укреплений царского дворца и столицы, оборона которой была очень усилена, хотя не без посредства римских военных специалистов. Но стали ли эти повинности постоянными и были ли они фиксированы законом, что было обычным для государственной власти? Считать простых соплеменников крестьянством, одним из антагонистических классов общества, вряд ли возможно потому, что в нашем распоряжении нет данных о том, что земля у даков находилась в индивидуальном владении. Стихи Горация, что земля у гетов не мерена, никто не трудится на ней больше года и она приносит общие плоды и хлеб (Сарм. III.24.11–16), указывают на то, что земля у гетов (т.е. даков) подвергалась ежегодным переделам. В земельных порядках даков большую роль играло, очевидно, общинное начало, обусловленное сохранением пережитков кровнородственных отношений⁶². Общинные порядки у даков отмечал Иосиф Флавий. Он находил сходство в обычаях даков и религиозной секты ессеев в Иудее, живших общинами и имевших общую собственность (*Ios. Flav. Ant. Jud.* 18.1.5).

Нет данных и о рабском труде в хозяйствах знати и царя, хотя рабство дакам было известно. Соседние геты и фракийцы продавали на сторону в рабство своих соплеменников. Даже знаменитый Залмоксис до того, как стал признанным жрецом у гетов, был рабом у Пифагора (*Herod.* IV.94–96; V.6; *Strabo.* VII.3.5; 3.12)⁶³. Продажа в рабство была одним из источников обогащения знати и царя и указывает на то, что в среде самих даков рабство не было ведущей формой эксплуатации. Можно полагать, что значительная прослойка знати располагала боль-

шими земельными наделами, происхождение которых могло быть связано с присвоением или захватом общинной земли. На этой экономической основе создавалась и возможность для возникновения царской власти и царской земельной собственности, что было одним из признаков возникающего государства. Сокровища, увезенные в Рим, свидетельствуют, что в руках знати и царя находились большие материальные ценности. Возможно, царь был верховным собственником золотых рудников в горах Трансильвании, которые явились не последней причиной завоевания Дакии и стали потом императорской собственностью.

Монетная серебряная чеканка племен на территории Дакии свидетельствует об известной сложности их общественной организации. Как и чеканка дунайских кельтов, она возникла в подражание греко-македонским, а затем и римским образцам I в. до н.э. Как ранние (III–II вв.), так и поздние (середина II–I в. до н.э.) монеты гетов и даков поражают обилием типов и весовых категорий, они не несли на себе греческой или латинской легенды с именем племени, царя или вождя, производивших чеканку, что свидетельствует о слабости в то время центральной власти в племенах. Их атрибуция проводится условно, главным образом, на основании арсала распространения соответствующих монетных типов, которая примерно очерчивает зону политического или экономического доминирования того или иного племени. Установленной считается чеканка кельтских племен северо-запада Дакии – таврисков и анартов, а также кельтского племени сальдензов в южном Банате. Развитой была чеканка в холмистых долинах Олтении. А золотые монеты бойев и винделиков обнаруживают на пространстве от Бибракте в Галлии до городища Страдонице близ Братиславы. Легенды монет носят откровенно подражательный характер и грубо исполнены. На аверсе изображалась голова Зевса или Геракла, на реверсе чеканился македонский всадник. В монетной чеканке даков и гетов прослеживаются четыре монетных типа, возможно, иллюстрирующие сообщение Страбона, что во время восстания страна Биребисты делилась на четыре части (*Strabo.* VII.3.11). Со времени его правления в монетной чеканке гетов и даков усматривается римское влияние. В 70-е годы I в. до н.э. монетная чеканка даков начала копировать римский республиканский денарий, после чего она исчезает. Римский денарий стал универсальной монетой на Дунае, вытеснив племенную чеканку⁶⁴. Монета у племен в значительной степени была не средством торгового обмена, но выражением авторитета и власти царя в глазах соплеменников и у соседних народов.

Городища даков лишь в малой степени были центрами торговли и ремесла, но представляли собой укрепленные центры отдельных племен, служившие убежищами на случай нападений. Раскопки крепости в Пятра-Рошие и крепости в Костешти в горах Орэштие дают представление о системе обороны даков, центром которой служила крепость. Падение таких крепостей датируется эпохой дакийских войн

⁶¹ *Dio Cass.* 68.9.1; *Petr. Patr.* fr. 5 = FHG. IV. P. 185–186; *Jord. Get.* 40; 67–72. *Aur. Vict.* De Caes. XIII.3.

⁶² Bodor A. Contribuții la problema agriculturii în Dacia înainte de cucerirea romană: Problema obștilor la daci // SCIV. 1956. VII, 3/4. P. 253–266; *Daicoviciu H.* Observatii privind obstea sateasca la geto-daci // SCIV. 1960. XI.1. P. 135–139. См. также: Голубцова Е.С. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998. С. 61 и след.

⁶³ Соболевский С.И. Рабы в комедиях Аристофана как литературный тип // ВДИ. 1954. № 4. С. 15.

⁶⁴ Preda C. Monedele geto-dacilor. București, 1973 (нем. резюме – P. 439–461); Pink K. Die Münzprägung der Ostkelten und ihrer Nachbarn. Budapest, 1939. S. 109, 115, 125.

Траяна. Крепости обносились каменными стенами и земляными валами с двойными палисадами. Внутри крепостей располагались четырехугольные каменные постройки с массивными стенами; к постройкам вели каменные лестницы. Стена имела наблюдательные башни. Внутри крепости находились жилища ее защитников. При раскопках крепостей были найдены железные ремесленные и сельскохозяйственные орудия, местная керамика, изготовленная вручную, а также греческая и италийская, остатки злаков (пшеница, просо, ячмень), кости домашних животных. Раскопки открыли в таких крепостях развалины ремесленных мастерских и плавильных печей. У даков существовало изготовление высокохудожественной серебряной и золотой посуды⁶⁵.

Крепость в горах Орэштиэ, располагавшуюся на высоте 1200 м, связывают со столицей Децебала Сармизегетузой. Крепость была окружена стенами (толщиной свыше 3 м), построенными с помощью греческих и римских мастеров. Внутри нее располагались жилые деревянные постройки на каменном фундаменте. Вне стен находилась "священная ограда", святилища даков и другие культовые сооружения. Одно из святилищ было построено в виде двух концентрических кругов (диаметром 30 м): внешнего, который образовывали плотно примыкающие друг к другу андезитовые блоки, и внутреннего, состоявшего из андезитовых столбов, сгруппированных в определенном порядке. Их размещение, как полагают, отражает календарную систему даков с делением года на 360 дней. В "священной ограде" был открыт участок андезитовой мостовой с каменным диском диаметром 7 м и изображением круга в центре — как считают, солнца — и расположенными вокруг 10 плитами в виде лучей. Предполагают, что этот диск был жертвенником. При раскопках был найден также фрагмент большого глиняного сосуда с клеймом латинскими буквами: *Decebalus per Scorilo*, — читаемыми как "Децебал, сын Скорилон". Возможно, в хозяйстве царя использовалась латинская письменность, хотя эта запись могла быть случайной.

Общество даков, конечно, не развивалось изолированно. Оно находилось сначала под воздействием греческой культуры, а затем римской. Контакты с соседями, мирные и военные, выработали у них свою дипломатию, проявившуюся особенно во время войн Траяна. Эта дипломатия давала возможность существовать государству даков и маневрировать в сложной ситуации на Дунае. Она играла на такой общей для варваров струне, как соперничество племен друг с другом, а также стремилась не дать возможности вторгнуться за Дунай чуждой им римской власти. В сущности, даки оставались единственным крупным объединением племен на Дунае, которое римляне не смогли поставить в зависимое положение буферных или клиентских государств, что пыта-

лось осуществить правительство Домициана⁶⁶. Сознание относительной этнической общности даков явилось одной из причин их героической борьбы за свободу, в которую были вовлечены многие соседние племена и народы.

Вторжение Траяна в Дакию с целью завоевать страну и успехи, достигнутые Римом в этом победном шествии, потрясли основы жизни народов Левобережья Дуная. Аврелий Виктор, следуя традиции, сказал о Траяне, что он проложил путь через области диких племен, по которому можно было легко пройти от Понтийского моря до пределов Галлии (*Aur. Vict. De Caes. XIII.4*). Эти события повлекли за собой перемены в ориентации племен, так как теперь исчезла независимая политическая сила в лице даков, были ослаблены бастарны, если они не перестали существовать вовсе, а в тылу Империи, на дальних рубежах появлялись все новые народы, включавшие в себя, возможно, и славянские племена. Под воздействием Рима оказались в большинстве своем массы пришлых народов и из других провинций. Их романизация зависела от внешнеполитической и экономической истории как самой Дакии, так и от воздействия Рима, поскольку новоиспеченная провинция вошла в систему рабовладельческих отношений и стала ее частью. Произошло не только выдвижение границ Империи за Дунай, но одновременно и включение римского мира в варварскую среду, ибо Дакия, как римская провинция, стала анклавом римского мира среди варваров.

⁶⁵ О памятниках материальной и духовной культуры даков I в. до н.э.—I в. н.э. см.: Кругликова И.Т. Указ. соч. С. 43 и след.; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973. С. 136–151; *Daicoviciu C., Ferencz Al. Asezările dacice din munții Orestici. București, 1951; Daicoviciu C. Cetatea Dacică de la Piatra Rosie. București, 1954.*

⁶⁶ О нем Траян говорил, что сам Домициан был ничтожеством, но вокруг него находились хорошие полководцы.

"МАРКОМАННСКИЕ ВОЙНЫ" С ПЛЕМЕНАМИ НА ДУНАЕ

В течение всего I в. отношения племен и Римской империи оставались относительно стабильными. Племенная политика Рима основывалась на принципах, сложившихся еще в период Поздней республики, когда завоеванные римлянами на Востоке царства и народы вошли в состав Римского государства в качестве провинций. Заверения в "дружбе", посылка царских детей в Рим для получения образования, предоставление царю или вождю римского гражданства были средством влияния и удержания во власти Рима того или иного народа¹. Такая внешняя политика применялась постепенно не только к эллинистическим государствам, но и к варварским народам на западном пограничье. Политика эта была многосторонней, включавшей как перманентные военные конфликты, так и торговые и культурные контакты. Но поскольку нас интересуют главным образом взаимосвязи Рима с племенами за Рейном и Дунаем, в центре внимания будут находиться прежде всего войны с племенами.

Основной целью внешней политики Рима было стремление задержать непрерывно двигавшиеся к границам враждебные племена и не допустить их на земли Империи. С тех пор как римляне достигли Дуная, они создавали за ним систему зависимых от Рима государственных образований в виде варварских "царств". Занимая промежуточное положение между Дунайскими провинциями и более далекими от границ племенами, они представляли собой зону "клиентских государств", т.е. не подлежали прямой римской власти и сохраняли свое собственное устройство, формы жизни и право, но подвергались многообразным формам давления в случае совершения неудобных Риму посягательств². В то же время, положение друзей и союзников Рима гарантировало племенам относительную безопасность их границ. Такая система на Дунае сложилась исторически. Она прошла в своем развитии несколько этапов, которые просматриваются в истории Рима, хотя свидетельства источников далеко недостаточны, чтобы можно было в деталях описать, как именно вырабатывался тот "способ жизни",

который почти 500 лет позволял Римской империи удерживать и Дунай, и Рейн в фокусе своих военных и политических интересов.

Система отношений Империи с племенами и царствами в целом покоилась на древнеримском институте патроната со стороны могущественных и влиятельных граждан к своим младшим сородичам, а также всего римского государства в отношении италийских общин. Эта система действовала и применительно к племенам. Термины "доверие", "послушание", "дружба", "союз" (*fides*, *obsequium*, *Romanorum clientes*, *amicitia*, *foedus*), которые обычны при отношениях патроната – клиентелы, присутствуют и при описании взаимодействия Римского государства и племенных царств. Обязанности таких племен перед Римом значительно превышали встречные обязательства самого Рима. Племена должны были проводить дружественную политику по отношению к нему, а именно: не пропускать через свои земли направлявшиеся к Дунаю и Рейну отдаленные племена, оказывать римлянам помощь продовольствием, поставкой воинских контингентов, не вступать ни в какие союзы против Рима, не осуществлять враждебных действий против него, а также не вести войны с государствами вдоль границы. За это римское правительство соглашалось выплачивать царям таких государств денежные субсидии и считать их друзьями римского народа. Царям и вождям в качестве особого отличия и высокой почести могло быть даровано право римского гражданства, им посылались богатые дары, иногда военная помощь, хотя за сохранение союза обычно римляне ограничивались выплатой денег племенам.

Зона "клиентских государств" нередко принимала на себя первые удары враждебных "внешних" племен. К тому же цари и вожди таких образований далеко не всегда следовали в русле римской политики и сами решались на военные конфликты с Римом. Подчеркнем еще раз, что положение "клиентов римского государства" было на какой-то период времени приемлемым и для самих племен, ибо гарантировало им равновесие во взаимоотношениях друг с другом. Складывание за лисом таких варварских царств преследовало создание подобной системы равновесия и в самом раздираемом внутренними противоречиями и уособицами римском государстве, так как состояние мира, а не войны превалировало во внешней политике Рима.

Взаимоотношения Империи и пограничных государств менялись исторически, ибо они зависели от расклада сил прежде всего в бурном мире племен. Отношения племен и Рима на дунайской границе показывают связь проблем, проявляющуюся чаще всего в военных конфликтах. Отдаленные от Дуная племена удерживались номинально – силой римского влияния. Но на земли этих пограничных народов постоянно приходили другие племена, и тогда менялась тактика отношений с ними. Данный процесс продолжался до тех пор, пока не появлялись новые народы, меняя политическую и этническую карту Европы.

До времени Маркоманнских войн в римской политике применительно к племенам превалировали те методы и средства, которые римляне использовали в I в. н.э. Но создание на левом берегу Дуная

¹ Badian E. *Foreign Clientelae* (260–70 B.C.). Oxford, 1958; Braund D. *Rome and the Friendly King: the Character of the Client Kingship*. L., 1984. P. 5, 9 f., 39 f.

² Kornemann E. *Die Unsichtbaren Grenze des römischen Kaiserreich*. Budapest, 1934; Klose J. *Roms Klientel-Randstaaten am Rhein und an der Donau: Beiträge zu ihrer Geschichte und rechtlichen Stellung im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr.* Breslau, 1934; Fitz J. *Pannonien und die Klientel-Staaten an der Donau // Alba Regia*. 1963–1964, 4/5; Swoboda E. *Carnuntum: Seine Geschichte und seine Denkmäler*. Graz; Köln, 1964.

римской провинции обнаружило ряд существенных проблем в политике Рима. Защита левобережной провинции по-прежнему обеспечивалась сохранением прежней системы "клиентских государств" за лимесом, но Маркоманские войны выявили тот факт, что Дунай больше не служил защитой от вторжений племен, так как с организацией провинции Дакии стал внутренней рекой Империи.

Система обороны Дакии вследствие преимущественно горного ландшафта страны имела свою специфику по сравнению с другими дунайскими провинциями³. В Дакии лимес как цепь военных крепостей, сигнальных постов, сторожевых бургов (укреплений) и башен, соединенных военной дорогой, был построен лишь на востоке провинции. Здесь в качестве рубежа, отделявшего римский мир от мира варваров, была взята река Алута (совр. р. Олт). Начинаясь на Дунае, у места впадения в него р. Алуты, этот лимес (*limes Alutanus*) шел вдоль ее правого берега вверх на протяжении 235 км. Строительство лимеса было начато Траяном, об этом свидетельствует наименование одной из крепостей – *castra Traiana*. Крайним пунктом восточного лимеса Дакии была Ангустия. При Септимии Севере восточнее р. Алуты был сооружен ряд новых укреплений. Они находились на расстоянии от линии вала в 10–15 км, а в некоторых местах – до 50 км. Но при Филиппе Арабе эти укрепления были оставлены, и оборона Дакии вернулась на *limes Alutanus*. На севере граница обеспечивалась посредством охраны горных перевалов и ущелий в Северных Карпатах. Западные рубежи Дакии также не представляли собой лимеса в прямом значении слова. Защита западных границ осуществлялась рядом сторожевых бургов и таможенных станций, которые отделяли Дакию от Паннонии. У юго-западных рубежей проживали сарматы-язиги, находившиеся в I–II вв. на положении клиентов Рима. Так, на северо-западе провинции в период 106–110 гг. дислоцировалась основная масса римских вспомогательных войск в количестве около 30 тыс. человек⁴, предназначавшихся для отражения набегов с запада.

Соседство варварского мира ощущалось в Дакии постоянно. Уже после ее завоевания отношения Рима с язигами приняли враждебный характер. Война с язигами произошла зимой 107/108 г. Поводом послужило то, что Траян не выполнил обещания перед ними. Он не вернул им земли, которые у язигов ранее захватили даки и о возврате которых они просили Траяна (*Dio Cass.* 68.10.3). Сведения о самой войне ограничиваются упоминанием о конфликте с язигами, которые напали сразу на обе провинции: на области Нижней Паннонии и юго-западные районы Дакии⁵. Их разбили римские войска под командованием наместника

Нижней Паннонии будущего императора Адриана (SHA: *Had.* III.9)⁶. Новые осложнения отношений с сарматами, и на западе, и на востоке последовали в 117–119 гг. Биограф Адриана сообщает о беспорядках, которые учинили вторгшиеся в провинцию сарматы и роксоланы (*Ibid.* VI.6; V.2). Раздельное упоминание сарматов и роксоланов указывает на войны с обоими племенами. Движение язигов затронуло и Нижнюю Паннонию.

Опасность, грозившая провинции с двух сторон, заставила Адриана вручить наместничество одновременно в двух провинциях – в Дакии и Нижней Паннонии – Квинту Марцию Турбону Публицию Северу, уроженцу Далмации⁷. Этот военный был личным другом Траяна и Адриана (SHA: *Had.* VI.7; VII.3). Его военная карьера началась при Траяне в Паннонии с примипила II Вспомогательного легиона, когда наместником Нижней Паннонии был Адриан. Затем Турбон получил командование Мизенским флотом и оставался в этой должности до 114 г. Он участвовал в Парфянской войне Траяна, в подавлении восстания в Кирене и Египте; был прокуратором Мавретании. Он имел также звание (*titulus*) префекта Египта⁸. Эта должность, как известно, принадлежала к высшим постам всаднической карьеры. На нее назначались люди, отличавшиеся доверительным отношением к императору, поскольку Египет считался частью его личного имущества. После этого могло лишь последовать назначение на высший пост всаднической карьеры – префекта претория. И этот пост Турбон получил в 119 г., что потом не помешало Адриану казнить Турбона. Назначение Турбона наместником двух провинций было мерой экстраординарной, так как он был всадником, а пост наместника провинции всегда требовал сенаторского ранга. В данном случае потребовалась сильная власть (а она была в руках Турбона), чтобы восстановить *status quo* в провинциях, изгнав оттуда и сарматов-язигов и роксолан. По окончании войны Турбон был удостоен дважды конной статуи и почетных декретов в свою честь. Один из декретов был поставлен в столице провинции – Сармизегетузе⁹.

В правление Адриана имели место еще какие-то мероприятия против язигов. Но известно лишь о посольстве их в сенат в 132 г., когда они просили подтвердить условия мира (*Dio Cass.* 69.15.2). На востоке Дакии, в областях нынешней Валахии, начались волнения роксоланов. Причиной их вторжения было уменьшение выплачиваемых им субсидий (SHA: *Had.* VI.8)¹⁰, и мир с роксоланами был достигнут только восстановлением дани (*Ibid.*).

³ Gudea N. Der Limes Dakiens und die Verteidigung der Obermoesischen Donaulinie von Trajan bis Aurelian // ANRW. B.; N.Y., 1977. Principat. Vol. 2. S. 858 ff.; Ferencsi S. Neue Forschungsergebnisse über den Limes des Interkarpatischen Daziens // Dacia. N.F. 1974. 18. S. 127–136.

⁴ Balla L. Contribution à l'histoire militaire de la Dacie. II: Les diplomes militaires (фр. резюме) // A Debreceni Déni Múzeum évkönyve. Debrecen, 1970. P. 111 sqq.

⁵ Balla L. Guerre Jazuge aux frontières de la Dacie en 107/108 // Acta Classica Univ. Scient. Debrecen, 1969. V. P. 111–113.

⁶ Dobó A. Die Verwaltung der römischen Provinz Pannonien von Augustus bis Diocletianus. Budapest, 1968. S. 43–44; Patsch C. Der Kampf um den Donauraum unter Domitian und Traian // SBWAW. Phil.-hist. Kl. 217. Wien; Leipzig, 1937. Bd. I. S. 128–129; Mácsy A. Pannonia // RE. Stuttgart, 1962. Supplbd. IX. Col. 553.

⁷ Wilkes J. J. Dalmatia. L., 1969. P. 253, 299, 327–328; Syme R. The Wrong of Martius Turbo // Roman Papers. Oxford, 1977. Vol. II. P. 541–556.

⁸ Stein A. Die Reichsbeamten von Dazien. Budapest, 1944. S. 15–18; Klose J. Op. cit. S. 14–15; Wilkes J. J. Op. cit. P. 327–328; Syme R. Op. cit. P. 543.

⁹ CIL. III. 1462 = Inscriptiile Daciei Romane. București, 1975. III. N 131.

¹⁰ Klose J. Op. cit. S. 127 u.folq.

К событиям с роксоланами относятся две эпитафии, упоминающие царскую семью роксоланов, из Пола (совр. Пула), на полуострове Истрия в Северной Италии. Их надгробия поставлены при жизни Публием Элием Распараганом, rex Roxolanorum, и его сыном Публием Элием Перегрином, regis Sarmatarum Rasparagani filius, женившимся на римлянке Атии Процилле, дочери Квинта¹¹. Эта царская семья получила римское гражданство от Адриана, о чем свидетельствует граепотеп и потеп царя роксоланов. Оказалась ли эта семья в Поле в качестве заложников, попала ли в плен к римлянам, или царь Распараган добровольно перешел на сторону Рима – все это остается неизвестным, как и то, был ли этот Распараган тем самым царем, который жаловался на уменьшение дани. К. Пач считал, что зависимость роксоланов от Рима уже в правление Веспасиана поддерживалась тем, что они должны были давать заложников Риму в обеспечение мира на Нижнем Дунае. Одним из таких заложников и был царь Распараган¹². По мнению Клозе, договор о клиентеле с роксоланами, заключенный при Траяне, обязывал Рим ежегодно выплачивать им денежные субсидии. За это роксоланы ручались защищать границу с востока Дакии. Уменьшение же субсидий при Адриане заставило их взяться за оружие. Царь роксоланов Распараган был тем самым царем, который жаловался Адриану на уменьшение дани¹³. Вероятность того и другого предположения достаточно высока: дело только в том, что принимать за основу подобных предположений – надпись ли Плавтия Сильвана, упоминающая роксоланов, о которой мы уже говорили, или свидетельство биографа Адриана о роксоланах.

О намерении Адриана оставить Дакию упоминают сами древние, что находится в связи и с движением язигов, и с выступлением роксоланов, так что с самого начала своей римской истории Дакия находилась под угрозой вторжения племен. Евтропий писал, что Адриан хотел покинуть Дакию, но его отговорили друзья Траяна (*Eutrop.* VIII.6). Однако он распорядился разобрать верхнюю часть Траянова моста через Дунай, чтобы он не мог быть использован для вторжений племен в правобережные провинции (*Dio Cass.* 68.13.6).

Современники уловили главное – произошло оставление Дакии, хотя в тех размерах, в каких она была образована Траяном, Дакия уже не существовала при Адриане. Во время Траяна Дакия включала в себя нынешние Трансильванию, Банат, Олteniю, Мунтению и Молдову. Банат и западная часть Олteniи вошли в состав Империи уже в 102 г., после окончания Первой дакийской войны Траяна. Они находились под властью наместника провинции Верхней Мёзии. Восточная Олтения, Мунтения и Молдова состояли под управлением наместника Нижней Мёзии¹⁴. Иными словами, левобережные области провинции админист-

ративно подчинялись правителям правого берега реки – Верхней и Нижней Мёзии. Это требовало особого военного обеспечения данных регионов и установления определенной формы гражданского управления ими. На территории современной Мунтении Траяном были построены римские лагеря и бургы в Малайешти, в Драйна-де-Сус, в Рэкары, в Тыргшор (близ Плоешти), в Река-Петрошани (на Дунае). Им была основана на Дунае и крепость Туррис, отождествляемая с Турну Мегуреле, а также крепость в устье р. Сирет. В лагере Драйна-де-Сус были обнаружены клейма легионов Нижней Мёзии: I Итальянского, V Македонского, VI Клавдиева и Первой когорты Коммагенцев. В крепости Мэлэйешти и в Тыргшоре были найдены клейма легионов – XI Клавдиева и V Македонского¹⁵. Римские укрепления в Мунтении и на юге Молдовы существовали только в правление Траяна. Все они были ликвидированы при Адриане (в 119 г.) кроме крепости и стоянки римского флота на Дунае в устье р. Сирет, у нынешнего Галаца. Перемещение восточной границы Дакии на водный рубеж, на р. Олт и оставление завоеванных Траяном Мунтении и Валахии было не единственным случаем выравнивания границ в правление Адриана. Он ушел и с территорий, завоеванных Траяном за Тигром и Евфратом (SHA: Hadr. V.2; IX.1; VIII.6).

Оставление областей за р. Олт привело к военно-административной реформе провинции. В период наместничества Турбона Дакия была разделена на две провинции: Дакию Верхнюю (*Dacia Superior*) и Дакию Нижнюю (*Dacia Inferior*). Дакия Нижняя охватывала Олteniю, юго-восточный угол Трансильвании и восточную часть Баната. Здесь стояли вспомогательные войска, а в Апуле (совр. Альба Юлия) – XIII Сдвоенный легион. Вся Дакия – и Верхняя и Нижняя – управлялась наместником из сенаторов в ранге пропретора, поскольку провинция имела только один легион. Наместник Верхней Дакии осуществлял военную и судебную власть во всей провинции¹⁶. Ему были подчинены прокураторы Верхней и Нижней Дакии. В присутствии Адриана из Дакии Верхней был в 124–125 гг. образован отдельный военно-административный округ – Дакия Поролисская (*Dacia Porolissensis*), охватывавший север Дакии с центром в Поролиссе (совр. Мойград)¹⁷. Северная часть провинции также управлялась прокуратором всаднического ранга. Она получила и свое войско (*exercitus Daciae Porolis-*

¹¹ Dobó A. Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975. N 582; 583.

¹² Patsch C. Op. cit. S. 162 u.folg.

¹³ Klose J. Op. cit. S. 127–129.

¹⁴ Gerov B. Zwei neugefundene Militärdiplome aus Nordbulgarien // Klio. 1959. N 37. S. 210; Daicovicu C. Einige Probleme der Provinz Dazien während des 3. Jahrhunderts //

Studii Clasice. 1965. VII. S. 236. Idem. Dakien und Rom in der Principatszeit // ANRW. B.; N. Y., 1977. Principat. 6. S. 915 u. folg. По мнению Р. Финка, нынешние Мунтения и юг Молдовы вошли в состав провинции Нижней Мёзии уже при Домициане в 89 г. по мирному договору, заключенному им с даками. См.: Fink R.O. Hunts pridianum: British Museum Papyrus 2851 // JRS. 1958. № XLVIII. 1–2. P. 102–116. Р. Сайм считает, что эти области отошли к Империи в период между 105 и 108 г. в результате Дакийских войн Траяна. См.: Syme R. Danubian Papers. Bucharest, 1971. P. 122–133.

¹⁵ Gudea N. Op. cit. S. 873–874.

¹⁶ Stein A. Die Reichsbeamten von Dazien. S. 18–19; Gerov B. Zwei neugefundene Militärdiplome... S. 210; Patsch C. Op. cit. S. 168–172.

¹⁷ Daicovicu C., Protase D. Un nouveau diplôme militaire de la Dacia Porolissensis // JRS. 1961. N LI, 1–2. P. 63–69.

sensis), состоявшее из специальных вспомогательных частей¹⁸. Военно-административный округ каждой провинции был ориентирован на защиту своей части ее. Так, войскам Дакии Поролиссской предназначалась оборона от нападений племен с севера, где, напомним, помимо XIII Сдвоенного легиона стояли вспомогательные войска. Столица провинции Сармизегетуза прикрывала западные рубежи Дакии. Оборона Дакии Нижней, главным городом которой считался Ромула (совр. Решка на р. Олт), была ориентирована на защиту от нападений с востока – роксоланов, костообоков, карпов и других племен.

Дакии, как уже говорилось ранее, предназначалась роль форпоста Империи, поэтому численность ее войск увеличивалась. При Антонине Пие произошла война с северными племенами. Были ли они действительно даками или под их названием скрывались и другие северные народы – вандалы, готы, славяне, – остается догадываться. Эти племена подвергали нападениям и северные, и восточные области провинции, за которыми обитало множество племен и совсем не дакийских. Их вторжение было отражено войсками, выступившими под началом наместника провинции Марка Стация Приска Лициния Италика (SHA: Pii. V. 4). Клад римских монет, открытых на востоке Трансильвании, показывает, откуда шло нашествие племен. Клад содержит денарии времени от Нерона до Антонина Пия: известны 44 монеты Траяна, 33 – Адриана и две монеты Антонина Пия.

Активность племен на Дунае возрастает с середины II в. Их натиску подвергаются все дунайские провинции. Самыми тяжелыми и длительными из войн этого столетия явились Маркоманнские. Они заняли большой отрезок времени (165–180 гг.) и губительно сказались на состоянии римского общества, положив конец "золотому веку" Антонинов, после чего происходит постепенный закат Римской империи. Победа над воинственными племенами одержана была римлянами с огромным трудом. В ее честь была воздвигнута колонна Марка Аврелия, сохранившаяся в Риме до сих пор на Площади Колонны, на которой в рельефах воспроизведены важнейшие события войны¹⁹. Исследование Маркоманнских войн продолжается и до сих пор²⁰.

¹⁸ Macrea M. Exercitus Daciae Porolissensis et quelques considérations sur l'organisation de la Dacie Romaine // Dacia. N.S. 1964. VIII. P. 145–160.

¹⁹ Domaszewski A. von. Die Chronologie des Bellum Germanicum et Sarmaticum 166–175 n. Chr. // Neue Heidelberger Jahrbücher. 1895. Bd. V; Petersen E., Domaszewski A. von, Calderini G. Die Marcus-Säule auf Piazza Colonna in Rom. München, 1896. I–II; Dodd C. H. Chronologie of the Danubian Wars of the Emperor Marcus Aurelius // Numismatic Chronicle. L., 1913. P. 162–199, 276–321.

²⁰ См.: Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов: Этно-политический и социальный аспект. М., 1994; Антонова И. А., Яйленко В. П. Херсонес, Сеперное Причерноморье и Маркоманнские войны по данным Херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4. С. 58 и след. В наше время в литературе о Маркоманнских войнах появились обстоятельные статьи: Яйленко В. П. К дискуссии о Херсонесском декрете в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. М., 1999. С. 154–176. См. также: Смышляев А. Л. Карьера, миссия и статус Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1996. № 3; Свенцицкая И. С. Еще раз о новом Херсонесском декрете // Там же.

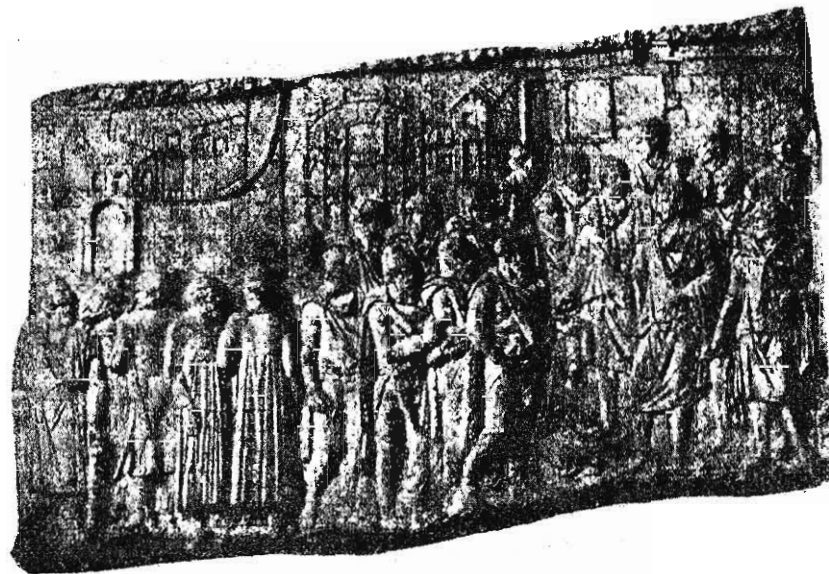

Рис. 7. Траян принимает вождей варваров. Сцена Колонны Траяна

Высказываются новые точки зрения, более или менее обоснованные предположения об общей хронологии войн, о последовательности событий в них, о карьере участников этих войн. Детальное исследование В. Цвиккером позволило достигнуть известной ясности в истории этих войн, хотя хронология событий, как и определение роли сподвижников Марка Аврелия вызывают некоторые разногласия²¹.

* * *

В сочинениях античных авторов Маркоманнские войны определяются как такие, которых еще не бывало на памяти людей (SHA: Marci. XIV.1). По натиску племен и по той тяжести, с которой выносили римляне в течение многих лет эту войну, она сравнивалась Евтропом с Пунической (Eutrop. VIII.12). Война была начата племенами, граничившими с Римом на Дунае, вследствие давления на них более северных племен. В жизнеописании Марка Аврелия среди противников

²¹ Zwickler W. Studien zur Marcussäule. Amsterdam, 1941. Bd. I; Langemann G. Die Markomannenkriege. Wien, 1981; Birley A. Marcus Aurelius. L., 1966; Fitz J. Der Einfall der Langobarden und Obier in Pannonien im Jahre 166–167 n. u. z. // Acta Arch. 1959. XI; Idem. Der markomannisch-quadische Angriff gegen Aquileia und Opitergium // Historia. 1966. H. 3. S. 33 u. folg.; Oliva P. Pannonia and the Onset of Crisis in the Roman Empire. Pr., P. 259–306. См. также: Режабек Ф. В. Маркоманнские войны // Зап. имп. Новороссийского ун-та. Одесса, 1896. Кн. II, 68. С. 1–223; Елипашина-Стручалина Р. А. Последняя римская агрессия на Дунае по барельефам колонны Марка Аврелия // Из истории Древнего Рима: Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1960. С. 45–60.

Рима названы маркоманны, наристы, квады, свевы, сарматы, лакринги, буры, виктуалы, озы, бессы, роксоланы, бастарны, вандалы, аланы, костобоки (SHA: Marci. XXII.1; 13.3). В жизнеописании Дида Юлиана упоминаются хавки и хатты, выступившие из областей правого берега Рейна (SHA: Did. Jul. I.7–8). Дион Кассий называет лангобардов и обиев, асдингов и лакрингов (*Dio Cass.* 71.3; 12). Большинство этих народов обитало далеко за Рейном и Дунаем. Хавки жили западнее Нижнего Рейна, в долине Везера; хатты занимали области Нижнего Майна; в районе современных Чехии и Моравии жили маркоманны и квады; у истоков Эльбы обитали гермундуры и наристы; в горах Словакии и по течению ее рек – котины, озы и буры; у восточных границ Дакии кочевали роксоланы; на северо-востоке – бастарны и костобоки; устье Дуная занимали племена певкинов. Виктуалы, асдинги, лакринги, лангобарды, обии выступили из районов Нижней Эльбы, Одера и Вислы; аланы пришли из северокавказских областей²². Наличие среди убитых германцев женских трупов свидетельствует, что происходило переселение целых племен (*Dio Cass.* 71.2.2). От этих грандиозных катаклизмов, охвативших всю Центральную и Юго-Восточную Европу, не остались в стороне и славянские народы²³.

Дунайская граница подверглась нападению едва ли не одновременно, так что сама война расценивалась древними как подобие заговора, составленного племенами от Галлии до пределов Иллирика (SHA: Marci. XXII.1). Военные действия то завершались мирными переговорами, то затем вспыхивали снова. Квады и маркоманны прорвали лимес Норика и Верхней Паннонии; они дошли до Аквилей, сожгли Опитергий и угрожали Вероне (*Dio Cass.* 71.3.2; *Lucian. Pseudom.* 48; *Ann. Marc.* XXIX.6.1). Костобоки долиной р. Олт прошли через Дакию, вторглись в правобережные провинции и достигли в 170 г. Греции, где разрушили знаменитое святилище Деметры, построенное еще при Перикле. В срочном порядке в глубоком тылу Империи были сооружены военные укрепления для защиты Италии и Альпийских проходов²⁴. Было предпринято строительство сети укреплений от предгорий Альп до Черного моря и обнесены стенами и башнями города внутренних провинций – Далмации и Фракии. В Италии, не знавшей 100 лет воинского набора, было сформировано два новых легиона (II Pia и III Concers), получивших потом название II и III Итальянских. Они были отправлены на фронт, а по окончании военных действий размещены в

Реции и Норике²⁵. В Риме набирались войска из рабов, гладиаторов и из менее романизированных слоев населения. В деньги были перелиты золотые сосуды императорского дворца, проданы картины, статуи, драгоценности императрицы (SHA: Marci. XVII. 4–5; XXI. 6–9). К бедствиям Империи добавилась чума, занесенная римской армией с Востока. Она вспыхнула в Аквилее, где в 168 г. собралась экспедиционная армия во главе с Марком Аврелием, распространилась в самом Риме и перекинулась на провинции.

Во главе римской армии встал император Марк Аврелий и его соправитель Луций Вер, вскоре, в 168 г. умерший в Альтине, городе Северной Италии. Все тяготы войны Марк Аврелий вынес на своих плечах. Он находился в течение нескольких лет на дунайском фронте, в Паннонии и в Дакии, в ее известных городах: Виндобоне, Карнунте, Сирмии (совр. Сермска Митровица). Свой философский труд, пронизанный глубокими наблюдениями о смысле человеческого бытия, известный нашему читателю как "Размышления", он начал писать на войне, на лимесе Паннонии, в землях квадов²⁶. Одна из книг этого произведения создавалась во время его пребывания в Карнунте.

Массированные вторжения племен следовали одно за другим в Норике, Реции, Дакии, Верхней и Нижней Мёзии. Самым тяжелым театром боев стал лимес от Виндобоны до Сингидуна (совр. Белград). В штабе императора находились известные полководцы Марка Аврелия. В числе их был Публий Гельвий Пертинакс, будущий император. Он был назначен командующим вексилляциями паннонских легионов Тиберием Клавдием Помпеем. Помпей, выдающийся военный, также находился во время войны в штабе Марка²⁷. Военная карьера Пертинакса проходила главным образом на Дунае²⁸. В 171 г., будучи легатом I Вспомогательного легиона, дислоцированного в Бригетоне (ныне г. Сень на Дунае), в Паннонии, он сражался в Реции с племенем хаттов (*Herodian.* II.14; SHA: Pertinaci. II.6, 9).

Нашествие на дунайскую границу началось уже в 166 г., когда армия во главе с Луцием Вером еще не вернулась с Парфянской войны (SHA: Marci. VIII.9; 12). Ведь на Восток был переброшен весь II Вспомогательный легион, расквартированный также в Паннонии, и вексилляции других дунайских легионов. Нападения на лимес отражали по мере сил наместники провинций (SHA: Marci. VIII.12, 13). В 167 г. последовало вторжение 6 тыс. лангобардов и убиев на лимес Верхней Паннонии (*Dio Cass.* 71.3.1a). Оно было отбито конной вспомогательной

²² Zwickler W. Op. cit. S. 15, 17–25, 97, 150–151.

²³ Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 144; Кудрявцев О.В. Эллинские провинции Балканского полуострова во втором веке н.э. М., 1954. С. 263–264; Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М. 1954. С. 105–106; Oliva. Pannonia and the Onset... P. 264, 278.

²⁴ Zwickler W. Op. cit. S. 167–173, 228; Кудрявцев О.В. Вторжение костобоков в Балканские провинции Римской империи // ВДИ. 1950. № 3. С. 92; Он же. Эллинские провинции... С. 245–271; Он же. Исследования по истории Балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 13–73; Šašel J., Petru P. Clastra Alpium Iuliarum: Fontes. Ljubljana, 1971. P. 17 sqq.

²⁵ Zwickler W. Op. cit. S. 56, 65, 75, 94, 99, 119.

²⁶ Марк Аврелий Антонин. Размышления: Пер. А.И. Доватура, А.К. Гаврилова. Я. Угга. Л., 1985.

²⁷ Он был зятем императора, который выдал за него замуж свою дочь, Луциллу, вдову императора Луция Вера, вопреки желанию ее и своей жены (*Herodian.* I.8.3; SHA: Marci. XX.6; XX.9).

²⁸ Stein A. Die Legaten von Moesien. S. 49 u.fol.; Idem. Die Reichsbeamten von Dazien... S. 48.

алой, стоявшей на лимесе в Аррабоне²⁹. Эта ала I Ulpia Contariorum civium Romanorum получила в полном составе римское гражданство, возможно, в связи с заслугами во время этих войн (CIL. III.4359; 4362)³⁰.

Тяжелейшие испытания, пережитые Римом во второй половине II в. н.э., как уже отмечено выше, обозначаются в источниках как Маркоманнская война (SHA: Marci. XII.13; XVII.2; 5), но они именуются также и войной Германской – bellum Germanicum (Ibid. XII.14; XVII.1; XX.6; Veri. IX.7). Дело в том, что сначала основными участниками конфликта выступили маркоманны и квады, но по мере разрастания пламени войны в нее включились и другие народности, определяемые как германские. Тогда впервые против Рима выступили глубинные племена Европы: вандалы, вистулы и, как мы увидим, готы.

Маркоманны, сарматы, квады, составившие первый эшелон нашествия на рубежи Рима, были известны ему издавна. "Государство" маркоманнов, возникшее на землях нынешней Чехии (см. гл. II), попало под колесо других племен, пытаясь сдержать их натиск на свои пределы. В результате маркоманны очутились в числе тех народов, которые просили во время этой войны принять их на римские земли. Действия наместников провинции на лимесе были временно прекращены (SHA: Marci. XII.13; Veri. IX.9–10). Но события развивались совсем не в том ключе, и набеги на лимес возобновились. Так, в 167 г. Тиберий Клавдий Помпеян разбил маркоманнов при переходе их через Дунай и возвратил провинциалам взятую у них добычу (SHA: Marci. XXI.10)³¹.

Решительные маневры римской армии на территории Дунайского приграничья и энергичные меры наместников провинций заставили соседние племена просить мира. К наместнику Верхней Паннонии Марку Яллию Бассу явилось посольство с соответствующей просьбой от числа одиннадцати племен, во главе с царем маркоманнов Балломарием, которые просили о мире или принятии их в пределы Империи³². И десять вождей были из числа тех народов, которые уже давно находились в сфере ее влияния. Но не эти варвары угрожали тогда Риму, хотя и они нанесли ему огромный урон, но другие, определяемые в источниках как superiores barbari. В их состав входили вандалы, лангобарды, готы и, возможно, часть славянских племен³³. До 172 г., когда началось встречное наступление римлян на вражеской территории, они отражали атаки

племен. Рельефы колонны Марка Аврелия воспроизводят эпизоды войны начиная с 172 г.³⁴

Опустошение Дунайских провинций было огромным. Римские города на дунайском лимесе, такие как Виндобона, Бригедон и Аквинк, были разрушены и подверглись пожарам. Крупные стационарные лагеря были уничтожены. Так, лагерь Интерцисы (совр. Дунауйварош) полностью сгорел, а ее гарнизон – Первая Альпийская конная когорта – погиб³⁵. Было разгромлено верхнепаннонское войско в количестве 20 тыс. человек. Погиб легат XIV легиона³⁶, стоявшего в Карнунте, который одновременно исполнял обязанности наместника провинции. Гай Веттий Сабиниан Юлий Госпит³⁷ был поставлен во главе вексилярных иллирийских легионов, отправленных в 175 г. для защиты города Рима, когда армия во главе с императором ушла на восток для подавления мятежа узурпатора, наместника Сирии Авидия Кассия³⁸.

Успешные операции римлян за Дунаем привели к заключению мира с кладами (173 г.). По условиям мира квады должны были не давать в своей стране убежище маркоманнам, военные действия с которыми еще продолжались, а также вернуть римских пленников. Однако квады не выдали всех, но только тех, которых нельзя было использовать на работе или продать. Вопреки условиям мира, они приняли в свою страну маркоманнов и прогнали своего царя Фурция, римского ставленника, избрав царем Ариогеза (Dio Cass. 71.11.1–5; 71.13.1–4; 71.14)³⁹.

Во время решительного сражения римлян с кладами за Дунаем летом 172 г. (11 июня) пролился необыкновенный дождь, описание которого оставил Дион Кассий. Оно заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью: "Квады окружили римлян в местности, которая для этого очень подходила, но римляне храбро сражались. Варвары же затягивали сражение в надежде, что они легко победят римлян вследствие сильного жара и жажды, ибо варвары все заняли вокруг и окружили римлян, чтобы они ниоткуда не могли достать воды. Квады во много раз превосходили римлян числом. И вот, когда римляне находились в величайшей нужде, страдая от зноя и жажды, а также из-за утомления и ранений, и не могли уже больше ни сражаться, ни отступать, и оставались стоять в боевом порядке на своих местах, как вдруг собрались облака и пошел дождь не без участия божества. Вначале римляне подставляли свои лица дождю и ловили его ртом. Затем одни стали снимать свои шлемы, другие – щиты и собирали в них воду и пили не только сами, но и поили своих лошадей. И когда варвары напали на римлян, те одновременно и сражались, и пили воду, и некоторые из раненых жадно глотали кровь, которая текла в их шлемы

²⁹ Zwickler W. Op. cit. S. 94; Mócsy A. Pannonia. Col. 555; Fitz J. Der Einfal der Langobarden und Obier in Pannonien... S. 61–62.

³⁰ Wagner W. Die Dislocation der römischen Auxiliarformationen in der Provinzen Noricum, Pannonien, Moesien und Dakien von Augustus bis Gallienus. B., 1938. S. 30–32; Fitz J. A Military History of Pannonia from the Marcomann Wars to the Death of Alexander Severus (180–235) // AASH. 1962. Vol. XIV, fasc. 1/2. P. 43.

³¹ Dobó A. Die Verwaltung... S. 60–62.

³² Dio Cass. 71.3.1; SHA: Veri. 9.9; cp. Zwickler W. Op. cit. S. 100–103.

³³ Godłowski K. "Superiores barbari" und the Markomannenkriege im Licht archaeologische Quellen // Slovenská Archeológia. Bratislava, 1984. T. XXXIV, 2. S. 327 u. folg.

³⁴ Zwickler W. Op. cit. S. 127–128, 130, 187, 229.

³⁵ Intercisa. Budapest, 1954. Bd. I. S. 37; Bd. II. S. 512.

³⁶ См.: Zwickler W. Op. cit. S. 159; Dobó A. Die Verwaltung... S. 65–67.

³⁷ Dobó A. Inscriptiones... N 524.

³⁸ Zwickler W. Op. cit. S. 55–56; Birley A.R. Marcus Aurelius. L., 1966. P. 24 f., 272.

³⁹ См.: Klose J. Op. cit. S. 106; Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung: Das Werden der frühmittelalterlichen Gentes. Köln, 1961. S. 18.

вместе с водой. И римляне бы действительно понесли в то время большие потери, ибо многие из них были заняты тем, что пили, если бы не сильный град и множество молний, обрушившихся на варваров. Так что в одном и том же месте можно было видеть и воду, и огонь, падающие с неба, и в одно и то же время одни пили воду и мокли под дождем, другие гибли от огня и умирали. И огонь не попадал в римлян, а там, где он их касался, его тотчас гасили. Варварам же огонь не помог ничем, и град, как масло, вздымал огонь и пламя еще выше. И хотя варвары находились рядом с дождем, они искали воды. Некоторые даже сами ранили себя, надеясь своей кровью погасить пламя, другие переходили к римлянам, так как только они одни имели спасительную воду⁴⁰.

Интересна оценка этого события, данная византийским монахом XII в. Ксифилином, в выдержках которого дошел до нас этот текст Диона Кассия. По сообщению Ксифилина, римляне считали, что дождь вызвал своими заклинаниями египетский жрец Арнуфис, находившийся в свите императора; он и воззвал к Гермесу Эрику. Но сам Ксифилин уверен, что Дион Кассий говорит здесь неправду, и, по его мнению, намеренно. Монах сообщает, что в войске Марка Аврелия действовал XII Молниеносный легион (XII Fulminata), воины которого были христианами. И когда император уже не видел выхода из окружения, командир легиона подступил к Марку Аврелию и молвил ему, что те, которые чтут Христа, могут всего достичь своей молитвой; и император разрешил им попросить своего бога, и бог услышал их молитву и уничтожил врага молнией, а римлян укрепил дождем.

Как показывают археологические исследования в Карнунте, истинность чудодейственного дождя подтверждается документальными свидетельствами. Это был день 11 июня 172 г., администрацией объявленный своего рода "праздником полка", день войск, стоявших на дунайском лимесе и в Виндобоне, и в Карнунте. Здесь на горе Пфафенберг существовало святилище по отправлению императорского культа в Верхней Паннонии. Отсюда происходит алтарь Юпитеру Нанлучшему, Величайшему *Karnuntinus*, сооруженный по случаю победы римских войск за Дунаем⁴¹.

* * *

Теперь мы вступаем на землю Дакии, судьба которой во время Маркоманнских войн сложилась несколько иначе. В этой провинции наблюдался постепенный откат римского мира перед наступающим на него миром варварским. Из числа участников Маркоманнских войн именно германские племена (вандалы и готы) нападали прежде всего на Дакию. Но они увлекли за собой многие другие народы, которые никак не могут быть определены как германские.

Сарматы опустошали Дакию и Нижнюю Паннонию. Язигам помо-

гали квады с их царем Ариогезом. Роксоланы нападали с востока. К северной границе подступили вандалы. Нападения следовали со стороны буров, обитавших на Верхней Тисе; с северо-востока выступили костобоки. Северо-западную границу провинции прорвала в 167 г. какая-то группа племен. Они проникли в золоторудный район, где опустошения были значительны; из строя вышли золотые рудники Дакии. Вторжение племен нарушило жизнь в городах. Были распущены жреческие и ремесленные коллегии, как, например, коллегия Юпитера Цернена в Альбурне Большем⁴². В провинцию вторгся Тарб, вождь соседних племен, "требуя денег и угрожая войной, если их не получит" (*Dio Cass.* 71.11.1). Его фракийское имя⁴³ указывает, возможно, на то, что Тарб был вождем одного из фракийских племен. Он был изгнан с помощью других племен, которые на переговорах с римлянами представлял царь, очевидно, вандалов Баттарий, мальчик 12 лет. Если 12-летний мальчик представлял посольство к наместнику Дакии, то можно предполагать, что или племена были сильно истощены, или этот мальчик был единственный представитель той знати, которая имела право вести переговоры с римлянами. Посольство Баттария получило от римлян денежные субсидии и обещало союз своего племени за помощь в изгнании Тарба.

Однако ситуация в Дакии оставалась весьма тяжелой. В 169 г. было учреждено объединенное наместничество в провинциях Дакии и Верхней Мёзии. Командование было возложено на Марка Клавдия Фронтон⁴⁴. Его полномочия носили чрезвычайный характер, и были вызваны необходимостью защиты обеих провинций. Фронтон провел несколько кампаний против сарматов и германских племен, но в 170 г. он погиб на поле боя. Возможно, к событиям этой войны с сарматами относится сообщение Диона Кассия (*Dio Cass.* 71.7.1–5): "Тогда римляне победили язигов и на земле, и на воде. Я не говорю, что произошло нечто вроде морского сражения, но римляне преследовали язигов, бегущих через замерзший Дунай, и сражались на реке, как бы на твердой земле. Язиги же, увидев, что римляне их преследуют, остановились, надеясь легко опрокинуть римлян, как непривычных к битве на льду. И одни из варваров стремительно бросились на них; другие верхом на конях окружали их с флангов, ибо кони язигов приучены скакать в такого рода условиях. Римляне, видя это, не испугались, но, сомкнувшись и обратившись лицом к врагу, многие из них сняли щиты

⁴² *CIL*. III. P. 972.1 = ИЛН // ВДИ. 1956. № 3. С. 238. (Пер. Е.М. Штаерман).

⁴³ *Tomaschek W.* Die alten Thraker: Personen und Ortsnamen (Nachdruck). Wien, 1980. S. 36; *Deichmann D.* Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957. S. 490–491.

⁴⁴ *Stein A.* Op. cit. S. 38–40; *Birley A.R.* The Invasion of Italy in the Reign of M. Aurelius // *Provincialia: Festschrift für R. Laur-Belart.* Basel; Stuttgart, 1968; *Birley A.R.* Marcus Aurelius. L., 1966; *Idem.* Marcus Aurelius. Bonn, 1980; *Balla L.* Prosopographica Dacica. I // A. Debreceni Déni Múzeum évkönyve. 1968. Debrecen, 1970 (Фр. пер.). P. 143–144; *Daicoviciu C., Daicoviciu H.* M. Claudius Fronto et Dacia Malvensis // *Acta of the Fifth International Congress of Greek and Latin Epigraphy.* Cambridge, 1967; Oxford, 1971. P. 343–347.

⁴⁰ *Dio Cass.* 71.8.1–3; 71.10.1–4. Ср. SHA: Marci. XXIV.4.

⁴¹ *Jabst W.* 11 Juni 172 n. Chr.: Der Tag des Blitz- und Regenwunders im Quadenlande // *Sitzungsber. Akad. d. Wiss. in Wien. Philosoph.-hist. Kl.* 1978. Bd. 335.

и, опираясь на них одной ногой, чтобы не скользить, приняли нападающих. И римляне хватали одних за уздечки, других — за щиты, третьих — за копыта и притягивали к себе. Вступив в рукопашный бой, римляне опрокидывали и людей, и лошадей. Варвары не могли удержаться в седле, падали и скользили. Римляне также скользили. Но если кто из них падал навзничь, он тянул на себя своего противника с коня, вниз, поверх себя, и затем своими ногами сильно толкал его обратно, как в спортивной борьбе, и таким образом садился на него верхом. Если кто из римлян падал на лицо, то он хватал зубами своего противника, который упал раньше. Так как варвары были непривычны к такого рода сражениям и имели более легкое оружие, они были не в состоянии сопротивляться, так что только немногие из них избежали плена".

Героям Маркоманнских войн Марк Аврелий распорядился соорудить на форуме Траяна конные статуи в военном облачении. В надписи из Рима, поставленной в честь Фронтонна, сказано, что "после нескольких удачных сражений против германцев и сарматов он пал в битве за государство, храбро сражаясь до последнего"⁴⁵. Подобная статуя была поставлена ему и в Дакии (CIL. III. 1457).

К 170 г. относится прорыв дунайского лимеса костобоками. Костобоки прошли через Дакию, форсировали Дунай, вышли в Нижнюю Мёзию и Фракию и ринулись далее на юг Балканского полуострова вплоть до Ахайи. Их движение связано и с активным перемещением вандалов у северных границ Дакии. Костобоки упоминаются Дионом Кассием вместе с племенем вандалов (асдинги и лакринги).

В Дакию асдинги пришли под главенством вождей Раоса и Рапта, как рассказывает Дион Кассий, надеясь за союз получить от римлян деньги и землю для поселения в провинции, но обманулись в ожиданиях. Отношения асдингов и лакрингов были враждебными: лакринги напали на асдингов и одержали победу. Но они не были в дружбе и с костобоками. Наместник Дакии Секст Корнелий Клемент уговорил асдингов напасть на страну костобоков, обещая им также принять под свое покровительство жен и детей асдингов в самой провинции, ибо к тому времени асдинги стали союзниками римлян (καὶ ἡγεῖν καὶ ὥρην ἐπὶ οὐραχίῃ — *Dio Cass.* 71.12.1).

После настойчивых уговоров императора Марка асдинги получили от него деньги. Император обещал им и землю в случае, если они нанесут урон тем племенам, которые тогда боролись с римлянами. И действительно, асдинги получили обещанное: и землю в провинции, и деньги (*Dio Cass.* 71.12.1–2). Асдинги, напавшие на костобоков, могли приобрести их страну оружием в случае, если те располагались по соседству и если большая часть племени костобоков находилась в походе, а их страна оставалась без прикрытия.

Этот рассказ Диона Кассия (далеко не единственный) повествует о сложных отношениях Рима с племенами, когда они требовали от него и денег, и земли для поселения, обещая военную помощь в обмен на союз. Мы сталкиваемся здесь с перманентной борьбой племен за землю

в Дакии, и император неоднократно удовлетворял просьбы. Но вандалы вторглись в пределы костобоков, земли которых были соседними и большая часть племени находилась в походе, а их страна осталась без прикрытия. Сами же костобоки обрушились на владения римлян.

Об этнической принадлежности костобоков и маршруте их движения в римские области существует довольно обширная литература. Наибольшее число сторонников имеет теория фракийского⁴⁶, а также славянского происхождения костобоков⁴⁷. Я не решаю вопроса об этносе костобоков: он требует специального исследования и археологической интерпретации относимого к ним материала. Однако более предпочтительным представляется мнение О.В. Кудрявцева о славянской принадлежности этого племени.

Костобоки вторглись в пределы Империи не одни, а в союзе с племенами роксоланов, бастарнов, аланов и певкинов. Морской поход, по мнению А. Премерштейна, не был вовсе недостижим для этих племен⁴⁸. Для даков, например, еще во времена Цезаря Понт не представлял непреодолимой преграды (*Suet. Jul.* 44). Следуя вначале по суше, костобоки могли перейти Дунай в Нижней Мёзии, в районе Дуростора (ныне Силистра). Здесь они имели возможность выйти к западному побережью Понта и захватить суда в одном из греческих городов. Концепция Премерштейна заслуживает внимания и находит подтверждение в одной латинской надписи времени Марка Аврелия, которая является неким аргументом в пользу морского рейда костобоков.

Этот памятник принадлежит Луцию Юлию Вегилию Грату Юлиану⁴⁹, карьера которого проходила при Марке Аврелии и Коммодe (*Dio Cass.* 72.14.1; SHA: Commodi. VII.4). Она началась с поста префекта Третьей Августовой когорты фракийцев. Вегилий Грат был также префектом Мизенского и Равеннского флотов, после чего занимал пост префекта анноны. Завершилась его карьера в качестве префекта претория при Коммодe, а в 190 или 191 г. он был убит по его приказанию. Во время Маркоманнских войн Вегилий Грат дважды имел командование с чрезвычайными полномочиями. На одной из таких должностей он возглавлял Понтийский флот. Другой его чрезвычайный пост состоял в командовании вексильями против костобоков и против мавров в Испании (*adversus Castabocas et Mauros rebelles*). Примечатель-

⁴⁶ См., например: *Russu I.I.* Les Costoboces // *Dacia*. N.S. 1957. III. P. 350 sqq.

⁴⁷ См. о различных теориях: *Чаплыгина Н.А.* Население Днестровско-Карпатских земель и Рим в I – начале III в. н.э. Кишинев, 1990. С. 19 и след.; *Она же.* Римляне на Дунае. Кишинев, 1994; *Кудрявцев О.В.* Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 26–78; *Gostar N.* Numele și originea costobocilor // *Cercetări istorice*. 1970. I. P. 109–117.

⁴⁸ *Premmerstein A.* Kostoboken // *RE. Hbhd.* XXII, 1922; *Premmerstein von A.* Untersuchungen zur Geschichte des Kaisers Marcus. II: Seerzüge der Nordpontusvölker und der Mauren: Der Einfall der Kostoboken // *Klio*. 1912. XII. S. 139 u.folg.

⁴⁹ См.: *Dobó A.* Inscriptiones... N 526.

⁴⁵ *Dobó A.* Inscriptiones... N 819b.

тельно, что одна и та же вексилляция действовала против костобоков в Ахайе и Македонии, а затем была переброшена морем в Испанию. Если не считать порядок слов надписи случайным (Ахайя названа раньше Македонии), то он свидетельствует о том, что столкновения римлян с костобоками начались в Греции, в Ахайе, и уже потом переместились на север, в провинцию Македонию. В этих операциях, как полагал Премерштейн, был задействован Понтийский флот, префектом которого служил Вегилий Грат.

О продвижении костобоков по суше сообщают и другие источники. Находки римских монет из городов Западного Понта кончаются в 169 г., что доказывает факт прорыва костобоками дунайского лимеса.

Правобережные города – Трофей Траяна, Элатея, Элевсин – находились или на Дунае, или на побережье Эгейского моря. На основании находок монетных кладов и эпиграфических данных, происходящих с территории Нижней Мёзии и северо-восточной Фракии и кончающихся временем Марка Аврелия, Б. Геров пришел к выводу, что прорыв костобоками дунайского лимеса последовал в устье Дуная, в районе Дуростора. Западнопонтские города Каллатис и Аполлония, а также города внутренней Фракии Филиппополь и Сердика подверглись их нападению. Из этих городов со времени Марка Аврелия и до правления Коммоды нет эпиграфических данных о посвящениях в честь императора, в честь богатых граждан, вносивших средства на строительные или восстановительные работы. Из этих городов нет также данных и о монетной чеканке этого периода⁵⁰. Вторжение костобоков в Ахайю нашло отражение и в греческой литературе – у современника событий Павсания⁵¹. Он пишет, что костобоки вторглись в Элатею, но были остановлены ополчением горожан во главе с Мнесибулом (*Paus.* X.34.5).

Действия против костобоков, вероятно, разворачивались и на суше, и на воде⁵². В Нижней Мёзии, в городе Трофей Траяна, костобоками был убит римский гражданин и магистрат города Луций Фуфидий Лукиан (*Dobó*. № 820)⁵³. Лицо peregrinus статуса из того же города – некий Даисий, сын Комозоя, был также убит костобоками. Эпитафию поставили его сыновья – Юст и Валент⁵⁴. Надписи подтверждают сухопутный маршрут костобоков. Но другие надписи указывают скорее на то, что движение костобоков могло проходить и по воде. В одной из них упоминается о действии вексилляций, откомандированных из легионов Нижней Мёзии и Дакии – I Италийского и V Македонского. Они были переброшены в Трофей Траяна на Дунае

под командованием центурионов этих легионов – Эптидия Модеста и Валерия Клемента. Оба они исполнили обет Нептуну Августу⁵⁵. Посвящение Нептуну, морскому божеству, дает основание полагать, что вексилляции эти могли воевать и на Дунае, и на Понте⁵⁶.

Костобоки как римские граждане упоминаются в двух надписях из Африки. Надписи представляют собой эпитафии лиц, у которых вторые *cognomina* (*agnomina*) образованы от этнического наименования "костобоки". Обе эпитафии принадлежат свободным гражданам: Саллюстий, сын Гая, из Квириновой трибы, Фортунатин Кастобокион, "ибо он был вскормлен среди костобоков"⁵⁷, и Гай Саллюстий Дигниан Костобий, умерший в возрасте десяти лет⁵⁸. Оба лица – Костобий и Кастобокион – имеют одни и те же родовые имена Саллюстиев и принадлежат, возможно, к одной и той же семье. При имени Кастобокион стоит триба – Квирина. При имени Костобий триба не названа, но стоит – *Forensis*, указывающая на происхождение Костобия из одного из Форумов. В Римской империи Форумов, как известно, было много. Это были поселения торгового характера, не имевшие статуса города, но находившиеся на его земле. Большинство Форумов было основано в Северной Италии и Нарбонской Галлии.

Не исключено, что лица с именами Саллюстиев попали в Африку в плен в результате не войн в Дакии с вандалами времен Марка Аврелия, а Дакийских войн Траяна. Известны и другие костобоки, носившие фракийские и славянские имена. Это были лица царского звания: Зия, дакийка по роду (*Daciae uxori*), и ее муж Пиепор, царь костобоков (*rex Coisstobocensis*), а также их внуки – Натопор и Дрильгиса. Они поставили умершим деду и бабке надгробие в самом Риме⁵⁹ по римскому образцу: оно содержит посвящение умершим – *Dis Manibus*; а надпись составлена по-латыни. Эта царская семья была достаточно романизирована, однако не имела римского гражданства. Возможно, они попали в Рим в качестве заложников. Относительно имени царя костобоков – Пиепор – возможны параллели в надписях племени варцианов, происходящих из юго-западных областей Паннии. Известно посвящение Гераклу или, может быть, какому-то местному богу (*Herculinti sacrum*), поставленное Петитором, сыном Пиробора (*Petitor Pirobori*), служившим в когорте, сформированной из варцианов (*miles cohortis II Varcianorum*). Эта когорта в I в. стояла в Нижней Германии⁶⁰.

⁵⁵ *Dobó* A. Inscriptiones... N 696; *Saxer R.* Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diocletian // *Epigraphische Studien*. I. Beihefte der Bonner Jahrbücher. Köln; Graz, 1967. Bd. 18. S. 41–42, N 71, 72.

⁵⁶ Эта надпись связывалась Премерштейном и Геровым с вторжением костобоков в Нижнюю Мёзию в 170 г. По мнению же Саксера, она датируется временем до 167 г., когда легион V *Macedonica* еще оставался в Нижней Мёзии и не был переведен в Дакию в период Маркоманнских войн. См.: *Saxer R.* Op. cit. S. 41, N 71, 72; 129, N 89.

⁵⁷ *Dobó* A. Inscriptiones... N 822.

⁵⁸ *Ibid.* N 822a.

⁵⁹ *Ibid.* N 688.

⁶⁰ *Ibid.* N 462.

⁵⁰ *Gerov B.* Die Einfälle der Nordvölker in den Ostbalkanraum im Lichte der Münzschatzfunde I: Das II. und III. Jahrhundert // *ANRW*. B.; N.Y., 1977. Principat 6. S. 118–120.

⁵¹ *Маринович Л., Кошеленко Г.* Павсаний: его жизнь и творчество // Павсаний. Описание Эллады. М., 1994. Т. I. С. 111.

⁵² *Zwicker W.* Op. cit. S. 167–173.

⁵³ *Popescu E.* Epigraphische Beiträge zur Geschichte der Stadt Tropeum Traiani // *Studii Clasice*. 1964. VI. S. 185–203.

⁵⁴ *Dobó* A. Inscriptiones... N 821.

Относительно этнической принадлежности племени варцианов есть мнение, что оно было иллирийским, но его ономастика несет на себе следы праславянского происхождения⁶¹. Очень возможно, что и царь костобоков Пиелпор относился к славянскому роду. Это подтверждается и династическим браком дакийки Зии с царем Пиелпором, о чем говорилось выше. Интересны данные Певтингеровой карты, где упоминаются *Daci Petropolitani*, обитавшие на границе Дакии и земель бастарнов. Не исключено, что эти "даки" были на самом деле костобокими и находились под властью царя с именем *Peto-Porus*, аналогичным имени царя костобоков *Pie-porus*. Надпись с упоминанием Зии принадлежит времени Траяна, а костобоки и бастарны входили в число союзников Децебала⁶². Эти связи были очень давними. Б.А. Рыбаков обратил внимание на такие выражения "Слова о полку Игореве", как "Трояновы века", "Тропа Трояна". Это была историческая эпоха, когда образ императора Траяна сохранялся у восточных славян в течение многих веков⁶³. Фразы о "веках Трояна" и "Трояновой тропе" вошли в сказания славянских племен тогда, когда при завоевании Дакии римские легионы дошли до Верхнего Прута и Днестра. Однако мы напрасно будем искать среди множества народов племени славянского происхождения. Название "славяне" появилось позднее. Сама этимология этого слова еще не объяснена убедительно. Но то, что славяне (или, как их называют, праславяне) жили в глубокой древности на той самой территории за Эльбой, на просторах Восточной Европы, и назывались они тогда совсем другими именами, — в этом нет никакого сомнения. Славянские племена после завоевания Дакии оказались в сфере воздействия римской культуры.

Нападения на Дунайские провинции продолжались в течение всего 179/180 г. Они открыли вторую фазу войны, что нашло свое отражение в словах: *Expediitio Germanica Secunda*. Эта германская война закончилась при Коммодe. Условия мирных договоров, заключенных с племенами, были примерно одинаковы. Всем им было запрещено селиться и пасти скот в пограничной полосе за Дунаем, на расстоянии 76 стадиев. Позднее эта полоса была сокращена до 38 стадиев (7,5 км). Судам язигов запрещалось плавать по Дунаю. Они не могли заселять его острова. Для язигов не были установлены дни торговли, в которые они могли бы приходить на римский берег. Квады могли проводить собрания своего племени не чаще раза в месяц, в определенном месте и в присутствии римского центуриона. Язигам такие собрания были вовсе запрещены. Но они добились разрешения у Марка Аврелия сноситься с роксоланами через Дакию, испрашивая всякий раз позволение наместника провинции. Квады и маркоманны были обязаны Риму еже-

годными поставками зерна и скота. Язиги давали в римскую армию 8 тыс. конницы (часть ее была послана в Британию), квады — 13 тыс. пехоты. Квады вернули 50 тыс. римских пленных, язиги — 100 тыс., не считая тех, которые погибли в плену, были проданы в рабство или бежали (*Dio Cass.* 71.13.4; 16.2). Вождям и царям племен предоставлялось право римского гражданства, освобождение от поставок в пользу Рима, остальным римляне обязывались сами поставлять продовольствие (*Ibid.* 71.19.1–2).

Маркоманнские войны, повторим, потребовали от Рима колоссального напряжения сил. Были мобилизованы ресурсы других провинций и войска. На помощь дунайскому флоту были отправлены моряки из флотов Италии и Британии, следовало продовольствие из Галлии; были набраны отряды из мавров (арабов) и африканцев. Вдобавок были сформированы войска из побежденных маркоманнов, наристов и квадов для подавления в Сирии восстания наместника Авидия Кассия⁶⁴. Заметим, что все эти включенные в римские вспомогательные войска племена были уже достаточно романизованы. Во главе войск маркоманнов, наристов и квадов стоял высший офицер армии Марка Аврелия — Марк Валерий Максимиан. В числе его подвигов указано, что он убил своей собственной рукой вождя наристов Валаона (*manu sua ducem Naristarum Valaonem intermisit*). Такой подвиг считался на войне высочайшим, а снятые с убитого царя доспехи (*spolia opima*), посвящались в храм Юпитера Феретрия.

Победе римлян способствовала выучка и железная дисциплина армии. Поведение же вождей и царей не отличалось согласованностью. Каждое племя боролось поодиночке и так же поодиночке побеждалось. Пользуясь раздорами среди германских племен, "Марк Аврелий покупал вспомогательные войска германцев против самих германцев" (*SHA: Marci. XXI. 7*). Некоторые племена старались использовать войну, чтобы преодолеть свою зависимость от более сильных племен. Так, буры боялись усиления язигов и квадов. Они только тогда согласились оказывать римлянам помощь, когда те выполнят свое обещание о разгроме квадов, "чтобы они не оставались, как прежде, врагами у границ буров" (*Dio Cass.* 71.18). Котини, владения которых римляне могли использовать для нападения с тыла на маркоманнов, отказали римлянам в этом после того, как было разбито 20-тысячное римское войско.

Среди вождей и царей бушевали разногласия в отношении к Риму. Так, у квадов сложились две ориентации. Одна, проримская группировка знати во главе с царем Фурцием, поддерживала Рим. Другая, враждебная Риму, свергла Фурция и поставила царем уже упомянутого Ариогеза. Этот Ариогез был упорным противником Рима, так что Марк Аврелий обещал выдать 1000 золотых тому, кто приведет его живым, и половину суммы — за его голову, чего, однако, император не сделал и поселил плененного царя в Александрии, в Египте (*Ibid.* 71.14.1–2). Две непримиримые "партии" были и у язигов. Язиги явились умолять Марка

⁶¹ Petricovits H. Die Varciani // VHAD. 1954–1957. II. S. 62 и.сл.

⁶² Браун Ф.А. Разыскания в области готско-славянских отношений. СПб., 1899. Т. I. С. 146.

⁶³ См.: Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М. 1953. С. 163 и след.; Рыбаков Б.А. "Слово о полку Игореве" и его современники. М., 1971. С. 72, 73; Он же. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 22, 23.

⁶⁴ Dobř A. Inscriptiones... N 536.

Аврелия о мире, как пишет Дион Кассий, с самим царем Зантиком, причем сначала они взяли под стражу другого своего царя, Банадаса (Ibid. 71.16.1–2). Племена опасались более сильных соседей, предпочитая видеть их слабыми. Например, Тарб, вождь соседних с Дакией племен, вторгся в эту провинцию, но был разбит с помощью вандалов. Асдинги, как мы помним, занявшие земли костообоков, потерпели поражение от своих соплеменников – лакрингов (Ibid. 11.6; 12.1–3). Квады, после того как римляне разместили в их стране гарнизоны, пытались выселиться к семнонам (Ibid. 20.1–2). Кстати, по условиям договора квады не должны были вести войны со своими соседями (Ibid. 72.2.4).

После Маркоманнских войн на севере Дакии были поселены вандалы. При Коммодe, в 180 г., наместник провинции разместил здесь 12 тыс. человек из числа племен, обитавших у границ Дакии (Ibid. 72.3.3). Эти 12 тыс. "пограничных даков" оказались изгнанными со своих земель и собирались выступить против Рима, от чего отговорил их наместник Дакии, пообещав дать им земли в провинции.

Миграция племен у границ Дакии привела в конце концов к новой войне с бурами при Коммодe. Согласно надписям, в ней принимал участие III Итальянский легион, стоявший в Норике. В одной надписи упоминается Флавий Ветулен, центурион этого легиона: *reversus ab expeditione Burgica* (CIL. III. 5937). В итоге римляне вернули бурам заложников и получили или от них, или от каких-то других племен 15 тыс. римских пленников. Им было запрещено селиться близ границ Дакии, в полосе шириной 40 стадиев (около 8 км), возделывать здесь землю и пасти скот (Dio Cass. 72.3.2).

Некоторые племена были приняты в пределы Дакии, Мёзии, Паннонии, а также самой Италии (Ibid. 71.11.4; 21; 72.3.2). Так, котины и наристы поселены в Паннонии, буры и асдинги – в Дакии. В Италии, в Равенне, разместились часть маркоманнов. Присутствие этих народов способствовало варваризации провинции Дакия и населения Империи вообще. Практика принятия на военную службу иноземных контингентов, прогрессирующая после перечисленных войн, приобрела в дальнейшем необратимый характер. Ближайшей целью римской внешней политики было оттянуть от границы силы племен путем формирования из них воинских контингентов для римской армии. Такая политика началась, как уже сказано, в период Раннего принципата, когда римский мир вступал на путь тесного взаимодействия с миром племен.

Чтобы восполнить убыль населения в дунайских провинциях римляне в широких масштабах стали селить в пределах Империи варварские народы. В надписях из Паннонии упоминаются наристы, котины, озы. Из Карнунта известен отпущенник Марк Невий Примигений, *domo Naristus*, его жена Невия и дочь Креуза (CIL. III. 4500). Ульпий Север, нарист, в III в. служил в отборных конных войсках в Риме (Dobó A. № 123). Котины были поселены на землях паннонских городов Мурсы и Цибал. Они служили в преторианских когортах в Риме, и в правление Александра Севера и Деция были отправлены в почетную отставку. В большинстве случаев они носят римские *cognomina*: Кассий, Фусцин,

Марциан, Аппий, Сабиниан, Витал, Прокул, Оптат и даже Квирин, Сулла и Ромул. Но известны среди котинов лица, имевшие в качестве своих прозвищ иллирийские или фракийские: *Potazis, Dolens, Tolfius, Sunnarius, Lapotius, Dalutius, Deazius, Dolea, Cemens*⁶⁵. Мы остановимся на тех сведениях о котинах, которые известны из Паннонии, а также из Рима и Помпей.

В Паннонии община котинов (*civitas Cotinorum*) возникла до Маркоманнских войн⁶⁶. Вероятно, часть котинов была переселена с левого берега Дуная на правый в I в.н.э. Таким образом, как мы видим, отсюда котины попали и в Рим, и даже в Помпеи. Надпись из Помпей I в. свидетельствует, что котины составляли здесь культовую общность, делившуюся на декурии⁶⁷. В надгробии из Рима также упоминается лицо из племени котинов: некто Марс из декурии котинов, наследник коллегии германцев (*posuit Marsus decuria Cotini heres ex collegio Germanorum*)⁶⁸. С котинами за Дунаем собирался воевать Таррутий Патерн, грозивший совершенно истребить это племя. Остатки котинов были тогда расселены в Паннонии (Dio Cass. 71.11.4–6). Из этих самых котинов были рекрутированы конные гвардейские части Рима. В паннонских городах тем не менее котины составляли особую часть населения и обозначали себя как *civitas Cotinorum*.

В Риме котины поставили посвящение Александру Северу и его матери Юлии Маеи. В нем отмечены отеческие боги (*Dis Paternis*), а ими оказываются бог Белен (или Белин), часто встречающийся в надписях Аквилен в III в., и Аполлок. Белена называют и Геродиан, и авторы "Истории Августов" (*Herodian*. VIII. 3.8; SHA: Max. duo XXII. 1). Причем, бог Белен нередко выступает вместе с Аполлоном, как в данном случае. Белен был божеством аквилейцев и, возможно, венетов, ибо в их землях была основана Аквилея; его культ находился в ведении жреческой коллегии. Известен жрец этой коллегии – гаруспик (*deum Belenum per haruspices* – SHA: Max. duo XXII. 1). Итак, *Deus Belenus* и *Deus Apollo* были отеческими богами котинов. Такие посвящения, как *Dis Paternis, Deus Belenus, Deus Apollo*, заставляют нас еще раз вспомнить о венетском населении Норика и Паннонии.

Практика набора у племен лошадей для конницы общеизвестна. Конные войска комплектовались обычно из галлов и фракийцев. В Италии славилась конная заводья Апулии. Мы можем добавить теперь и котинов, поставивших в Империю лошадей⁶⁹. Так, остготские ко-

⁶⁵ Russu I. I. *Ilirji: Istoria, Limba și Onomastica – Romanizarea*. București. 1969. Некоторые их *cognomina*, а также посвящения богам дают возможность считать котинов племенем славянского корня. Эти свидетельства о котинах, а также другие данные из дунайских областей дополняют картину о славянском населении этого региона Империи, отчетливо известном после времени Маркоманнских войн.

⁶⁶ Mócsy A. *Die Bevölkerung von Pannonien bis zu den Markomannenkriegen*. Budapest. 1959. S. 78–79; *Idem*. *Pannonia*. Sp. 710–711.

⁶⁷ Dobó A. *Inscriptiones...* N 586.

⁶⁸ Ibid. N 585.

⁶⁹ Котины поставляли в Рим лошадей, в том числе для скачек в цирке. Цирковые игры, как известно, были любимым зрелищем римского общества и самих императоров.

роли держали коней, набранных у тюрингов (*Jord. Get.* 22). Скажем, король остготов Теодорих получил от тюрингов в подарок превосходных коней.

На левом берегу Дуная Тацит описал племя озов, которое позднее несло службу в бургах на лимесе Нижней Паннонии⁷⁰. В одной из латинских надписей Африки упоминается это племя. Марк Росий Витул был препозитом племени озов (*praepositus gens Onsorum*). Эту должность он исполнял будучи трибуном II Вспомогательного легиона, стоявшего в Аквинке. На пост препозита племени он был назначен в ходе военной кампании Коммода за Дунаем, в 188–189 гг.⁷¹ Племя обозначено термином *gens* и, следовательно, не входило в состав населения провинции, а размещалось за лимесом. Но в III в. озы оказались в пределах Паннонии. На Певтингеровой карте упоминается дорожная станция под названием *Osonibus*. На дороге, соединявшей Саварию с Аквинком, были следующие станции: *Mogentiana*, *Caesariana*, *Osonibus*, *Floriana*⁷². Название станции *Osonibus* сходно с названием "озы" и племени – "озериаты"; их размещают на южных берегах оз. Балатон и считают племенем славянского происхождения⁷³. Личное имя Оза встречается в латинских надписях I в. из Нижней Паннонии: некие Демиунк и Анкулата имели раба с именем Лоукон и рабыню Озу, которых они отпустили на свободу⁷⁴. В рабство они попали либо в качестве пленных с левого берега Дуная, либо были местного рода и принадлежали к коренному населению самой Паннонии. Здесь можно

Возницы беговых лошадей (а в Риме было четыре партии – по цвету одежды возниц: "белые" (*albata*), "красные" (*russata*), "синие" (*venetae*) и "зеленые" (*prasiniae*)) составляли партии болельщиков, нередко делившие город на части. За победы в скачках, обгоны и объезды возницы удостоивались статуй, почетных надписей и денежных премий. Даже беговые лошади получали призы (*Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима. М.; Л., 1964. С. 245 и след.*). Гонщики начинали карьеру еще мальчиками; многие погибали рано. Одна из надписей имеет отношение к котинам и их лошадям. Неский гонщик партии "синих", погибший в 22 года, по имени Кресцент, был родом из мавров (*patio Maurus*). Он многократно участвовал в скачках – в консульство Л. Винстана и Мессалы (115 г.), в день рождения божественного Нервы, в консульство Мессалы и Глабриона (124 г.), по случаю дня рождения божественного Клавдия. Он ездил на четверке лошадей по кличкам Цирий, Акцептор, Деликат и Котин. Он совершил 736 пробегов, выезжая из триумфальных ворот (*porta*), и был первым, кто победил 47 раз на четверке лошадей. Он выиграл скачки 19 раз на двух лошадях, был первым 23 раза на трех лошадях, был первым в бегах на пятерке лошадей, и всегда добивался победы. Кресцент получал денежные награды в бегах и удостоился статуи и почетной надписи с кличками самих лошадей, последние из которых явно вышли из табунов котин.

⁷⁰ *Ritterling R. Die Osi in einer afrikanischen Inschrift // Germania. 1917–1920. Bd. I. S. 132–136.*

⁷¹ *Dobó A. Inscriptiones... N 540.*

⁷² *Der römische Limes in Ungarn. Székesfehérvár, 1976. S. 113–114; Soproni S. Roads // The Archaeology of Roman Pannonia. Budapest, 1980. P. 207, 214–215; Tabula Imperii Romani: Aquincum – Sarmizegetusa – Sirmium. Budapest, 1968. S. 76.*

⁷³ *Mócsy A. Pannonia // RE. Stuttgart, 1962. Hbhd. IX. Col. 708; Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. М., 1973. С. 23. Примеч. 29.*

⁷⁴ *Intercisa. Budapest, 1954. Bd. I. S. 257, 270.*

вспомнить Тацита, который сомневался по сходному случаю: неизвестно, племя ли арависков выселилось из-за Дуная в Паннонию, или озы от арависков. В то же время язык озов он относил к *Rapponica lingua* (*Tac. Germ.* 28). Зачем понадобилось Тациту назвать озов племенем, пользующимся паннонским языком? Возможно, потому что паннонский язык чем-то отличался от языка кельтов и иллирийцев?

Паннонцы выделены Страбоном в отдельную группу иллирийских племен. Их области он поместил на Саве и южнее ее, назвав паннонскими племенами бревков, андидзетов, пирустов, дитионов, мазеев, деситиатов. "Вся горная часть страны, – продолжает Страбон, – от впадины Адриатического моря до племени ардиев – это Иллирия, которая опускается между морем и областью паннонских племен" (*Strabo. VII. 5.3*)⁷⁵. Иллирия, по мысли Страбона, это особая область в культурном и этническом отношении, и простирается она с северо-востока Адриатики на юг, включая паннонские племена. У Флора паннонскими племенами названы живущие между р. Савой и Дравой (*Flor. II. XXIV. 8–9*). Цепь гор, начинающаяся у истоков Савы, в областях Норика, отделяет Паннонию от Италии; она названа Паннонскими Альпами (*Rapponicae Alpes – Tac. Hist. II. 98*). Ранее она именовалась горами Окра, а также Юлийскими Альпами. Но последние назывались в древности "Венетскими горами" (*Venetis appellabat antiquitas – Amm. Marc. XXXI. 16.7*). В предгорьях этих "Альп" (они же в римском варианте горы Окра, Юлийские и Венетские горы) римлянами был построен и постоянно совершенствовался ряд крепостей, чтобы воспрепятствовать вторжению в Италию племен, а также армий узурпаторов⁷⁶. Выражение "Венетские горы" может быть понято как свидетельство переселения в глубокой древности народов Европы с севера на юг или наоборот через перевалы Альп. В числе этих народов были венеты, считающиеся народом славянского происхождения⁷⁷.

* * *

Возможно, к славянскому населению Паннонии относится посвящение *Deus Dobrates*. Оно датируется началом III в. и происходит из Интерцисы, римской крепости и города на Дунае. Текст надписи следующий: *Deo Dobrati Eutices ser(vus) de(d)it (Богу Добрату раб Эвтих принес в дар это приношение)*⁷⁸. Имя Эвтих часто встречается в надписях, но его написание как *Эвтик* – редкое. Сама надпись с упоминанием *Deus Dobrates* заслуживает внимания. Ею много занимались В. Томашек, Д. Дечев и другие исследователи, указывая на фракийское происхождение имени бога и связывая его с названием южно-

⁷⁵ Пер. Г.А. Стратановского. См.: *Страбон. География. М., 1964. С. 287.*

⁷⁶ См., например: *Sašelj J., Peiraj P. Claustra Alpium Iuliarum. Fontes. Ljubljana, 1971.*

⁷⁷ См., например: *Седан В.В. Славяне в древности. М., 1994. С. 86; Модестов В.И. Венеты // ЖМНП. 1906. Т. 2–3; Колосовская Ю.К. Народ венетов в свидетельствах древних авторов // Античный мир. Византия: К 70-летию профессора В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 104 и след.*

⁷⁸ *Intercisa. Bd. I. S. 264, N 399.*

фракийского племени доберов⁷⁹. Этой надписи посвятил специальное исследование и О.В. Кудрявцев, доказывая славянское происхождение имени бога Добрата⁸⁰. Томашеком приведено название горы Δοβηρος (лат. *Doberus*) как "глубокая долина", жители которой назывались Δοβηρες⁸¹. Гора эта находилась в Пеонии, на северной оконечности Пангейских гор, близ Амфиополя. В славянское время ее название понималось как "горное ущелье", "лесная глушь", "глубокая долина", аналогичное славянскому *dǫbrǐ*⁸². В слове *dǫbrǐ* – "дебри", "лесная глушь", – заключено то же значение, что и в названии горы Δοβηρος ("глубокая долина"). Эти слова понимались одинаково и племенами Пеонии, и позднее славянами, так как "доберы" и славянское "дебри" близки и фонетически, и в смысловом отношении. Возможно, это сходство указывает на родство фракийских языков в древности с существовавшим рядом племем праславянских племен.

Здесь можно обратить внимание и на детали, которые позволяют, как кажется, дополнить аргументы О.В. Кудрявцева. При слове *Deus* стоит имя Добрат. Дополнение слова "Бог" (*Deus*) к имени Добрат указывает на то, что Добрат – был божеством, почитаемым так же, как Аполлон, Марс, Сильван и другие боги. Добрат был назван богом потому, что он был таковым для чужих его людей. Дополнение *Deus* к слову *Dobrates* было указанием на божественную сущность Добрата.

В этом примере усматривается раннее римское влияние среди той части населения провинции, которое чтит Добрата как бога. Аналогичный процесс наблюдается и в культах Испании, где *Deus Mars* в ранних надписях свидетельствует о примитивной стадии романизации местного населения Испании, для которого Марс мог стать богом, если на него была перенесена божественная сущность бога, чтимого как божество Марс⁸³. Добрат был также богом, но чтобы обозначить его божественную сущность потребовалось добавить к слову *Dobrates* слово *Deus*.

Посвящение *Deus Dobrates* сделано по-латыни. Это был язык западной половины Империи. Сам памятник богу Добрату, его рельеф и примитивное исполнение из известняка указывают скорее на то, что это было не посвящением "Фракийскому Герою". Наш всадник сидит на взнузданной лошади, через плечо перекинут развевающийся плащ, перед ним стоит курильница, под ногами лошади лежит обнаженная человеческая фигура. Изображений змеи, убитого животного (обычно

кабана), собаки, всадника, едущего на охоту или возвращающегося с нее, что отличает рельефы "Фракийского Героя"⁸⁴, – всех этих деталей на памятнике из Паннонии нет. Если раб Эвтик был фракийцем из Пеонии, то естественнее было ожидать посвящения фракийскому Герою-всаднику, чего, однако, не произошло, хотя сам памятник происходит из Интерцизы, где существовала коллегия почитателей "Фракийского Героя".

Посвящение богу Добрату, как кажется, подтверждает существование славянского населения в Карпатах и на Среднем Дунае. Как полагают современные исследователи, "ономастика славянского происхождения обнаруживается на территории, лежащей между Дунаем и Северным Океаном и к северу от Черного моря"⁸⁵; "традиция обитания славян на Среднем Дунае, видимо, не прерывалась никогда"⁸⁶.

О том, что славянское население жило в древности на территории Паннонии, а также в областях юго-восточного Норика в римское и доримское время, свидетельствует "Равеннский географ" (VII в.). Он упоминает в Паннонии реку со славянским названием *Bustricius*⁸⁷. В ней видят наличие славянского населения в Паннонии уже в римское время. О.Н. Трубачев связывал название этой реки с именем Быстрица, которое носит множество рек в славянских землях. Грамматик начала VI в. Присциан, живший в Константинополе и оставивший 18 книг своих сочинений, в одной из них (*Institutio de arte grammatica*) привел фразу, взятую из собственного не дошедшего до нас сочинения Траяна о Дакийских войнах: *Traianus in primo Dacicorum: Inde Bersobim deinde Aizium processimus (... сначала мы продвинулись в Берзобию, а затем в Аизис)* (*Priscian. VI. 3.3*). Слово *Bersobia* – славянское. Многими исследователями в нем усматривается славянское слово "брѣза", или русское "береза". Имеется множество рек с именами Березина и производными от них, как, например, Березанка, Березница, Березань, Березовка, Березовец, Бржаза⁸⁸. Название топонимов и гидронимов сходно с названиями римской крепости в Дакии – Дробета и названием бога Добрата в Паннонии.

Эти сведения о славянах, более или менее убедительные в зависимости от того, как к ним подходить и оценивать, дают возможность поставить вопрос о существовании славян в виде неотъемлемой части античной цивилизации. Славяне находились не только на периферии этого мира, но оказали большое влияние на его развитие.

⁷⁹ См.: *Detschew V. Die Thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957. S. 123 (он указывал на сведения Прокопия (*De Aed. II. 11*) о существовании лагеря Δεβρη в Гемимонте).

⁸⁰ Кудрявцев О.В. *Deus Dobrates* // Исследования по истории Балкано-Дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957. С. 103 и след.

⁸¹ *Tomaschek W. Die alten Thraker: Ethnologische Untersuchung* (Nachdruck). Wien, 1980. S. 19–20.

⁸² *Tomaschek W. Die topische Namengebung* // *Ibid.* S. 72.

⁸³ *Lambrino S. Les cultes indigenes en Espagne sous Trajan et Hadrien* // *Les empereurs Romains d'Espagne*. P., 1965. P. 232–233.

⁸⁴ *Kazarow I.G. Die Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien*. Budapest, 1938. S. 5, 8, 12 u. folg.

⁸⁵ Подосинов А.В. Певтингерова карта // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. 1: (I–VI вв.). С. 66.

⁸⁶ Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян // Вопросы языкознания. 1984. № 3. С. 25; ср. Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.

⁸⁷ *Patsch C. Bustricius* // *RE. Bd. III. Col. 1077–1078*.

⁸⁸ Трубачев О.Н. Название рек Правобережной Украины. М., 1968. С. 16–19; 22 и след.; 175 и след.; 249 и др.

Но вернемся к последствиям Маркоманнских войн. После войны в местах обитания маркоманнов и квадов было оставлено по 20 тыс. римского войска (*Dio Cass.* 71.20.1–2), и это подтверждают надписи. Там же находился ряд военных постов (*stationes*). Такие посты обнаруживаются археологическими исследованиями в Словакии, в долине р. Нитры, а также на территории Нижней Австрии. Остатки таких крепостей за Дунаем вскрыты в Девине, Братиславе, Леаньваре, Оберлейзерберге, Милановче, Мушове, Старом Месте, Микульчиче и Тренчине⁸⁹. Сооружение некоторых из них началось уже во время организации дунайского лимеса. Но большинство было заложено после Маркоманнских войн. Наскальная надпись из Лаугарициона (совр. Тренчин, 120 км севернее Дуная, в Словакии) свидетельствует, что в землях квадов римские войска находились в 178 г.⁹⁰ Вексилляция II Вспомогательного легиона осталась зимовать там в крепости Лаугарицион. Здесь размещался отряд из 855 легионеров II легиона. Вексилляции III Августова легиона, переброшенные из Африки, из Ламбеза, и включенные в состав римского войска, были дислоцированы в землях маркоманнов. Вексилляциями III Августова легиона командовал Тиберий Плавтий Феликс Феррунтий. Под его началом они были размещены в землях маркоманнов (*apud Marcomannos*) тогда же, когда и части у квадов⁹¹. Все армии покинули места дислокации в правление Коммода, который после смерти Марка Аврелия в Виндобоне (180 г.) отозвал эти посты и заключил мир с квадами и маркоманнами.

В сочинениях древних авторов сохранились упоминания о желании Марка Аврелия создать за Дунаем две провинции – Маркоманнию и Сарматия. Дион Кассий упоминает об этом в связи с событиями, разгравшимися в конце войны – в 179–180 гг. "У квадов и маркоманнов, которые прислали своих послов, случилось следующее: 20 тыс. воинов, которые стояли у каждого из племен, не позволяли им ни пасти скот, ни обрабатывать землю, ни делать что-либо подобное для своего обеспечения, а эти племена имели к тому же у себя перебежчиков и пленных, которых они захватили во время войны. Воины же не испытывали недостатка ни в чем, ибо имели даже бани и все необходимое для жизни. Поэтому квады, не желая терпеть в своей стране эти укрепления, построенные, чтобы сторожить их, пытались выселиться всем народом в земли семнонов. Но император узнал об их намерении и, преградив им дороги, предотвратил их выселение. Так что

он собирался не приобрести страну, но наказать самих людей" (*Dio Cass.* 71.20.1–2). В другом месте Дион замечает: "... если бы он прожил дольше, то завоевал бы всю область целиком" (*Ibid.* 33; 42). Эти слова Диона показывают, что ему как лицу в Империи высокопоставленному (он был дважды консулом и наместником Верхней Паннонии и Далмации при Александре Севере), к тому же историку, было известно о намерении Марка Аврелия создать новые провинции за Дунаем, но что это не произошло вследствие смерти императора.

В биографии Марка дважды говорится о его намерении создать новые провинции. Время их учреждения обозначено дважды: после победы над Авидием Кассием в 175 г. и в конце войны, в 178–180 гг. Биограф пишет, что "он хотел создать провинцию Маркоманнию, хотел также создать и провинцию Сарматия и он сделал бы это, если бы на Востоке не поднял в это время восстание Авидий Кассий" (*SHA: Marci.* XXIV. 5). И в другом месте: "После этого он в течение трех лет вел войну с маркоманнами, гермундурами, сарматами и квадами. И, проживи он еще один год, он создал бы римские провинции на землях этих народов" (*Ibid.* XXVII. 10)⁹². В свидетельстве Геродиана сохранилась версия, бытовавшая, вероятно, в народе⁹³. В речь Коммода, с которой он выступил перед войсками после смерти своего отца, Геродиан вложил следующие слова: "...если вы – воины с великим мужеством покончите с остатками войны и продвинете власть римлян до Океана..." (*Herodian.* I. 5. 6)⁹⁴. Этот образ Океана (Северного моря) содержит указания на желание Империи продвинуть свои границы дальше, на север, ориентируясь на линию Дакии и правого берега Рейна. Но насколько это было возможно в то время – на этот счет строятся более или менее убедительные соображения. В современной историографии рассматривается, например, вопрос о возможности организации новых провинций после столь тяжелых и опустошительных войн, как Маркоманнские, а также обоснованность самих намерений Марка и реальность сроков осуществления его планов. Марку Аврелию приписываются и обширные замыслы в духе нашей эпохи с применением соответствующей ей терминологии⁹⁵. Скажем, А. Мбчи считал невозможным после такой катастрофы, какой явились для Рима Маркоманнские войны, чтобы власть и народ могли помышлять о присоединении к Империи левобережных областей на Дунае⁹⁶. И если такое поползновение и возникало, то только в самом начале войны, и набор двух новых легионов – II и III Итальянских – может быть лучше всего объяснен этим намерением императора. Тогда старые соседи

⁸⁹ Fitz J. A Military History of Pannonia from the Marcomann Wars to the Death of Alexander Severus (180–235) // *Acta Archaeologica.* 1962. XIV, 1–2. P. 29–30.

⁹⁰ Dobó A. *Inscriptiones...* N 537; Zwicker W. *Op. cit.* S. 224; Mócsy A. *Pannonia.* Col. 560.

⁹¹ Dobó A. *Inscriptiones...* N 535. Этой надписи посвящена большая литература. См., например: Dobias J. *The History of the Czechoslovak Territory before the Appearance of the Slave.* Pr., 1964. P. 261; Oliva P. *Pannonia.* P. 282. Adn. 63; см. также: Беляев С.А. К пониманию CIL. VIII. 619 // ВДИ. 1968. № 4. С. 127 и след.

⁹² Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1967. № 2. С. 260, 262.

⁹³ Доватур А.И. Историк Геродиан // ВДИ. 1972. № 1. С. 237 и след.

⁹⁴ Пер. А.И. Доватура // ВДИ. 1972. № 1. С. 261.

⁹⁵ Alföldi G. *Der Friedensschluss des Kaisers Commodus mit den Germanen* // *Historia.* 1971. Bd. 20. S. 84 u. folg.

⁹⁶ Mócsy A. *Das Gerücht von neuen Donauprovinzen unter Marcus Aurelius* // *Acta Classica Univ. Scient. Debrecen. Debrecen.* 1971. VII. S. 63–66; *Idem.* *Pannonia and Upper Moesia.* L.: Boston, 1974. P. 183–186.

Рима, его давние клиенты (квады, маркоманны, язиги), умоляли римское правительство пустить их в пределы Империи. Начало этой войны оттягивалось для завершения Парфянской войны (162–165 гг.) благодаря ловкости местных начальников. Эта ловкость состояла в том, как замечает Мбчи, что наместники Паннонии намеренно затягивали переговоры с племенами. Содержанием же переговоров было принятие (rescriptio) племен на римскую территорию.

Как уже сказано выше, план создания провинций связан с военными успехами Рима в 173–175 и 179–180 гг. Такое соотношение намерений Марка Аврелия отразилось в источниках потому, как полагал А. Мбчи, что Марк Аврелий был последним императором "старого доброго времени" и его смерть могла рассматриваться народом как поворотный пункт римской истории. Поэтому и в устном предании, и в высших кругах знати могло сложиться представление о том, что именно восстание Авидия Кассия, а также смерть императора не дали возможности осуществиться его планам. В обществе, по мысли Мбчи, могли даже рассуждать о том, что обращение в провинции задунайских земель могло бы вообще предотвратить Маркоманнскую войну. План завоевания новых провинций был оставлен в начале войны, в 166 или в 167 г., поэтому и разразилась Маркоманнская война.

Намерения Марка Аврелия подтверждают археологические и эпиграфические данные, о чем уже говорилось. Но может быть высказано еще одно дополнение. Умирая, Марк Аврелий просил Коммода, чтобы он не пренебрег тем, что оставалось еще совершить в этой войне (*belli reliquias*), "чтобы не казалось, что Коммод предаст государство" (*ne videtur rem publicam prodere* – SHA: Marci XXVIII. 1). Оставшаяся незаконченной "часть войны" (*belli reliquias*) могла в глазах римского общества расцениваться как предательство интересов государства. И если на смертном одре Марк Аврелий просил Коммода не оставлять его замыслов, то отсюда следует, что эти планы император собирался осуществить и сам в конце войны. Если сопоставить этот текст в биографии Марка Аврелия с той речью, которую Геродиан вложил в уста Коммоду, когда он выступил после смерти отца перед войсками в Паннонии, то станет очевидным, что продвижение римской армии на север, вплоть до Северного моря, представлялось и самой римской армией, и Коммодом реальным⁹⁷. "Нам же полагается заботиться о человеческих делах и устраивать то, что на земле. Успешно же завершать и упрочивать их – ваше дело, если вы со всяческим мужеством покончите с остатками войны и продвинете Римскую державу до Океана" (*Herodian*. I.5.6; 6.5–6). Приведенный текст показывает, что римской армии, находившейся в 180 г. в Виндобоне, предстояли еще экспедиции во вражескую страну. Но насколько эта идея была осуществимой Римом в тяжелейший период, остается в области догадок.

Ведь Маркоманнские войны не были обычным столкновением римлян и мира племен. Выступление последнего по всему фронту от

Галлии до Северного Причерноморья знаменовало собой в сущности новое переселение народов, которое затронуло практически всю Европу. В то же время эти войны открыли новый этап во взаимоотношениях Рима с племенами. Система клиентских государств, представлявшая собой сферу военного, культурного, политического и экономического влияния римлян в варварском мире, оказалась не способной сдерживать движение новых народов. Заключение мирных договоров с племенами означало признание их политической самостоятельности. Создание за лимесом нейтральной полосы глубиной в 7,5 км преследовало цель предотвратить внезапность нападений. Действительно, с этого времени граница стала демаркационной линией между Империей и племенами. В нейтральной полосе, которая признавалась Римом на основании этих мирных договоров, на левом берегу Дуная были сооружены дополнительные крепости. Строительство каменных укреплений на левом берегу Дуная, напротив лагерей легионов правого берега реки, а также в местах важнейших переправ через Дунай, началось уже в I в. и было продолжено вплоть до времени Валентиниана I. Так, крепость Целаманция, напротив лагеря Бригедииона, была построена при Домициане. При Траяне была сооружена крепость Контраквинк, напротив Аквинка. После Маркоманнских войн такой пояс укреплений был усилен. При Константине многие крепости дунайского лимеса были перестроены.

Были предприняты ограничительные меры в отношении торговли с племенами. Для племен были установлены торговые дни на римском берегу. Запрещение племенам заселять на Дунае острова, а также ограничение свободы передвижений на лимесе показывают, что раньше подобных ограничений не было. Граница была достаточно открыта для торговых контактов и римлян, и самих племен. В то же время Маркоманнские войны свидетельствовали, что Империя не может более вести активную внешнюю политику. Она была вынуждена принимать в свои пределы близкие к дунайской границе и даже отдельные далекие от нее группы племен. В сущности, в этой войне произошло мощное столкновение двух материальных и моральных сил – мира племен и римского мира. И эту битву, длившуюся 14 лет, римляне выиграли у племенного мира с большим трудом. Можно уверенно считать, что Маркоманнские войны были преддверием или даже началом Великого переселения народов в IV–VI вв.

⁹⁷ SHA: Max. duo. X. 2; XI–XIII. 3; *Herodian*. VII. 1. 7.

ВОЙНЫ РИМА С ПЛЕМЕНАМИ НА НИЖНЕМ ДУНАЕ В III в.

Последний римский период истории племен левобережья Нижнего Дуная был отмечен особо важными вехами для самого Рима, так как речь уже шла о сохранении собственно римских позиций в этом регионе. После пожара Маркоманнских войн, охватившего все Дунайские провинции, в центре внимания Рима оказались области Дакии. Это была эпоха мощного движения племен (вандалов, карпов, готов) к дунайской границе, а также брожений среди сарматских племен. В миграции явно просматривается стремление племен, переживавших этап так называемой "военной демократии", овладеть землями Дакии и устроить на левобережных землях Дуная собственные варварские "государства". В борьбе за это то и дело вспыхивали межплеменные конфликты и перманентные войны с самим Римом. Волна миграций племен, нахлынувших из внутренних пространств Европы, накрыла собой целый период в ее древней истории. Период этот растянулся на века. Для III в. характерной чертой стало столкновение двух тенденций: усиления вторжения племен извне в римские пределы и в то же время появления центробежных сил в самом римском мире. Обе эти тенденции были взаимосвязаны. Особенно отрицательно они сказались на внешнеполитическом положении Дунайского региона и привели к появлению на Нижнем Дунае готов и союзных с ними народов. Римское правительство оказалось не в состоянии сдерживать натиск племен и вынуждено было оставить Дакию.

Давление племен на дунайский лимес последовало уже в начале III в. Поэтому перед отправкой в экспедицию против Парфии император Каракалла вынужден был предпринять инспекционную поездку по дунайским провинциям. Она привела к укреплению лимеса от верховий реки и до Нижнего Дуная¹. Как сообщает Геродиан, "он (Каракалла. — Ю.К.) устроил военные лагеря на Дунае" (*Herodian. IV. 7.2; 8.1*). Объезд дунайских провинций Каракалла начал с Реции, где в 213 г. он разбил племя аламаннов, совершавших набеги на Верхний Дунай и Верхний Рейн.

Племя аламаннов выявляется в источниках начиная с III в. как главное из племен, подвергавших грабежу Галлию и Германию, а также бассейн Верхнего Дуная. Это племя состояло из разных этнических групп, преимущественно германских. Наиболее сильным из них считалось племя семнонов, причисленное Страбоном к свевским племенам. К объединению аламаннов принадлежали племена свевов, ланго-

¹ Fitz J. When was Caracalla in Pannonia and Dacia? // *Alba Regia. 1965–1966. 6/7. P. 202–205.*

Рис. 8. Вергилий и музы. Мозаика

бардов, бургундов, вендов. Выступление аламаннов вынудило римское правительство разрешить им поселиться на римской земле, на Декуматских полях — т.е. в пограничной полосе лимесов Верхней Германии и Верхнего Дуная. С этим была связана и поездка Каракаллы на Дунай, где он произвел военно-административную реорганизацию едва ли не всех дунайских провинций. Тогда Нижней Паннии был переподчинен Бригеттион, город на лимесе, и там был поставлен легион. При Каракалле было произведено также укрепление северной границы Дакии.

В Дакию Каракалла прибыл вместе с императрицей Юлией Домной. Такое появление оценивается в литературе как политико-династическая демонстрация после случившегося в доме Северов казуса, когда самим Каракаллой был убит его родной брат Гета, младший сын Юлии Домны². Пользуясь особым почетом в армии вследствие заслуг своего отца, императора Септимия Севера, Каракалла добился высокого отличия для Юлии Домны. Она была объявлена покровительницей римского

² Birley A.R. *Septimius Severus: The Roman Emperor. L., 1971. P. 25; Balla L. Some Problems of the History of Dacia in the Severian Age // Acta Classica Univ. Scient. Debrecen. Debrecen, 1970. VI. P. 61–69.*

войска как "мать военных лагерей" (*mater castrorum*). Изображение императрицы отныне должно было иметься в каждом военном лагере; ей ставились алтари и посвящения. Она получила от сената титул "мать отечества" (*mater patriae*) – почесть, неслыханная для женщины. Известно, что Август принял титул "отца отечества" (*pater patriae*) самым последним (2 г. до н.э.) из дарованных ему сенатом почестей. В присутствии Каракаллы и Юлии Домны в Поролиссе (совр. Мойград), военном лагере на севере провинции, было произведено освящение конной статуи императора и бюста императрицы.

Биограф Каракаллы сообщает также о том, что он прервал свой путь на Восток против Парфии и остался в Дакии. Причины, побудившие его к этому, были связаны опять-таки с давлением племен на Дакию³. Каракалла потребовал заложников от знати каких-то неназванных племен в обеспечение союза с ними. Возможно, это были северные племена – вандалы и готы⁴. Эти заложники потребовались ему для того, чтобы спокойно продолжать путь в Парфию. Лишь при императоре Макрине данные заложники вернулись обратно (*Dio Cass.* 78.27.5), очевидно, потому что на северных границах Дакии в то время был установлен мир на какое-то время. Любопытно, что в ходе все той же инспекционной поездки по Дунаю Каракалла приказал доставить к себе царя квадов Гайобомара и умертвить его; голова царя была положена у ног императора (*Ibid.* 78.20.3). Источники умалчивают о точной причине подобных действий Каракаллы. Возможно, они объясняются очередным возмущением квадов, тем более что появлёние на Дунае вандалов не могло не повлиять на политическую ситуацию среди местных племен. Более того, даже позднее, в середине IV в. на дунайском лимесе Паннонии прослеживаются тесные связи между квадами и "сарматами", причем оба народа были соседями, "близкими по своим обычаям и вооружению" (*Amm. Marc.* XVI.10. 20; *Eutrop.* IX.8.2; *Oros.* VII.22.7).

К перипетиям начала III в. относятся несколько эпитафий легионеров из Паннонии и Норика. Вексилляции II Вспомогательного и II Итальянского легионов участвовали в восточной кампании Каракаллы и могли входить в экспедиционную армию, двигавшуюся против Парфии. Эти эпитафии легионеров отличает сходная терминология, что позволяет относить их к одному и тому же событию. В одних эпитафиях сказано, что легионеры погибли в германской войне (*cecidi in bello Germanico; defunctus bello Germanico*). Подобную формулу содержат и другие эпитафии, повествующие о том, что легионер был убит в экспедиции в Дакии (*obito in expeditione Daciscae; bello Dacico desiderato; decedit in expeditione Daciscae; desideratus in Dacia; incursu hostis Daciae decedit*)⁵. Столкновения с племенами были значительны, ибо в

большинстве своем они были названы в эпитафиях и как экспедиции, и как войны. Вторжение достигло центральных областей провинции – течения р. Муреша, ибо в одной эпитафии сказано, что легионер погиб в Дакии, у р. Маризии (Муреш) (*cecidi in expeditione Daciscae ad flumen Marisium*). В нем могли участвовать на римской стороне племена как вандалов, так и Верхнего Прута и Сирета. Ведь вандалы были союзниками Рима со времени Маркоманнских войн (см. гл. IV), а племя из междуречья Сирета и Прута – карпы – четверть века спустя претендовало на славу готов.

В источниках свидетельства о готах восходят к началу III в., но сами источники относятся к более позднему времени – IV в. Одно известие о готах передано в форме анекдота. Биограф Каракаллы сообщает, что, когда император принял победные титулы Германского, Парфянского, Арабского, Аламаннского, «Гельвий Пертинакс, сын императора Пертинакса, говорят, в шутку сказал: "Добавь еще, если угодно, – Величайший Гетский", намекая на то, что он убил своего брата Гету и что гетами назывались готы, которых он, отправляясь на Восток, победил в беспорядочных сражениях» (*SHA: Caracal. X.6; Geta. VI.6. Пер. С. Кондратьева*). Одни историки считают, что из этого пассажа нельзя заключить, о каком народе идет речь – о гетах или готах; сам факт сопоставления гетов с готами бесспорен, хотя причины контаминации "готы–геты" не ясны до сих пор⁶. Другие находят это сообщение вымыслом, однако, основанным на действительном событии – убийстве Геты Каракаллой.

Смешение понятий "готы–геты", возможно, кроется именно в том водовороте превратностей, которые произошли с готами, и именно на тех землях, которые исконно принадлежали гетам. Поэтому указание на историю гетов означает лишь путь движения готов с севера на юг. Геты занимали области правого и левого берега Нижнего Дуная, а также район Северных Балкан. Это был тыл греческих городов Западного Понта: Истрии, Том, Каллатиса, Одесса. По своему языку и материальной культуре геты относились к фракийским народам, и в их языке прослеживаются три языковые группы (фракийская, дакийская и фригийская)⁷. Дальнейшему влиянию гетов на Нижнем Дунае положили конец сначала их столкновения с бастарнами, а потом римская агрессия в начале I в. до н.э., направлявшаяся из Македонии в район Западного Понта. Геты почти исчезают со страниц сочинений римских историков, ибо давно утратили свое прежнее политическое значение. В конце III в. н.э. император Проб принял в подданство Империи "все гетские народы" (*omnes Geticos populos*) и заключил с ними союз о дружбе (*in deditionem aut in amicitiam recepit* – *SHA: Prob. XVI.3*). Но к тому времени пресловутые "гетские народы" уже перестали существовать

³ *SHA: Caracal. V. 4; X.6; Herodian. IV.7.2; 8.1; Dio Cass. 77.16.7.*

⁴ *Macrea M. Apararea graniței de vest și nordvest a Daciei pe timpul imparatului Caracalla // SCIV. 1957. Vol. 8. P. 240; Daicoviciu C. Einige Probleme der Provinz Dacien im III. Jahrhundert // Studii Clasice. 1965. Vol. VII. S. 238–240.*

⁵ *Dobai A. Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975. N 823; 824; 827; 829; 829a; 830; 832; 833; 834.*

⁶ См., например, серьезные исследования: *Буданова В.П. Готы в системе представлений римских и византийских авторов о варварских народах // ВВ. 1980. Вып. 41. С. 148–149; Она же. Готы в эпоху великого переселения народов. М., 1990. С. 56 и след.*

⁷ *Deichew D. Die thrakische Sprachreste. Wien, 1957. S. 103 u. folg.; Danov Ch. Getai // Der kleine Pauly. München, 1979. Bd. II. Sp. 787.*

как политическая сила. В это понятие входили теперь иные племена, населявшие левый берег Дуная, а также междуречье Серета и Прута: бастарны, карпы и другие народы, известные условно как "скифские". Все эти "гетские народы" находились в III в. уже под властью готов. Стычки с готами во времена Каракаллы произошли на тех землях Нижнего Дуная, которые раньше входили в сферу влияния бастарнов и гетов. Готы же в начале III в. двинулись на восток, в сторону областей и городов, лежащих за восточными границами Дакии, ориентируясь в своем движении на греческие города Западного Понта. Здесь, на востоке от границ Дакии, и произошли упомянутые беспорядочные сражения с готами (*tumultuans proeliis deciverat* – SHA: Caracal. X.6).

В латинской эпиграфике III в. сохранилась надпись, где имя готов передано как "гуты" (*bello desideratus hoste Gutica*). Эта эпитафия из Норика сообщает, что Аврелий Виктор, легионер II Италийского легиона, погиб на войне с врагами-гутами (CIL. III.11700). Эти континентальные готы были известны римлянам уже в I в. (*Tac. Germ. 44*). Из племени готонов (готов) происходил Катуальда, пытавшийся захватить власть у Маробода, царя маркоманнов (см. гл. III). Название готов "гутонами" отражает первую стадию этногенеза готов, которая проходила на территории между средним Одером и Вислой⁸. Гутоны тогда входили в союз племен под властью лугиев. Во времена Тацита, готы (готоны) определяются как племя, соседнее с лугиями, и "управляются они царями (*trans Lugios Gotones regnantur*) более твердо, чем остальные племена Германии" (*Tac. Germ. 44*). Это сообщение Тацита указывает на достаточно зрелую общественную организацию континентальных готов, если в начале II в. они имели собственных царей.

Племенами, с которыми воевал Каракалла, были собственно готы и, возможно, карпы. Не исключено, что в числе готов было племя виктуалов. Оно играло немалую роль в событиях Маркоманнских войн⁹ и дважды встречается в источниках среди племен, нападавших на лимес (SHA: Marci. XIV.1; XXII.1). У Евтропия, в частности, виктуалы перечислены среди тех народов, которые заняли Дакию после оставления ее Римом (*Eutrop. VIII.2*). Упомянутые также Аммианом Марцеллином (XVII.12.19) виктуалы более не встречаются в источниках. Если считать их вандалским племенем, то они должны были покинуть Дакию в IV в., когда император Константин переселил вандалов в Паннонию.

Но вернемся к тем готам, сведения о которых относятся к началу III в. Так, готы были известны римлянам уже во время Маркоманнских войн. На это указывает утверждение биографа Максимиана Фракийца: отец будущего императора был родом из "страны готов", мать – из

племени аланов (SHA: Max. duo. I.5). О.В. Кудрявцев, отдавая предпочтение сообщению Геродиана, согласно которому Максимиан происходил из внутренних областей Фракии и был полуварваром (*Herodian. VI.8.1*), считал это сообщение "подлинным, хотя и косвенным свидетельством наличия варварских поселенцев, пришедших из-за пределов Империи во Фракию при императоре Марке"¹⁰. Сам рассказ о гото-аланском происхождении Максимиана Фракийца представлялся ему вольной композицией, хотя О.В. Кудрявцев отмечал принадлежность родителей Максимиана "к какому-то чуждому собственно фракийцам этническому элементу". Но посмотрим еще раз на свидетельства источников. Биограф императора не называет отца Максимиана Фракийца готом, а только отмечает, что он был родом из страны готов (*e Gothia genitus*), в то время как о матери Максимиана он прямо сказал, что она происходила из племени аланов (*ex Alanis*). Наименование *Gothia* восходит ко времени Константина, когда им была так названа область, отведенная готам для их поселения на левобережье Нижнего Дуная. У Иордана отец Максимиана Фракийца назван прямо готом (*in Thracia natus, a patre Gotho* – *Get. 83*). Наш же источник восходит к IV в.¹¹, и потому будет справедливым считать, что *Gothia* у биографа Максимиана названа не случайно. Выводить происхождение Максимиана Фракийца из Фракии было бы неверным. Фракия, названная у Геродиана, авторов "Истории Августов" и Иордана как родина Максимиана Фракийца, могла не быть старой провинцией Фракией. Для авторов "Истории Августов" это понятие после военно-административных реформ Диоклетиана обнимало собой весь диоцез с соответствующим названием. А в него входило несколько провинций: Малая Скифия, Мёзия Вторая, Фракия, Гемимонт, Родопа и Европа. Для диоцеза Фракия как места происхождения Максимиана могут быть приняты во внимание две провинции: прилегающие к лимесу Мёзия Вторая и Малая Скифия. Здесь могло находиться и село по соседству с варварами, где родился император (*de vico Thraciae vicino barbaris* – SHA: Max. duo. I.5). Обе провинции – Малая Скифия и Мёзия Вторая – были образованы из земель Нижней Мёзии. Об этом косвенно сообщает Дион Кассий: после Маркоманнских войн варвары были поселены в Мёзии, Дакии, Паннонии, Германии, а также в самой Италии, в Равенне (*Dio Cass. 72. 11.4-5*). Фракию он, правда, не называет в числе провинций, где могли быть выделены земли для племен. Будучи далекой от лимеса, Фракия тогда не имела легионов. Ее защита осуществлялась легионами Нижней Мёзии, а также стоявшими в ней вспомогательными войсками. Синкел, византийский автор VIII в., назвал Максимиана Фракийца Мезом, так как он считал его происходящим из народа, поселенного в Мёзии Второй (*Synec. CSHB. I. 361d.*). Происхождение матери Максимиана Фракийца из племени аланов вполне возможно, так как этот союз племен, выступивший из Закавказья и причерноморских степей, назван в числе

⁸ Буданова В.П. Готы... С. 43; Wolfram H. Geschichte der Goten. München, 1979. S. 32 u. folg.

⁹ Zwicker W. Studien zur Marcussäule I. Amsterdam, 1941. S. 35, 102. По мнению некоторых исследователей, виктуалы входили в объединение вандалов. См.: Буданова В.П. Готы ... С. 108.

¹⁰ Кудрявцев О.В. Исследования ... С. 252–253.

¹¹ Донатур А.И. Рец на кн.: Syme R. Ammianus and the Historia Augusta. Oxford, 1968. // ВДИ. 1972. № 3. С. 221–226.

народов, нападавших на дунайский лимес (SHA: Ant. Pii. V.5; Marci. XXII.1; Dio Cass. 72.3.2).

Максимин был принят на римскую службу в правление Септимия Севера и достиг известности при Александре Севере (SHA: Max. duo. 1.4). Он был убит в 238 г., в возрасте 65 лет. В римскую армию мог поступить в 172 или 173 г., т.е. во время Маркоманнских войн. Его варварское происхождение не могло являться препятствием для военной службы в римских войсках. Многие племена тогда были приняты в римские вспомогательные войска. Напомним, язиги по условиям мирного договора с Римом в 175 г. поставили в римскую армию 8 тыс. конницы, из них 5,5 тыс. были посланы служить в Британию; 13 тыс. новобранцев дали квады (Dio Cass. 72.16.2). Отряд конницы, набранной у маркоманнов, наристов и квадов, был отправлен во время Маркоманнской войны в 175 г. в Сирию для подавления восстания Авидия Кассия¹².

Отряды вспомогательных войск, укомплектованные готами, известны для времени персидской кампании Гордиана III (242 г.). В биографии императора рассказывается, что римскими воинами, участниками похода, была составлена надпись на могильном холме Гордиана III, в военном лагере Цирцезий на Евфрате, на множестве языков – греческом, латинском, персидском, еврейском и египетском – о том, что Гордиан III был победителем германцев, но не победителем филиппов (имеются в виду императоры – Филипп Араб и его сын) (SHA: Gordiani tres. XXXIV.3–5). Позднее эта надпись была уничтожена Лицинием, считавшим себя потомком Филиппа Араба. Этот холм и римский лагерь Цирцезий на Евфрате видела римская армия Юлиана, отправившаяся в 365 г. на войну с Персией. Холм находился в местности Зайта, что означает на местном языке "Оливковое дерево" (Amm. Marc. XXIII.5.7). Военный лагерь на Евфрате (castrum) упоминает и Евтропий (Eutrop. IX.2). Холм Цирцезий, как и лагерь, находились один от другого на расстоянии в 20 римских миль.

Документальным свидетельством участия готов в Персидской кампании Гордиана III является наскальная надпись из Накш-и-Рустам, известная в науке как надпись персидского царя Сапора I (Res gestae divi Saporis). Она, насколько нам известно, не привлекалась в нашей науке в числе источников о готах. Она интересна во многих отношениях – политическом, религиозном и идеологическом; но этих вопросов мы не будем касаться. Помимо выражения надписи – "Царь царей", что было унаследовано от титулатуры Ахеменидов, царь Сапор именует себя царем всех иранцев – Асорестана (Ирана) и царем неиранцев, т.е. областей, вошедших в состав его царства вследствие завоевания. В первой части надписи, которая ведется от имени царя Сапора, речь идет о походе войск Гордиана, выступившего против народов Асорестана. В ней мы находим такие слова: "И когда мы встали на царство, Цезарь Гордиан собрал войско со всей Римской

империи – и от народа готов, и от народа германцев – и выступил против Асорестана и против нас"¹³. Выражение надписи Γοῦθων τε καὶ Γερμανῶν показывает, что уже в первой трети III в. существовали вспомогательные войска, сформированные и из готов, и из германцев. Готы – восточногерманское племя – отличались от других своей культурой, нравами, языком.

Источники упоминают также о движении на Нижнем Дунае племени карпов. Готы же остаются в стороне от Дакии. Они устремляются на юг, в степи Северного Причерноморья, на греческие города Западного Понта, и потому их путь пролегает по восточным областям, за Дакией, вдоль течения р. Прута, Сирета и Днестра. В поле зрения римских историков оказываются карпы, пытавшиеся перейти Нижний Дунай и вторгнуться в правобережные провинции Рима. События этого времени проясняют некоторые латинские надписи, касавшиеся не только карпов, но и готов, называемых "скифами".

Например, в надписи из Нижней Мёзии, из Эска (совр. Гигин в Болгарии), рассказывается о военной и муниципальной карьере Тита Аврелия Флавина¹⁴. Она была связана с успехами Флавина в борьбе с карпами, проходила на Рейне и на Дунае и не поднялась выше поста примипила. Флавин удостоился декурионата в нескольких городах. В Эске он был первым лицом (принцепсом) в сословии декурионов, а также патроном коллегии ремесленников. Он был декурионом в Тире (совр. Белгород-Днестровский), в Дионисополе (совр. Балчик), в Марцианополе (совр. Девна), в Аквинке, а также на Рейне, в Нижней Германии, в общине тунгров. Военная служба Флавина была удостоена военных отличий от Каракаллы. Он получил денежную награду и продвижение по службе "за выдающуюся храбрость, проявленную в борьбе против врагов – карпов, а также за благополучно закончившиеся дела у Тиры". Надпись в честь Флавина поставил член буле Тиры Клавдий Никомед, который называет Флавина "достоинейшим другом". К этому же времени относится и другой алтарь из Эска, сооруженный Титом Аврелием Артемидором, августалом в колонии Эска, своему патрону Титу Аврелию Фламину "вследствие выдающейся храбрости, проявленной в борьбе с врагами, а также вследствие счастливо закончившихся дел у Тиры". Флавин был командиром гарнизона Тиры и задержал движение карпов в Нижнюю Мёзию и Фракию¹⁵. Здесь впервые на левобережье Нижнего Дуная вступает

¹³ Maricq A. Res gestae divi Saporis // Syria. 1958. 35, fasc. III–IV. P. 304 sqq.; 314; Bailey H.W. A Parthian Reference to the Goths // English and Germanic Studies. Birmingham, 1961. Vol. VII. P. 82–83.

¹⁴ Dobó A. Inscriptiones ... N 555: 834a; Domaszewski A. von. Die Rangordnung des römischen Heeres / Berichtig. und Nachträge von B. Dobson. Köln, Graz, 1967. S. 216; 298; Gerov B. Die Invasion der Carpen im Jahre 214 // Acta of Fifth Intern. Congress Greek and Latin Epigraphy. Cambridge, 1967; Oxford, 1971. S. 431–436.

¹⁵ Gerov B. Die Einfälle der Nordvölker in den Ostbalkanraum im Lichte der Münzschatzfunde im I. das II. und III. Jahrhundert (104–284) // ANRW. B.; N.Y., 1977. Principat 6. S. 127; Крышковский П.О., Клейман И.Б. Древний город Тира. Киев, 1985. С. 128–129.

¹² Dobó A. Inscriptiones ... N 536.

племя карпов. Их движение к Дунаю было вызвано давлением на них других племен, вероятнее всего готов.

Переселение готов на юго-восток сдвинуло со своих земель народы, граничащие на северо-востоке с Дакией. На маршрут готов указывает осада карпами города Истрии на Понте. Вторжение карпов в Нижнюю Мёзию последовало в 238 г. (SHA: Max. et Balb. XVI.3). Тогда подверглась осаде община Истрии (Istriae civitatis). Дексипп именует эту войну скифской (*Dexipp. Fr. 13*). Традиционное для греческой историографии наименование "скифами" племен, выступающих из Северного Причерноморья, указывает на направление самого вторжения с востока и на участие в нем разных этнических групп, а не только одних готов. Наместник Нижней Мёзии Туллий Менофил заключил в 242 г. с готами союз, обязавшись выплачивать им денежные субсидии. Иными словами, уже при Гордиане III готы предстают союзниками римлян. Но и карпы рассчитывали на такие же субсидии. У Петра Патриция сохранилось свидетельство о посольстве карпов к Туллию Менофилу: "Карпы, завидуя готам, которые ежегодно получали от римлян дань, требовали денег, ссылаясь на то, что они храбрее готов"¹⁶. Но эта просьба не была удовлетворена, хотя показывает активность карпов. Это племя обитало в долинах р. Прут и Сирет¹⁷. Возможно, карпы в союзе с неизвестными нам племенами прорвали на востоке провинции *limes Transalutanus*. Он был оставлен римлянами, и оборона Дакии вернулась на р. Олт. В Дакию карпы вторглись с территории современной Молдовы и угнали в плен часть населения провинции¹⁸. Из Апула имеется посвящение Серапису, поставленное лицом, освободившимся из плена у карпов (*a Carpi liberatus* – CIL. III. 1054).

К войне с карпами относится эпитафия Публия Элия Прокулина из уже известной нам Интерцизы, города и военного лагеря на лimesе Нижней Паннонии. В ней отражена его военная карьера¹⁹. Она началась с поста центуриона в конной Эмесской когорте, сформированной Марком Аврелием на Востоке, в Эмессе, и появившейся на Дунае в 184 г. Из этой когорты Прокулин был переведен во II Вспомогательный легион, стоявший в Аквинке, в качестве инструктора по обучению новобранцев конницы (*exercitator equitum*). На эту должность выбирались лица из числа центурионов и подчинялись они легату легиона. Затем Прокулин был повышен в должности и переведен в VII преторианскую когорту. Она прибыла в Дакию вместе с Филиппом Арабом и участвовала в войне с карпами на Нижнем Дунае. Зосим сообщает, что император выступил против карпов, опустошавших области близ Дуная (*Zosim. 1.20*). Римские войска разбили карпов, оса-

дили их крепость, в которую бежали многие из них, надеясь на то, что осада будет снята отрядами, спешившими на помощь карпам. В штурме этой крепости отличилась конница мавров. Здесь, на войне с карпами, близ их укрепления и погиб Прокулин (*bello Dacico desiderato ad castellum Carporum*)²⁰. Его родители поставили ему в Интерцизе кенотаф.

В войне против карпов принимали участие вексилляции VII и XI Клавдиева легионов Верхней Мёзии, а также легиона XXII Перво-рожденного, переброшенного из Верхней Германии на Дунай, что свидетельствует о размахе военных действий²¹. В самой Дакии были предприняты меры по обеспечению безопасности с востока. Город Ромула на р. Олт был окружен стенами, строительство которых производилось руками воинов. Возведение стен велось в присутствии императора. В посвянительной надписи Ромула была определена как "его колония" (*colonia sua*). Это говорит о том, что статус колонии город получил от Филиппа Араба²². Текст надписи составлен от имени всей императорской семьи: Филиппа Араба, его сына и жены, императрицы Отацилии Северы. Все они названы "Восстановителями всего мира" (*Restitutores Orbis totius*), но, как показали последующие события, это был лишь декларативный лозунг. В 246 г. Филипп Араб предоставил Дакии право чеканки собственной медной монеты²³. Правда, провинция (*Provincia Dacia*) чеканила монеты весьма непродолжительный срок (с 246 по 256 г.). Монетный двор находился на правом берегу Дуная, в Верхней Мёзии, в г. Виминаций.

Победе римлян над карпами придавалось в Риме большое значение. Была выпущена серия монет с легендой: *victoria Carpica*; император удостоился от сената победного титула *Carpicus Maximus*, а его жена получила почетное прозвище *mater Augusti et castrorum et senatus et patriae*²⁴.

В середине III в. обстановка на Нижнем Дунае все более осложнялась. Набеги племен – карпов, вандалов, готов – возобновлялись постоянно. Лимеса как такового в провинции не существовало, а там, где он все же был создан – на севере и востоке провинции на основе укреплений горных перевалов и ущелий, – он был прорван. В посвянительной надписи император Деций назван *restitutor Daciarum* (CIL. III. 1176). Успехи Деция были отмечены также выпуском в Риме золотых монет с легендой: *Dacia Felix*²⁵. Император удостоился победного титула *Dacicus Maximus* (CIL. II. 4949, 4957). Но означает ли он, что император действительно восстановил порядок в Дакии и разгромил напавшие племена? Ведь титул "Восстановитель всех Дакий"

¹⁶ *Petr. Patr. Fr. 8* = FHG. IV. P. 186–187.

¹⁷ *Patsch C. Carpi* // RE. Stuttgart. Hbhd. VI. Sp. 1608–1609; *Bihir Ch. Archaeology and History of the Carpi*. Oxford, 1976. (Рец.: Чаплыгина Н.А. // ВДИ. 1982. № 4).

¹⁸ *Mitrea B. L'incursion des Carpes en Dacie sous le règne de Philippe l'Arabe à la lumière des découvertes de trésor des monnaies* // Nouvelle Etudes Historique. Bucaresti, 1955. P. 149–160; *Daicoviciu C. Einige Probleme der Geschichte Daziens...* S. 238 u. folg.

¹⁹ *Dobó A. Inscriptiones...* N 836.

²⁰ *Soproni S. Castellum Carporum* // *Folia Archaeologica*. 1963. XV. P. 40, 51–52; *Idem. Eine neue Inschrift aus Intercisa* // *Klio*. 1965. Bd. 46. S. 367–370.

²¹ *Soproni S. Castellum Carporum*. P. 52.

²² CIL. III. 8031 = IDR. II. 324.

²³ *Pick P. Die Antiken Münzen Dacien und Moesien*. B., 1898. Bd. I. S. 4.

²⁴ *Cohen H. Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain*. Graz, 1955–1957. Vol. V. P. 117, N 238.

²⁵ *Ibid.* P. 187–189, N 12–36; P. 206, N 1.

указывает лишь, что провинция страдала от нападений племен и на западе, и на востоке, и на севере. Обозначение же *Dacius Maximus* свидетельствовало лишь о том, что войны в Дакии действительно велись с племенами вандалов, карпов, готов, алан и сарматов. И здесь мы должны кратко остановиться на современном состоянии готской проблемы.

Как известно, эта проблема эпохи Великого переселения народов в Европе была обстоятельно рассмотрена В.П. Будановой²⁶. В понимании сущности готской проблемы и подхода к источникам я исхожу из ее наблюдений, но разделяю отчасти и точку зрения старой немецкой школы, заслуги которой были всеобъемлющими и оставались непоколебимыми до 60-х годов XX в. Готская проблема, несмотря на великое множество публикаций, остается до сих пор нерешенной. С ней связан сложный вопрос об этногенезе восточногерманских племен. Решается он сейчас с помощью наук разного профиля – археологии, лингвистики, истории, – что, как мне представляется, вследствие применения каждой своего метода исследования, не вносит ясности в сам предмет изучения. Вопрос о готах включает в себя исследования о месте происхождения готов и характере источников о них; о времени появления готов в Европе, в Северном Причерноморье и на Дунае, о соотношении свидетельств одних и других источников о группах готов (остготы и вестготы); об их контактах с другими народами, о приходе готов в Италию и расселении их на землях Галлии и Испании. По всем этим вопросам существует специальная литература. И хотя тема готов не входит в круг моих интересов, тем не менее мне представляется в общем целесообразным напомнить положения школы так называемых позитивистов, столь много сделавших и для исследования готов. Л. Шмидт в своей работе "История германских племен до конца переселения народов" не только свел воедино материал источников по истории готов, но дал простую и ясную их интерпретацию²⁷. В его трудах были обобщены многие проблемы истории готов, например их приход из Скандинавии на Европейский континент на рубеже I в. до н.э. – I в. н.э., выселение готов в устье Вислы. Оказавшись в Восточной Европе, где все земли были заняты племенами, готы двинулись на юг и в начале III в. оказались у римских пределов. Первым препятствием на их пути стала римская Дакия. Здесь у ее восточных границ начались сражения римлян с готами. Но готы не остановились и продолжали свой путь далее, в области Северного Причерноморья, где они позднее основали объединенное варварское государство, позднее разделившееся на ветви вестготов и остготов, которые двинулись вновь на Империю. Воюя по дороге с многочисленными народами Северного Причерноморья, готы нападали на римские провинции, пока не были изгнаны гуннами из

Нижнего Подунавья и вынуждены были переселиться в правобережные провинции Римской империи. Работа Л. Шмидта была написана так, "как это происходило в действительности"²⁸. Она оказала большое влияние на все последующие исследования по истории готов и до 60-х годов XX в. оставалась фундаментальным исследованием готской проблемы.

После 60-х годов к изучению этой проблемы подключаются археологический и лингвистический материалы, имеющие, в отличие от собственно исторического материала, свою специфику исследований. Несмотря на то, что были достигнуты результаты более частного характера по истории готов, вся проблема в целом оказалась окончательно запутанной. Прорывом в готскую проблему явилась работа Р. Хахмана, где был предложен синтез готской проблемы в целом с учетом новых археологических и историко-филологических исследований²⁹. Работа Р. Хахмана вызвала оживление в готской проблематике самими результатами, а также методом работы с источниками о готах. Его суждение о континентальном происхождении готов и их размещении на Висле представляется наиболее значимым из его положений, учитывал он и то, что готы издавна населяли южную Швецию.

О войне с готами известно больше для правобережных провинций Рима, чем для Дакии. При чтении источников создается впечатление, что готы прошли стороной у восточных границ Дакии, не затронув ее. Наш главный источник по истории готов Иордан рассказывает о трех путях движения готов на юг из Скандинавии и района Вислы. Вначале готы двинулись "в земли Скифии" (*ad Scythiae terras*) (*Jord. Get.* 27). Часть готов во главе с Филимером оказалась в области Ойум, желанной для готов земли, и завладела ею (*optatum solum*) (*Ibid.* 28). После сражения с племенами спалов, из которого готы вышли победителями, они двигаются в крайнюю часть Скифии, соседствующую с Понтийским морем (*ad extremam Scythiae partem, que Ponto mari vicina est*) (*Ibid.* 28).

"Земли Скифии", куда пришли готы, вовсе не означают собственно "Скифию". Об этом свидетельствует даваемое Иорданом название ее рек и местностей. Границы Скифии простирались вплоть до Кавказских гор и Меотиды, до пределов гуннов, алан, иберов, серров. Скифия оказывается страной, пограничной с Германией до того самого места, где рождается Истр (*Scythia quidem Germaniae terrae confines eo tenus, ubi Ister oritur amnis*) (*Ibid.* 30). Так что первое расселение готов было, по словам Иордана, в скифской земле, вокруг озера или моря Меотиды (*prima in Scythia solo iusta paludem Meotidem*) (*Ibid.* 38, 39). Второе (*secundo*) расселение готов произошло в Мёзии, Фракии и Дакии; третье – выше Понтийского моря (*tertia supra mare Ponticum rursus in Scythia*) (*Ibid.*).

Из этой неясной картины Иордана о миграции готов в трех разных направлениях, можно уяснить только то, что движение готов в пределы

²⁶ Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 9–48.

²⁷ Schmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgang der Völkerwanderung. München, 1934. Bd. I: Die Ostgermanen; München, 1938. Bd. II: Die Westgermanen. Я не касаюсь сейчас его неких националистических положений; оценка их историками более или менее уже проделана.

²⁸ Мысль, высказанная Л. Ранке, – писать нужно так, "как это в действительности было" (*wie es eigentlich gewesen*). См.: Буданова В.П. Готы... С. 16.

²⁹ Hachmann R. Die Goten und Skandinavien. B., 1970. S. 3; 12; 36; 40 u. folg.

Причерноморья, а также в земли Римской империи, заняло длительный период. Готы сдвинули со своих мест другие племена, которые оказались силою или добровольно вовлеченными в их союз племен. В III в. этническая карта Юго-Восточной Европы сильно изменилась в связи с движением готов, и она нашла свое отражение в более поздних римских источниках, когда появляются другие, ранее неизвестные племена. Но мы оставляем в стороне и первое выступление готов на берега Меотиды, и последнее, когда готы появились на берегах выше Понта.

Определение племен, выступивших тогда под названием "готы", в источниках неоднозначно. Зосим говорит о скифах (*Zosim.* I.24), Синкелл – о скифах, именуемых готами (*CSHB.* I. P. 705). Лактанций всю войну приписывает одним карпам (*De mort. pers.* IV.3), а Иордан – исключительно готам (*Get.* 101–107). Готы времени Деция включали в себя разные племена Северного Причерноморья, о чем писал еще А.М. Ременников. От готов страдала Нижняя Мёзия и Фракия. В битве под Абритом (совр. Разград) в 251 г. погибла целая римская армия во главе с самим императором Децием и его старшим сыном Гереннием Этруском. Не встречая сопротивления, готы прорвались во Фракию, где осадили Филиппополь (совр. Пловдив) и захватили его³⁰. Провозглашенный войсками императором наместник Нижней Мёзии Требониан Галл заключил с готами мир на тяжелых для римлян условиях. Он разрешил им увести за Дунай добычу и пленных и обязался ежегодно выплачивать денежную дань. Восточные области нынешних Валахии и Молдовы были наводнены разными племенами, из которых более всего известны карпы. Племя роксоланов, обитавшее в Валахии, пройдя через Дакию, в середине III в. заняло междуречье Дуная и Тисы у границ Паннонии, там, где в I в. поселились язиги.

Здесь необходимо сказать несколько слов о сарматах, западных соседях Дакии, ибо сарматы с середины III и вплоть до середины IV в. играли немалую роль в нападениях на границы Дакии и Паннонии. Роксоланам принадлежит особая роль в событиях на дунайском лимесе в III в. Они были одним из тех сарматских или примкнувших к сарматам племен, которые поселились на Дунае. Роксоланы вмешались в политические перипетии времени Галлиена, оказав в 260 г. поддержку выступившему против него узурпатору Регаллиану. Регаллиан был наместником обеих Панноний и обеих Мёзий и располагал огромной армией. По определению его биографа, он был *dux Illyrici*, обладая чрезвычайными полномочиями во всем Иллирике (*SHA: Trig.* т. X.1; 9). Он происходил якобы от самого Децебала (*Ibid.* X.8). Он вел войны с сарматами, "но был убит по подстрекательству роксоланов, с согласия воинов и провинциалов, опасавшихся гнева Галлиена" (*Ibid.* 8; *пер. С. Кондратьева*). Базой ему служила Паннония, там в Карнунте Регал-

лиан организовал свой монетный двор, чеканивший монеты Александра Севера и Каракаллы и представлявшие собой надчеканку монет Юлии Домны и Юлии Мезы с именем своей жены, Сульпиции Дриантиллы. Монеты Регаллиана имели легенду: *Fides militum* и *Liberalitas Augustorum*, – что указывало на поддержку его войсками Иллирика³¹.

С роксоланами отчасти связана история сарматов-язигов. Она протекала на просторах Дунайских провинций: Паннонии, Дакии и Верхней Мёзии, которые сарматы-язиги часто подвергали нападениям. В середине III в., когда возросло давление племен на Дунайский лимес, сарматы представляли угрозу прежде всего для всего дунайского региона. Не все вопросы истории сарматов могут считаться определенно решенными, поскольку среди них выявлены различные этнические группы³².

Серьезная роль в изучении сарматов на Большой Венгерской низменности (Альфёльде), где они селились начиная с 20-х годов I в. н.э., принадлежит венгерским ученым. По их мнению, сарматы-язиги, осевшие в Карпатском бассейне в начале I в. н.э., были немногочисленны. Они застали здесь кельтское и дакийское население, которое частично покорили, частично вытеснили. Памятники сарматов этого периода (20–160 гг.) представляют собой грунтовые могилы с небогатым инвентарем погребений, изредка – железными короткими мечами. Второй период (161–260 гг.) отличается многообразием памятников, характеризующихся набором предметов "пастушьей сумки": железный нож, оселок, кремь, кресало. К этому периоду относится группа подкурганых погребений, отличающаяся богатым инвентарем, оружием и погребением коней. Ее появление на Дунае связывают с северопричерноморскими областями. Третья группа памятников (261–430 гг.) получила этносоциальную интерпретацию (сарматы-свободные и сарматы-рабы). Эта группа отличается многообразием в обряде погребения: грунтовые могилы прежнего населения, занявшие теперь неполноправное положение "сарматов-рабов", были преимущественно культурой земледельцев. Среди них имеется группа грунтовых могил с погребениями в деревянных гробах, с набором предметов "пастушьей сумки". Железные мечи в погребениях этого периода редки. К этой же третьей группе принадлежат и памятники из подкурганых погребений, отличающиеся оружием, богатым инвентарем, иногда – захоронением коней; встречены немногие готские и гепидские вещи.

Эти археологические памятники не позволяют говорить о том, что население соседних с Дакией и Паннонией земель было односложно

³⁰ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III в. М., 1954. С. 40 и след.; Он же. Война между Римской империей и племенами Северного Причерноморья в 250–251 гг. н.э. // ВДИ. 1951. № 2. С. 201 и след.; ср.: *Millar F.P.* *Herennius Dextrus: The Greek World and the Third-Century Invasions* // *JRS.* 1969. Vol. 59. P. 12 ff.

³¹ Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. М., 1973. С. 240; Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды и официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 114–116, 130 и след.; *Сергеев И.П.* Римская империя в III в. н.э.: Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999. С. 113–117.

³² Эрдели И. Даки, сарматы, германцы, гунны в I–VI вв. // *Археология Венгрии.* М., 1986. Т. II. С. 27–28, 280 и след. См. также: *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. "Gética" / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Ч. Скржинской. М., 1960. С. 232–234. Примеч. 189.

сарматским. Оно состояло из различных этнических групп – сарматов, роксолан, алан и, возможно, вандалов. Сообщение же Диона Кассия времени Маркоманнских войн о том, что сарматам-язигам было запрещено плавать по Дунаю на судах, не согласуется с их кочевым хозяйством и свидетельствует о присутствии на землях Альфёльда иной этнической группы. Можно думать о вандалах, и об аланах, и о славянах. Присутствие аланов на Дунае отмечено раньше, в правление Антонина Пия (SHA: Pii. V.5). Аланы названы в числе народов, нападавших на Империю во время Маркоманнских войн (SHA: Marci XXII.1). Марк Аврелий разбил и алан, и маркоманнов (SHA: Marci XVII.3; *Eutrop.* VIII.3; *Oros.* VII.15.8). Нападение аланов на лимес Паннонии при императоре Грациане (367–383 гг.), в районе крепости Бононии (область Альфёльда), привело к тому, что аланы были поселены вдоль лимеса Нижней Паннонии. Аланы были союзниками вандалов. Их союз образовался тогда, когда вандалы были поселены в Дакии. Вандалы выступили тогда из междуречья Одера и Вислы и достигли северо-западной Дакии (*Dio Cass.* 71.12.1–2).

Во II–III вв. сарматская угроза представлялась опасной для лимесов Нижней Паннонии и Верхней Мёзии, что позднее нашло отражение в названии этого участка границы – *grā Sarmatica*. Императоры и узурпаторы часто воевали с сарматами или с племенами, обозначенными как "сарматы" (SHA: Trig. tyr. IX.1; X.2; XXXIII.1)³³. Сражения с ними определяются как войны (*bellum Sarmaticum*); число побежденных сарматов оказывается немалым. Так, Авидий Кассий перебил 3 тыс. сарматов (SHA: Avid. Cass. IV.6), а император Карин – 16 тыс. (SHA: Car. Carin. Numer. IX.4). Проб также победил сарматов и вместе с ними другие неизвестные племена (SHA: Probi. XVI.2). В IV в. сарматы оказываются побежденными вместе с народами, далекими от них: франки и сарматы; свевы и сарматы (SHA: Aurel. VI.3; VII.2; XVIII.2); аламанны и сарматы (SHA: Probi. XIX.8). Если сарматы определяются как племена, выступающие вместе с этими народами, то можно считать, что речь идет не о сарматах, но о народах, населявших придунайский регион Европы: семнонах, лугиях, вандалах и аланах.

Уже в Сарматскую войну Максимиана Фракийца под именем "сарматы" вряд ли могли скрываться собственно сарматы междуречья Дуная и Тисы. Этот император, как и его сын были удостоены победного титула *Sarmaticus Maximus*, хотя заслуги Максимиана Фракийца в борьбе с сарматами были призрачны: "...он лишь готовился идти войной на сарматов" (SHA: Maxim. duo. XIII.3). Литературные источники, а также победные титулы императоров: *Sarmaticus* и *Sarmaticus Maximus* – здесь не дают утвердительного ответа. Принятие императорами победных титулатур следует установившейся традиции, поскольку оно являлось составной частью императорской пропаганды и

потому имело большое идеологическое и культурное значение³⁴. Титулы наследовались и переходили от одного императора к другому в определенном порядке, обрастая со временем названиями стран и народов, завоеванных Римом или эфемерно им побежденных. Так, победный титул "Сарматский" был дарован сенатом Марку Аврелию в 176 г. в результате действительных побед, одержанных им годом раньше над сарматами в Паннонии. Этого же титула удостоился и Коммод, 11-летний сын императора, хотя к победе над сарматами он никакого отношения не имел³⁵. Победоносная титулатура императоров III в. начиная с прозвищ Максимиана Фракийца усложняется посредством добавления эпитета *Maximus* ("Величайший"). Победная титулатура Константина была унаследована от Диоклетиана³⁶. Титул *Sarmaticus Maximus* Константин получил вследствие того, что переселил на римскую землю 300 тыс. сарматов. Такого титула не имел Констанций, хотя в одной-единственной надписи из Паннонии он назван "Сарматским" (CIL. III. 12483). В то же время, не имея титула "Величайший Сарматский", Констанций носил все другие победные титулы: "Адиабенский, Аламандский, Германский, Готский, Персидский" – с эпитетом "Величайший"³⁷. Так что в IV в. под названием "сарматы", как и "готы", часто выступают иные племена, хотя наименование "сарматы" имело некое "историческое" обоснование – берег Дуная от Аквинка до Вимиация в I–II вв. действительно был сарматским, ибо здесь обосновались сначала сарматы-язиги, позднее роксоланы. Само название – *grā Sarmatica* – имело основанием то, что оно указывало главное направление фронта набегов в IV в. на Средний Дунай племен Европейской Сарматии. Если признать всю массу племен, нападавших в IV в. на дунайский лимес "сарматскими", то возникает сомнение в истинности сведений о численности самих "сарматов", о множестве царей и вождей среди них, о существовании враждебных группировок внутри одного и того же народа.

В правление Константина "сарматы" восстали против своих господ (*domini*). Этих сарматов-господ Константин поселил в числе 300 тыс. в провинциях Малой Скифии, Фракии, Македонии, а также в самой Италии (*Anonym. Vales. Pars prior.* VI.32). Это произошло в 330 г.³⁸. Об этом событии упоминает Авсоний. Он писал, что сарматским поселен-

³⁴ Kneissl P. Die Siegestitulatur der römischen Kaiser // *Hypomnemata*. Göttingen, 1969. H. 23. S. 27 u. folg.; 49; 57; 95; 100 u. folg.; 113–144; 187 u. folg.

³⁵ Ibid. S. 151.

³⁶ Ibid. S. 178–179.

³⁷ Ibid. S. 244.

³⁸ С сарматами междуречья Дуная и Тисы связывают земляной вал, который идет от излучины Дуная, с севера, в восточном направлении, описывая дугу чуть выше впадения Тисы в Дунай. Этот вал был сооружен Константином в период 320–330 гг. Другой, внутренний, вал следует по течению р. Керш, выше впадения Тисы в Дунай. Он был выстроен в 358 г. императором Констанцием. Сооружение налов рассматривается как попытка обезопасить Империю от вторжения племен, занявших Дакию после ее оставления римлянами (*Soprani S. Limes Sarmatiae* // *Arch. Ert.* 1969. 96. S. 43–52).

³³ Ременников А. М. К истории сарматских племен на Среднем Дунае // Учен. зап. Казан. гос. пед. ин-та. 1957. Вып. 12. С. 388 и след.; Он же. Борьба племен Среднего Дуная с Римом в 350–370 гг. // ВДИ. 1960. № 3. С. 105 и след.

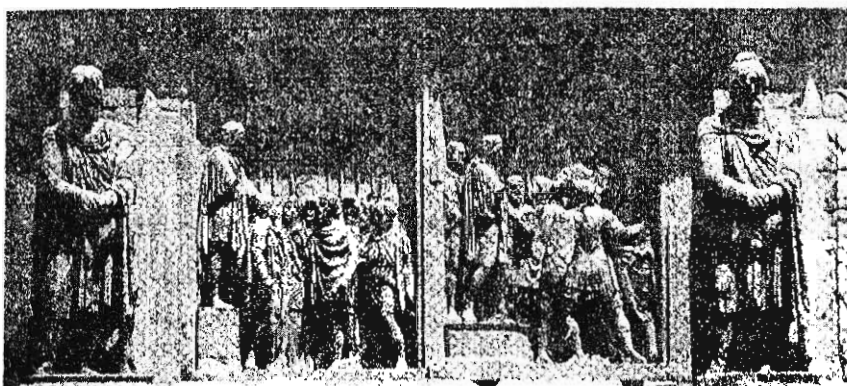

Рис. 9. Деталь мраморного рельефа арки Константина в Риме

цам были недавно отмерены земли в Галлии³⁹. Большая часть сарматов, если не весь народ, покинула области Баната, а также междуречье Дуная и Тисы. Из рассказа Аммиана Марцеллина можно заключить, что территория "свободных сарматов" находилась близ земель квадов. Он заметил, что оба эти народа – и квадов и сарматов – сближало соседство и "дикость нравов" (*locorum confiniis et feritate iunctissimis* – XVII.12.12), чего нельзя сказать ни о квадах, ни о сарматах-язигах, ни о роксоланах, находившихся во II–III вв. в качестве "клиентов" римского государства. "Свободные сарматы" жили далеко от римских пределов, оставаясь не затронутыми влиянием Рима. Сообщение же Аммиана о том, что "свободные сарматы" некогда были могущественны и бежали в страхе перед восставшими рабами, заставляет думать, что речь идет скорее о землях тех "сарматов", которые обитали вне пределов дунайского лимеса. "Сарматы-господа" бежали к виктуалам, занимавшим в середине IV в. оставленную Римом Дакию (*Amm. Marc. XVII.12.18*).

Именование племени "сарматов-рабов" амицензами и пицензами не проявляет их этническую принадлежность. Оба слова образованы от названий сопредельных регионов (*ex regionibus appellati conterminis* – *Amm. Marc. XVII.13.19*). Имя "пицензы" происходит от названия местности на лимесе Верхней Мёзии, восточнее Виминация⁴⁰. Не скрывается в отношении к сарматам и этническая группа под названием *Limigantes*. Оно указывает лишь на то, что некогда эта группа племен получила свое название – "лимигантов" на условии поселения и несения военной службы на лимесе: в слове *Limigantes* слышатся латинские слова – *gens* (род, племя) и *limes* (граница, рубеж). На эту особенность названия племен обратили внимание еще Гиббон в "Падении Римской империи" и Шафарик в "Славянских древностях".

³⁹ Авсоний. Стихотворения. М., 1993. С. 94 (пер. М.Л. Гаспарова).

⁴⁰ Mócsy A. Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Budapest, 1970. S. 26.

Под видом "сарматов" в IV в. выступали различные племена со своими вождями и царями. Так, племя Арагария, который стоял во главе части квадов и племени неких трансюгитанов, и племя царевича Узафера, которого Аммиан называл сарматом, представляли собой объединения разных племен. В подчинении царя Арагария были цари-вассалы (*reguli*) других племен; они были лицами царского происхождения и стояли во главе войска, набранного по родам, т.е. по племенному признаку (*agminum gentilium duces* – *Amm. Marc. XVII.12.12*). Царевич Зизаис, которого позднее римляне утвердили царем, привел с собой других царей, своих вассалов – Румона, Зинафра, Фрагиледа (*subregulos, plurimosque optimates* – *Ibid. 12.11*). Одни цари носили германские⁴¹, другие – кельтские имена, как царевич Румон и, возможно, царевич Узафер⁴². Но некоторые из них, как царь Зизаис, возможно, были славянами⁴³. Впрочем, характер имен царей и вождей был не столь выразительным признаком их этнической принадлежности, особенно в IV в., а скорее свидетельством культурных и династических связей, существовавших среди самих племен и одновременно с Римом. Аммиан Марцеллин перечисляет имена царей и вождей франков и аламаннов, носивших латинские имена: Виктор был сармат по рождению; аламанн с именем Латин; Серапион, царь аламаннов; сын франкского царя – Сильван; Маларих, франк по происхождению, имя которого напоминает нам имя вождя готов Алариха (*Amm. Marc. XV.3.10; 5.11; XXV.10.6; 25.8*). Иордан же прямо пишет: "...ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен было перенимать имена: у римлян – македонские, у греков – римские, у сарматов – германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские"⁴⁴. Для сношений римлян с "сарматами" потребовалось два переводчика (*Ibid. XIX.11.5*).

В названии племени трансюгитанов также не просматривается его этническая принадлежность. Оно названо, так сказать, описательно, по аналогии с трансмонтанами Птолемея, обитавшими на северо-востоке Карпатской дуги, когда название "трансмонтаны" служило эпитетом для костобоков⁴⁵. Трансюгитаны – племя, обитающее за горами (*iugum montis* – "хребет гор"), иначе говоря – "загоры", или "загорцы". У Аммиана Марцеллина в описании этих событий присутствует упоминание и о горных высях, и о болотистых местах, отличавших низовье Тисы. Этими "горными местностями" были, вероятно, горные области Словакии и юго-западные районы Польши. Квады выступали в IV в. вместе с народом (*Amm. Marc. XVII.12.13*), находившимся вне

⁴¹ Schöpfung W. Wörterbuch der altgermanischen Personen- und Völkernamen. Heidelberg, 1911. S. 4; 23; 270.

⁴² Holder A. Alt-Celtischer Sprachschatz. Bd. I–III. Graz, 1961–1962. Bd. II. Sp. 1245, 1245; Bd. III. Sp. 49.

⁴³ Кудрявцев О. В. Ziazov Patricius // Исследования... С. 130 и след.

⁴⁴ Jord. Get. 59 (пер. Е.Ч. Скржинской). См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960. С. 77.

⁴⁵ Кудрявцев О. В. Костобоки. С. 30 и след.

сферы римского влияния. Во времена Аммиана Марцеллина квады уже не были народом сильным (Ibid. XIX.6.5). В их земли проникали и селились на них другие племена. Так, если в правление Каракаллы квады выдали римлянам своего царя Гайобомара и он был убит на глазах своих соплеменников (Dio Cass. 78.20.3–4), то в IV в. квады предстают племенем слабым. При Марке Аврелии квады всем народом решили покинуть свою страну и выселиться в земли семнонов, узнав, что страна их будет превращена в римскую провинцию (παύθημεν πρὸς Σεμνόνας ἐπιχέμεναι – Dio Cass. 72.20.1–2).

Племена трансюгитанов и квадов, выступившие под властью царей Арагария и Витродора, и "сарматы" Зизаиса требовали земли в пределах Империи. Значит, они оставили свои прежние земли под давлением других племен. Цари готов были предложить римлянам в обеспечение мира своих жен и детей в качестве заложников (Amm. Marc. XVII.12.11). Царь Арагарий и царица Узафер обещали дать в заложники своих сыновей, а также знатных лиц из отдаленных областей. Эта отдаленность мест, а также требование "сарматов" предоставить им землю свидетельствует о том, что происходило переселение племен, двигавшихся с севера к пределам Империи.

Движение племен затронуло и Дакию. Оно происходило близ ее западных границ. Рим не смог противостоять этой лавине. Дакия была покинута Римом в целях обеспечения лучшей безопасности Иллирика и всей Империи. Администрация провинции и магистраты городов Дакии предпринимали некоторые меры по ее защите. Немногие надписи этого времени свидетельствуют о деятельности городских общин. Но сама эта деятельность в основном ограничивалась провозглашением почетных декретов и надписей, поставленных в честь императоров. Надпись из Апула была начертана на пьедестале статуи императора Волузиана, сына Требониана Галла, и была поставлена в 253 г. сословием декурионов колонии Апула⁴⁶. Город назван colonia Aurelia Apulensis Chrysopolis. Как считают издатели надписи, слова "золотой город", "город золота", или "город, богатый золотом", относились к Апулу. В начальный период римской власти Апул был административным центром провинции. Эпитет "золотой", с учетом сложного положения, в котором находилась провинция, мало подходил для Апула, как и легенда монет: Dacia Felix, – выпускавшихся при Деции.

На севере Дакии еще происходило строительство храмов и ремонт дорог. Руками легионеров V Македонского легиона был завершён храм в Потаиссе в честь бога Азизия (CIL. III.875). Храм был посвящён благополучию семьи императора Галлиена. Сословие декурионов муниципия Тибиска поставило статую императрице Корнелии Салонине, жене императора Галлиена, в связи с тем, что город получил статус муниципия (CIL. III.1550). Эти надписи – единственные и последние из Дакии (CIL. III.875; 1560; 7911; 8010). При Галлиене был потерян Иллирик, возможно, утрачена и Дакия. То, что Аврелиан восстановил

разрушенные границы Иллирика (limites restituerant) и освободил его от власти готов (Gothorum potestate liberasti) (SHA: Aurel. X.2; XIII.2; XVII.3), свидетельствует, что утраченный Галлиеном Иллирик был восстановлен, но в каких пределах? Правый берег Дуная от Реции до Скифии действительно был восстановлен, но это не имело большого значения для Дакии. Источники сообщают, что все внимание Рима было направлено на правобережные провинции: нужно выгнать готов из Фракии, нужно напасть на готов – готы тревожат Гемимонт и Европу. Но с какой именно стороны тревожат готы дунайские провинции? С востока, со стороны племен, выступивших из областей Меотиды и Северного Причерноморья (SHA: Aurel. XVI.4). Римская армия действовала с востока против готов, со стороны Никополя на Истре; Никополь же был городом Нижней Мёзии (SHA: Aurel. XI.1–3).

И такое движение с востока происходило при Галлиене, когда в 257 г. Азия, Понт, Каппадокия подверглись вторжению готов, определяемых как "скифы" (Scythiae autem, hoc est pars Gothorum) (SHA: Gallieni duo. VI.2). Эти "скифы" включали в себя, несомненно, и часть готов. Как пишут историки IV в., готы при Галлиене блуждали по Иллирику (Gothis vagantibus per Illyricum – SHA: Gallieni duo. XIII.9). На них случайно (fortuito) натолкнулся Галлиен и многих убил (Ibid.). "Блуждавшие по Иллирику готы" состояли из разных племен: маркоманнов, аламаннов, аланов. Известно, что часть земель Верхней Паннонии была предоставлена в это время царю маркоманнов Атталу. Галлиен взял себе в жены, вернее в наложницы, дочь царя по имени Пипара (barbarorum regis filiam – Ibid. XXI.3; Aur. Vict. Epit. de Caes. XXXIII.1). Это подтверждает, что оборона Иллирика была дезорганизована; Дакия была предоставлена сама себе. В правление Галлиена в Дакии произошли серьезные потрясения.

* * *

Одни ученые считают, что Дакия была оставлена при Галлиене. Оба дакийских легиона – V Македонский и XIII Сдвоенный с их штабами и офицерским корпусом – упомянуты на посвященных алтарях, поставленных в митреуме Петовиона в Паннонии⁴⁷. Саксер, правда, считал, что в этих надписях речь идет не о самих легионах, но о vexillationibus легионов, откомандированных в Паннонию в связи с подавлением узурпации Регалиана. Сами же легионы еще несли службу в Дакии⁴⁸. По мнению других, оставление Дакии имеет относительный характер, так как на востоке провинции, в Трансильвании, еще находились вспомогательные воинские части. Эпиграфические источ-

⁴⁷ Hoffiler V., Saria B. Antike Inschriften aus Jugoslavien: Noricum und Pannonia Superior. Zagreb, 1940. S. 144 u. folg., N 314–317; Saria B. Zur Geschichte der Provinz Dacien // Strena Buliviana. Zagreb, 1924. S. 248–252.

⁴⁸ Saxer R. Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // Epigraphische Studien. I. BBJ. Köln; Graz, 1967. Bd. 18. S. 56–57, N 103–106.

⁴⁶ Popa A., Aldea I. Al. Colonia Aurelia Apulensis Chrysopolis // Apulum. 1972. X. P. 209–218.

ники из восточной Дакии прекращаются со времени Александра Севера. После времени Деция отсутствуют надписи с севера провинции. Выпуск медных монет для провинции прекращается в 256 г. Это свидетельствует о том, что жизнь в Дакии была серьезно нарушена, а ее области на севере и востоке были покинуты.

Они были захвачены готами и вандалами, об этом сообщают источники более позднего времени. Для конца III в., когда была утрачена Дакия, нет прямых данных о том, что ее оккупировали именно готы. Их место занимают вандалы. Аврелиан, освобождая Иллирик и восстанавливая его границы (*liberator Illyrici*) (SHA: Aurel. IX.4), опирался на легионы, но также и на вспомогательные части, сформированные, возможно, из вандалов – асдингов, лакрингов, силингов. Их вождями названы Гариомунд, Гальдагат, Гильдомунд, Хариовиск (*Ibid.* XI.1–3). Вандалы, как мы помним, были давними союзниками Рима еще в ходе Маркоманнских войн. В качестве таковых они выступают против готов, своих злейших врагов (*Jord. Get.* 27; 91; 111–115; 161).

Дексипп сообщает, что права вандалов на Дакию подтвердил Аврелиан: и те, которыми располагали вандалы со времени Марка Аврелия, и те, которые они потом приобрели на северо-западе провинции. Теперь были подтверждены и старые условия союза, и новые, за что вандалы обещали дать Риму заложников из числа детей знати, а также 2 тыс. конницы, которая была послана в Италию (*Dexipp. Fr.* 23–24). Вандалы заняли в Дакии господствующее положение и оставались в ней до времени Константина. Земли же, захваченные готами, находились на востоке Трансильвании. Вытесненные из Дакии готами вандалы оставались в Паннонии до конца IV в. и ушли из нее в канун 400 г. под давлением гуннов. В союзе с аланами и примкнувшими к ним отрядами разных племен они прошли опустошительно по всей Европе и вторглись в Африку, где основали королевство вандалов. В царской титулатуре звучит *rex Vandalorum et Alanorum*, указывающее на политический союз вандалов с аланами. Власть готов над Трансильванией была подтверждена Константином.

О войнах с готами при Аврелиане упоминается в его биографии. Колесница, на которой Аврелиан въехал в Рим во время триумфа, была запряжена четверкой оленей и принадлежала царю готов. В его триумфе вели десять знатных женщин из племени готов (SHA: Aurel. XXXIII.3.5; XXXIV.1). За Дунаем Аврелиан уничтожил войско готов под командованием вождя Каннабауда с 5 тыс. человек (*Ibid.* XXII.2). Но готы тоже выступали тогда не одни. В римских источниках они упоминаются вместе с племенами Меотиды и Северного Причерноморья. Все эти племена, и в том числе готы, действуют по праву войны, силой. При Клавдии и еще раньше, при Галлиене, полчища "скифских народностей" (*Scytharum diversi populi*), обитающих близ устья Дуная (певкины, гревтунги, австроготы, тервинги, визиги, гипеды, кельты, герулы – SHA: Claud. VI.2)⁴⁹, вторгаются в земли право-

бережных провинций – Мёзии и Фракии (Гемимонт) ради большой римской добычи (*omnes gentes suorum ad Romanas incitaverunt praedas* – *Ibid.* VI.1). Эти полчища обладали огромной силой – до 320 тыс. вооруженных воинов (*agmatum*). Для вящего устрашения читателя – современника событий, биограф присовокупил подробности, что при шествии такой массы людей были выпиты реки, уничтожены леса, а сама земля страдала, чувствуя на себе такую массу варваров (*Ibid.* VI.5–6). Это множество племен использовало для перехода две тысячи судов и огромный обоз (*Ibid.* VIII.1; 4). Клавдий воевал с народами, обозначенными как "готы" (*Ibid.* I.2; III.6). Очевидно, здесь автором биографии были перечислены все известные ему племена на Дунае в качестве готских, поскольку готы представлялись как сила объединительная. Подчеркнутое внимание к готам и самому Клавдию объясняется и тем, что это произведение написано было в честь Констанция Цезаря, одного из сыновей императора Константина (*Ibid.* I.1; IX.9), когда готы в качестве федератов Империи уже сидели напротив римских рубежей левого берега Дуная: *factus limitis barbari colonus e Gotho* – *Ibid.* IX.4–7).

Источники об оставлении провинции Дакии, повторим, принадлежат времени позднее самого события. Евтропий, Фест, Аврелий Виктор, Орозий и Иордан кратко и почти в одних и тех же словах сообщают, что Дакия была оставлена при Галлиене⁵⁰. Данный факт, насколько это можно заключить из текста Евтропия, включен в общий внешнеполитический контекст времени Галлиена: аламанны, опустошив Галлию, проникли в Италию; Греция, Македония, Понт и Азия – страдают от вторжения готов-скифов; Паннонию наводнили квады и сарматы; аламанны проникли до Испании и осадили Тарракон; персы, заняв Месопотамию, пытаются подчинить себе Сирию. Здесь не названа Дакия, и, может быть, потому, что была утрачена Галлиеном.

Но у Евтропия находим и другое сообщение о Дакии, а именно, что ее покинул Аврелиан: "Провинцию Дакию, которую Траян создал за Дунаем, Аврелиан оставил, когда был опустошен весь Иллирик и когда император отчаялся в том, что сможет удержать Мёзию. Тогда он вывел римлян из городов и полей Дакии (*abduetosque Romanos ex urbibus et agris Daciae*) и поселил их в середине Мёзии, назвав ее той Дакией, которая разделяет теперь обе Мёзии" (*Eutrop.* IX.15). Эти пассажи как бы дополняют друг друга и указывают на то, что эвакуация Дакии произошла в два этапа: военная власть римлян была утрачена при Галлиене, а политическая и административная власть – при Аврелиане. Это отражено в биографии Аврелиана: "Видя, что опустошен Иллирик и разорена Мёзия, Аврелиан оставил созданную Траяном задунайскую провинцию Дакию и вывел оттуда войско и провинциалов (*sublato exercitu et provincialibus*), так как потерял надежду удержать ее. Уведенных из Дакии людей он поселил в Мёзии и назвал своей Дакией ту область, которая разделяет теперь обе Мёзии" (SHA: Aurel. 39.7; *пер. С. Кондратьева*). Данные биографа Аврелиана и Евтропия не-

⁴⁹ Здесь названы различные этнические группы народов: и кельтские, и германские, и славянские.

⁵⁰ *Eutrop.* IX.8; *Ruf. Fest.* VIII; *Aur. Vict.* Caes. XXXIII.3; *Oros.* VII.22.7; *Jord. Rom.* 217.

сколько отличаются. У Евтропия сказано, что Аврелиан вывел римлян (Romanos) из городов и полей Дакии. У биографа Аврелиана – что он вывел войско и провинциалов, т.е. всех жителей провинции. Возможно, биограф понимал под провинциалами все население провинции – и римлян и неримлян, т.е. лиц, не имеющих римского гражданства. У Евтропия же под Romanos имеются в виду только римские граждане. Эта неясность сведений послужила позднее причиной разногласий в науке относительно того, все ли население Дакии ушло на правый берег Дуная или только его римская, точнее романизированная, часть.

Движение готов за Дунаем привело к переселению многих народов, обитавших восточнее Дакии. На левом берегу Дуная Аврелиан разбил карпов (SHA: Aurel. XXX.4). Часть племени была поселена в Нижней Мёзии. Вблизи Никополя на Истре (совр. Стары Никюп) существовало в IV в. селение карпов – vicus Carorum⁵¹. К событиям войны с карпами относится посвящение из Нижней Мёзии, из Дуростора (совр. Силистра). Оно поставлено Юпитеру Наилучшему Величайшему за то, что император Аврелиан "победил царицу Зенобию, небывалых дотоле тиранов (Тетрика – в Галлии и Фирма – в Египте), а также карпов" (CIL. III.12456). Император Галерий поселил в 295 г. остатки карпов в Паннонии, в районе города Сопианы (совр. Печ)⁵². Проб переселил на римский берег Дуная 100 тыс. бастарнов (SHA: Probi. XVI.1). Он принял "в подданство все гетские народы и установил с ними дружбу" (in deditionem aut in amicitiam recepit – SHA: Probi. XVI.3)⁵³. Эти "гетские народы" были поселены на лимесе Нижней Мёзии, соответственно в Малой Скифии. Прокопию известно укрепление на нижнедунайском лимесе под названием Вастёрва. В числе других римских крепостей Бастарна была восстановлена в VI в. императором Юстинианом (Procop. De aedif. IV. 11.20).

Итак, эвакуировав левобережную Дакию, Аврелиан создал на правом берегу Дуная новую провинцию под тем же названием. Здесь было размещено население старой Дакии и ее войска. Правобережная Дакия была позднее разделена на две провинции – Дакия Прибрежная (Dacia Ripensis) с главным городом Ратиарией (совр. Арчар) и Дакия Внутренняя (Dacia Mediterranea) с главным городом Сердикой (совр. София). Легионы Дакии были установлены на лимесе: XIII Сдвоенный – в Ратиарии, V Македонский – в Эске. Часть жителей задунайской Дакии поселились в Далмации и в Верхней Мёзии⁵⁴.

Вопрос о том, каким правовым статусом обладала по отношению к Риму оставленная Дакия, привлекает внимание историков давно. Суть его состоит в том, была ли Дакия уступлена племенам на основе заключенного с ними договора – и тогда Империя, официально отказываясь

от левобережной провинции, теряла на нее юридические права, или произошло фактическое оставление Дакии под нажимом племен и северная граница Империи вернулась на свой естественный водный рубеж – на Дунай. Если же Дакия была предоставлена племенам на юридических основаниях и оговорены условия, на которых теперь она переходила под власть племен, то в этом случае Империя могла бы сохранить за собой часть провинции. Это было необходимо потому, что области левобережной Дакии принадлежали ко всему дунайскому лимесу и, несомненно, находились в сфере интересов Рима. Поэтому некоторые исследователи рассматривают оставленную Дакию как область, фактически принадлежавшую Империи, что усматривается в договоре, который в 332 г. Константин заключил с готами⁵⁵. Полагают также, что оставление Дакии произошло вследствие соглашения, заключенного с готами при Галлиене. Если бы такого соглашения не было, то римское население не могло бы спокойно оставаться в провинции еще 15 лет до того, как оно было выведено Аврелианом в 271 г.⁵⁶ Есть мнение, что правительство Галлиена вело с готами переговоры об условиях, на которых Дакия предоставлялась готам для поселения⁵⁷. Моммзен, например, считал, что большая часть провинции находилась в руках готов уже при Галлиене, а у римлян оставались лишь районы, прилегающие к Дунаю, между р. Тимишем и Дунаем. Этот район – Банат – римляне удерживали до времени Аврелиана. То обстоятельство, что Аврелиан подтвердил права вандалов на северо-западную часть Дакии (нынешнюю Кришану), дает основание полагать, что в руках римлян оставались юго-западные области провинции. Решению императора о судьбе Дакии предшествовало какое-то сражение римлян с вандалами. После безрезультатной битвы Аврелиан разрешил вандалам свободный отход к местам их поселения, снабдив их продовольствием⁵⁸. Следовательно, вандалы завладели оставленной Дакией, дальнейшая битва за обладание которой развернулась теперь среди самих племен. Так, восточногерманское племя гепидов сделало попытку отобрать у готов восточную Трансильванию, но было разбито в верховьях р. Олт, у Гальтиса (Jord. Get. 99)⁵⁹. Под давлением племен император Проб принял на римскую землю часть гепидов, вандалов и грейтунгов (SHA: Probi. XVIII.2).

⁵⁵ Chrysos Ev. Gothia Romana: Zur Rechtslage des Föderatenlandes der Westgothen im 4. Jh. // Dacoromania: Jahrbuch für östliche Latinität. Freiburg; München, 1973. N 1. S. 52 u.fol.

⁵⁶ Daicoviciu C. Einige Probleme der Provinz Dazien... S. 245.

⁵⁷ Mócsy A. Pannonia and Upper Moesia. P. 209.

⁵⁸ Dexip. Fr. 23–24 = FHG. III. P. 685–686.

⁵⁹ Эту битву датируют различно (290 г.; периодом между 260 и 290 гг.; 262 г. и 249 г.). Нет единства и в определении самого места сражения: в верховьях р. Олт, на северо-западе Трансильвании, на севере Молдовы. См.: Schmidt. Die Geschichte der Ostgermanen. 2. Aufl. 1941. S. 307; Diclescu C. Die Gepiden. Leipzig, 1922. S. 33–36; Sevin H. Die Gebiden. München, 1955. S. 31; Horedt K. Lupta de la Galtis linga Auha // Omagiu lui C. Daicoviciu. București, 1960. P. 287–291; Bona I. Gepiden in Siebenbürgen – Gepiden an der Theiss // AAH. 1979. T. XXXI. S. 9 u.fol.

⁵¹ Amm. Marc. XXVII. 5.5; Aur. Vict. Caes. XXXIX.43.

⁵² Amm. Marc. XXVIII. 1.5; Eutrop. IX.25; Aur. Vict. Caes. XXXIX.43.

⁵³ Буданова В.П. Готы... С. 105.

⁵⁴ Alföldi G. Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien. Budapest, 1965. S. 114, 187; Mócsy A. Gesellschaft und Romanisation in der Römischen Provinz Moesia Superior. Budapest, 1970. S. 105, 109.

Константин предпринял попытку расширить римское влияние в оставленной Дакии. В 328 г. был построен мост через Дунай, соединивший Эск с римской крепостью на левом берегу – Суцидавой⁶⁰. Император присутствовал при открытии моста и несколько раз пересек его с демонстрационной целью⁶¹. Однако мост Константина просуществовал недолго. Римская армия императора Валента, выступившая против готов, перешла в 365 г. Дунай по мосту, составленному из судов. При Константине в Суцидаве была перестроена римская крепость⁶². В конце IV в. здесь квартировал отряд легионеров, откомандированных от V Македонского легиона в Эске (Not. Dignit. Or. XLII. 39). Крепость просуществовала до 447 г. и была разрушена гуннами. Восстановленная Юстинианом, она оставалась в руках Византии до времени Маврикия (582–602 гг.). В крепости стояли войска *limitanei*, комплектовавшиеся из племен, союзных Риму⁶³. Константин построил крепость на правом берегу Дуная – Константиану Дафну (*Procop. De aedif. IV.7.7*). В прибрежной полосе левобережной Дакии были возведены крепости Диерна (совр. Оршова) и Дробета (совр. Турну Северин). Римляне удерживали их до времени Феодосия II (408–450 гг.). При Константине был предпринят ремонт римской дороги, соединявшей Суцидаву с Ромулой, что подтверждает мильный столб с упоминанием Константина и его сыновей⁶⁴. В прибрежной полосе Дакии при Константине возобновляется денежное обращение⁶⁵. Рим контролировал прилегающие к Дунаю южные области левобережной Дакии. Этот контроль был необходим в военных целях, а также для обеспечения торговли по Дунаю.

Оставление Дакии не было популярным среди римского общества. Память о завоеванных Траяном за Дунаем землях сохранялась в римской традиции. Мысль о восстановлении римского господства в Дакии циркулировала в народе при Константине. В панегирике, произнесенном перед Константином Хлором, отцом Константина (297 г.), при перечислении побед, достигнутых тетрархами над племенами, сказано о

⁶⁰ *Aur. Vict. Caes. XLI. 18; Epit. de Caes. XLI. 13; Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения. М., 1980. С. 47; *Буданова В.П.* Готы... С. 114–115.

⁶¹ *C. Th. VI. 35; Chronicon Paschale / Ed. Th. Mommsen, P. 233 // MGH. Auctores antiquissimi. B., 1894. II.*

⁶² *Tudor D. Sucidava: Une cité daco-romaine et byzantine en Dacie. Bruxelles; Berchem, 1965. P. 74–78.* Длина этого моста составляла 2400 м.; он был самым большим из мостов античности. Изображение его сохранилось на двух античных медалях. На одной из них изображен пролет моста, по которому богиня Победа ведет за руку императора. Он шествует с копьем наперевес на другой берег Дуная, где сидит коленопреклоненный варвар. Под стропилами моста изображен *Danuvius* – могучее речное божество, почитавшееся в римской среде. Архитектором моста был Теофил, известный конструктор гидравлических сооружений времени Константина (*Tudor D. Sucidava. P. 74–78, 99*).

⁶³ *Idem. P. 77.*

⁶⁴ *Tudor D. Oltenia Romană. București, 1968. P. 506–507, N 188.*

⁶⁵ *Iliescu O. Remarques sur la pénétration de la monnaie constantienne au Bas-Danube // Dacia. 1979. Vol. 28. P. 159 sq.*

восстановлении римской власти в Дакии – *Dacia restituta* (*Panegy. lat. IV.3.6*). Аммиан Марцеллин сравнивает политику императора Юлиана в предстоящей войне с персами с активными действиями Траяна против даков. Юлиан обещал, что покорит персов и восстановит гибнущий римский мир. Тем же словами клялся Траян покорить даков: "Верно, как то, что я увижу Дакию превращенной в провинцию"; "Верно, как то, что я по мосту перейду Дунай и Евфрат" (*Amm. Marc. XXIV.3.9*). Император Юлиан рассказывает, что Константин хотел вновь завоевать Дакию. Как известно, Юлиан не любил своего дядю Константина, и весьма нелестно отзывался о его успехах в Дакии. В своем "Пире богов на Олимпе" он заставил того предстать перед собранием богов, вложив в уста императора фразу, что "хотя он и отвоевал Траянову Дакию, но стыдится предстать перед богами, поскольку обязался выплачивать варварам денежные субсидии" (*Julian. Caesares. 30.11.2*). Константин удержал за Римом лишь прибрежные южные области Дакии. Он заключил с готами в 332 г. договор о мире, чем признавалось существование на Нижнем Дунае самостоятельной политической и этнической общности – народа готов, что отразилось в названии их страны – *Gothia*.

Вопрос о положении племен на левобережье Нижнего Дуная и об их отношениях с Римом исследуется в литературе давно. В свое время Л. Шмидт считал, что следствием договора явилось то, что страна севернее Дуная опять рассматривалась в качестве принадлежности Империи⁶⁶. Как отмечает в наше время Б. Шталькнехт, из источников не следует, что договор 332 г. ставил готов в зависимое положение от Рима⁶⁷. По мнению Ев. Хрисоса, меры, предпринятые Константином на Нижнем Дунае как до заключения мира с готами, так и после него шли в русле его общей политики по восстановлению римского господства в Дакии. При Константине на левом берегу Дуная существовала область, названная Ев. Хрисосом *Gothia Romana*, где в качестве федератов Империи и с согласия императора проживали готы. По договору Константина готы считались подданными Империи, хотя у них не было введено провинциальное управление и им не дано было право римского гражданства⁶⁸. Готы сохраняли самостоятельность лишь в том, что они сами выбирали своих вождей и имели свое собственное право. Образования же провинции на занятой готами территории не произошло, потому что, по мнению Хрисоса, получение готами римского гражданства могло бы повлечь за собой нежелательные для Рима демографические и социальные последствия.

Договор Константина с готами указывал лишь на то, что готы находились под патронатом Рима, а их связь с Империей состояла в соблюдении условий договора о военной защите нижнедунайского лимеса. По отношению к Риму готы заняли положение федератов. В

⁶⁶ *Schmidt. Die Geschichte des Ostgermanen. S. 227–228.*

⁶⁷ *Stallknecht B. Untersuchungen zur römischen Außenpolitik in der spätantike. Bonn, 1969. S. 19.*

⁶⁸ *Chrysos Ev. Gothia Romana. S. 52 u.folg.*

качестве таковых они получали плату за службу во вспомогательных частях. Обязательство римлян поставлять готам продовольствие, как и выплата денежных субсидий вождям и королям готов напоминают нам клиентелу – давнюю практику римлян в отношении племен за лимесом.

Период существования Готии на левом берегу Дуная охватывает почти сто лет. Влияние Рима на этой территории явилось значительным фактом в социальной, культурной и экономической истории готов. Под контролем Рима находилась теперь прилегающая к Дунаю левобережная область⁶⁹. На монетной чеканке Константина 332–334 гг. появляется наименование *Gothia*, что удостоверяет действительное существование за Дунаем государственного образования под властью готов. Поэтому левый берег Дуная получил название *terra Gothica* (*Anon. Vales. Pars Prior. VI.35*). Выпуск монет с легендой: *Gothica* – был демонстрацией верховенства Рима над готами. Монетная чеканка в Августе Треверов (Трир) золотых монет времени Константина с легендой: *Gothia* и *Victoria Gothica*, – а также выпуск золотых медалей монетных дворов Трира и Сирмии с легендой: *Debellatori gentium barbarorum* ("Покорителю варварских народов"), а на реверсе этих монет: *Gothia*, – подтверждает существование этнополитического образования готов. На золотых монетах Константин изображен в военном плаще, с протянутой к воину рукой, которой воин тащит за волосы пленного гота⁷⁰.

По миру с Константином готы получили Трансильванию. В руках римлян находились юго-западные области Баната и южные районы Олтения. Готы и присоединившиеся к ним добровольно или силой другие племена овладели также землями Валахии и Молдавии⁷¹. Хотя

эти земли не входили в состав провинции, но они давно находились в сфере интересов Рима, так что название "Готия" покрывало собой все племена, населявшие этот район или проследовавшие далее на запад.

Дакию заняли три племени: тайфалы, витуалы, тервинги (*Eutrop. VIII.2*). Тервинги были готским племенем и составляли его часть. Термин "тервинги" применительно к готам появляется в сочинениях древних авторов раньше всего⁷². При подходе гуннов к Днестру тервинги Атанариха ушли в лесистые и труднодоступные горные области Дакии (*montes Serrorum*), изгнав оттуда сарматов (*Amm. Marc. XXVII.5.3*)⁷³. Но само название страны, в которой укрылись готы-тервинги – *Caucalandensis locus* (*Ibid. XXXI. 4.13*) – восходит к названию одного из дакийских племен – *καυκἀλάνσιοι* (*Ptol. Geogr. III.8.3*). Оно указывает также на то, что эта местность принадлежала не дакам или сарматам, а народу германского происхождения, ибо ее наименование – *Caucalandensis locus* – сходно с названием страны ругиев за Дунаем – *Rugilanda*, *Rugiland*, что отметил еще Павел Диакон в своей "Истории лангобардов" (I. 19). При подходе гуннов к Дунаю (376 г.) тервинги были приняты в пределы Империи и поселены на землях Малой Скифии и Второй Мёзии. В правление императора Валента тайфалы были размещены на землях италийских городов: в Парме, Мутине и Регии (*Amm. Marc. XXXI.9.4; 5.1*). Дальнейшие перипетии истории готов лежат вне пределов нашего исследования.

После эвакуации Дакии в ней исчезают латинские надписи и отсутствуют другие письменные свидетельства о прежнем населении провинции⁷⁴. Городская жизнь в Дакии замирает. Города перестали

⁶⁹ Вал, известный в литературе как *Brazda lui Novac de Nord*, пересекающий Банат, Олтению и Мунтению по линии от Хинова (юго-восточнее г. Турну-Северин) до Мизил (восточнее Плоешти), длиной около 700 км и высотой 3 м, ров которого был обращен на север, был сооружен при Константине. Он отграничивал присоединенную к Империи область: часть Баната, Олтения, Мунтении и юг Молдовы. Эти действия Константина на Нижнем Дунае находятся в связи с системой валов на Среднедунайской низменности, отгораживающих владения сарматов от земель римлян. И вал Константина в Дакии, и валы в сарматских землях представляли собой дополнительную систему обороны на Дунае. См.: *Comsa M. Zur Romanisierung der Gebiete nördlich der Donau (Muntien, Südmoldau) im 4. Jh. u.Z. // Dacia. N.S. 1965. IX. S. 296–297; Tudor D. Oltenia Romana. P. 431, 560, 562; Soproni S. Limes Sarmatiae // Archaeologiai Értesítő. 1969. 96. S. 53.*

⁷⁰ *Brunn Patrik M. The Roman Imperial Coinage. L., 1966. Vol. VII: Constantinus and Licinius. P. 143 ff., 215 f. N 475, 746, 756.*

⁷¹ С приходом готов связана на Нижнем Дунае культура Сынтана-де-Мурсиш (черняховская), обнаруживаемая во многих местах на востоке Трансильвании, а также на территории Молдовы и Мунтении. Основным компонентом этой культуры считается готский элемент, но в ней отмечается присутствие сарматских черт, культуры карпов и римской провинциальной культуры (Рикман Э.А. Этническая история населения Поднепренья и прилегающего Подунавья в первые века нашей эры. М., 1975; Диакону Г. К вопросу о культуре Сынтана-Черняхов на территории РНР в свете исследования могильника в Тыргвиоре // *Dacia. N.S. 1961. V. S. 415–428; Diaconu G. Archäologische Angaben über die Taifalen // Dacia. N.S. 1963. VII. S. 301–315; Idem.*

Einheimische und Wandervölker in 4. Jahrhundert u.Z. auf dem Gebiete Rumäniens (Tirgisor-Cherasesi-Variante) // Dacia. N.S. 1964. VIII. S. 195–210; Idem. Spätsarmatische Elemente in der Sintana de Mures-Tschernjachow Kultur // Dacia. N.S. 1966. X. S. 357–364.

⁷² Буданова В.П. Готы... С. 147–148.

⁷³ *Cazacu M. "Montes Serrorum": Ammianus Marcellinus. XXVII. 5.3: Zur Siedlungsgeschichte der Westgoten in Rumänien // Dacia. 1972. Vol. XVI. P. 299–301.*

⁷⁴ С тезисом о сохранении за Дунаем романизированного населения связана проблема континуитета – продолжающегося существования прежнего населения на территории Траяновой Дакии после ухода римлян. По мнению румынских ученых, процесс романизации развивался. Вплоть до VI в. население левобережной Дакии поддерживало экономические и культурные связи с южнобалканскими областями Империи. Исследованию этого вопроса посвящено множество работ. Назову некоторые из них: *Dacovicu C. Siebenbürgen im Altertum. Bukarest, 1943. S. 193, 202–203, 210 u.fol.; Idem. Problema continuității în Dacia // AIS. (1936–1940). III. Cluj, 1941. P. 200–280; Macrea M. Monetele și parasirea Daciei. P. 271–305; Protase D. Considération sur la continuité des daco-romains en Dacie post-Aurélienne à la lumière des recherches archéologiques et numismatiques // Dacia. N.S. 1964. VIII. P. 177–193; Idem. Problema continuității în Dacia în lumina arheologiei și numismatice. București, 1966. P. 207–234; Comsa M. Zur Romanisierung der Gebiete nördlich der Donau... S. 283–298; Istoria României. I. București, 1960. P. 352, 465, 467, 530; Popescu E. Das Problem der Kontinuität in Rumänien im Lichte der epigraphischen Entdeckungen // *Dacoromania: Jahrbuch für östliche Latinität. München, 1973. N 1. S. 69–77; Horedi K. Das archäologische Bild der romanischen Elemente nach der Räumung Dakien. S. 135–148; Tudor D. Preuves archéologiques attestant la continuité de la domination romaine au nord du Danube après**

быть экономическими и культурными центрами. Не были они и средоточением торговли и ремесла. Специализированное ремесленное производство, которое в Дакии достигло высокого уровня, прекратило существование. Господствующее положение готов на левобережье Нижнего Дуная удерживалось до нашествия гуннов, которое принесло на Дунай новую расстановку сил в племенном мире. После этого левобережная Дакия выпадает из поля зрения римских историков. Интерес к задунайским областям возникает лишь в византийское время и связывается с приходом на Дунай славянских племен.

* * *

Итак, мы рассмотрели историю племен и народов на дунайском лимесе, на большом отрезке времени – от I в. до н.э. до конца IV в. н.э. и на огромном протяжении от течения Верхнего Дуная до впадения его в Понт. Перед нами разворачивается грандиозное полотно событий и войн Рима с племенами, а также войн племен с Римом начиная от союза племен свевов и кончая объединением племен под властью готов. Племена постоянно перемещаются с севера и востока Европы, меняя ее демографическую, этническую и историческую карту. В ходе самого этого движения внутри племен бурлят процессы социально-экономического характера, обусловленные влиянием Рима и самим историческим развитием. Многовековое противостояние Рима и мира племен склоняло чашу весов то на одну, то на другую сторону, но заканчивалось для Рима плачевно, когда под напором племен от него была отторгнута целая область на Нижнем Дунае – провинция Дакия. И это был закономерный результат возросшего воздействия племен на Рим, который начался задолго до того, как Империя была вынуждена отступить под давлением племен и принимать в свои пределы отдельные группы варварских народов. Перемещение племен, их контакты и с Римом, и с другими племенами, носившие вначале как бы случайный характер, на самом деле подчинялись объективным внутренним законам племенного мира, обусловленным физической (грубой) и моральной силой племен. Первое и внушительное пробуждение потаенных сил племен было связано с Ариовистом. Тогда появляются в письменной истории и племена свевов-маркоманнов, определившие позднее ход внешнеполитической борьбы и на Рейне, и на Дунае, да и в пределах всей Империи.

В целях обеспечения своего господства на Дунае римляне явочным порядком, методом проб и ошибок (одной из которых был крах грубого воздействия на племенной мир в Тевтобургском лесу), выработали тактику создания вокруг своих границ "санитарного кордона" из "клиентских государств", полагая, что это лучшие способы обезопасить ее. И в течение почти двух первых веков существования Империи дунайская граница была прикрыта системой таких "государств". Но во время Маркоманнских войн она была прорвана валом нашествия

варваров на всем ее протяжении. Последствия этих войн для римского общества и для жизни дунайских провинций оказались губительными. Войны привели к изменению этнического состава населения городов Дунайских провинций, куда хлынул поток колонистов с Востока. Это будет видно на примере городов Дакии. Не случайно, Маркоманнские войны, продолжавшиеся 14 лет, сравнивались Евтропием с Пунической войной, надо думать – по печальным последствиям. Экономический подъем городов на Дунае был в правление Северов явлением временным.

Завоевание Дакии Римом и последовавшее затем отступление римлян были результатом внешней политики Рима, только в одном случае эта политика оказалась успешной, в другом – привела к отходу римлян перед племенами. Будучи по сути дела римским анклавом в варварской среде, Дакия осталась таковой, хотя ее влияние на соседний варварский мир было огромным. Новое переселение племен заставило римлян отказаться от сферы своих интересов за Дунаем и оставить всю провинцию. Слабым соседом показала себя здесь Римская империя. И она сдала свои позиции перед варварским миром. Граница вернулась на свой водный рубеж, на Дунай. На этой границе стояли теперь новые племена – готы и гунны.

l'abandon de la Dacie sous Aurélien (III-Ve siècle) // Ibid. P. 144-161; Barzu Ligia. Continuitatea populatiei autohtone in Transilvania in secolele IV-V. București, 1973.

РИМСКИЙ ГОРОД И ТОРГОВЛЯ НА ДУНАЙСКОМ ЛИМЕСЕ

Глава VI

ТОРГОВЛЯ РИМЛЯН С ПЛЕМЕНАМИ НА ДУНАЕ И РЕЙНЕ

Отношения римского мира и мира племен раскрываются не только в военных конфликтах, но и в торговых и культурных связях. Эти связи с течением времени меняли свое содержание и объем в зависимости от общего уровня развития племен, а также от специфики конфликтов среди племенного мира, в которые нередко втягивался Рим. Но главным и основным условием для развития торговли было наличие мира на границах Империи. Для племен торговля была настолько значима, что она не прекращалась даже во время внешних осложнений, ибо существовала прямая связь торговли с войной. На войне в сущности происходило перераспределение продуктов труда, добываемых посредством захвата городов, увода населения в плен, угона военной добычи. Эту связь войны и торговли прекрасно понимали древние. Заканчивая победоносный поход, римляне заключали мир, целью которого было не только умиротворение племен, но и обеспечение торговых связей, ибо торговля понималась как средство поработить страну. По словам Плиния Старшего, римские полководцы всегда и во всех войнах имели в виду заботу о торговых делах (*Romani duces semper in bellis commercium habuere curam* – *Plin. NH. XXVI.9*). Завоевание страны означало овладение ее рынками. Тацит замечает, что доступ к портам Гибернии (Ирландии) известен благодаря торговле римских купцов (*aditus portasque per commercia et negotiatores cogniti* – *Agr. 24*)¹.

¹ Мы не касаемся здесь общей темы о выгоде для римлян торговли и войны. Эта тема всеобъемлюща, разрабатывалась и в древности, и в наше время как философами, так и политиками. Достаточно сослаться на некоторые работы наших ученых, где оценивается торговля и губительная сила денег и золота, которой можно прикрыть все человеческие несчастья. См., например: *Зельин К. К.* Исследование по истории земельных отношений в Египте II–I вв. до н.э. М., 1960; *Токмаков В. Н.* Военная организация Рима Ранней республики (VI–IV вв. до н.э.). М., 1998. Вспомним и слова Саллюстия: "Ведь у римлян есть лишь одно и притом давнее основание для войн со всеми племенами,

Но, чтобы начать рассмотрение института торговли и особенностей, которые она имела в римском мире, мы должны кратко остановиться на правовых основах заключения торговых сделок римлян с племенами.

Торговля с племенами в завоеванной стране была возможна, если существовал какой-то договор о дружбе. Понятие "дружба" было римской правовой категорией, хотя само оно возникло под влиянием греческой правовой мысли и действовало применительно к государственным структурам эллинистического мира. Слово "дружба" означало политические связи, существовавшие с другими государствами. Договор о "дружбе" заключался между римским народом и сенатом с царем или вождем чужеземной общины. Договор предусматривал, как правило, предоставление царю или вождю права римского гражданства. Он давал также возможность посылать царских детей в Рим для получения образования. Договор о "дружбе" рассматривался как средство удерживания во власти Рима того или иного народа, являясь выражением внешней политики Рима². Обязанности "дружбы" носили скорее нравственный характер. Они были сходны с обязанностями гостеприимства, когда одна община брала на себя обязательства морального характера в отношении другой. Племенами "дружба" понималась как "защита и украшение", полученные от Рима, что возвышало их в глазах соседей: "А звание друзей и союзников римляне дают в виде особой чести и лишь тем царям, чьи заслуги перед Римом велики и значительны"³. "Дружба" являлась результатом невраждебных отношений Рима с другими государствами⁴. Договор о "дружбе" вряд ли сопровождался клятвой, но он фиксировался документально, ибо на "дружбу" требовалось согласие всей римской общины в лице сената.

Применительно к западным племенам "дружба" с царями предшествует *deditio* – сдаче на милость победителя с выдачей общиной оружия. После этого акта могли заключаться любые договоры. Такое условие, как *deditio*, имело место обычно в западных провинциях. "Дружба" с тем или иным народом могла заключаться лишь после победы над ним. Здесь цель договора о "дружбе" состояла в умиротворении племени и приобщении его к римским порядкам. Поэтому право римского гражданства, предоставленное царям или вождям общины, имело для них немалое значение, ибо право "дружбы" давало царям возможность вести свою политику. Так, вожди фризов, обитавших на Нижнем Рейне, Веритт и Малориг, находились под защитой римской "дружбы" (*amicitia Romana praecellerunt*). Они имели право римского гражданства, полученное от Нерона (*Nero civitate Romana ambos*

народами, царствами – глубоко укоренившиеся у них желание владычества и богатства" (*Sall. Hist. Fr. 6. Пер. В. Горенштейна*).

² Braund D. Rome and the Friendly Kings: The Character of the Client Kingship. L., 1984. P. 3 ff., 39 ff.

³ *Caes. BG. I.44; Liv. XXXI.11.16.*

⁴ *Каццен В. М.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н.э. М., 1993. С. 221 и след.

donavit – Tac. Ann. XIII. 54). Но захват фризами земель амписвариев, также находившихся на положении "друзей" римского народа, воспринимался Римом как нарушение прав заключенной с ними "дружбы" (Ibid. 56). Этот пример с фризами, когда амписварии были изгнаны ими со своих земель, показывает, что "дружба" для племенного мира была еще явлением новым, не регулирующим отношения племен. Народы, вступающие в "дружбу" с Римом, полагались совсем на иные отношения, сложившиеся у племен издавна. Эти отношения выступают часто как связи племен, основывающиеся на гостеприимстве, на обычном праве народов. Связи гостеприимства сохранялись навечно, так как были основой и международного права племен.

На "дружбе" с римлянами основывалась и торговля, которая была средством проникновения римлян в племенную среду. По словам Диона Кассия, римляне пришли в страну германцев ради установления торговых связей (Dio Cass. 53. 26.4). Племена (οἱ βάρβαροι) научились устраивать рынки и созывать собрания с мирной целью (καὶ ἀγορὰς ἐνδομῶν συνόδους τὲ ἐρηκίκας ἐποιοῦντω). Впрочем, добавляет он, они не забыли своих отеческих обычаев и нравов, своей былой независимости и могущества, добываемого прежде силой оружия (Ibid. 56. 18.1–3).

Подобная политика проводилась и относительно племен Британии. Страбон сообщает, что вследствие заключенной Августом в 27 г. до н.э. "дружбы" с британскими царями, весь остров фактически сделался достоянием римлян (Strabo. IV.5.3). В "Деяниях Августа" также говорится, что при британском царе Думнобелавне была заключена "дружба" с Римом, подкрепленная союзом. Британцы прислали посольство в Рим и посвятили дары в Капитолий. Вступив в "дружбу" с Римом, племена заключили торговое соглашение, ибо "дружба" с племенами была первым условием для ведения торговых дел с Римом (legationum et amicitiae commercium – RGDA. XXXII.3). Британцы разрешили римлянам беспопышную торговлю товаром, ввозимым в страну и вывозимым из нее. Причем, замечает Страбон, "они легко выносят тяжесть торговых пошлин". Употребление им слов εἰσάγω (ввозить), ἐξάγω (вывозить), τίλος (пошлина) характерны, например, для декретов эллинистических полисов Северного Причерноморья.

Право "дружбы" давало возможность римским торговцам посещать ту страну, которая фактически еще не находилась под властью Рима. Известно, что торговцы (mercatores, lixae) часто сопровождали римское войско Цезаря. Они выступают и как торговцы, и как разведчики, а также в качестве переводчиков (Caes. BG.I.39.1; IV.21.5). Торговцы не только покупают у легионеров рабов, доставшихся в качестве добычи, но продают товары римлянам, а также самим племенам (Ibid. IV.2.1; 33). Пересекая земли племен, римские купцы должны были платить им торговые пошлины (Ibid. III.1.2). Торговцы часто были первыми, кто погибал во время беспорядков. Так, при Тиберии, во время восстания галльских племен под главенством Юлия Флора и Юлия Сакровира (оба имели римское гражданство – Romana civitas olim data), первыми были убиты римские купцы (Tac. Ann. III.40–42; Caes. BG. VII.3.1; 37.2; 42.5;

55.5). В стране батавов во время восстания Цивилиса римские торговцы бродили как во время мира (dein vagos et pacis modo effusos lixas negotiatoresque Romanos invadunt) (Tac. Hist. IV.15; 22). Торговые отношения Рима с батавами покоились на основе давнего союза с ними (neque enim societatem) (Ibid. 14). На условиях мирного договора (conditionibus aequis) (Tac. Ann. II.45–46) были разрешены торговые дела римлян и маркоманнов. Договор, заключенный в 6 г. н.э. с царем маркоманнов Марободом, позволил римским торговцам буквально хлынуть в его страну. Их привело сюда, как сказал Тацит, право торговли (ius commercii), жажда увеличивать прибыль и забвение родины (Ibid. 62).

Пользуясь "дружбой" и союзом с Римом, римские купцы обосновывались в I в. на рейнской, дунайской и британской границах. Торговцы известны в надписях из городов Реции и Паннонии как cives Transalpinii, cives Agrippinenses, cives Romani negotiatores Brigantinienses⁵. В Британии, в Лондини, городе, который еще не имел статуса колонии, проживало множество торговцев (copia negotiatores) (Tac. Ann. XIV.33).

Что же представляла собой торговля римлян и варваров с правовой точки зрения и на какой юридической основе она производилась? Ульпиан определяет торговлю как право что-либо покупать и продавать друг другу⁶. Торговля (commercium) была актом манципации – римский институт, когда в собственность переходит земля или любая другая недвижимость. Правом манципации обладали римские граждане, граждане латинских колоний, латины-юнианы и те перерогини (чужеземцы), которым дается право торговых сношений (peregrinos, quibus commercium datum est – Ulp. Fr. XIX.4). Следовательно, племена попадают в разряд перерогини, имеющих право торговли. Торговые операции могли совершаться по римскому праву (ius civile) и по международному праву, т.е. по праву племен (ius gentium). Договаривающиеся стороны вступают в соглашение друг с другом о продаваемом товаре в силу взаимного доверия в совершенной сделке (bona fide). Сделка римлян с племенами совершалась по согласию договаривающихся сторон: она происходила под защитой права взаимного доверия и предполагаемого обоюдного интереса ее участников в совершении сделки. Ульпиан поясняет, что в его время были упрощены условия при совершении торговых операций. Устные обязательства (verborum obligatio) между двумя сторонами могут заключаться не только на латинском языке, но и на других – греческом, пунийском, ассирийском, если эти языки понятны лицам, вступающим в соглашение, и если правильно сделан перевод. Соглашение действует тогда, когда язык понятен договаривающимся и правилен перевод (D. XLV.1.6).

⁵ Rostovtzeff M. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Leipzig, 1929. Bd. I. S. 58. Anm. 33–34; S. 263–264; Nagy L. Cives Agrippinenses aus Köln // Germania. 1931. Bd. 15. S. 260 u. folg.; Fremersdorf Fr. Rheinische Export nach dem Donauram // Laureae Aquincenses. 1938. Bd. I. S. 168 u. folg.; Charlesworth M.P. Trade-Routes and Commerce of the Roman Empire. N.Y., 1970. P. 43, 123, 145–146, 173 ff.; 184 ff.

⁶ Памятники римского права: Пер. Е.М. Штаерман. М., 1998. С. 190–191.

Купля-продажа между племенами и римской стороной осуществлялась тогда, когда обе стороны договорились о цене (*de pretio convenerit*). Каждый продаваемый и покупаемый товар был оценен в деньгах. Средством платежа служили римские деньги (*rescupia*), которые были хорошо известны племенам. Находимые при раскопках на левом берегу Дуная и правом берегу Рейна римские монетные клады свидетельствуют, что племена отлично разбирались в реальной стоимости денег. Они охотно брали в обмен на товары полновесную серебряную монету (*bigatae* и *segtati*) – денарии позднереспубликанской эпохи (*Tac. Germ.* 5)⁷. Вес и стоимость серебра в таких денариях была много выше, чем в посеребренных денариях Нерона чеканки 63 г. н.э.

Торговля, как и армия, нуждалась в переводчиках. Переводчики упоминаются в литературных источниках, а также в латинских надписях. Во время Цезаря в его войске в качестве переводчиков с галльского языка выступали галлы, имевшие право римского гражданства. Были переводчики и с германских языков (*Caes. BG.* I.53.6; V.36.1). Один из них, Марк Меттий, был другом и "гостем" Цезаря (*suum familiarem et hospitem*) (*Ibid.* I.53.6). Известны переводчики с иллирийского языка (*Polyb.* XXVI.8). Действовали и переводчики с германского (*CIL.* III.10505), сарматского (*CIL.* III.14349) и дакийского языков⁸. В надписи начала III в., упоминающей переводчика с дакийского языка, речь идет, возможно, не о языке даков, но о диалекте дакийского языка, ибо известны многие племена даков (*Dacorum gentes*). Переводчики носили императорские имена и, возможно, были местными уроженцами. Известен Марк Аврелий Флав, *interpres Germanorum*, и Марк Ульпий Целерин, *interpres Dacorum*. Квинт Атилий Прим был переводчиком, возможно, с кельтского или венетского языка⁹. Служивший центурионом XV Аполлонова легиона, он стал после отставки торговцем. Название его трибы – *Veturia tribus*, к ней принадлежала Плаценция, которая в древности была заселена венетскими и кельтскими племенами. Прозвище сына переводчика – Когитат, редкое в Паннонии, но часто встречающееся в Норике, а также должность переводчика (*interpres legionis XV Apollinaris*) и то обстоятельство, что после отставки Атилий Прим поселился в канаве Карнунта, где стал торговцем (*negotiator*), свидетельствует о связи торговли с его обязанностями. Переводчики известны для дунайского лимеса Нижней Панно-

нии¹⁰. Деятельность торговцев, действовавших за Дунаем, порой оканчивалась для них плачевно. Так, из Бригециона дошли сведения о торговцах, погибших от рук варваров: *occiso a barbaris* (*CIL.* III.13405; 11045).

Постоянные и хорошо оплачиваемые переводчики состояли в штате наместника провинции в качестве фрументариев и бенефициариев. Они назывались *interpres officii consularis salariarius legionis*. В IV в., когда власть Рима в Придунайском регионе была почти утрачена, продолжала существовать специальная военная должность (*comes commerciorum per Illiricum*), в ведении которой находилась пограничная торговля Иллирика. Под началом *magister officiorum* состояли переводчики для всех племен западной половины Империи (*interpretes omnium gentium*) (*Not. Dign. Occ.* IX.46; XI.52) и переводчики ее восточной половины (*interpretes diversarum gentium*) (*Ibid.* XI.5.2).

При этом следует учитывать и "побочную" сторону их деятельности. Поскольку они имели доступ к племенам за лимесом, то нередко выполняли и разведывательную работу, выясняя обстановку в мире племен. Постоянно приходилось сдерживать и ответный шпионаж со стороны наседавших на Рим народов, который существовал всегда. Об этом сообщают Дион Кассий и Аммиан Марцеллин, а для более позднего времени – Кодекс Юстиниана. Так, из Диона Кассия известно, что при заключении перемирий с племенами во время Маркоманнских войн одним из условий оговаривалось право римлян запретить членам племен посещения римских торжищ из опасения, что стекавшиеся на лимес варварские торговцы и лазутчики могли разузнавать о состоянии дел в провинциях, в том числе о положении с продовольствием (*Dio Cass.* 71.11.3).

Возможно, переводчики по характеру своей деятельности и по самой сути восходят к обычаю гостеприимства¹¹. Значение слова *interpres* как "толкователь, посредник, переводчик" связано с определением цены (*pretium*) на продаваемый товар. Цена товара определялась в результате спора между продавцом и покупателем – отсюда само слово *interpres*, состоящее из предлога *inter* (между) и существительного *pretium* (цена)¹².

Римская торговля в придунайских землях возникла задолго до того, как они были присоединены к Риму. Экономическое проникновение римлян в области Верхнего и Среднего Дуная началось много ранее, чем была основана в 181 г. до н.э. на северо-востоке Италии колония Аквилея. Область кельтов и соседних венетов служила рынком как для самих венетов, так и для кельтских и иллирийских племен. Из Аквилеи направлялся поток товаров в Норик и в другие дунайские

⁷ Казаманова Л.Н. Введение в античную нумизматику. М., 1969. С. 68, 76. Позднереспубликанский тип монет назывался "бигаты" и "серраты", поскольку на их аверсе чеканилась богиня Рома, а на реверсе – Победа с пальмовой ветвью на колеснице с упряжкой пары лошадей или изображались Диоскуры. *Bigae* – колесница с упряжкой двух коней. Серратами назывались монеты с зазубренными краями, специально наносившимися при чеканке.

⁸ *Barkóczy L.* Ein dakischer Dolmetscher aus Brigetio // *Archeologiai Ertesítő.* 1947. P. 35. S. 184–192; *Oliva P.* Pannonia and the Onset of Crisis in the Roman Empire. Pr., 1962. P. 168.

⁹ *Kolnik T.Q.* Atilius Primus – *interpres centurio und Negotiator* // *Acta Acreh. ASH.* 1967. Bd. 30, 1/2. S. 61 u. folg.

¹⁰ *Mócsy A.* Pannonia and Upper Moesia. L.; Boston, 1974. P. 199.

¹¹ *Литавэр Я.* Общественное гражданское право в Древнем Риме // Юридический вестник. М., 1892. Т. XI, кн. III–IV. С. 363–365.

¹² *Laténisches Etymologisches Wörterbuch* // Ed. A. Walde. 4. Aufl. Heidelberg, 1967. Bd. II. s.v. *pretium*; *Дыдынский Ф.* Латинско-русский словарь / Под ред. Л.Л. Кофанова. М., 1997. С. 293.

земли¹³. О времени около 150 г. до н.э. Страбон, ссылаясь на Полибия, сообщает, что племя таврисков взялось разрабатывать совместно с римскими дельцами золотой рудник напротив Аквилеи, в долине Верхнего Лаванта. Добываемое золото поступало в Италию, что привело к падению его цены на 1/3. Тавриски отказались продолжать разработку рудника с римлянами: "Теперь все золотые рудники принадлежат римлянам" (*Strabo*. IV.6.12).

В колонизации Норика и в экономическом освоении его богатств сыграл немалую роль римский капитал, и в частности торговый дом Барбиев. Этот род вначале был землевладельческим и вел свое происхождение из Средней Италии¹⁴. Его представители приняли деятельное участие в колонизации Аквилеи и самого Норика. В Норике Барбии появились во времена Суллы и занимались преимущественно торговой и ремесленной деятельностью. Одна из самых ранних надписей этого времени содержит упоминание об отпущенниках Барбиев, действовавших в римской торговой фактории, в поселении на Магдаленсберге (близ совр. Клагенфурта), где находилась столица царства Норик – Норейя¹⁵. Но свидетельства более выразительные и многочисленные указывают на широкие связи Норика с римскими торговцами еще до обращения царства Норик в провинцию. Уже в 120 г. до н.э. царство Норик заключило с римлянами договор о союзе и дружбе. Это сделало возможным поселение римлян на Магдаленсберге. Римляне нашли здесь население, которое уже столетиями находилось в торговых и культурных связях с народами Северо-Западной и Восточной Европы, а также с областями восточнее Альп. Население Норика, вступившее тогда в торговлю с римлянами, знало не только латинский язык, но и норический, или венетский¹⁶. Судя по именам лиц, приезжающих в Норик, они были торговцами из Северной и Южной Италии, из города Рима, из Африки и, возможно, с Востока. Продавцами товаров были местные уроженцы Норика. Сами изделия были из железа или из бронзы. Владельцы лавок и их посетители оставили свои имена в посвящениях Меркурию. Местные лица носили кельтские, венетские, иллирийские имена, такие как Адгонет, сын Виндила, Веркай, Камай, Камолий, Аптомар, Авзобий¹⁷. Надписи из Магдаленсберга были опубликованы, прочитаны и комментированы Р. Эггером.

Поселение на Магдаленсберге оставалось главным административным, торговым и культурным центром Норика с середины I в. до н.э. и до середины I в. н.э. Здесь при Августе был построен ряд зданий общественного значения. Раскопки открыли большое здание с абсидой и 15 нишами в стене, которое, как считают, было местом представительства племен и его архивом. Августу, его дочери Юлии и его жене Ливии поставили посвящение в период 11–2 гг. до н.э. следующие племена: амбидравы, амбилины, амбизонты, гелветы, лайянки, норики, севаты, упераки¹⁸. Эти племена называет Птолемей: севаки, алавны, амбизоны, норики, амбидравы, амбилики (*Geogr.* II.13.2). Племя севатов и лайянков образовало в I в. в Норике одну общину – *civitas Sevatum et Laiancorum* (CIL. V.1838). Посвящение богине племени алавнов (*sacrum Alonnarum*) (CIL. III.5572) свидетельствует о существовании в Норике этого племени. Архив племен и сделанные посвящения императорской семье Августа свидетельствуют об уважении к традициям Норика и одновременно о тесных экономических связях Норика с Римом.

В поселении на Магдаленсберге раскопки открыли торговую площадь, окруженную лавками. Первые кварталы рынка были построены из дерева, затем они были переоборудованы в каменные помещения с погребями, где хранились товары¹⁹. Большого развития это поселение достигло после присоединения царства Норик к Риму в 15 г. до н.э. Торговый квартал функционировал с 35 г. до н.э. по 45 г. н.э.: в правление Клавдия подвалы лавок были засыпаны. Тогда же прекратило свое существование само поселение на Магдаленсберге. В двух из подвальных помещений были обнаружены ниши культового назначения, где стояли статуэтки Меркурия. Одну из ниш владелец лавки сделал собственноручно (*sua manu fecit*) и посвятил Меркурию, оставив свое имя – Луций Оппай Веррукоз. Обе ниши покрыты надписями. Всего в нишах, на стене и на гирях – 341 надпись, из них 41 – на гирях. Надписи представляют собой записи торговцев по случаю совершенной покупки и приношения Меркурию. Они выполнены курсивом времени конца Республики – начала Империи. Сохранилось множество рабских имен и прозвищ отпущенников, а также 19 римских родовых имен, из которых 11 принадлежат известным родам Рима. Приведем некоторые из надписей.

Посвящение Меркурию показывает, что продавали в Норике и что покупали, масштабы закупок и дальность расстояний, которые приходилось преодолевать торговцам, причем сам переезд через Альпы был далеко не безопасен (*Strabo*. IV.6.9). Например, некий торговец Прокул предпринял путешествие, вопросив бога (т.е. Меркурия); *Proculus otaculem petens*²⁰. В надписи на гире упомянуто о покупке неким Сурулом 575 крюков (таб. XXI, № 334). В одной из записей упоми-

¹³ Alföldi G. *Noricum*. L.: Boston, 1974. P. 38 ff; Schöber A. *Die Römerzeit in Österreich*, Baden bei Wien. S. 7–8; Polaschek E. *Noricum* // RE. 1936. Hbhd. XXXIII. S. 976, 987–988.

¹⁴ Šašel J. *Barbii* // *Eirene: Studia graeca et latina*. Pr., 1965. V. S. 117–137.

¹⁵ Egger R. *Die Stadt auf dem Magdalensberg ein Grosshandelsplatz* // Österreich. Ak. d. Wiss. Philos.-hist. Wien, 1961. Bd. 79. S. 26; Vitters H. *Die Personennamen von Magdalensberg* // *Carinthia*. 1954. Bd. 144. H. 1–3. S. 33.

¹⁶ Egger R. *Die Stadt...* S. 33.

¹⁷ Šašel J. *Heldiguns norischer Stämme am Magdalensberg in Kärnten* // *Historia*. 1957. Bd. 16. S. 70 u. folg.; Egger R. *Führer durch die Ausgrabungen und das Museum auf dem Magdalensberg*. Klagenfurt, 1955. S. 24; Polaschek E. *Noricum* // RE. Stuttgart, 1936. Bd. XXXIII. Col. 977–978, 1015.

¹⁸ Šašel J. *Huldigung...* S. 68 u. folg.

¹⁹ Egger R. *Die Stadt...* S. 1–36; *Idem*. *Die Ausgrabungen auf dem Magdalensberg* // *Carinthia*. 1952. Bd. 142. S. 171; *Idem*. *Führer...* S. 33, 41; Alföldi G. *Noricum*. P. 45 ff.

²⁰ Egger R. *Die Stadt...* S. 28. Taf. VIII. N 124.

нается место происхождения этого торговца: "Сурул из Волубилиса купил 550 колец" (таб. V, № 81). (Город Волубилис находился южнее современного Танжера, в Марокко.) Из Волубилиса происходил и торговец с именем Орозий. Этот Орозий купил 110 бронзовых подносов для сервировки стола (таб. XV, № 218). Он оставил надпись и на гире, сообщающую, что он купил 560 колец и 560 крюков (таб. XXII, № 332). Назван торговец с именем Оденат. Некто Оробий, входивший в группу купцов, оставил семь записей. Он покупал подносы, кольца и крюки. Руск из Бононии, которого Р. Эггер считал кельтом из племени бойев, приобрел 15 наковален, весом в 25 римских фунтов каждая (таб. II, № 34). Этот торговец из Бононии упомянут еще раз (таб. XII, № 170). Из города Ветулонии приехал Авл Понтий со своим сыном Публием Виталионом и некими Фирмином, Килоном и Вергилианом (таб. II, № 30). В записях указаны города Лация – Верулы, Ланувий, Анксур, а также Аквилея. Упомянуты торговец из Бантии в Лукании, торговцы из самого Рима.

Кроме тазов, крюков, колец, скоб, наковален, мотыг, топоров, подносов для сервировки стола приобретались также бронзовые кувшины для жертвоприношений. В большинстве своем изделия изготавливались из железа. В Норике оно отличалось высоким качеством, приближаясь по своим свойствам к стали. Можно вспомнить, что Трималхион хвалился перед своими гостями тем, что у него были ножи из норийского железа, остроту которых он предложил испробовать гостям на их щеках²¹. Превосходные норийские мечи упоминают Гораций и Марциал²². О прекрасных качествах железа Норика писал и Плиний Старший²³. Торговая сделка заканчивалась или начиналась посвящением Меркурию. Торговцы приезжали из городов Италии группами или в одиночку, покупали товары поштучно или на вес, для чего служили большие гири. На одной из гирь сохранилось имя владельца лавки – Публий Постумий Фреквент.

Помимо торговых сделок в Магдаленсберге производились также финансовые операции. Среди записей есть заметки о деньгах, взятых в долг, и о товарах, приобретенных в кредит. Неким Омбрионом было куплено в кредит 355 мотыг. В кредит Руску, которого мы уже упоминали, было отпущено 500 изделий какого-то товара. Филен из Рима купил на "чистое золото" (*aurum bonum*) 393 мотыги. Вес товара, приобретенного человеком из Рима с греческим именем Филен, превышает тонну – 1375,5 кг. Торговец из Ланувия взял в долг деньги со вторых календ февраля до календ июля, т.е. с 31 января по 1 июля (таб. XIII, № 191). Были взяты в долг деньги с 1 мая до 29 июня (таб. XIV, № 203). Оставлена запись о деньгах, взятых в долг до октябрьских ид, и о деньгах, взятых до сентябрьских ид. Займы денег давались под проценты. Торговая и ростовщическая

деятельность на Магдаленсберге не ограничивалась летом, но проходила и осенью, и зимой.

Толкуя выражения *aurum bonum*, Р. Эггер заметил, что записи по этому поводу свидетельствуют об обменных денежных операциях, ибо в самом Норике в качестве денег обращались серебряные монеты²⁴. Суммы денег в золоте, предназначавшиеся для оплаты сделок, хранились и перевозились в специальных мешках, опечатанных этикетками-тессерами, удостоверявшими содержимое. На тессерах упоминалось имя доверенного лица, ведущего операции. Для Норика известны этикетки I в. с итальяскими именами Альбиев, Каскеллиев, Коминиев, Галлиев, Олиев, Помпониюв, Стлакциев, Ветуриев.

Торговали с кельтами и римляне, и иллирийцы, и венеты. Их кельтские или венетские имена как поставщиков норических товаров сохранились в записях: Адгонет, сын Виндила; Атомар, Авзобий, Акутул, Камай, Консий, Камолий, Карпилион, Боноз, Пиз, Тавл, Веркай, Виргул.

В торговых и ростовщических операциях принимали участие представители известных римских родов: Альбии, Аврелии, Арулены, Квинкций, Корнелии, Юлии, Юнии, Фламинии, Эмилии, Элии, Овидии. В руках представителей ведущих родов Рима в период с конца I в. до н.э. по первую половину I в. н.э. был сосредоточен большой капитал, который, как полагал Эггер, искал применение в восточноальпийских областях. Известно, например, сообщение Плутарха об огромном состоянии Красса, который оплатил долги Цезаря на сумму в 830 талантов, когда тот должен был ехать в Испанию (*Plut. Caes.* 11). Дочь Тита Виния, префекта претория при Гальбе, получила в подарок от Тигеллина 250 тыс. драхм и ожерелье, стоившее 150 тыс. драхм (*Plut. Galba.* 17). Цицерон сам писал, что только по завещаниям от своих друзей он получил больше 20 млн сестерциев (*Cic. Philip.* II.40). Эту сумму можно сравнить с состоянием Пасиена Криспа, женатого вторым браком на Агриппине Младшей, матери Нерона; оно доходило до 2 млн сестерциев (*Suet. De vir. ill. Passim; Nero.* 6.1).

Разумеется, надписи из Магдаленсберга не могут служить типичным примером подобных состояний римского общества в середине I в. Но они подтверждают, что среди представителей сенаторского и всаднического сословия были лица, которые участвовали в крупных торговых операциях Норика. Так, в Юлии Александре Р. Эггер видел известного банкира Александрии, брата философа Филона. Александр управлял египетскими имениями Антонии Младшей, невестки Тиберия. Она была замужем за его братом, Цезарем Друзом, погибшим в 9 г. до н.э. в войнах Рима за Рейном. Антония Младшая была также и матерью Германика. Имя Арулен носил известный стоик Квинт Юний Арулен Рустик, издавший "Похвальное слово" Тразее Пету и погибший в правление Домициана. Из рода Альбиев происходила мать импе-

²¹ *Petron. Satiric.* 70.3.

²² *Hor. Od.* I.16.9; *Epod.* XVII.71; *Mart.* IV.55.12.

²³ *Polaschek E. Noricum.* Sp. 1041, 1043.

²⁴ Выражение *aurum bonum* Р. Эггер, ссылаясь на Цицерона (*De off.* III.23), понимал как золото высокой пробы.

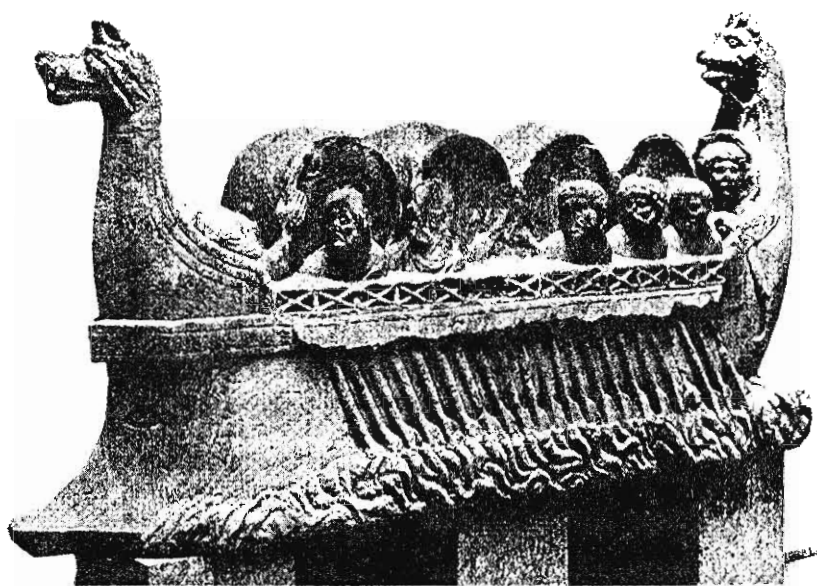

Рис. 10. Речное судно, груженое бочками с вином. III в. Трир

ратора Отона – Альбия Теренция (*Suet. Otho. 1.3*). Для Альбиев известен их раб, Акаст. Его имя было написано на костяной пластинке-тессере от денежного мешка. Сохранилось упоминание о другом рабе Альбиев – Букционе²⁵. Имя Альбия Сабина носил сонаследник Цицерона, просивший того продать причитавшуюся ему часть наследства (*Cic. Ad Att. XIII.14; XIV.18.20*). Некий Альбий назван как друг известного в Риме авгура Квинта Сцевола в трактате Цицерона "Об ораторах". Альбий упомянут и у Горация как собиратель сокровищ (*Hor. Sat. 1.4.28*) и как сын обедневшего отца (1.4.109). В записях на Магдаленсберге оставили свои имена и Элии. Это был плебейский род, получивший известность во времена Империи. Некий Элий вырезал свое имя на гире. Номен Эмилиев заставляет думать об отпущенниках этого известного патрицианского рода, почти исчезнувшего с политической арены Рима в правление династии Юлиев-Клавдиев. Упомянуто одно лицо с таким именем в группе из трех торговцев: отец, его сын Генуин и некто Атпомар. Все трое они составили объединение, в которое входил и кельт Атпомар.

Норик имел также давние торговые связи с Аквилеей и с Навпортом (совр. Врхника). К торговым людям на Саве относится сообщение Веллея Патеркула. Он пишет, что паннонцы знали не только дисциплину или порядок римлян, но и их язык; были грамотны и знакомы с

литературой. В таких торговых местах, как Навпорт, были убиты во время восстания панно-далматских племен римские торговцы (*oppressi cives Romani, trucidati negotiatores*) (*Vell. Pat. II.110.6*). Навпорт был поселением таврисков; он не имел статуса города. Страбон знает его как село (IV.6.10; VII.5.2). Но он был большим торговым центром, перевалочным пунктом по транспортировке грузов по рекам и суше. Это поселение находилось на юго-западе Паннонии. В торговом отношении оно обслуживало потребности соседних племен, а также селившихся вокруг римских колонистов.

Знакомство южнопаннонских племен с образом жизни римлян и знание ими латинского языка произошло раньше завоевания Паннонии (12 г. до н.э.). Владение латинским языком было следствием распространения римской культуры на соседний мир племен. Паннония и Норик оказались фокусом, где скрещивались различные культурные потоки. В этих регионах еще в доримское время пролегли древнейшие торговые пути²⁶. Одна из дорог следовала на юго-восток Норика. Другая, Янтарная дорога, начинаясь в Аквилее, шла на северо-восток к Дунаю, пролегла через дунайские земли Северо-Восточной Европы. Навпорт был одним из пунктов маршрута этой Янтарной дороги. Следуя на север, дорога проходила через западные города Паннонии: Саварию (совр. Сомбатхей), Залу, Карнунт, который был ее конечным пунктом. Происходящие из Саварии надписи называют лиц, которые, возможно, участвовали в торговых операциях с янтарем. Так, Кварт, сын Аднамата, поставил алтарь с изображением римской волчицы (*CIL. III.10895*). Надгробие из Саварии содержит имя некоего Атты, сына Батайона, торговца (*negotiator*)²⁷.

Торговля янтарем была в древности связующим фактором в культурной и экономической жизни народов. Янтарная дорога соединяла различные регионы и племена и была известна уже в глубокой древности. Янтарь находят при раскопках могил Микенского времени, середины XVI в. до н.э.²⁸ Он встречен в славянских погребениях Днестровско-Карпатских земель первых веков нашей эры²⁹.

Янтарная дорога начиналась в Аквилее. Она проходила через области многих племен. Пересекая Дунай у Карнунта (близ Вены), она следовала далее на северо-восток, достигая Балтийского побережья и Северного моря. На северо-востоке Италии Аквилея была связующим пунктом италийских и иллирийских племен и народа венетов. Доставка янтаря в древности всецело находилась в руках венетов. Янтарь по-

²⁶ Dolenz H. Altstrassen und Altsiedlungen im Stadtgebiete von Villach // *Carinthia*. 1958. Bd. 148. H. 1–3.

²⁷ Mócsy L. Pannonia and Upper Moesia. P. 151–152.

²⁸ Блаватская Т.В. Ахейская Греция. М., 1966. С. 51, 61, 74.

²⁹ Чаплыгина Н.А. Население Днестровско-Карпатских земель и Рим в I–начале III в. н.э. Кишинев, 1990. С. 59–60; Козак Д.Н. Памятники рубежа первых веков н.э. в Поднепровье и Западном Побужье // *Славяне на Днестре и Дунае*. Киев, 1993. С. 91.

²⁵ Leber P. Die Gegend von Klagenfurt zur Römerzeit // *Carinthia*. 1950. Bd. 140. S. 659.

ступал к ним уже в глубокой древности³⁰. Образование Аквилеи как римской колонии в 181 г. до н.э. прервало торговые связи венетов. Теперь торговля могла производиться лишь при посредстве Аквилеи, где развилось ремесленное производство по изготовлению художественных изделий из янтаря.

Несколько подробнее упомянем о янтаре, и почему он так ценился в древности. Дорога за Дунай растянулась на расстояние 600 римских миль (около 900 км) от Карнунта³¹. Этот путь проделала во время Плиния Старшего конная экспедиция, во главе которой стоял римский всадник. Она была длительной и заняла два месяца. Для нее потребовались переводчики, так как путь от Дуная в области Моравы, Вислы и Немана пролегал через территории разных племен.

Плиний оставил сведения об этой экспедиции времени Нерона и дал описание гладиаторских игр, для чего и потребовалось путешествие за янтарем (*Plin. NH. XXXVII.45*). Он пишет, что янтарь предназначался для изготовления сетки, ограждавшей ложу императора в амфитеатре от возможных случайностей, например от нападения диких зверей, травля которых была столь же любимым римским народом развлечением, как и гладиаторские игры³². В каждый узел сетки вплетался кусок янтаря. Оружие гладиаторов, триумфальный въезд (помпа), через который они вступали на арену, носилки, на которых уносили раненых, и дверь, через которую волокли тела убитых гладиаторов ("смертная дверь" – *libitina*), – все это было украшено янтарем, а само оружие гладиаторов менялось ежедневно³³. Самый большой кусок янтаря, доставленный экспедицией, весил 13 римских фунтов (4,257 кг).

Сообщение Плиния повторяет и Солин. Он пишет, что в те времена царь Германии (*rex Germaniae*) прислал Нерону в дар 13 римских фунтов янтаря³⁴. "Царь Германии" отождествляется с царем квадов, Ваннием. Его царство занимало области Словакии (*Tac. Ann. XII. 29–30*)³⁵.

³⁰ "Льют слезы девы гелиады в озеро Эридан, и падают с их ресниц блестящие капли янтаря" (*Apol. Rhod. Agron. IV. 606–620*). Озеро Эридан отождествляется с рекой Пад (совр. По) (*Strabo. V.1.9*). Оно связывается с рожей Диомеда, святилищами Геры и Артемиды Эолийской.

³¹ *Kolendo J. A la recherche de l'ambre baltique. Warszawa, 1981. P. 13 et suiv., 59, 61–62, 76–78 et suiv.; Brogen O. Trade between the Roman Empire and the Germans // JRS. 1936. N XXVI. P. 221 ff.*

³² *Лапустина Е.В. Гладиаторские бои в Риме: жертвоприношение или состязание? // Религия и община в Древнем Риме. М., 1994. С. 148 и след. Здесь же приведена и новейшая литература вопроса.*

³³ Серебро для украшения сетки амфитеатра впервые применил Цезарь. При Калигуле для украшения сетки было использовано 124 фунта серебра, что составляет 40,604 кг. Арена цирка при Нероне была покрыта малахитом (*Kolendo J. Op. cit. P. 33*).

³⁴ *C. Julii Solini. Collectanea rerum memorabilium / Ed. Th. Mommsen. Berolini, 1895. P. 98; Kolendo J. Op. cit. P. 15.*

³⁵ Янтарь поставляли в страны Центральной Европы и в эпоху средневековья. Об этом свидетельствует Кассиодор, упоминающий народ эстиев, приславших янтарь королю остготов Теодориху (*Cassiodor. Variae. V. 2; Kolendo J. Op. cit. P. 15*).

Какой-то отрезок Янтарного пути экспедиции проходил по территории квадов вдоль течения Моравы. Квады поддерживали торговые контакты с близлежащими племенами, а также с северными народами. Выражение Плиния: *commercium ea et litora peregravit* (он (римский всадник) посетил в чужой стране торговые места и побережье), – указывает на то, что торжища не обязательно располагались на самом побережье. Они могли быть перевалочными пунктами для транспортировки собранного янтаря и лежали вдоль дорог, ведущих к Дунаю и землям квадов³⁶. Торговля янтарем служила одним из источников доходов царя квадов. Не случайно Тацит сообщает, что царь квадов Ванний за 30 лет своего правления во времена Клавдия накопил огромное богатство. Побережье, которое объехал вышеупомянутый римский всадник Плиния, могло быть побережьем Северного и, скорее, Балтийского морей. Здесь у племен между Вислой и Неманом приобретался янтарь, который в конечном счете достигал Аквилеи. Она считалась одним из лучших центров по обработке янтаря в Средиземноморье.

Аквилея поставляла на рынок также товары собственного производства, а именно бронзовые и керамические сосуды, изделия из тегга *sigillata*, стекло, бронзовые ручки и подставки для столов, золотые и серебряные украшения. Ее история связана с областями Норика, с городами Паннонии, с окружающими эти провинции племенами. Как показывает материал римских надписей из Норика, кельты не составляли большинства его населения. Каждый четвертый житель Норика носил доримское личное имя³⁷. Исследователи отмечают наличие в Норике иллирийских и венетских имен, число которых было невелико. Я кратко упомяну об этих венетских надписях, ибо сюжет этот весьма значителен и требует, конечно, углубленного внимания, чего невозможно сделать в пределах главы.

Факт наличия венетских надписей показателен как подтверждение продолжающегося в римский период существования древнего населения в докельтском Норике. Имена венетов имеют свои параллели среди личных имен на севере Адриатики, в южных областях Паннонии, на севере побережья Далмации. Они встречены на п-ве Истрия, в районе Эмоны (в Паннонии), на островах Либурии, вплоть до Салоны. Для венетов характерны следующие имена: *Clevo, Patalus, Veitor, Velso, Voltisena, Velsonia* (женское имя, образованное от *Velso*, аналогичное названию оз. *Pelso* (Балатон) в Паннонии). В надписях упоминается одно из местных божеств Норика – *Vibes*, "Живая вода (*Aqua vita*), бьющая ключом"³⁸. Посвящение *Vibebos Augustis*, поставленное Гаем Децием Сукцессинном и его женой Вибой Маскулиной, указывает на сохранение в римское время верований венетов³⁹. Корень *-vib-* обнаружен и в

³⁶ *Kolendo J. Op. cit. P. 62.*

³⁷ *Alföldi G. Die Personennamen in der römischen Provinz Noricum // L'onomastique latine. P., 1977. P. 250–253; Idem. Noricum. P. 45.*

³⁸ *Vetters H. Vibes // Carinthia. 1950. Bd. 140. H. 1/3. S. 141–142.*

³⁹ *Ibid. S. 144; Plin. NH. XXV.3: Norum vibones vocant* (лечебная трава у фризов, которой лечат цингу).

иллирийском, и в венетском языках. Он встречается и в именах из областей южной Паннонии: Vibenus, Vibena, Vibennia⁴⁰. Так, с сельской территории Сольвы, из Норика, происходит алтарь 212 г., поставленный Гераклу и Виктории Августе за здоровье и прибытие в провинцию "наилучшего и безупречного наместника" Марка Мунация Суллы Цериала в честь его победы над аламанными⁴¹. Алтарь поставлен мужем и женой, местными уроженцами, – Вибеной, дочерью Вибена, и Финитом, сыном Корба (CIL. III.11743). В III в. в Восточном Норике и Южной Паннонии существовали потомки прежнего населения венетов, которое не исчезло бесследно во время кельтских походов. Обосновавшиеся в Норике около 400 г. до н.э. кельты встретили здесь старое население этих областей – венетов и иллирийцев. Венетский язык не был диалектом иллирийского языка. Он представлял собой особую ветвь индоевропейского языка⁴². Активность населения Норика в I в. до н.э. на Магдаленсберге была связана и с венетским населением.

Венеты в Норике концентрируются в долине Верхнего Гайла, в Каринтии, где в Вюрмлахе они оставили наскальные надписи⁴³. Здесь пролежала древняя дорога, соединявшая области Северо-Восточной Италии и Южного Норика. Эти надписи содержат имена торговцев. Кроме венетских имен в Вюрмлахе упоминаются и кельтские, и этрусские. Другая группа памятников венетов была найдена северо-восточнее Вюрмлаха, в поселении на Гурине. Она содержит бронзовые обкладки для маленьких деревянных ящичков, которые считают приношениями богам. Надписи нанесены на надгробных стелах, бронзовых урнах, бронзовых пластинках⁴⁴. Имена божеств представлены и на ящичках, и в надписях на сосудах. Поселение на Гурине лежало на главной дороге, существование которой восходит еще ко времени

⁴⁰ Velters H. Op. cit. S. 140 u. folg.

⁴¹ Winkler G. Noricum and Rom. B.; N.Y., 1979. P. 226, 233.

⁴² Schober A. Die Römerzeit in Österreich. Wien, 1953. S. 15; Krahe H. Lexicon altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1925; The Venetic Inscriptions / Ed. R.S. Conway. L., 1933; Krahe H. Das Venetische: Seine Stellung im Kreise der verwandten Sprachen. Heidelberg, 1950; Pellegrini G.B., Prosdocimi A.L. La Lingua venetica. Roma, 1967; Alföldi G. Noricum. P. 38 ff.; Vetter E. Zu den venetischen Inschriften Kärntens // Carinthia. 1950. Bd. 140. S. 110 u. folg.

⁴³ Надписи из Вюрмлаха – наскальные; они были открыты Моммзенем в 1857 г. В 80-х годах XIX в. они были вырублены из скалы Мейером (Meyer A.B. Gurina in Oberen Gailtal. Dresden, 1885) и перенесены сначала в Дрезден, а затем в краеведческий музей Клагенфурта.

⁴⁴ Заслуживает внимания находка клада из Негау (в нижней Штирии). Она представляет собой 23 бронзовых шлема, на отвороте одного из которых была надпись: Harigasti Teiwa, – написанная, как полагают, на этрусском, венетском или германском языках. Большинство ученых считают, что надпись является votivной и посвящена богу Харигасту неким Тейвой. Толкование самой надписи и время ее возникновения не однозначны. Известно, что германцы не употребляли ни шлемов, ни панцирей (non lorico Germano, non galeam) (Tac. Ann. II.14; Germ. 6). См.: Schober E. Carnuntum: Seine Geschichte und seine Denkmäler. Graz; Köln, 1963. S. 17–18.

Гальштатта. Поселение было политическим, хозяйственным и культурным центром венетов. Насчитывается 170 памятников, содержащих 450 личных имен. Надписи из Северо-Восточной Италии концентрируются в областях Эсте (античной Атесте), Падуи, Виченцы, в долинах р. Брента и Пьява. Они принадлежат венетам, но несут на себе также влияние латинского языка. Датируются памятники IV–I вв. до н.э.

Для римских городов на границе всегда имела большое значение торговля. Такие пограничные города стали проводниками римского влияния и римской культуры для соседней варварской периферии. Развитие торговли в городах на границе вызывалось потребностями не только римской армии, но также населения провинций и приходящих из-за Дуная племен. В этом отношении показателен пример провинции Реция, которая стала своего рода зоной свободной торговли. Напротив Реции, на левом берегу Верхнего Дуная и Верхней Эльбы, находилась дружественная Риму община гермундуров. Ее клиентские отношения с Римом были установлены еще при Клавдии⁴⁵. Торговля производилась не только на лимесе (non in ripa commercium), но и по всей провинции, например в колонии Augusta Vindelicorum (совр. Аугсбург) (Tac. Germ. 41). Племя гермундуров вступало в провинцию без оружия и без охраны (sine custode transeunt). Это обстоятельство обеспечило быстрый приток в провинцию римских торговцев⁴⁶. В начальный период своей римской истории Реция была сферой приложения капиталов из Рима и Италии – Юниев, Лоллиев, Домициев, Клавдиев (CIL. III.5800; 5831; 11882). Эта деятельность осуществлялась их отпущенниками подобно тому, как это происходило в Норике. В Августе Винделиков мы встречаем отпущенника с nomen Юниев, по происхождению битурига (natione Biturigis). Известен отпущенник Марк Букций Тацит, Нанций Наммав (CIL. III.5901). Отпущенник Тиберий Клавдий Евфрат был торговцем пурпуром (ars purpuraria) (CIL. III.5824). Другая надпись из Реции сообщает, что торговцы Элиева муниципия Батавов были заняты в торговле шерстяной и льняной одеждой (negotiatores artis vestiaries et lintiariae) (CIL. III.5806). Они были объединены в сообщество с корпорацией торговцев. Так, объединение торговцев из Бригантии (ныне Брегенц) (cives Romani negotiatores Bringantinienses) поставило алтарь всем богам и богиням (CIL. III.13452). Римские отпущенники и общества публиканов явились самым активным слоем в экономической эксплуатации провинции и ее романизации. В Рецию стекались торговцы из Греции, Сирии, Африки, Египта, Испании, а также из городов дунайского лимеса⁴⁷. Ее сельскохозяйственные продукты были известны и в самом Риме. Ретийское вино более всего любил Август (et maxime delectatus est Raetico) (Suet. Aug. 77), а альпийский сыр – Антонин Пий

⁴⁵ Klose J. Roms Klientel-Randstaaten am Rhein und an der Donau. Breslau, 1934. S. 60–61.

⁴⁶ Kellner H.-J. Augsburg. Provinzialhauptstadt Raetiens // ANRW. B.; Y., 1977. S. 690 u. folg.; Kellner H.-J., Overbeck B. Raetien zur Principatszeit. S. 658 u. folg.; Schlippschuh O. Die Händler im römischen Kaiserreich in Gallien, Germanien und der Donauprovinzen Rätien, Noricum und Pannonien. Amsterdam, 1974.

⁴⁷ Charlesworth M.P. Op. cit. P. 129, 175, 177, 184 ff., 193 ff., 269.

(cum Alpinum caesum in cena edisset audidus) (SHA: Pii. XII.4). Хозяйственная и социальная структура Реции немногим отличалась от городов Верхней Германии⁴⁸.

Приходящие из-за Дуная племена поставляли в Империю сырье: скот (лошадей и быков), кожи, меха, шкуры зверей, зерно, а также диких животных, например медведей для римских амфитеатров (*Dio Cass.* LXXI.1; SHA: Probi 14.3). Из Реции вывозились строительные породы дерева – лиственница и клен. Плиний Старший называет лиственницу как превосходный материал для сооружения государственных храмов вследствие свойств лиственницы, не поддающейся горению (*Plin. NH.* XVI.66). Витрувий, сообщая о пригодности лиственницы в качестве покрытия для римских водопроводов, приводит сведения культурно-исторического характера, относящиеся к военным акциям Цезаря в Галлии (*Vitruv. De archit.* II.14–17).

Связи рейнских и дунайских провинций (Реция, Верхняя Германия, Норик, Паннония) основывались не только на римской колонизации этих областей, но и на их доримской истории. Традиции существования кельтского государства бойев и включение его областей в державу Маробода оказали влияние на социальную структуру племен и на их экономику. Эти связи способствовали развитию племен и сравнительно быстрой романизации в тех областях, которые прилегали к лимесу. В металлургическом производстве на Рейне и на Дунае сохраняются кельтские традиции. Металлические изделия из этих стран находят в Британии и даже в Скандинавии, где они несут на себе влияние провинциально-римской культуры, а также культуры соседних племен – кельтских и германских⁴⁹.

Присутствие торговцев из рейнских областей в дунайских провинциях указывает на их тесные связи на лимесе. Так, торговцы из Колонии Агриппины (совр. Кельн) образовали свое землячество в Аквинке: *cives Agrippinenses Transalpinii*. Оно возникло на основе погребальной коллегии, но преследовало и торговые цели. Из Аквинка известна коллегия, прямо связанная с торговлей (*collegium negotiantium*) (CIL. III.10430). Она поставила алтарь Юпитеру, Нептуну и Марсу. Находясь под покровительством Юпитера, коллегия почтила и Нептуна, и Марса – божества воды и войны. Не забудем, что деятельность и благополучие таких торговцев были связаны с реками (Рейн, Дунай и их притоки), а также с материальным обеспечением военных операций, проводимых также по рекам. Крупные купцы, ведущие торговлю в рейнских странах и в заальпийских областях (*corpus splendissimus negotiatorum Cisalpinorum et Transalpinorum*), были ответственны за ведение самой торговли, за обеспечение ее средствами и за состояние водных путей и судоходства по рекам⁵⁰. Для сбыта про-

Рис. 11. Сцена в провинциальной меняльной конторе. III в.

дукции, например вина, образовывались торговые коллегии, где особенно ценились владельцы судов и кормчие (*navitae, navicularii*).

Торговые связи I–II вв. между дунайскими провинциями и областями за Рейном выявляют ассортимент продаваемых товаров. Импорт поступал из центральных районов Империи и в сами провинции, и направлялся к племенам за лимесом. Производились плащи, платки, одежда, штаны. Последние изготавливались на Рейне не только из-за особенностей климата, а поставлялись и на юг, где штаны носили в холодное время года⁵¹. Текстильные товары ткались из льна и шерсти. Было развито изготовление платков и шалей. Владельцы лавок, где они продавались, упоминаются под названием *vestiarii* (торговцы одеждой). В надписи из Трира назван вестиарий Секст Вервий Эвтих (CIL. III.542); в надписи из Медиолана – торговец плащами (*negotiator sagarius*) (CIL. V.5929). Известно о торговце бочками и мешками (*cuparius et saccarius*) (CIL. XIII.3700). Из Сумелоцены (Верхняя Германия) известен сефир-августал, Марк Мессий Фортунат, торговец румянами и одеждой (*negotiator artis cretariae, negotiator paenularius*) (CIL. XIII.6366), а также торговец мазями (*negotiator seplasiarius*) Секст Гапароний Юстин (CIL. III.8354).

Римская керамика, которая была показателем уровня общественного и социального развития в племенном мире, изготавливалась и на нужды провинций, а также учитывался спрос приходящих из-за границы племен. Керамика была двух типов – бытовая (тарелки, миски, кувшины, горшки) и парадная (*terra sigillata*). Она сначала изготавливалась в Италии, в Арреции. Это была тонкая керамика красного цвета, украшенная штампованными изображениями цветов и животных. В середи-

⁴⁸ Rostovtzeff M. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich. Leipzig. 1929.

⁴⁹ Die Römer an Rhein und Donau. B., 1975. S. 58–59, 189.

⁵⁰ Ibid. S. 319.

⁵¹ Heinen H. Trier und das Trevererland in römischen Zeit. Trier, 1985. S. 148 u. folg.

не II в. началось производство местной terra sigillata. Центры ее изготовления находились в Галлии и Германии. Керамические мастерские Грофесенка поставляли товар в города на лимесе⁵². Галльская керамика из мастерских Лезу заполняла во II в. рынки Британии и Паннонии. Во II и III вв. работали мастерские Рейнцаберна в Германии. Их продукция достигала Реции, Норика и Паннонии. Для племен за лимесом цену имела лишь бытовая керамика. Изделия из terra sigillata находят обычно в погребениях, что свидетельствует о дороговизне этой керамики для рядовых членов племен за лимесом⁵³.

Сведений об оружейных мастерских для I–II вв. нет. Можно лишь предполагать, что римское оружие, как, например, короткие мечи (gladius), производилось в оружейных мастерских Кельна⁵⁴. Для позднего времени известно, что в Трире имелась мастерская по изготовлению щитов и балист (Not. Dign. Occ. IX.37–38: fabrica scutaria et balistaria). Мастерские по производству оружия (fabricae armorum) находились в позднеримское время в руках государства. Римское оружие к племенам попадало лишь в качестве добычи, особенно во время Маркоманнских войн, а также в период войн кризиса III в.

Надписи показывают размах торговли в городах на лимесе, где в качестве покупателей выступали и племена, так как надписи называют лиц, занятых обменом денежных сумм. До нас дошли сведения о человеке из Кельна (его имя не сохранилось), который занимался обменом денег на серебро (sactor argentarius). Алтарь поставлен 15 мая 209 г., в день, посвященный Меркурию⁵⁵. Банковскими операциями (negotiator nummularius) был занят некто Тит Элий Виперим (CIL. XIII.8353).

Торговля в городах на границе осуществлялась вплоть до падения Римской империи, хотя внешнеполитические отношения далеко не всегда способствовали развитию хозяйственных связей с варварским миром. Так, в Галлии крупные позднеримские виллы поставляли вино лишь на внутренний рынок провинции⁵⁶. Деятельность позднеримских вилл в Галлии также показывает их слабую связь с внешним рынком⁵⁷.

Не все предметы поступали к племенам путем торгового обмена. Нередко они попадали к ним в качестве добычи или подарков вождям и царям. Так, в числе находок римского импорта в Германии имеется серебряный кубок с надписью Silius⁵⁸. Это имя отождествляется с наместником Нижней Германии Публием Силием. Он проводил военные операции между Эльбой и Рейном под командованием Германика (Tac.

⁵² Ibid. S. 153 u. folg.

⁵³ Die Römer... S. 230, 241.

⁵⁴ Ibid. S. 190–191.

⁵⁵ Ibid. S. 423, N 27.

⁵⁶ Heinen H. Trier... S. 302 u. folg.

⁵⁷ Ляпустина Е.В. Город и вилла в период Поздней античности // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. С. 14–15.

⁵⁸ Laser R. Zur Einfuhr und Verbreitung römischer Münzen bei den Stämmen des freien Germaniens und zur Möglichkeit ihrer wirtschaftlichen Aussage // Roemer und Germanen in Mitteleuropa. B., 1976. S. 64, 66; Schlette Fr. Formen des römisch-germanischen Handels // Ibid. S. 123–124.

Ann. I. 31, 72). Этот Силий, кстати, был отцом небезызвестного Гая Силия, возлюбленного Мессалины, за которого она вышла замуж при живом муже, императоре Клавдии. Кубок попал к зарейнским германцам как подарок вождю, но, возможно, стал добычей врагов.

Римский импорт в областях за лимесом показывает, что большая часть находок происходит из погребений и состоит в основном из бронзовых изделий и керамики⁵⁹. Находки в Чехии, Словакии, Германии (Померания) включают бронзовые ведра, кастрюли, ковши с ситом. Норическо-паннонские фибулы происходят из Южной Австрии и Чехии. Население областей южнее Судет, Тюрингии, Карпатских гор использовало для повседневной жизни римскую бытовую керамику. Бронзовые сосуды употребляли редко; чаще всего их находят в погребениях как инвентарь⁶⁰. Некоторые отрасли ремесленного производства в городах на лимесе работали на экспорт. Так, специально для сарматов изготавливались фибулы в виде цикад⁶¹. Бронзовые зеркала из областей сарматов известны от I до IV в., но большинство их происходит из раннесарматских погребений.

Сарматы-язиги появились на Среднем Дунае в начале I в. н.э., в правление Тиберия–Клавдия (см. также гл. V). Они осели у западных границ Дакии и восточных границ Паннонии и названы Птолемеем "переселенцами" (Idývυες Μετανόσται) (Ptol. Geogr. III.7.1), возможно, для того чтобы обозначить их как население пришлое в отличие от местных племен. Их места обитания на севере ограничивались предгорьями Карпат. На западе области язигов примыкали к Германии. На юге они занимали среднее течение Дуная, вплоть до устья р. Тибис в Дакии (ныне р. Тимиш). В этом районе Птолемей расположил города (πόλεις) язигов-метанастов: Успен, Борман, Абикта, Трисс, Парка, Кандан, Пессий, Партиска (Ibid. 2). Все эти места, за исключением Партиска, не установлены. Партиск же отождествляется с Сагедом на Тисе.

Но если язиги были племенем сарматским и, очевидно, кочевым, ибо были сильны своей конницей, которой они служили квадам (Tac. Ann. XII.29), то названные Птолемеем города им не могли принадлежать. Вместо городов у них были места кочевий и становищ. И поселились они среди земледельческих племен, у которых были развиты и земледелие, и домостроительство, и градостроительство. Эти города попали в поле зрения Птолемея потому, что они были торговыми центрами других племен за Дунаем и оказались с соседними сарматами-язигами.

На левобережье Дуная источники упоминают и другие города, которые обычно были торговыми центрами. Они находились на дороге Поролисс–Тира: Congri, Sturum, Urgum, Ermerium, Alincum, Capora,

⁵⁹ Wielowiejski J. Die Kontakte Noricum und Pannoniens mit den nördlichen Völker im Lichte der römischen Import // Ibid. S. 69–70.

⁶⁰ Ibid. S. 72, 83.

⁶¹ Gabler D. Zu Fragen der Handelsbeziehungen zwischen den Römern und den "Barbaren" im Gebiet östlich von Pannonien // Ibid. S. 93–94.

Iscina, Tirepsum (*Ravenn. Anonym. Cosmographia*. IV.5)⁶². Их местоположение не обозначено. Но для Равеннского географа (VII в.) предпочтительнее было смотреть на земли Империи с запада. И находились они северо-западнее провинции Дакии. Известен лишь крайний пункт этой дороги на востоке Дакии – римская крепость *Angustia*. Гражданское и военное население крепости сформировалось из семей военных, торговцев, ремесленников и рабов. Оно образовало собой некое подобие романизированного населения. *Ангустиа* была, возможно, таможенной станцией у восточных границ Дакии. На этой дороге находилась и таможенная станция в *Поролиссе*.

О дороге Аквинк–Поролисс свидетельствуют находки римских монет. Дорога Лугион–Сегед–Миция прослеживается до устья реки Марош. Здесь императорский раб поставил алтарь *Genio commercii* (CIL. III.3753)⁶³. Значение Миции в торговле Дакии было велико и для самой провинции, и за ее пределами. Миция была базовым пунктом торговли солью. Долиной р. Марош соль поставлялась в древности в придунайские земли. О Соляной дороге свидетельствуют находки клейм легиона XIII Gemina, стоявшего в Апуле (совр. Альба-Юлия), и также название станции в провинции – *Salinae*⁶⁴.

Торговля с племенами производилась на римские деньги. Деньги поступали к племенам посредством торговых операций, военной службы и подарков вождям и царям. После Маркоманнских войн деньги поступали к племенам обычно в качестве дани, как плата за то, что племена обещали не переходить границу. Источники на этот счет довольно выразительны: "Варвары соглашались не переходить Дунай в обмен на большую плату" (*Herod.* I.6.9). Дион Кассий передает, что к Каракалле пришли послы из многих племен, обитающих у Океана (Северного моря) и в областях Нижней Эльбы. Они предлагали императору "дружбу". За это они просили у него денег. Так как Каракалла держался с ними высокомерно, то они угрожали войной, требуя, чтобы он заключил с ними мир и уплатил им золото. Дион передает, что Каракалла дал племенам и вождям "чистое золото", в то время как в самом Риме он чеканил фальшивое золото и серебро: "серебряные" монеты представляли собой посеребренный свинец, а "золотые" позолоченную медь (*Dio Cass.* LXXVII.14.3–4).

О влиянии Рима на социальные и экономические отношения между племенами свидетельствует инвентарь погребений, относимых к вождям и царям. Он включает в себя бронзовые или серебряные предметы (ножницы и ножи), серебряные или золотые сосуды и предметы туалета, складные бронзовые треножники для стульев и столов. В погребениях знати племен, а также простых соплеменников примечательно отсутствие в них железного оружия, что свидетельствует о редкости и

ценности железа вообще. В могилах знати встречаются римские сосуды из бронзы и стекла, керамика; единичны серебряные или золотые украшения; встречены стеклянные шарики для игр, употреблявшиеся вождями германцев⁶⁵.

Для торговли племен с Римом большое значение имели канабы, лагерные города, со временем превратившиеся в крупные производственные центры. В канабах происходили торговые операции в самой провинции. В ней принимали участие торговцы, прибывавшие сюда из других провинций, а также племена из-за Дуная. Размеры форума канабы Карнунта (225 × 182 м) показывают, что торговля здесь велась с большим размахом. Форум канабы был обнесен колоннадой; внутри ее располагался большой внутренний двор, разделенный на две части (129 × 133 м и 35 × 133 м). Двор канабы имел четыре фонтана и колоннаду, шедшую вдоль северной стены этого двора. Полагают, что здесь находилась бойня, где размещался привозимый из-за Дуная на продажу скот. В канабе мог находиться и рынок рабов – статарий, где возвращавшиеся из походов легионеры могли продавать работорговцам пленных⁶⁶.

Значение городов на лимесе и для торговли, и для безопасности Империи нашло выражение и в культе Фортуны, покровительницы и охранительницы города Карнунта, где на границе часто перемежалось счастье с несчастьем. Для войск, дислоцированных на берегах больших рек, имело значение также почитание божеств воды. Культ водных просторов огромных рек, таких как Дунай или Рейн, их почитание как силы таинственной и могучей не удивительно. И племена, осевшие на дунайских берегах, и римские колонисты, видели перед своими глазами мощный водный поток, который имел для них хозяйственное, культовое и военное значение. Река была важна для походов и побед легионеров, а также для торговли. Она выступала как средство общения и как оградительный рубеж для одного и другого мира. В латинских надписях Дунай (*Danubius*) почитался как божество могучей воды, таящее в себе темные и коварные силы; он ассоциировался с Нептуном. Известная колонна Траяна, например, начинает свое "повествование" с переправы римских войск через Дунай, где Дунай изображен в виде могучего и бородатого мужчины, наблюдающего за переходом римской армии. Наместник Нижней Паннонии во время Маркоманнских войн Тиберий Гатерий Сатурнин поставил алтарь *Danubio defluenti* в надежде на успех перехода римской армии через Дунай в земли квадов и маркоманнов⁶⁷. Наместник Нижней Паннонии (между 151 и 160 г.) Гай Юлий Гемин Капеллиан посвятил алтарь *Danubius* (CIL. III.3419; 3486). Алтарь свидетельствует о благоговейном страхе наместника перед божеством реки. Дунай изображался в виде бородатого мужа с трезубцем и

⁶² Macrea M. *Viața în Dacia Romană*. București, 1969. P. 153.

⁶³ Dalcoviciu C. *Neue Mitteilungen aus Dacien // Dacia*. 1937–1940. VII–VIII. S. 323.

⁶⁴ Соль, как известно, оказывалась причиной многих межплеменных войн. Так, между гермундурами и катгами произошла ожесточенная борьба за реку, в изобилии приносящую соль (ныне р. Заале) (*Tac. Ann.* XIII.57).

⁶⁵ Wielowiejski J. *Op. cit.* S. 79 u. folg.

⁶⁶ Swoboda E. *Carnuntum: Seine Geschichte und seine Denkmäler*. Köln; Graz, 1964. S. 178.

⁶⁷ Ritterling E. *Die Legati pro praetore von Pannonia Inferior seit Traian // Archaeologiai Ertesitő*. 1927. Bd. 41. S. 291.

дельфином – атрибутами Нептуна. Над ним парит Победа на шаре, увенчивающая его венком. Иными словами, Дунай сравнивался в представлении римлян с морем. Амулеты в виде маленьких бронзовых фигурок Danubius изготавливались в мастерских паннонских городов на лимесе⁶⁸.

Как уже сказано, лимес и города вдоль него являлись не только военными, но и торговыми центрами, где происходила торговля варваров и римлян. Экономика дунайских городов, как и вообще городов на границе, была в значительной части ориентирована на варварский мир. Для иллюстрации обратимся к археологическим раскопкам с крайнего северо-запада Империи, к материалу одной из крепостей пограничного вала в Британии⁶⁹.

Лимес Британии как сеть крепостей и дорог, связывающих их на границе, начал возводиться при Адриане в период 120–130-х годов. Этот так называемый лимес Шотландии пересекал Британию поперек от моря и до моря⁷⁰. Крепости лимеса располагались на расстоянии 6,5 миль (около 20 км одна от другой). Вокруг них возникали или существовали ранее гражданские поселения; одним из таких было vicus Vindolandenses. Его население было этнически смешанным. Канаба Виндоланды имела в своем составе кельтских и, может быть, венетских обитателей. Как заметил проводивший раскопки крепости Р. Бирлей, из тысячи людей, которые жили и умирали в Виндоланде, только две женщины имели право римского гражданства – Флавия Эмерита и Аврелия. Этому смешанному населению принадлежат алтари из известняка, поставленные местным богам – Genius Cucullatus, богам Veteres, богу Мапону (Maponus), богу Moguntius. Пантеон римских богов представлен посвящениями Юпитеру, Юноне и Минерве, а также Марсу, Меркурию, Фортуне и Сильвану, Пану и Церере. Жители Виндоланды по решению ее властей (magistri vici) посвятили алтарь Вулкану за благополучие божественного дома (Domus divinae) и во здравие императора (pro salute Imperatoris). Виндоланда имела вид небольшого городка. Были открыты раскопками остатки храмов государственным богам Рима, гостиница (mansio), баня для гарнизона крепости, которую строили легионеры VI Victrix легиона, а также Митреум, святилище "Согласия" (Conventina) и бани для частных лиц.

Археологический материал из Виндоланды поражает обилием женских украшений из красной яшмы не местного изготовления, называемой ошибочно янтарем: инталии из яшмы и сердолика, браслеты и ожерелья из слоновой кости. Они попали на северо-западные рубежи Империи благодаря торговым связям с Италией, а также с рейнскими провинциями, которые были до середины III в. интенсивны. Их развитие

⁶⁸ Swoboda E. Camuntum: Seine Geschichte und seine Denkmäler. Köln. Graz, 1953. S. 94–95.

⁶⁹ Birley R. Vindolanda. A Roman Frontier Post of Hadrian's Wall. L., 1977. P. 9, 13, 16 ff., 47–48, 69, 72–73. Вал шел от залива Сольвей (на западе – форт Фрит) до устья Тайна и г. Керлайса на востоке у Северного моря.

⁷⁰ Ibid. P. 72.

способствовало возникновению собственного производства. Начиная с IV в. условия для торговли резко ухудшились из-за постоянных войн. В IV в. римские купцы вряд ли рисковали отправляться в глубь враждебной Европы. Теперь торговля сосредоточилась действительно в приграничной полосе. Внешняя торговля осуществлялась в это время лишь по морю; внутренняя же, следовавшая по рекам и сухопутным дорогам, не могла обеспечить потребности самих племен. Об этом свидетельствует распространение монетных кладов в Европе. Оно отражает и общий объем римской торговли. Так, в областях Тюрингии, Мерзебурга, Магдебурга, Дрездена и Берлина, в областях вдоль Одера резко сокращается количество римских монет. Если от I в. известно 109 монет, от II в. – 653, от III в. – 439, от IV в. – 135, то от V в. происходит только 57 монет⁷¹.

Торговый оборот в IV в. изменился качественно и количественно. Он был обусловлен изменением этнического состава войск, расквартированных на лимесе, а также варваров, стекающих к лимесу. Новые народы, прибывавшие на лимес ради торговли, нуждались в другом ассортименте товаров. На лимес по-прежнему работало ремесленное производство в таких городах-крепостях, как Виндобона, Карнунт, Аквинк, Бригедион. Но производство этих мастерских было ориентировано уже на иной вкус. Некоторые из них работали на экспорт в земли племен. С конца III в. изготавливается темно-коричневая и темно-зеленая глазурованная керамика. Она встречена в Карнунте, где производилась для лагеря, а также в землях оставленной Дакии⁷². Эта керамика связана с поселением федератов, несущих службу на границу Империи.

Из городов и крупных крепостей дунайского лимеса, пересекая Дунай, дороги выходили в земли племен. На левом берегу, против легионных крепостей правого берега реки, находились предмостные укрепления. Так, напротив Бригедиона, на левом берегу Дуная, располагалась крепость Целаманция. Против легионного лагеря в Аквинке размещались две крепости – Transaquincum и Contra Aquincum. Первая была построена при Траяне, вторая – при Диоклетиане. В черте современного Будапешта находились бурги и укрепления, существовавшие до времени Валентиниана (364–375 гг.). Большие острова на Дунае, например остров Маргит, имели наблюдательные башни. На землях прежних клиентских государств – маркоманнов и квадов – по окончании Маркоманнских войн были сооружены каменные крепости. В этих областях племен находились по 20 тыс. римского войска, которое несло службу на левом берегу Дуная, на большом расстоянии от берега реки. Эти лагеря были оснащены всем необходимым и даже имели бани (Dio Cass. LXXII. 2. 1–4). Такие крепости были в Нижней Австрии, в Чехии, в Словакии. Например, в римской крепости Нижней Австрии, в

⁷¹ Laser R. Op. cit. S. 65; Gabler D. Op. cit. S. 96 u. folg.

⁷² Friesinger H., Kerchler H. Töpferöfen der Völkerwanderungszeit in Niederösterreich // Archaeologia Austriaca. Wien, 1981. Bd. 65. S. 193 u. folg.; Grünwald M. Die Gefäßkeramik des Legionslager von Carnuntum // Der römische Limes in Österreich. Wien, 1979. Bd. 29.

Рис. 12. Изображение банкира из Паннонии. II в. Надгробный рельеф

Оберлайзерберге, стояли воинские части из маркоманнов (*tribunus militum gentis Marcomannorum*) (*Not. Dign. Occ.* VII. 38.198). В Словакии (в Мушове, Девине, Братиславе, Тренчине, Леаньваре), в областях квадов, размещались войска Норика и Паннонии. В крепости Тренчин (античный Левгарицион), на расстоянии более 100 км от левого берега несли службу легионеры II Вспомогательного легиона, дислоцированного в Аквинке. Так, в крепости Левгарицион в землях квадов был гарнизон из 855 легионеров этого легиона. Он поставил посвящение Победе Августов – Марка Аврелия и Коммода⁷³. Вокруг всех этих крепостей за лимесом возникали рынки и торговые места.

Одно из раскопанных мест в Словакии (в местности Пац) дает возможность представить характер укреплений римлян в IV в. Оно располагалось в окрестностях г. Тырнавы, на расстоянии 40 км от Дуная. Среди строительных остатков римского времени найдены обломки черепицы со слогом OF, предположительно читаемым как *Officina*. Сокращение AR понимается как *auxiliares riparienses* и указывает на то, что в укреплении на левом берегу нес службу отряд береговой охраны (*riparienses*)⁷⁴. Найдено клеймо со штампом LEGXG. Оно свидетельствует, что *legio X Gemina*, стоящий в Виндобоне, откомандировывал войска на левый берег Дуная. Фрагменты керамики, а также кости животных свидетельствуют, что вблизи лагеря находилось большое поселение, обосновавшееся на землях квадов. Раскопки вскрыли остатки римского

лагеря, два колодца, землянки, дома, а также погребения эпохи неолита, остатки больших деревянных домов с фундаментами. Было найдено большое количество глиняных грузил для ткацких станков.

Этот типичный позднеимперский лагерь дает основание считать, что он представлял собой сочетание военного сооружения и хозяйственного комплекса. Лагерь был построен в окружении местного населения на границе римского мира и мира племен. Такое размещение военного лагеря и гражданских построек не имеет аналогий в Центральной Европе⁷⁵. Монетная чеканка охватывает период времени от 270 г. до 361 г.

Лимес имел особое значение для развития экономических и культурных связей римского мира с миром племен⁷⁶. Понятие лимеса как рубежа, отделявшего римский мир от мира варваров, претерпело в последние десятилетия XX в. большие перемены. Они были обусловлены возросшим вниманием исторической науки к проблеме "Рим и варвары", а также появлением новых археологических данных. Тезис о постоянной конфронтации римского мира и мира варваров сменялся утверждением о превалировании торгового и политического значения лимеса. Но следует иметь в виду, что лимес, прежде всего, был границей Империи; он отделял римский мир от варварского (SHA: *Nadr.* XI.2) и представлял собой всеобъемлющую систему связей военного, экономического и культурного характера. Все условия его существования действовали в неразрывном единстве, хотя в разные периоды существования Империи и развития варварского мира на первое место выдвигалось то или иное значение лимеса. Но главным образом он был зоной обеспечения интересов Империи, ибо за ее границами всегда существовал враждебный мир племен. С другой стороны, при всей

⁷³ Там же. С. 9, 12.

⁷⁶ Количество археологических и исторических исследований по проблеме лимеса неизмеримо возрастает. Происходят специальные конгрессы, посвященные лимесу на Дунае и Рейне, а также в Британии. Выходят отдельные исследования о Карнунте (в Австрии, Чехии), областях за лимесом (в Братиславе и Нитре). Мы ограничиваемся лишь некоторыми работами этой тематики: *Schleiermacher W.* Der römische Limes in Deutschland. B., 1959; *Limes Romanus Konferenz.* Nitra. Bratislava, 1959; *Nowotny S.* Römerspuren nördlich der Donau // *Sitzungsberichte der Ak. d. Wiss. in Wien.* 1918. Bd. II; *Kandler M., Vetter H.* Der römische Limes in Österreich. Wien, 1985; *Der römische Limes in Ungarn.* Szekesfeharvar, 1976; *Alföldi A.* Die ethische Grenzschiede am römischen Limes // *Schweizerische Beitrag zur allgemeine Geschichte.* 1950. Bd. 8; *Idem.* The Moral Barrier on the Rhein and the Danube // *The Congress of Roman Frontier Studies.* 1949. Durham, 1952. P. 1–16; *Piganiol A.* La notion de Limes // *Actes du V Congrès international d'études sur les frontier romanes.* Durham, 1963; *Baatz D.* Der römische Limes: Archäologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. B., 1975; *Mócsy A.* Der Limes und die Provinzen. San-Francisco, 1975; *Scorpan C.* Limes Scythiae. Oxford, 1980; *Vittinghoff Fr.* Zur angeblichen Barbarisierung des römischen Heeres durch die verbände der Numeri // *Historia.* 1950. S. 389 u. folg.; *Birley E.* Research on Hadrian's Wall. Kendal, 1961; *Idem.* Vindolanda: A Roman Frontier Post of Hadrian's Wall. L., 1977; *Alföldi G.* Römische Heeresgeschichte. Amsterdam, 1987. *Колобов А.В.* Изучение военной истории римской провинции Далмации (период Раннего Принципата) // Он античности до современности. Петрозаводск, 1996. С. 117–122.

⁷³ *Dobó A.* Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975. № 537.

⁷⁴ *Колник Т.* Цифер-Дац: Позднеимперский военный лагерь. Нитра. 1975. С. 4, 10.

своей первозданной агрессивности этот мир племен был заинтересован в поддержании торговых отношений с Римом.

Особый защитный пояс Империи составляли государства за лимесом. Они обеспечивали защиту ее границ не только военными средствами, но и торговлей и дипломатией. Варварские "государства" были важнейшим средством римской политики и на Рейне, и на Дунае. Далее, в систему обеспечения границ входило сооружение военных лагерей, крепостей, бургов и сторожевых башен, соединенных дорогой, проложенной вдоль лимеса. С этой стратегической дорогой переплетались внутренние дороги каждой провинции, связывавшие в единую сеть и лимес, города, а также сами провинции между собой. Стабильность же лимеса и охранявших его войск была связана с личностью наместника провинции, политикой того или иного императора, с усилением или ослаблением натиска племен на рубежи Империи. Римляне хорошо понимали, что нерушимость границы зависит и от ее политического и идейного восприятия среди самих варваров. Каждый варвар должен был ощущать, что вступая на римский берег, он окунается в мир, разительно отличный от того, в котором он жил, действовал и воевал раньше. И тем не менее в нем жила неистребимая потребность разрушить этот римский мир. Соблазн перейти границу всегда присутствовал у окрестных племен, и отвод римских войск от нее грозил неминуемым вторжением варваров, о чем предупреждали сами античные авторы (*Tac. Hist.*, II.32; III.5). Преступая границу, варвары нарушали политические и нравственные законы своей племенной общины, нормы своего племенного права. Римлянами переход границы рассматривался как нарушение римского права, как стремление врага-варвара начать войну с римским народом. Поэтому война римлян с варварами всегда была войной справедливой (*bellum iustum*). Переход границы врагом приравнялся римским правом к разбойничьим действиям (*latro*) и карался по закону. Лимес в психологическом плане в определенной мере представлял для племен грозной укрепленной цитаделью, которую они должны были преодолеть силой. И могучие реки Европы – Дунай и Рейн – как оградительные силы Империи имели для племен некое предупреждающее значение. На таком значении лимеса как границы оградительной строилось одно из представлений государственно-правовой мысли римского общества в отношении варварского мира.

В заключение подчеркнем еще раз: значение лимеса как границы военной, не покрывает собой его политической и торговой роли. Лимес как система всевозможных связей римского мира и мира племен, был необходимым и решающим фактором для их функционирования. Превращение лимеса в оборонительный бастион Империи на Дунае начинается со времени правления династии Флавиев (60–70-е гг. I в. н.э.). Но это не означает, что до этого северная граница была вовсе не защищена. В Дунайском регионе были размещены легионы и множество вспомогательных войск. Экономическое же значение лимеса возрастает во II и продолжается до середины III в., о чем свидетельствует уже упоминавшийся объем товарного производства в

провинциях, а также растущее обращение римских денег в племенном мире; в чем, в частности, проявлялось значение лимеса для хозяйственных и экономических связей провинций с племенами. Римские города на границе оставались одновременно военными и торговыми центрами; именно здесь происходила торговля варваров и римлян. Хозяйственная жизнь дунайских городов была в значительной степени ориентирована на варварский мир, который со своей стороны был заинтересован в сохранении регулярных торговых связей с Римом, поскольку всегда ощущал недостаток в собственных средствах, которые старался возместить и войной, и торговлей.

Итак, суммируя сказанное выше, подчеркнем огромную роль лимеса, который, оставаясь государственной границей Империи, был зоной военных конфликтов и торговых контактов мира племен и римского мира. В социальном и культурном развитии племенного мира торговля имела большое значение; важнейшим местом этих контактов являлся лимес. Торговля на границе происходила постоянно, и только со временем менялся ее характер и объем. В период Поздней империи, когда граница была наводнена вторжениями племен, последние тем не менее домогались от провинциальных властей предоставления торговых дней и мест для проведения сделок. Рынки в городах на лимесе, места и дни торговли были потребностью для мира и римского, и племенного.

ГОРОДА ДАКИИ И ИХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

Дакии привелось стать единственной римской провинцией за Дунаем. Она вошла в систему римского мира в период наивысшего развития рабовладельческих отношений, что обеспечило быстрый рост римских институтов на местной почве. Но Дакия явилась в то же время и первой провинцией, которую римляне вынуждены были оставить под постоянно растущим давлением племен. Особенности этой по-своему уникальной римской провинции могут быть раскрыты как в ее переменчивых взаимоотношениях с окружающим грозным племенным миром, так и в тех связях, которые установились у нее с соседними дунайскими провинциями. Это позволяет представить то место, какое занимала провинция в ранжире всей Империи. Возникновение и развитие римского города в Дакии особенно важно, потому что сложение римских институтов здесь имело свою специфику. Одной из важнейших особенностей новоиспеченной провинции была массовая колонизация ее выходцами из других регионов Империи, но особенно активно – уроженцами восточных провинций (Малой Азии и Ближнего Востока), которые и составили большинство гражданского населения Дакии взамен истребленных или покинувших свою родину коренных обитателей. Определяющее влияние на темпы и характер романизации Дакии оказало постоянно растущее присутствие римской армии, которая существенно влияла на особенности социально-экономической структуры дакийских городов, что позволяет в известной мере ответить и на вопрос о степени романизации Дакии.

История Дакии занимает особое место и в отечественной, и в румынской историографии. У нас она была предметом исследования И.Т. Кругликовой¹. После публикации этой работы прошел немалый срок². Новые подходы к тексту источников и несколько иные их оценки дают возможность вернуться к истории этой провинции, сыгравшей немалую роль в судьбе не только римского мира, но и мира племен.

Городской строй и порожденные им социально-экономические отношения были привнесены в Дакию извне, "со всего римского

¹ Кругликова И.Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955: Она же. К вопросу о романизации Дакии // ВДИ. 1947. № 3. С. 219 и след.

² См.: Колосовская Ю.К. К истории падения римского господства в Дакии // ВДИ. 1955. № 3. С. 63 и след.; Она же. О романизации Дакии // ВДИ. 1957. № 1. С. 81 и след. См. также: Vittinghoff F. Die Bedeutung der Legionslager für die Entstehung der römischen Städte an der Donau und in Dakien // Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte, Neumünster, 1968. S. 132 u. folg.

мира"³. Сложение социальных структур в провинции происходило едва ли не на пустом месте, ибо Дакия, по словам древних авторов, лишилась немалой части населения в результате опустошительных войн Траяна (*Eutrop. VIII.6*; см. также гл. III). Мы лишены свидетельств существования после римского завоевания местных племенных общин, сохранившихся в соседних дунайских провинциях – Норике и Паннонии (см. ниже). Сельскохозяйственные территории городов были размежеваны заново. А ведь, чтобы существовать в качестве общин римских граждан, городам требовалась земля, ибо экономической основой городов древности было, как известно, земледелие. Во времена Империи вся провинция рассматривалась как собственность римского народа, или императора (*ager publicus populi Romani vel Caesaris* – *Gai. Inst. II.7*)⁴. С правовой точки зрения завоевание римлянами земель и основание городов были явлением взаимосвязанным. Землемеры неоднократно отмечают, что захваченная у врагов земля достается победителю⁵.

В отличие от земель колоний, которые были назначены городу и обмерены (*ager divisus adsignatus est coloniarum*), оставались земли общин, не имевших городского статуса. Сведений о землях, названных *civitates peregrinorum*, из Дакии не дошло, хотя предоставление Адрианом ряду городов статуса муниципия говорит в пользу существования подобных общин, которые не имели до времени его правления городского статуса. Они относились к местному праву, а с точки зрения римского права – к peregrинскому праву чужеземцев. Возможно, некие остатки местного населения продолжали обитать на землях тех городов, которые существовали на основе своего обычного права. Но, к сожалению, ни в литературных источниках, ни в эпиграфике таких сведений нет⁶. Его скрытое присутствие воссоздается, главным образом, по археологическим данным: керамике, относимой к коренным дакам, а также по погребальному обряду, хотя сам инвентарь погребений, атрибутированных дакам римского времени, был по составу римским⁷.

Освоение Дакии в качестве римской провинции началось уже при Траяне, когда были произведены размежевание земель и обложение их налогами (*Lact. De mort. pers. XXIV*). Обмеренная землемерами территория в совокупности охватывала все участки земли внутри границ

³ Колосовская Ю.К. О структуре провинциальных городов на Дунае // Античность и средневековые Европы. Пермь, 1998. С. 85 и след.

⁴ Гай. Институции. Книги 1–4: Пер. Ф. Дыдынского / Под ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Савельева. М., 1997. С. 84–85.

⁵ Die Schriften der römischen Feldmesser / Hrsg. F. Blume, L. Lachmann, A. Rudorff. B., 1848–1852. Bd. I. S. 35, 116, 155, 160–161; 176–177; Bd. II. S. 235.

⁶ Известны две алы и две когорты, сформированные из даков Траяном и Адрианом. Они несли службу в Британии и на Евфрате. См.: Dobó A. Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975. N 710–757.

⁷ См.: Кругликова И.Т. Указ. соч. С. 24 и след.; Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973. С. 177 и след.

провинции, что отметил и Евтропий: по периметру или в окружности провинции Дакия занимает один миллион римских шагов (≈ 1479 км) (*Eutrop.* VIII.2)⁸.

Для заселения вновь основываемых городов в Дакию устремились потоки колонистов со всей римской ойкумены (*Eutrop.* VIII.6). Многие города сохранили свои старые названия, что было свойственно римской политике – не разрушать без надобности формы прежней жизни народов. В такие старые города, как Апул (совр. Альба Юлия), Потаисса (Турда), Напока (Клуж), Поролисс (Мойград), Дробета (Турну-Северин), Диерна (Оршова), были выведены в разное время колонии римских граждан из числа ветеранов легионов и колонистов из других провинций. Все они в разное время получили статус муниципиев и колоний. Колонии играли в провинциях роль опорных пунктов римского господства. Они определяются древними как форпосты в землях бывших врагов. Новые названия городам римляне давали тогда, когда эти города были ими основаны заново. Предоставление статуса колонии указывало на то, что ее римское население было значительным в общественном и в финансовом отношении⁹, т.е. достаточным для создания общины римских граждан. Возведение населенного пункта в ранг колонии возлагало на эту общину почетные обязанности (*honores*) и материальные затраты (*munera*) по устройству и оснащению ее всем необходимым, чтобы стать истинно римским городом¹⁰.

Столица Дакии – Сармизегетуза получила свое название по имени прежней столицы даков, но основана она была заново, юго-западнее столицы Децебала (30 км от нее). Старая Сармизегетуза во время решающего штурма римлян была предана огню самими осажденными. Возникшая на новом месте колония именовалась Колонией Дакийской (*Colonia Dacica*), что, возможно, указывает на намерения Траяна предать забвению название прежней столицы даков. В надписи в честь первого наместника Дакии Децима Теренция Скавриана она именуется как *colonia Ulpia Traiana* или как *colonia Dacica* (CIL. III.1081; 1443). Новый город был приписан к трибе *Papiria*, к которой принадлежал император Траян. Имея статус колонии ветеранов, город подпал под юрисдикцию италийского права. Можно сказать, италийское право означало, что земли колоний в провинциях воплощали собой как бы часть самой Италии, поэтому они не облагались налогами (*immunitas*) и не уплачивали земельной подати в императорских провинциях (*tributum*), а в провинциях сенатских – *stipendium*. Колонии, имевшие в провинциях такое право, изымались из земельного ценза. Земля их жителей переходила в частную собственность владеющих ею, т.е. из *possessio* она становилась *dominium* и могла быть подарена, сдана в аренду, продана или разделена между наследниками. Это было самое

высокое право (*ius Italicum*), и оно являлось важнейшей и почетнейшей привилегией граждан колонии (D.L. 15.8.5.7.)¹¹.

Основание колонии Сармизегетузы на новом месте произошло с соблюдением правил, предписанных землемерами, а также в сопровождении соответствующей религиозной церемонии при закладке городов¹². Вокруг колонии пропахивалась плугом борозда – померий. Территория колонии представляла собой прямоугольник, по примерным подсчетам, около 32,4 га. Археологические исследования показывают, что город был распланирован с системой пересекающихся под прямым углом улиц, с форумом в центре. Колония насчитывала 25–30 тыс. римских граждан¹³. При Адриане город возвратил старое название и стал именоваться *colonia Ulpia Traiana Augusta Dacica Sarmizegetusa*, что свидетельствует об определенном повороте политики римлян лицом к традициям даков. При Александре Севере Сармизегетуза обрела статус метрополии (*metropolis*). Дело в том, что в то время она превратилась в главный город для всех трех округов, на которые Дакия была разделена еще при Марке Аврелии (см. гл. V). К тому же немалую роль в обретении нового качества сыграло то, что Сармизегетуза стала местом отправления в провинции императорского культа, на торжественную церемонию которого посылались представители всех городов Дакии. В столице ежегодно заседал совет трех Дакий (*concilium Daciarum trium*), во главе которого находился верховный жрец императорского культа всей провинции в ранге всадника – *sacerdos aerae augustae coronatus Daciarum trium*¹⁴. Такое собрание богатых провинциалов преследовало цель идеологического сплочения населения провинции вокруг имперской идеи и власти императора¹⁵.

Ход жизни в городах и изменения социальных отношений в них проследить не всегда возможно, ибо Дакия пребывала под властью Рима весьма незначительный срок (106–271 гг.). Перемены в ее истории могут быть обрисованы довольно условно – до времени Маркоманских войн и для эпохи Северов. Прежде всего отметим, что первые декурионы Дакии происходили из легионеров тех войск, которые участвовали в завоевании провинции. Ветераны получили в ней земельные наделы и образовали общины римских граждан и землевладельцев. Эти общины вначале основывались на земельном равенстве граждан колонии, ибо можно предполагать, что ветераны получали равные земельные наделы. Следовательно, их отличали и равные права в экономическом и политическом отношениях. Но с течением времени это равенство было нарушено. Образовались большие имения

¹¹ Ibid. S. 20–21.

¹² Macrea M. Op. cit. P. 117 sq.; Tudor D. Orașe, țiguri și sate în Dacia Romană. București, 1968. P. 73.

¹³ Macrea M. Op. cit. P. 117 sq.; Tudor D. Orașe, țiguri și sate în Dacia Romană. P. 73.

¹⁴ Deininger J. Die Provinziallandtage der römischen Kaiserzeit von Augustus bis zum Ende des dritten Jahrhunderts n. Chr. München, 1965. S. 118–119; Tudor D. Orașe... P. 75.

¹⁵ Deininger J. Op. cit. S. 192–193.

⁸ См.: Macrea M. Viața în Dacia Romană. București, 1969. P. 107.

⁹ Langhammer W. Die rechtliche und soziale Stellung der Magistratus Municipales und der Decuriones. Wiesbaden, 1973. S. 11, 12.

¹⁰ Ibid. D. 12, 13.

декурионов и всадников, следствием чего стало появление в социальной структуре городов всаднической прослойки. Здесь необходимо сделать несколько замечаний. Поскольку декурионы дакийских городов первоначально сформировались из ветеранов, можно предположить, что сам ветеранский надел в начале II в. был примерно равен имени декуриона. Заметим, что земельный ценз декуриона в I–II вв. составлял 500 югеров¹⁶. Если же обратиться к данным из соседних дунайских провинций, то они дают различные цифры величины наделов ветеранов, и много меньшие, чем у декурионов. Так, при центуриации земель колоний в Паннии, куда Траяном были выведены ветераны I и II Вспомогательного легионов, надел ветерана был в пределах 66 1/3 югера, т.е. 16 га¹⁷. Во Фракии, в колонии Деультум, основанной Веспасианом для ветеранов VIII Августова легиона, рядовые легионеры получили каждый по 200 югеров, т.е. по 50 га¹⁸. (Ветераны этого легиона имели большие заслуги в провозглашении императором Веспасиана.) Кадастр из Галлии времени первой половины I в. н.э., где в Аравзионе (совр. Оранж) была основана колония ветеранов II Галльского легиона, дает меньшую, чем в Паннии, цифру – 33 1/3 югера, т.е. 8 га¹⁹. При определении величины земельного надела ветерана учитывалась его военная должность. Сравнивая эти данные, можно полагать, что ветераны в Дакии получили значительные земельные наделы, потому что их колония была основана заново (как в Деультуме). Кроме того, они были первыми римскими гражданами в Дакии, и это налагало свои привилегии. Ведь первые дакийские поселенцы были солдатами тех войск Паннии, Мёзии и Германии, которые покорили Дакию: XIV, XIII и X Сдвоенные легионы, I легион Минервы, I Вспомогательный, VIII Августов, IV Флавиев, XI и VII Клавдиев, V Македонский, I Итальянский и XV Аполлонов легионы²⁰. Именно их ветераны получили лучшие земли в провинции, где остались постоянно или были временно размещены эти же легионы: в Дакии, в Апуле, был расквартирован XIII Сдвоенный легион; временно стояли IV Флавиев легион из Верхней Мёзии, XV Аполлонов и XIV Сдвоенный из Верхней Паннии.

Найдено немало эпиграфических памятников, упоминающих ветеранов, подчас довольно любопытных. Уроженцы Северной Италии, Нарбоннской Галлии, Испании и Паннии были первыми колонистами, образовавшими гражданскую общину в Сармизегетузе (CIL. III. 1480 = IDR.III/2. № 437). К ним относится эпитафия Секста Пилония Модеста, уроженца Италии из Беневента. Этот ветеран служил в нес-

¹⁶ Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях римской империи. М., 1957. С. 82–83.

¹⁷ Колосовская Ю. К. Панния в I–III веках. М., 1973. С. 80–82.

¹⁸ Геров Б. Проучвания върху поземлените отношения в нашите веми през римско време (I–III вв.) // ГСУ. ФФ. 1956. Т. 50, ч. 2. С. 37–39.

¹⁹ Piganiol A. Les documents cadastraux de la colonie d'Orange // Callia. P., 1962. Suppl. Vol. XVI. P. 42 sq.

²⁰ Hanslik R. M. Ulpian Traianus // RE. Stuttgart, 1962. Spbbd. X. Sp. 1059–1060.

Рис. 13. Изображение Юпитера Долихена из Паннии. II в.

кольных легионах: в IV Флавиевом, VIII Августовом, в XI Клавдиевом, в I легионе Минервы и в XIV Сдвоенном. Службу начал в IV Флавиевом легионе и чин центуриона получил в возрасте 37 лет. Прослужив центурионом 19 лет, Секст Пилоний Модест был удостоен при отставке всаднического достоинства. Его земельный надел был много больше, чем у рядового легионера. По данным эпиграфики, к поселенным Траяном ветеранам принадлежит также Квинт Манлий Вер, ветеран XV Аполлонова легиона. Ветераны Гай Сенций Флакк, Гай Юлий Макр, Марк Юлий Проклиан, Юлий Приск были родом из Нарбоннской Галлии и Испании²¹. В надписях ветеранов в качестве мест рождения указаны Беневент, Карсулы (в Умбрии), Антикирия, Клуний (в Испании)²².

Надписи происходят также из сельской местности колонии, в состав которой входили паги – сельские поселения на землях колонии. Паги либо являлись наследием доримской организации племен (это известно для провинций с германским и кельтским населением), либо были образованы заново в римский период как сельские округа на территории городов. Некоторые из ветеранов упомянуты в качестве префектов таких пагов²³. Название стоявших во главе пагов лиц (*praefectus*), возможно, указывает на то, что на подвластной им территории располагались не только земли ветеранов, но были дислоцированы и воинские части. Некоторые из таких соединений упомянуты в надписях Дакии. Данные из пага Аквы на территории Сармизегетузы свидетельствуют, что паги были заселены римскими колонистами. Они управлялись собственной администрацией – префектами, эдилами, которые составляли коллегию магистратов пага. По решению совета пага, как показывает эпиграфика, его население строило храмы и крытые рынки. Власти пага наблюдали за земельным фондом и денежной кассой пага, поставками леса и провианта войскам, заботились о божестве – покровителе города и общины пага.

Землевладельцы в пагах и селах были гражданами той колонии, на территории которой находился паг или село (*D.L.1.30*). Известен паг Миция (совр. Вецель), паг Аквы, паг Гермисира на территории колонии Сармизегетузы. Как уже сказано, обязанности магистров, например в паге Миция, исполняли в большинстве случаев ветераны, они же являлись землевладельцами на территории пага. Надписи доносят до нас их имена: Гай Антоний Криспин, Луций Атилий Фаустин, Марк Вибий Роман, Тит Аврелий Вер, Гай Квинтиний Фортунат. Декурион в колонии Сармизегетузе, Гай Юлий Марциан, был префектом пага Аквы. Он воздвиг алтарь Юпитеру "за здоровье императоров – Марка Аврелия и Луция Вера", а также почтил Гения пага Аквы (*CIL. III. 1407*). Из пага Аквы дошло посвящение Юпитеру Апеннинскому, поставленное по обету Марком Ульпием Валентином, декурионом в колонии Сармизегетузе (*CIL. III. 12576*). Обращение к Юпитеру с

эпитетом Апеннинский указывает на участие италиков в процессе колонизации Дакии. Посвящение сделано декурионом, получившим римское гражданство от Траяна. В качестве декуриона в Сармизегетузе выступает ветеран Марк Ульпий Марциал²⁴, а Тит Аврелий Приман, магистр Миции, посвятил алтарь Гению пага (*CIL. III. 1196*). Гай Антоний Криспин поставил посвящение Септимию Северу, Каракалле и Гете (*CIL. III. 1375*). При содействии Криспина проживавшие в паге *veterani et cives Romani* воздвигли алтарь Гению пага Миция. В качестве землевладельцев в пагах селились и августалы. Известны отпущенники семьи Корнелиев, что позволяет предполагать занятие земледелием среди отпущенников. Августал Марк Корнелий Стратоник также соорудил в паге Миция алтарь *in honorem Domus Divinae et Genio Miciae*. Надгробие некой Корнелии Виктории сделано ее отцом, уже упомянутым Марком Корнелием Приманом²⁵.

На территории колонии Сармизегетузы размещались воинские части, вследствие чего складывались особые хозяйственные отношения. Терминология надписей – *veterani et cives Romani*, используемая обычно в канабах, показывает, что в паге было и население, не имевшее права римского гражданства. Положение же ветеранов как римских граждан, пагов и самой колонии, было привилегированным. Надписи указывают на наличие в паге отношений покровительства и зависимости между ветеранами и римскими гражданами, с одной стороны, и гражданами провинции, не имевшими статуса римского гражданина, – с другой. В паге Миция в разное время стояли Первая ала Боспорцев (*CIL. III. 1344*) и – долгое время – отряд, сформированный из мавров-арабов (*numerus Maurorum Micensium*). Его префект Юлий Евангелиан восстановил в 204 г. храм отеческим богам (*templum deorum patrium*). Из пага Миция известно посвящение, поставленное Юпитеру Наилучшему Величайшему отрядом Британцев и когортой Ретов: *pro salute vicarorum Micensium* – за благополучие сельчан и стоявших здесь воинских частей²⁶. Восьмая когорта Ретов (*cohors VIII Retorum*) получила за храбрость в полном составе римское гражданство. Она размещалась в Банате, охраняя дорогу, ведущую в Паннонию (*ad Pannonios*)²⁷. В паге Гермисара стоял воинский отряд, сформированный в Британии (*numerus Britannicorum* – *CIL. III. 1396*). Присутствие воинских частей на землях городов было особенностью Дакии, как и участие военных в городском самоуправлении. Эта специфика жизни в городах объясняется, возможно, близостью варварского мира, а также большой ролью римской армии в самоуправлении городов, ибо провинция с трех сторон была окружена варварами, на ее границах происходило постоянное движение и перемещение племен.

Но городская жизнь в провинции протекла не только в Сармизегетузе. Одновременно с ней возникла канаба стоявшего в Апуле

²¹ *CIL. III. 1196; 1406; 1475; IDR. III/2. № 401.*

²² *CIL. III. 1158; 1188; 1196; 1480.*

²³ Кругликова И.Т. Указ. соч. С. 80 и след.

²⁴ *CIL. III. 7980; IDR. III/2. № 391.*

²⁵ *CIL. III. 1499; IDR. III/2. № 404.*

²⁶ ИЛН // ВДИ. 1956. № 4. С. 197, № 1442.

²⁷ *Mucrea M. Op. cit. P. 46.*

XIII Сдвоенного легиона. По соседству с ним, на расстоянии в 2–3 км на землях легиона образовалась община граждан. Ее населяли ветераны, их жены, дети и рабы, а также торговцы и ремесленники, обслуживавшие легион. Немалую часть жителей канаб составляли отпущенники, а также peregrinское население, прибывшее в Дакию из других областей. Ветераны, селившиеся в канабе, преимущественно занимались торговлей и ремеслом. В начале II в. канаба не имела своей территории²⁸ и статуса города, а располагалась на землях соседних общин или легиона (*territorium militare*), подчиняясь его военному начальству. При Септимии Севере, когда канабы легионов получили городское право и свою земельную территорию, их население было приравнено к городскому²⁹. Под властью легиона находилось перное время и местное население, если оно оставалось под римским господством, и их земли. Терминология надписей из канаб показывает, что общины римских граждан в них объединяли прежде всего ветеранов. Как община людей самого высокого правового статуса в Империи – римских граждан – канаба образует собрание (*conventus*) своих граждан. Во главе ее стоит *curator civium Romanorum*, а также лицо, ответственное за содержание здания для собраний римских граждан канабы. Известен один из хранителей такого здания (*aedis custos civium Romanorum*) – ветеран XIV Сдвоенного легиона Луций Юлий Левган, уроженец Клуния в Испании (CIL.III.1158). Канаба имеет свою администрацию – *magistrans primus in canabis* (*первый, исполнивший обязанности магистра в канабе*). Как община канабы она конституировалась подобно муниципию и обозначает себя *canabenses* или *municipes*. Во главе ее администрации стоял декурион канабы (*decurio kanabarum legionis XIII Geminae*). Так, Марк Ульпий Аполлинарис, префект лагеря XIII Сдвоенного легиона, посвятил алтарь римским гражданам, приписанным к легиону (*conscripti et cives Romani consistentes kanabis legionis eiusdem*)³⁰. Ветеран XIII легиона Клавдий Аттей Целер, декурион канабы (*decurio canabensium*), соорудил алтарь отцу Либеру и Либере (CIL.III.1093). Тит Флавий Лонгин, ветеран Второй Паннонской алы, декурион в колонии Сармизегетузе и декурион в муниципии Напока, был также декурионом канабы XIII легиона. Его жена Клавдия Кандида, их дети – Флавии: Лонгин, Клементина и Марцеллина – и он сам поставили посвящение Великой Матери Богов за здоровье императора (CIL.III.1100).

Власть магистратов канабы распространялась на ее имущество: общественные здания, форум, портики и храмы, рынок и водопровод. В религиозной жизни канаба мало чем отличалась от города. Посвящения *Victoriae Augustae*, *Fortunae Augustae*, *pro salute imperatoris*,

in honorem *Domus Divinae* присутствуют и в надписях жителей канабы. Уже упоминавшийся Луций Юлий Левган, ветеран XIV легиона, от имени своего и сына, Гая Юлия Патерна, принес в дар алтарь Виктории-Августе (CIL.III.1158). Известен Тит Фабий Иблиомар, кельт по происхождению, уроженец Нижней Германии (*domo Augusta Treverorum*), декурион канабы, и его дети, Фабии, – Пульхр и Романа (CIL.III.1241). Посвятил алтарь Фортуне-Августе и Гению жителей канабы (*Genio canabensium*) ветеран I Вспомогательного легиона Луций Силий Максим. "Он первым в канабе исполнял обязанности магистра", – гласила надпись на памятнике. Упомянуты его отпущенники – жена Силия Януария и сын Силий Фирмин (CIL.III.1008). Ветеран XI Клавдиева легиона Тит Флавий Руф, *domo Amasia* (на Понте), остался жить после отставки в канабе Апула. Его жена названа как *contubernalis* (*сожительница*), отпущенная на свободу, так как дети носят имя отца. Вместе с детьми Флавиями – Максимом, Руфином и Венустой – она поставила надгробие мужу.

В первое время ветераны не имели родственных и иных связей с провинцией. Они предпочитали жениться на своих рабынях – кухарках (*focariae*), которых приобретали во время службы. Отпуская на свободу своих жен и прижитых с ними детей, ветераны закладывали основы формирования романизированной прослойки в городах Дакии. Велика была роль ветеранов в ее культурной и социальной романизации³¹. Там, где они селились, создавался тот слой общества, с которым были связаны утверждение римских порядков, римского образа жизни, ведение хозяйства по римскому образцу, а также распространение в провинции латинского языка, поскольку латинский язык в военной среде был основным. На латинском языке велось судопроизводство, вершились торговые и административные дела. Знание латинского языка было необходимо, чтобы стать гражданином города, а тем более его магистратом, и исполнять жреческие обязанности.

Эпиграфические материалы о ветеранах из канаб и городов выявляют, сколь различен по этническому составу был этот слой в провинции. Так, центурион V Македонского легиона Меций Домиций упомянут в надгробии из Дробеты: он поставил памятник жене, Флавии Валентине, уроженке Сирмия в Паннонии (IDR. II. № 36). Клавдия Савария прибыла в Дакию также из Паннонии (CIL.III.1221). Надписи называют Клавдия Эвлатина и его жену Котуну, дочь Сукцесса, *cives Norica* (CIL.III.966). Сертория Фелиция была родом из Далмации, из колонии ветеранов, основанной Клавдием в Эквуме (*domo Aequo*) (CIL.III.1223).

Развитие городского строя в Дакии связано с деятельностью Адриана, с образованием им муниципиев, возникших на местной основе. Адрианом были осуществлены также меры административно-

²⁸ Langhammer W. Op. cit. S. 5–7.

²⁹ Schulten A. Canabae // RE. Stuttgart, 1899. Bd. VI. Col. 1451 u. folg.; Idem. Die conventibus civium Romanorum. B., 1892; Mommsen Th. Die römische Lagerstädte am Rhein und Donau // Hermes. 1873. Bd. VII. S. 299 u. folg.; Oliva P. Pannonia and the Onset in the Roman Empire. Pr., 1962. P. 238–241; Колосовская Ю.К. Паннония... С. 112 и след.

³⁰ Macrea M. Op. cit. P. 126.

³¹ Колосовская Ю.К. Римский провинциальный город, его идеология и культура // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. II. С. 167 и след.; Евтушенко А.А. Роль ветеранов в романизации Дакии // Политика и идеология в древнем мире. М., 1993. С. 95 и след.

территориального характера по реорганизации провинции. При нем Дакия была разделена на два округа – Дакию Нижнюю и Верхнюю, о чем уже говорилось в предыдущих главах. Из Верхней Дакии был образован на севере провинции самостоятельный округ с отдельным войском (*exercitus Daciae Porolissensis*), с центром в крупной римской крепости Поролиссе³². Адриан дал статус муниципия Напоке и Дробете. Дробета именовалась так: *municipium Hadrianum Drobetense* и *Res publica municipii Hadriani Drobetensium*. Напока известна в надписях как *municipium Aelium Napoca*. Адрианом был основан город и на востоке Дакии, на лимесе. Он получил название Ромула; здесь были поселены ветераны³³. Предположение ученых об основании нового римского города основано на его римской планировке и той роли, которая отводилась ему на границе: защита границ Империи от вторжений племен с востока. Его название – Ромула ("Маленький Рим") – преследовало в том числе пропагандистские цели, ведь, приходящие из-за лимеса варвары встречали здесь типично римский город с римской планировкой улиц и с более чем римским названием. В эпиграфических источниках времени Филиппа Араба Ромула называется колонией. Возможно и такое суждение: город получил статус колонии от Септимия Севера, когда при нем была произведена реорганизация лимеса Дакии на востоке. Надпись середины III в., времени войны Филиппа Араба с карпами, сообщает, что для безопасности колония Ромула была окружена стеной, построенной собственноручно воинами³⁴.

Дальнейшая урбанизация провинции приостановилась до конца II в. Причины такого перерыва кроются в особенностях политической ситуации в провинции, а также в осложнении внешней обстановки на Дунае³⁵. Трудности внешнего порядка в Дакии имели место уже при Адриане и, как мы уже говорили, едва не привели к оставлению провинции. Сыграл свою роль в то время уникальный для дунайских провинций факт быстрого заселения Дакии (*ad agros et urbes colendas* – *Eutrop.* VIII.6). Римские колонисты, как видим, прибыли в Дакию со всего римского мира (*ex toto orbe Romano*)(SHA: *Hadr.* V. 1; *Eutrop.* VIII.6). Но после Маркоманнских войн, когда гражданское население

³² *Macrea M.* Op. cit. P. 52–53.

³³ *Tudor D.* *Oltenia Romană*. București, 1968. P. 165–167. Существует и другое мнение: Ромула получила статус муниципия от Марка Аврелия. (См.: *Macrea M.* Op. cit. P. 129).

³⁴ CIL.III.8031 = IDR. II. P. 143. N 324; 327. Вопрос о тождестве Ромулы с дакийской Мальвой остается спорным. Анализу надписи с упоминанием Ромулы-Мальвы, а также надписи Секста Юлия Поссесора посвящена немалая литература. В специальной статье М. Шпейдель отождествляет Ромулу с дакийским городом Мальвой и связывает с Ромулой отряд сирийских лучников, стоявших в Дакии и затем переведенных в Мавретанию. См.: *Speidel M.P.* *Numerus Syrorum Malvensium: The Transfer of a Dacian Army Unit to the Mauretania and its Implications* // *Dacia*. 1973. XVII. P. 169 ff.

³⁵ *Balla L.* *Recusantes provinciales in Dacia* // *Oikumene*. 1976. Vol. I. P. 193–194; *Idem.* *Some Problems of the History of Dacia in the Severan Age* // *Acta Classica Univ. Soient. Debrecen*. 1970. Vol. VI. P. 63 ff.

провинции уменьшилось численно и частично было уведено в плен, на землях Дакии были поселены племенные общины. В связи с этим мог понизиться общий культурный уровень населения городов. Следует также иметь в виду, что вначале гражданскую общину городов составляли главным образом ветераны – уроженцы западных провинций. Во второй половине II в. города вновь существенно пополнились людьми, как и в начале колонизации Дакии, но уже за счет сельских жителей малороманизированных областей греческого Востока – Вифинии, Понта, Галатии, Египта, Иудеи и Каппадокии.

Марк Аврелий возвел гражданское поселение Апул в муниципий (*municipium Aurelium Apulense*). Коммод сделал Апул колонией (*colonia Aurelia Apulensis* – CIL.III.7773). Колонисты из Галатии, не имевшие римского гражданства (*Galatae consistentes*), уроженцы г. Тавия, поставили алтарь Юпитеру Наилучшему Величайшему Тавиану за благополучие Антонина Пия и Марка Аврелия (CIL. III.860). Переселенцы из Галатии отмечены среди населения пага Гермисары (CIL.III.1394). Сирийские торговцы (*suri negotiatores*) присутствуют также в колонии Сармизегетызы (CIL.III.1431; 7915).

Городское право в статусе муниципия получила Диерна (совр. Оршова). Согласно Ульпиану, в Диерне была основана уже в I в. колония италийского права (D.L. 15.1.8). Но латинские надписи называют Диерну муниципием (CIL.III.1579; 1580). Возможно, в тексте Дигест была допущена ошибка уже в древности. Расхождение между данными Дигест и надписями объясняется многократным редактированием текста Дигест вплоть до эпохи Юстиниана³⁶.

В надписях Дакии со времени Адриана появляется заметный слой декурионов-магистратов городов. Их главной обязанностью было обеспечить стабильность городской общины в провинциях. Сословие декурионов (*ordo decurionum*) отвечало целиком за все хозяйство городов: финансы, обеспечение их средствами питания и питьевой водой. В их ведении находилось отопление общественных бань, починка дорог, устройство и проведение в городе общественных игр. До времени Северов обязанности декурионы выполняли добровольно, но с того времени в исполнение этих обязанностей вводится система принудительных повинностей (*munera*), которые возлагает на сословие декурионов наместник провинций. Правительство исходило в то время из посылки, что тот, кто имеет необходимый ценз, чтобы стать декурионом, может нести и соответствующие обязанности³⁷. Некогда желанные городские *honores* все более превращались в принудительные обязанности.

Одной из наиболее известных семей в Дакии были Валерии. Дакии они достигли вследствие расселения потомков лиц отпущеннического происхождения из Паннонии³⁸. Некоторые *cognomina* Валериев из

³⁶ См.: Дигесты Юстиниана. М., 1984. С. 14–15.

³⁷ *Smith R.E.* *The Army Reforms of Septimius Severus* // *Historia*. 1972. Bd. XXI. H. 3/4. P. 496–497; *Alfoldi G.* *Römische Sozialgeschichte*. Wiesbaden, 1975. S. 149–150.

³⁸ *Alfoldi G.* *Die Valerii in Pannonia* // *Archaeolški vestnik*. 1964/1965. T. XV/XVI. S. 137–144.

Дакии указывают на их происхождение с греческого Востока. Валерии действовали в нескольких городах провинции: в Сармизегетузе, Апуле, Потаиссе, Поролиссе. К Валериям принадлежали лица с *граепотина* Гай, Луций, Марк, Секст. Все надписи Валериев из Дакии – почетные и дарственные (алтари). Одна из них представляет собой надгробие Секста Валерия Фронтонна, сына Секста, декуриона в колонии Сармизегетузе, дуумвира, эдила и фламينا, префекта ремесленной коллегии (CIL. III. 1398 = IDR III/2. N 455).

Поздние Валерии обозначаются в памятниках декурионами в колонии Сармизегетузе-метрополии. Валерия Фронтинна, дочь Луция Валерия Фронтонна, названа *stolata* (носившая столу, одежду знатных римских женщин). Она удостоилась почетной надписи от сословия декурионов Сармизегетузы (IDR. III/2. 127), выступая в качестве тещи Тита Аврелия Эмерита, центуриона VI Победного Северова легиона, что датирует надпись временем правления Александра Севера³⁹. Некие Аврелии – Теофил и Кастор, судя по их *согнопина*, уроженцы греческого Востока, стали декурионами Поролисса и поставили почетную надпись одному из Валериев – Гаю Валерию Валентину, декуриону Сармизегетузы, квинквеналу и префекту ремесленной коллегии⁴⁰. Известен Валерий Цельз, декурион Потаиссы (CIL. III. 903). Лица с *потеп* Валериев и *граепотеп* Гай стали декурионами в колонии Сармизегетузе-метрополии. Гай Юлий Валерий, сын Гая, был декурионом и дуумвиром в Сармизегетузе-метрополии уже во время службы в армии. Он служил в канцелярии наместника (*officium consularis*), в столице провинции, и был одним из 20 консульских бенефициариев (IDR. III/2. N 113). Один из его сыновей, Гай Юлий Валериан, был также консульским бенефициарием, декурионом в Сармизегетузе-метрополии и декурионом в колонии Апула. Он достиг всаднического сословия (IDR. III/2. N 125). Эти надписи – почетные и были декретированы советом декурионов.

Наиболее активный в развитии городского строя в Дакии период связан с правлением Северов. Это было время бурного процветания всех Дунайских провинций, вызванного притоком на Дунай новой волны колонистов с Востока. Расцвет экономики дунайских городов и увеличение благосостояния граждан отразились в археологических памятниках того времени. В основе процесса экономического подъема Дунайских провинций лежали причины и экономического, и политического характера⁴¹. Не все из них могут быть прояснены до конца. Отчасти они были связаны с тем, что Септимий Север, наместник Верхней Паннии, был в 193 г. провозглашен императором⁴². С дунайским войском

он вошел в город Рим. Из дунайских легионов были сформированы новые преторианские когорты и распущены старые. С дунайскими легионами Септимий Север победил в междоусобной борьбе сначала Песценния Нигера в Сирии, затем Клодия Альбина в Галлии. С этих пор дунайская армия, насчитывавшая треть всех военных сил Империи, стала важнейшим фактором в ее политической жизни⁴³. Процесс осознания дунайскими легионами своей значимости для Рима сыграл свою роль и в провозглашении Септимия Севера римским императором. Значение дунайского войска особенно возросло в IV в. вследствие близости к Дунаю варварского мира. Процесс единения армии и населения этих провинций был бы невозможен, если бы в начале III в. в городах Дакии не образовался новый слой римских граждан за счет включения в него сельского населения из малороманизированных областей Империи. Они получили римское гражданство в Дакии по эдикту Каракаллы.

Реформы Севера затронули территории не только городов, но и легионов. Вне городской организации оставались канабы, не обладавшие статусом города. До времени Северов родившиеся в них дети не имели права гражданства; поскольку канаба находилась на земле легиона, то и дети считались родившимися при легионе – *castrensens*, в то время как их родители были гражданами городов, имели трибу и отчество (*origo, domicilium*). Чтобы устранить данное противоречие, нужно было разрешить правовой вопрос о канабе, превратив ее в город и дав ей земельную территорию, снабдив этот город трибой, к которой принадлежал император, даровавший канабе статус города. Но чтобы выделить городу землю, ее приходилось изымать из-под власти легионного командования. Поэтому реформы Септимия Севера касались не только правовых вопросов семей легионеров, но затрагивали и сферу землевладения в провинции.

Со времени Северов земли легионов перестали существовать. Большая их часть перешла в ведение канаб, которые получили статус городов. Земля, прежде находившаяся в распоряжении легиона, была передана в большей своей части городам. Лишь часть легионной земли осталась в его ведении, например луга (*prata*) для выпаса скота, а также для строительных целей легиона. Север позволил также низшим офицерским чинам – центурионам и принципалам носить золотое кольцо, что означало, в сущности, для них право вступления во всадническое сословие (*Herod. III.8.5*). Он разрешил легионерам заключать брак во время службы.

Реформы Септимия Севера способствовали развитию частнособственнических отношений на землю. Они сопровождались продажей и перепродажей наделов гражданам городов, и соседних провинций, а также колонистам, прибывшим с Востока. Заметим, что статус города получают преимущественно не вновь возникшие города, но канабы.

Например, Септимий Север дал статус муниципия канабе XIII Сдвоенного легиона, стоявшего в Апуле (*municipium Septimium*

³⁹ Fitz J. *Honorific Titles of Roman Military Units in the 3rd Century*. Bonn; Budapest, 1983. P. 27 ff.

⁴⁰ CIL. III. 1495 = IDR. III/2. N 126.

⁴¹ Mócsy A. *Pannonia and Upper Moesia*. Boston; L., 1974. P. 218 ff.; Birley A.R. *Septimius Severus the African Emperor*. L., 1971; Walser G. *Die Severer in der Forschung 1960–1972* // ANRW. B.; N.Y., 1975. Bd. II, 2. S. 614–656; Kotula T. *Septimius Sewerus*. Wrocław, 1987.

⁴² Mócsy A. *Pannonia and Upper Moesia*. P. 200 ff.

⁴³ Ibid. P. 194, 195.

Apulense)⁴⁴. По этому случаю в 205 г. там был поставлен благодарственный алтарь Юпитеру Наилучшему Величайшему. Гай Сенций Аникет, декурион в Сармизегетузе, патрон ремесленной коллегии, стал первым декурионом в муниципии Апула, в который теперь была преобразована канаба (CIL. III.1051). Собственно, в Апуле возникло два города, каждый со своей собственной земельной территорией: *colonia Aurelia Apulensis* и *municipium Septimium Apulense*. Земли обоих городов были отделены одна от другой, но на деле это отличие не соблюдалось. В середине III в., когда муниципий Апул стал колонией, земли обеих колоний слились, так как оба города были одного и того же статуса.

При Северах статус колонии получила канаба Потаиссы, так как здесь уже при Марке Аврелии был поставлен V Македонский легион. До этого времени в правовом отношении Потаисса значилась селом. Ульпиан сообщает, что статус колонии италийского права Потаиссе дал божественный Север (D. L. 15.1.9). В эпиграфических источниках Потаисса называется *municipium Septimium Potaissa* (CIL. III.913). Это можно понимать таким образом, что поселение Потаисса получило от Севера статус муниципия, а статус колонии был предоставлен им канабе V Македонского легиона. Возведение поселения в ранг города, в данном случае Потаиссы, предполагает, что его гражданская община была значительной и, став городом, она получила собственную земельную территорию.

Таким образом, и село, и канаба Потаиссы – оба они получили статус городов. Возможно, со временем произошел процесс слияния обеих общин – и муниципия, и колонии – в одну гражданскую общину города Потаиссы, как это произошло с колонией муниципия Апула.

Города, имевшие статус муниципия от Адриана, были повышены до статуса колонии. В это время статус городов мало чем отличался один от другого, ибо статус колонии не сопровождался теперь, как в ранних колониях ветеранов, наделением их италийским правом. Септимий Север дал статус колонии Дробете. Город именуется в надписях "блистательнейшей колонией Дробета" (CIL. III.1579, 8019). Статус муниципия получил Ампел, центр золоторудного района Дакии⁴⁵. Округ Ампела имел большое экономическое значение не только для Дакии, но и для всей Империи. Его хозяйственная специфика и особенности его муниципальной жизни заставляют нас выделить этот материал и остановиться на нем специально в отдельной главе (см. гл. VIII). Муниципием при Северах стал и Поролисс. Надпись из района Поролисса свидетельствует о существовании земель на территории города. За здоровье некоего Клавдия Павлина поставлен алтарь Сильвану на его собственном участке (*Silvano Sacrum pro salute Claudii Paulini in agro eiusdem* – CIL. III. 6247).

Эпиграфические свидетельства о городах на северо-западе и севере провинции немногочисленны. Этот удаленный от городских центров провинции район поздно подвергся романизации. Происходящие отсюда

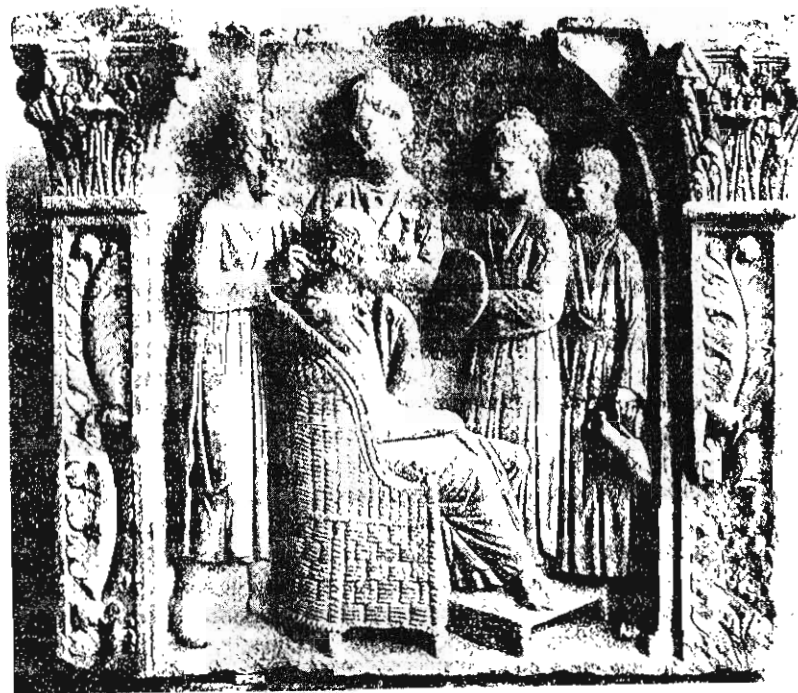

Рис. 14. Сцена в парикмахерской. Трир. III в.

немногочисленные свидетельства принадлежат времени Деция и Галлиена. Основу гражданства таких городов, как Напока, Поролисс и Потаисса, составляют ветераны вспомогательных войск с именами Элиев, Аврелиев и Септимиев. Лица с именами Аврелиев получили римское гражданство по эдикту Каракаллы. К потомкам прежнего населения Дакии относился Публий Элий Траян из Напоки и его отец, декурион и эдил Публий Элий Дациан (CIL. III.867). Сохранились имена ветеранов фракийского происхождения: Аврелий Баб (CIL. III.866). и Аврелий Мукапор (CIL. III.852). При Галлиене статус муниципия получил Тибиск (близ Карансебеш). Сословие декурионов Тибиска (*ordo municipii Tibiscensium*) поставило статую жене Галлиена, императрице Корнелии Салонине (CIL. III. 1550 = IDR. III/2. N 132). Известен декурион муниципия Тибиска, ветеран Аврелий Фавст, и его жена, Септимия Марция (CIL. III.12595). В правление императора Деция колонией стал муниципий Септимия Севера – прежняя канаба XIII легиона. Он именуется в надписях как новая колония Апул (*colonia nova Apules* – CIL. III.1176). "Новая колония Апул" и колония Апул, существовавшая ранее на основе местного поселения, образовали одну общину римских граждан. Их хозяйственная и общественная жизнь сходны. Такие города, как Апул и Сармизегетуза, работали и на местный рынок, и на варварский, что обеспечило занятость лиц, прибывающих в эти колонии из разных провинций. Поселяемые в Дакии после Маркомманских войн

⁴⁴ CIL. III. 976; 985; 1051.

⁴⁵ *Marrea M. Op. cit. P. 77-78; 130-131.*

племенные общины, например племя вандалов (*Dio Cass.* 71. 12. 1–2), включались в развитие хозяйственных связей провинции. При Коммод в провинции было размещено 12 тыс. человек из числа пограничных народов, определяемых как "свободные даки" (*Dio Cass.* 72, 3.3).

Главными городами Дакии оставались Апул и Сармизегетуза. В них найдено наибольшее количество надписей, позволяющих представить социальную структуру и хозяйственную жизнь этих городов. В них сильно ощущается восточная окраска колонизации Дакии, хотя первоначально население Апула и Сармизегетузы состояло главным образом из ветеранов западных провинций, а также Италии. Эти города дают свидетельства о всаднических семьях. Всадники в Дакии не были префектами когорт или ал, префектами воинских лагерей или военными трибунами. Не упоминаются и всадники, занятые в ранге прокураторов – должность, которую они получали после военных постов. Однако лица, прошедшие все четыре обязательные для всадников должности, без указания, какие конкретно это были должности, а также лица, удостоившиеся предоставления от государства коня (*equus equo publico*), часто фиксируются в надписях обоих городов. Всадники *equo publico* указывали только свой высший статус – титулатуру всадника. Речь идет о всадниках, которые служат не на границе и не в провинциях, а в городах, как почетная конница гражданской общины. В их карьере нет упоминаний о том, что они прошли три (как при Клавдии) или четыре (со времени Северов) военные должности, определяемые для всадников. Их высокий статус (*equo publico* или *equo Romano*) понимается как почесть. Они выступали на государственном поприще как сословие, но занимались преимущественно экономической и финансовой деятельностью в своих городах⁴⁶. Они исполняли в провинциальных городах высокие городские магистратуры, были декурионами и фламинами городских общин; из их среды избирался и верховный жрец императорского культа.

Деятельность таких всадников направлялась преимущественно на провинцию и на ее города. Их большие состояния позволяли им тратить немалые суммы на благотворительные цели, за которыми нередко скрывались узкокорыстные интересы.

Всаднические семьи Дакии были заняты в золотодобывающей промышленности, в железоделательном производстве, в торговле с

⁴⁶ См.: *Alföldi G. Römische Sozialgeschichte*. S. 108 u.folg. Сумма в 400 тыс. сестерциев не была столь большой в I в. (*Plin. Ep.* I.19). Она могла быть подарена и трагическому актеру, и любовнице императора (*Suet. Vesp.* XIX.22). Известные отпущенники Клавдия, Паллант и Нарцисс, имели огромные состояния (3 млн сестерциев у одного и 4 млн у другого). Право золотого кольца, которое даровалось некоторым из них, означало причастность этих отпущенников к высшим сословиям Империи. Такие всадники могли оказывать влияние и на ход сенаторской карьеры. Так, Веспасиан по милости Нарцисса (*Narcisu gratia*) был направлен легатом легиона в Верхнюю Германию и затем в Британию (*Suet. Vesp.* 4). Август неохотно даровал римское гражданство и еще более скупно возводил во всадническое достоинство. Он пожаловал статус всадника Менодору, командовавшему флотом Секста Помпея, за то что он перешел к нему со всем флотом (*Suet. Aug.* 74).

Италией, а также с другими провинциями на Дунае. Они участвовали в ремесленном производстве, в откупных операциях, в добыче соли, в разработках и поставках леса. Но основу их материального положения составляло землевладение. Всадники имели земли почти во всех городах провинции и даже вне ее, ибо были декурионами ряда дунайских городов.

Всадники хорошо понимали, что только владение земельной собственностью дает возможность перейти в более высокое сословие – в ранг сенаторов. И хотя сенаторы из дунайских провинций появляются не раньше конца II в., призыв императора Траяна приобретать земли не только в провинциях, но и в Италии мог возыметь свое действие и в Дакии. Люди, домогавшиеся городских магистратур, "должны считать Рим и Италию своей родиной, а не гостиницей или постоялым двором, как иноземцы", писал Плиний Младший (*Plin. Ep.* VI. 19.1–6)⁴⁷.

Правительство в определенной мере освобождало себя от забот по обеспечению римской армии, перекладывая их на сословие всадников. Сама армия предстает в памятниках из Дакии как составная и привилегированная часть римского общества. Особенность ее положения в городах Дакии была следствием внешней зависимости провинции от окружавшего мира племен. Участие военных в самоуправлении городов Дакии подтверждает огромное значение армии в политической жизни провинции.

Остановимся на некоторых всаднических семьях Дакии, чтобы представить характер и размах их деятельности в городах. Из муниципия Дробеты в Дакии упоминается Луций Квесиций Презент, *quinquennalis promus*, бывший в числе высших магистратов Виминация (*CIL. III.6309*). Связи всаднических семей Дакии и Верхней Мёзии были особенно тесными⁴⁸. В Далмации большую роль в экономике провинции играли торговые сношения городов с приморскими областями Адриатики, а также с горнодобывающей областью Дакии и Верхней Мёзии⁴⁹. Особое место занимали связи Дакии с колонией Эквум в Далмации. Всадник *equo publico* Квинт Манлий Руф, декурион и квинквеннал колонии Эквум, имел с Дакией взаимовыгодный интерес (*CIL. III.1717*). Марк Опеллий Адьютор, всадник *equo publico*, поддерживал контакты с Далмацией, Дакией и Нижней Мёзией. В Дакии, куда он прибыл из колонии Эквум, он даже удостоился статуи. Этот Адьютор помимо прочего обладал рангом декуриона в муниципии Монтана, в Нижней Мёзии; Публиций Цельзений Констант, декурион в колонии Эквум, имел тот же чин в колонии Сармизегетузе⁵⁰.

⁴⁷ См.: *Gilodaru I. Die Landwirtschaft in römischen Dakien // ANRW. Principat. B.*: N.Y., 1977. Bd. II, 6. S. 960 u.folg.; *Alföldi G. Römische Sozialgeschichte*. S. 108–109.

⁴⁸ *Mócsy A. Gesellschaft und Romanisation in der Römischen Provinz Moesia Superior*. Budapest, 1970. S. 161–162; *Mircović M. Rimski gradovi na Dunavu*. Belgrade, 1968.

⁴⁹ *Alföldi G. Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien*. Budapest, 1965. S. 80–81; *Wilkes J.J. Dalmatia*. L., 1969. P. 233, 243.

⁵⁰ *Alföldi G. Bevölkerung Dalmatien...* S. 120, 132, N 134.

С горнорудным делом была связана семья Апониев. Она цела дела с Далмацией и Нижней Мёзией. Предпринимательская деятельность Марка Опеллия Адьютора проходила в трех дунайских провинциях – в Дакии, Далмации, Мёзии. Он оставил свидетельства об этом и в Ампеле, и в Сармизегетузе⁵¹, где удостоился практически всех городских магистратур и был почтен мраморной стелой, водруженной на средства городской общины. В Дакию он прибыл из Далмации, из колонии Эквум, и стал преемником некоего Публия Цельзения Константа, декуриона в Эквуме и Сармизегетузе. В Ампеле ему принадлежало производство по выпуску черепицы⁵². Он был декурионом и в муниципии Монтана, в Нижней Мёзии (IDR. II. P. 82), где поставил алтарь Гераклу за благополучие граждан Эквума (IDR. II. 114). Обязанности декурионов в городах провинций Адьютор выполнял, по-видимому, формально; в то же время права декурионов давали ему возможность участвовать в делах городов и приобретать земельную собственность на территории тех городов, декурионом которых он был. Щедро жертвуя деньги в казну города, он мог влиять на удовлетворение собственных интересов.

Семья Антониев из Пергама находилась в родстве с семьями, носившими италийские *nomina*: Квинтиниями, Клавдиями, Корнелиями, Теренциями, а также с Юлиями. Надписи называют женщин с именами Антониев – Антония Сосиата, Антония Бонита, Антония Каллиста, Антония Валентина, Антония Протогения, Антония Присцилла. Теренция Гермiona была матерью Гая Антония Урсина, декуриона в Сармизегетузе; Квинтиния Магнилла – женой Луция Антония Руфа, дуумвира той же колонии. Их дети – Приск, Руф и Руфин Антонии – стали декурионами, дуумвирами и эдилами той же колонии. Луций Антоний Приск был декурионом в Сармизегетузе и римским всадником (CIL. III. 1490 = IDR. III/2. N 376). Этот Антоний был усыновлен Домициями. Известен декурион в Сармизегетузе, Луций Антоний Домиций Приск, поставивший алтарь в честь правившей династии (*in honorem Domus Divinae* – IDR. III/2. N 22; 376). Антония Валентина стала женой римского всадника "на государственном коне" Марка Коминия Квинта, понтифика и квинквеннала в Сармизегетузе. Вместе с мужем она построила храм Изиды в честь Клавдии Валентины, тещи Марка Коминия Квинта (CIL. III. 7907 = IDR. III/2. N 19).

Всадническое сословие было тесно связано в экономической жизни с сословием богатых отпущенников или лиц отпущеннического происхождения. Публий Антоний Супер, декурион в Сармизегетузе-метрополии, поставил алтарь *ordini Augustalium* (IDR. III/2. N 134). Кроме него в надгробии его семьи названы: дочь Антония Боноза и ее сын Аврелий Констанций, всадник "на государственном коне", декурион колонии Виминакия (в Верхней Мёзии), умерший шести лет. Как видим, должность всадника "на государственном коне" превратилась в наследственную. Известно, что Марк Аврелий в возрасте шести лет по-

лучил от Адриана достоинство *eques equo publico* как почесть (*honorem equi publici sexenni detulit* – SHA: Marci. IV. 1). Надпись упоминает и другого сына Публия Антония Супера – Публия Антония Виктора, легионера V Победоносного легиона⁵³. Луций Антоний Руф, декурион, дуумвир и эдил в Сармизегетузе, был удостоен почетной надписи от сословия декурионов, которую поставил его отпущенник, Луций Антоний Эпагат (IDR. III/2. N 104). На алтаре, сооруженном Непобедимому Солнцу Митре, назван Антоний Зоил, воин отряда Сирийских лучников (IDR. III/2. N 341). Связь Антониев с Верхней Мёзией и Фракией выявляет алтарь Юпитеру Сбельсурду, поставленный *in honorem Domus Divinae*⁵⁴.

Антониям принадлежала одна из керамических мастерских в Сармизегетузе: Публию Антонию Суперу и Луцию Антонию Руфу (IDR. III/2. N 542; 543). Марк Антоний Сатурнин, декурион в Сармизегетузе, оставил в Ампеле несколько посвящений: Юпитеру Наилучшему Величайшему, Эскулапу и Гигии, Диане, а также Матери-Земле, покровительнице и защитнице рудокопов (CIL. III. 1281–1285). Посвящение *Terrae Matri* свидетельствует об участии Антониев в добыче золота. Названные в надписях из Апула Марки Антонии: Хрест, Флорентин и Онесас – были отпущенниками Марка Антония Сатурнина (CIL. III. 1021; 1143).

Во всаднической среде посредством браков и усыновлений создавался слой богатых людей, который вершил все дела в Дакии и за ее пределами. Посредством браков с себе подобными по положению этот слой держался корпоративно. Примечательна высеченная в камне история Публия Элия Антипатра, римского всадника "на государственном коне", который дорос до фламينا и дуумвира в колонии Апула и верховного жреца алтаря Августа (*sacerdos aerae Augusti nostri*) – вершина карьеры для богатых провинциалов (IDR. III/2. 217). Он поддерживал деловые связи с Публием Элием Марцеллом, который усыновил его сына – Публия Элия Антипатра Марцелла, всадника и декуриона в колонии Апула (CIL. III. 1181). Публиций Элий Марцелл усыновил и дочь Публия Элия Юлиана – Публию Элию Юлиану Марцеллу (CIL. III. 1182). Публий Элий Юлиан был в родстве с Публием Элием Антипатром и Публием Элием Гениалом: известен всадник, декурион и квестор в колонии Апула – Публий Элий Антипатр Юлиан Гениал (CIL. III. 1104). Публий Элий Гениал был декурионом и понтификом в колонии Апуле, а также патроном в коллегии пожарных (CIL. III. 974; 1208). Публий Элий Марцелл, которого мы уже упоминали, представлен в надписях всадником, прошедшим номинально все четыре должности всаднической карьеры (префект когорты, префект алы, префект военных лагерей, военный трибун легиона). Не выезжая за пределы родного Апула, он был патроном этого города, а также жрецом в Лавренте и Лавинии – италийских городах, образовавших сакральный союз. Он был избран патроном нескольких городов Италии – Форума

⁵¹ IDR. III/2. N 116; 117; CIL. III. 942; 1323; 8075; 39.

⁵² CIL. III. 8075; 39; IDR. III/2. P. 119–120. N 116.

⁵³ CIL. III. 1474 = IDR. III/2. N 379.

⁵⁴ IDR. II. N 20; III/2. N 234 = CIL. III. 1430; 7909.

Фламиния, Фульгиний, Игувия⁵⁵. Как видим, этот римский всадник из Дакии не только торговал с Италией, но и был патроном нескольких италийских городов. Но его триба – Папирия и патронат в Апуле указывают на то, что он был гражданином обеих общин – и Сармизегеты, и Апула. Упоминание о том, что он прошел все четыре должности в карьере всадников без названия, в какой именно воинской части он служил и в каких провинциях исполнял обязанности прокуратора, оправдывает лишь его высокий титул.

Торговые связи с Италией поддерживали также Процилии. Марк Процилий Никета был жрецом в Лавренте и Лавинии. Будучи дуумвиром и фламинем в Сармизегете, он начал строительство на свои средства здания для отправления императорского культа (*sedes Augustalium*), которое завершил его сын Марк Процилий Регул, декурион в Сармизегете, римский всадник "на государственном коне"⁵⁶. Марк Процилий Юлиан назван в надписи как декурион и римский всадник (IDR. III/2. 118). Известны отпущенники семьи Процилиев. Так, отпущенник Марк Процилий Прим поставил посвящение своим детям – Процилии Флоре и Процилию Ингеную⁵⁷. Отпущенником Процилиев был Марк Процилий Афродизий, августал в Сармизегете⁵⁸. Марк Процилий Теодор, декурион, дуумвир и квинквенал в Сармизегете являлся сыном отпущенника Афродизия⁵⁹. Здание коллегии августалов было довольно большим. Оно занимало общую площадь 85 × 85 м, с центральным залом 45 × 18 м, где заседали представители городов этой корпорации. По материалам Дакии мы знаем, что коллегия августалов функционировала в пяти наиболее крупных городах: в Апуле, Дробете, Напоке, Потаиссе и в самой Сармизегете⁶⁰.

Муниципальная знать городов представляла собой достаточно замкнутый слой, где должности часто наследовались, как, например, должности патронов и жрецов в коллегиях. К примеру, Марк Антоний Валентин, римский всадник, декурион в муниципии Апуле, верховный жрец алтаря Августа, поставил алтарь за здоровье императора Гордиана III. Он выдал замуж свою дочь за Марка Коминия Квинта⁶¹, отец или дед которого был римским всадником, квинквеналом и понтификом в Сармизегете, верховным жрецом алтаря Августа и исполнял первую по значимости в городе магистратуру (*praefectus quinquennialis primus pro imperatore*)⁶². Этот довольно редкий в провинциях факт свидетельствует о значимости провинции для всей Империи и политической состоятельности Сармизегеты. Сестра Марка Коминия Квинта была замужем за Титом Варением Пробом, всадником, декурионом, квинк-

веналом и фламинем в Сармизегете (IDR. III/2. N 108). Их сын, Тит Варений Пудент, римский всадник, декурион и фламин в Сармизегете, декурион в муниципии Апуле, патрон в муниципии Поролиссе, был также патроном ремесленных коллегий и коллегии юристов-адвокатов (*patrono municipii Porolissensis et collegiorum itemque causarum*)⁶³.

Всадники арендовали у государства пастбища, соляные варницы, мраморные карьеры и рудники. Как известно, все они, включая дубовые леса, составляли в провинциях собственность императора. Золотые рудники, ставшие собственностью императора, до времени Адриана управлялись штатом императорских рабов и отпущенников. На этой должности их сменили всадники. Надписи упоминают лиц, в ведении которых находилась эксплуатация пастбищ. Публий Элий Стренуй, всадник "на государственном коне" арендовал у государства пастбище и соляные варницы (*conductor pascui et salinarum et commerciorum* – CIL. III. 1209). Он держал в своих руках монополию на торговлю солью во всей провинции, был городским магистратом в Апуле, Сармизегете и Дробете, а также патроном коллегии пожарных и судовладельцев. Эта коллегия объединяла владельцев не только тех судов, которые плавали по рекам Дакии, но и судов, ходивших по Дунаю, ибо этот всадник был также декурионом в Дробетах, городе и таможенной станции на Дунае.

Муниципальное землевладение городов Дакии для такой категории лиц, как всадники, сочеталось с откупной системой в использовании пастбищ. Лица, арендовавшие у крупных кондукторов отдельные участки пастбищ, выступают как субарендаторы этой земли. Для ведения собственного хозяйства город располагал землей для выгона скота, у них оставались свободные участки земли в 20–25 центурий (*saltus*), использовавшиеся под эти цели. Такие участки на территории городов составляли 5 тыс. югеров земли (1250 г.)⁶⁴. За пользование пастбищами на территории города взимался налог (*scriptura*). Арендная плата назначалась самим городом и поступала в его распоряжение. Но крупный арендатор, чтобы получить у государства право на откуп аренды пастбищ или салин, должен был внести вперед государству определенную сумму денег, которую он мог с лихвой получить, сдавая на откуп землю салин, пастбищ, каменоломен и лесов.

Важным компонентом экономики Дакии была таможенная служба. Сначала Дакия входила в Иллирийский таможенный округ, который охватывал несколько дунайских провинций: Норик, Далмацию, Паннонию и Мёзию. Сбор таможенной пошлины до времени Коммода отдавался на откуп кондукторам. Все операции по взиманию таможенных сборов производились штатом собственных рабов и отпущенников данного кондуктора. Император Коммод передал таможенную службу в руки государства: во главе таможенного округа был поставлен прокуратор всаднического ранга, которому придан штат из императорских

⁵⁵ Dobó A. Inscriptiones... N 847.

⁵⁶ CIL. III. 6270 = IDR. III/2. N 2; 3; Tudor D. Orașe... P. 79–83.

⁵⁷ CIL. III. 13784 = IDR. III/2. N 317.

⁵⁸ IDR. III/2. N 190; Tudor D. Orașe... P. 75.

⁵⁹ CIL. III. 13783 = IDR. III/2. N 318.

⁶⁰ Tudor D. Le organizzazioni degli augustales in Dacia // Dacia. 1962. VI. P. 201.

⁶¹ CIL. III. 1433 = IDR. III/2. N 266.

⁶² CIL. III. 1497 = IDR. III/2. N 107.

⁶³ CIL. III. 1486; IDR. III/2. N 128; cp.: Trynkowski J., Varenii Z. Sarmizegetzy // Przegląd Historyczny. 1965. T. LXI. P. 381 sqq.; Macrea M. Op. cit. P. 254.

⁶⁴ См.: Die Schriften der römischen Feldmesser / Hrsg. und erläutert. von F. Blume, K. Lachmann, A. Rudorff. B., 1848. Bd. I. S. 158.

служащих – рабов и отпущенников. Со времени Коммода таможенная служба претерпела структурные изменения, поскольку из прежнего округа Иллирик Дакия была выделена в отдельный округ, объединенный вместе с Нижней Мёзией (*procuratores publici portorii vestigialis Illyrici per Moesiam inferiorem et Dacias tres*)⁶⁵. Дакия составляла в Иллирийском округе особое подразделение. Отметим, что таможенный округ Иллирик входил в титулатуру таможенного прокуратора в ранге всадника. Скажем, Тиберий Клавдий Ксенофонт (известный в надписи 182 г. из Эфеса) назван как *procurator Illyrici et Moesiam inferiorem et Dacias tres* (CIL. III.7127). В правление Коммода императорские рабы, трудившиеся в таможене Суцидавы, Зотик и Сальвиан, поставили на свои средства статую своему императору (CIL. III.8042). В надписи от 209 г. из Дробеты рабы-вилики Евтих и Апулензис при прокураторе Аврелии Гераклите построили на свои средства здание таможни (*tabularium*), посвятив его благополучию трех Августов – Септимия Севера, Каракаллы и Геты⁶⁶. Времени Каракаллы принадлежит надпись с упоминанием таможенного прокуратора Гая Юлия Патерна⁶⁷ по сбору пошлины в Нижней Мёзии и в трех Дакиях.

Таможенная служба в такой провинции, как Дакия, была ответственной и очень престижной, так как таможни этого округа находились в большинстве случаев на границе с племенами. Это была зона прямых контактов и Рима, и племен, если последние намеревались вступать на римскую землю с торговыми целями. Станции располагались на границах Дакии с дунайскими провинциями, а также с варварским миром. Таковыми на Дунае были Дробета, Дьерна и Суцидава. На севере Дакии таможенной станцией был Поролисс, на востоке – крепость Ангустия; на границе с сарматами – Партиск.

Таможенными станциями служили, возможно, и стоянки воинских частей. Такие подразделения, как когорта Ретов, воинский отряд палмиров в Опаттине, Первая Флавиева конная когорта Испанцев, размещались на внутренних дорогах провинции. Возможно, эти войска были прикомандированы к дорожным станциям (*statio*) внутри провинции. Кроме их названий: Брукла, Салина, Опаттиана, Ларгиана, Церсия, Цедония, – о них почти ничего не известно. Упоминаются они римскими дорожниками и Певтингеровой картой лишь как станции вдоль дорог, а их местонахождение устанавливается условно⁶⁸. Так, Салина, очевидно, лежала в долине Мароша и была обязана своим названием одной из древнейших соляных дорог Европы.

⁶⁵ См.: *Nesselhauf H. Publicum Protorium Illyrici utriusque et ripae Thraciae // Epigraphica. 1939. Vol. 1. P. 331 et suiv.; Dobó A. Publicum Portorium Illyrici. 1940 // Archaeologiai Értesítő. Budapest, 1940. Bd. 1. S. 144–185; Gostar N. Vămile Daciei // Studii și cercetări de istorie veche. 1953. Vol. IV. P. 784–793; Istoria României. București, 1960. Vol. 1. P. 415–416.*

⁶⁶ IDR. II. N 15; см. также: *Stein A. Die Reichsbeamten von Dazien. Budapest, 1944. S. 79–80; Macrea M. Op. cit. P. 161–164.*

⁶⁷ CIL. III.2565; IDR. III/1. N 58; *Stein A. Op. cit. S. 80–81.*

⁶⁸ *Macrea M. Op. cit. P. 150–154.*

Сведения о городах за границами Дакии сообщает Равеннский географ (VII в.), перечисляя: Конгри, Стур, Ург, Эрмерий, Алиис, Капора, Исцина и Тирепс⁶⁹. Служили ли эти пункты племенными центрами обитавших у северо-западных границ Дакии народов, вряд ли возможно ответить однозначно утвердительно. Но что они одновременно были торговыми центрами племен, это несомненно. В поле зрения античного географа они попали потому, что лежали на генеральной торговой дороге. У племен были, конечно, и свои порубежные грады, где проезжающий через их территорию торговец уплачивал им пошлину. Достаточно вспомнить пассажи Цезаря о венетах, берущих дань с людей, пересекающих пролив перед Британией, или о племенах в Альпах, взимающих пошлину с римских торговцев, проезжающих через их владения.

С таможенным ведомством органично была связана и почтовая служба. О прокураторе всаднического ранга, занятого в почтовом ведомстве, рассказывает надпись из совр. Сегеда, а раб Меркатор поставил алтарь за здоровье таможенного кондуктора и префекта почтовой службы (*pro salute conductoris publici portorii et praefecti vehiculorum*)⁷⁰. Учреждение должности префекта почтовой службы восходит к правлению Августа (*Suet. Aug. 49*). В обязанности прокуратора почт входило обеспечение транспортом и лошадьми людей, проезжавших по делам государства. Со времени Адриана служба почты числилась первой административной должностью в карьере всадника после занимаемых им военных постов. Всадник мог получить пост префекта почт с окладом в год сначала 60 тыс. сестерциев, затем 100 тыс., 200 тыс., а со времени Марка Аврелия – 300 тыс. сестерциев в год⁷¹.

Социально-экономическую структуру дакийских городов невозможно представить без вольноотпущенников. Это был весьма активный слой населения и в хозяйственной, и в культурной жизни городов. Как мы выяснили, Дакия торговала едва ли не со всем римским миром; тесные связи были налажены с дунайскими провинциями: Далмацией, Паннонией, Мёзией, Фракией⁷². Немалое место в экономике Дакии занимала торговля с Италией. В качестве экспорта из провинции в Рим шел мрамор и золото⁷³. Нередко торговцы из Дакии, оказавшиеся вне пределов провинции, в качестве места происхождения называют *patrio*

⁶⁹ По мнению М. Макри, эти города лежали на торговой дороге Поролисс–Тира (*Ibid. P. 153*).

⁷⁰ Имя кондуктора, рабом которого был Меркатор, остается неизвестным: надпись дошла не полностью; было предложено несколько восстановлений. Считают, что Меркатор был рабом Сатурнина, кондуктора таможенной пошлины Иллирика времени правления Антонина Пия (CIL. III.4270). См.: *Petrovič P. Paleografoja rimskih natpisa u Gornjoj Meziji. Beograd, 1975. P. 145.*

⁷¹ *Alföldi G. Römische Sozialgeschichte. S. 110.*

⁷² *Párvan V. Die Nationalität der Kaufleute im römischen Kaiserreich. Breslau, 1909. S. 70–72; Alföldi G. Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien. Budapest, 1965. S. 114, 121, 187; Mócsy A. Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior. Budapest, 1970. S. 190–191; Wilkes J.J. Dalmatia. L. 1969. P. 223.*

⁷³ *Daicoviciu C. Siebenbürgen in Altertum. Bukarest, 1942.*

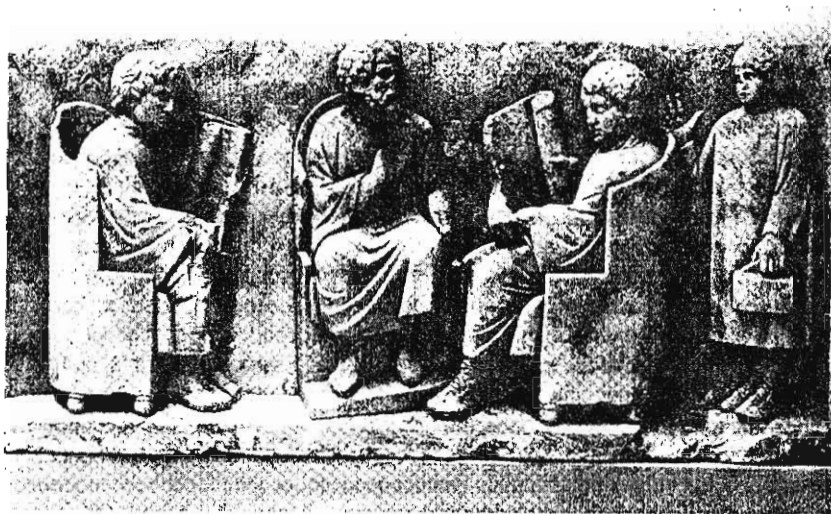

Рис. 15. Учителя с учениками в провинциальной школе. II в. Трир

Dacus, domo Samnizegetusa, domo Dacus, cives Dacus⁷⁴. Декурион Потаиссы, Аврелий Аквила оказался по торговым делам в Салоне (*negotiator ex provincia Dacia*)⁷⁵. При этом в надписях часто фигурируют в качестве торговцев именно отпущенники. Так, в надписи из Карнунта в Паннонии упоминается семья отпущеннического происхождения: Валерия Дионисия (*domo Samnizegetusa*) и ее муж Гай Валерий Сарн⁷⁶. В надписи из Тибура в Италии перечисляются отпущенники Квент Цецилий Филадельф и Публий Аквиллий Дак. Его *cognomen Dacus* позволяет считать его дакийцем. Они почтили *Mens Vona*, древнее божество римлян, культ которого расцвел во время II Пунической войны. Это божество помогало сохранять присутствие духа и стойкость в неблагоприятных обстоятельствах⁷⁷.

Керамическое производство также частично находилось в руках вольноотпущенников. Надписи воссоздают нам имена некоторых из них, например, Гая Спедия Валериана, августала и декуриона в ремесленной коллегии, Квинта Апония Басса, Мания Сервия Доната, Аврелия Мариана и Гая Юлия Валерия (IDR.III/2. N 291; 319).

Из среды богатых отпущенников выходили августалы; их дети становились декурионами своих городов. Августалы известны большей частью с италийскими *cognomina*: Марк Корнелий Прим, Марк Вепоний Максим, Секст Аттий Секунд, Тит Лизиний Амабилис, Гай Тогерний Ингенуй, Квент Вибий Амилл, Гай Венеций Приват, Марк Луцилий

Луцилиан, Луций Антистий Онесим, Децим Бебаций Хрисанф, Клавдий Аникет, Луций Кассий Маркион⁷⁸. Их италийские прозвища не означают, что все они были уроженцами Италии. Рабы доставлялись в то время со всего римского мира⁷⁹. Будучи по происхождению не италийцами, вольноотпущенники носили италийские имена своих патронов, отпустивших их на свободу. В Дакию они прибывали в большинстве случаев с греческого Востока. Поэтому их италийские имена свидетельствуют скорее о том, что патроны их были римскими гражданами городов Малой Азии. Вследствие своей активности вольноотпущенники заняли в городах Дакии место второго после декурионов сословия – *ordo augusalius* (IDR.III/2. N 134; 195). Наиболее выразительны сведения об одном из таких августалов – Ульпии Домиции Гермесе. Богатый отпущенник в Сармизегетусе, он удостоился рекомендации совета декурионов, чтобы быть принятым в сословие августалов. Его патроном был декурион Ульпий Домиций Руфин (IDR.III/2. N 121). Став августалом в Сармизегетусе, Ульпий Домиций Гермес удостоился отличий декуриона (*ornamenta decurionalia*). Это означало для него право появляться во время праздников в платье, которое носили декурионы, – в тоге с пурпурной каймой; при торжественных процессиях и религиозных церемониях шествовать по городу в сопровождении ликторов; право сидеть в театре и амфитеатре на почетных местах, подобно декурионам; пользоваться носилками; в случае возвращения с пирса вечером перед ним должны были нести факелы, освещавшие его путь домой⁸⁰. За получение почести в виде столь больших отличий декуриона Ульпий Домиций Гермес обещал поставить мраморный алтарь Гению сословия декурионов, но выполнили это обещание его собственные отпущенники и сын⁸¹.

Совместные деловые интересы декурионов и августалов нередко заставляли патронов делать отпущенников своими сонаследниками. Так, Квент Аврелий Терций, декурион и фламин в Сармизегетусе, о котором известно, что за обретение фламината он поставил в столице Дакии в 142 г. статую императору Антонину Пию и внес в алиментарный фонд города 80 тыс. сестерциев, и которому принадлежал самый большой мавзолей на территории некрополя Сармизегетусы, назвал в качестве наследников и своих отпущенников⁸². Августал в Сармизегетусе Квент Аврелий Сатурнин поставил патрону надгробный памятник⁸³.

Отпущенники проявляли активность и в строительной сфере. На их средства или при их участии были построены многие здания, в том

⁷⁴ Dobo A. Inscriptiones... N 662, 663, 664, 665, 668.

⁷⁵ Ibid. N 661.

⁷⁶ Ibid. N 663; ср. CIL. III.4501.

⁷⁷ Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 108,

⁷⁸ CIL. III.1069; 1379; 1428; 1488; 1493; 1510; 1515; 1516; 1572; 7913; 8011; 12588; IDR. II. N 52; III/2. N 251; 404.

⁷⁹ Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима. М.; Л., 1964. С. 263–265.

⁸⁰ См.: Gordon M.L. The Freedman's Son in Municipal Life // IRS. 1931. N 21. Ps 1. P. 66 ff; Langhammer W. Op. cit. S. 35–36; Tudor D. Le organizzazioni degli Augustales in Dacia // Dacia. 1962. VI. P. 199 et suiv.

⁸¹ CIL. III. 1425 = ILS. 7137 = IDR. III/2. N 219.

⁸² Tudor D. Orașe... P. 100.

⁸³ CIL. III. 1448 = IDR. III/2. N 72; CIL. III. 7981 = IDR. III/2. N 388.

числе храм для отправления императорского культа. Сословие отпущенников было ответственно за отправление императорского культа во всей провинции. Именно оно пропагандировало величие Рима и олицетворяло собой власть императора, как некий Секст Аттий Секунд, августал и патрон ремесленной коллегии в Сармизегетузе; решением совета декурионов города он получил отлучения декуриона⁸⁴. Известен отпущенник Квинт Аттий Анфим, августал колонии, поставивший алтарь Юпитеру Наилучшему Вечному⁸⁵. Эти примеры не единственные и могут быть умножены.

Свидетельства о ремесленном производстве известны едва ли не из всех городов Дакии. Многочисленны они для Сармизегетузы и Апула. Отсюда происходят данные о ремесленных коллегиях, связанных с обработкой металла (*collegium fabrum*)⁸⁶. Деятельность коллегии заключалась, главным образом, в обеспечении потребностей размещенной в провинции римской армии. Надписи поставлены людьми, которые руководили коллегиями, занимая должности патронов и префектов, декурионов и принципалов, знаменосцев коллегий. Коллегии были многочисленны, они объединяли все ремесленное население провинции и подразделялись на декурии. Так, в Сармизегетузе известны VII и XV декурии *collegium fabrum*, в Апуле – XI декурия⁸⁷. Коллегия суконщиков и портных (*collegium centonarium*) включала в число своих членов и пожарных. Известно, что для тушения пожаров римляне применяли толстые суконные одеяла (*cento*), пропитанные уксусом, отсюда и название коллегии. Должность патрона коллегии высоко оценивалась городом как полезная для общины и провинции. Большинство подобных свидетельств принадлежит времени Северов⁸⁸. Тит Анханий Октавий, декурион в колонии Сармизегетузы-метрополии, патрон коллегии ремесленников, за оказанную ему почесть дал часть средств для сооружения портика (IDR. III/2. N 10).

Эта надпись отражает стиль эпохи как подражание правящей династии Северов, когда императрица Юлия Домна, жена Септимия Севера, была объявлена "матерью военных и матерью отечества" (*mater castrorum, mater patriae*). Деятельность коллегий, связанных с армией, была поставлена под контроль военных властей. Надпись из Тибиска относится к членам коллегии, связанной с обеспечением римской армии. Она представляет собой эпитафию семьи с именами Юлиев, мужчины которой были декурионами и знаменосцами в коллегии кузнецов, а в праздничных шествиях, как сказано в надписи, носили знамя коллегии, а также знамя с изображением императора. Юлий Марцеллин был знаменосцем коллегии, Юлий Геркулан – ее декурионом, носившим изображение императора (*imaginifer*). Аврелий Юлий, воин Первой ко-

горты Сирийских лучников также носил знамя с изображением императора (IDR. II. 135; CIL. III. 1583).

Надписи из Апула и пага Миция упоминают коллегию, объединявшую судовладельцев, плававших по рекам Дакии (*collegium nautarum*)⁸⁹. Наличие в Дакии мостов (*Pons Augusti, Pons Aluti, Pons Vetus*) указывает на развитие внутренних водных связей в самой провинции. Реки, и особенно Дунай, имели большое, некое сакральное значение для всех дунайских провинций, и особенно для войск. Корабельщики, плавающие по Дунаю (*nautae universi Danubii*), известны в надписях из Верхней и Нижней Мёзии, из Виминакия и Аксиополя⁹⁰. В надписи из Дакии названа коллегия перевозчиков (*collegium utriclariorum*). Перевозчики, или паромщики, были владельцами средств типа надувных лодок, понтонов, паромов, использовавшихся для переправы с одного берега реки на другой. Применялись такие средства на небольших реках Дакии. Коллегия вследствие самого характера профессии объединяла лиц свободного состояния. Существовало предприятие по производству перевозочных средств. Некие Элий Диоген и Силия Валерия построили в Тибиске, исполняя обет, на свои средства храм Немезиде во здравие свое и своих сыновей и на благо всей коллегии, членами которой были муж Силии Валерии и ее сыновья⁹¹. Посвящение Немезиде характерно для занятия этих людей, так как перевозка грузов на горных реках была делом нелегким и таила немало опасностей. Немезида же обычно почиталась людьми, профессия которых была сопряжена с риском. К ней часто обращались военные люди, а также гладиаторы, охотники за дикими зверями (*venationes*) для римских цирков и амфитеатров, цирковые возницы.

В столице существовала коллегия носильщиков-лектик (*collegium lecticarium*). Эта особенность примечательна для характеристики римского провинциального общества. Пользование для передвижения по городу лектикой, которую несли рабы, было показателем богатства и престижа в обществе⁹². Небезызвестного Тримальхиона, например, несли из терм в лектике четверо здоровенных молодцов⁹³. Коллегия носильщиков лектик представляла собой предприятие, во главе которого стояло обычно лицо отпущеннического происхождения, державшее рабов-лектикариев и сдававшее их в наем. Такая коллегия известна и для Дакии. Она имела своего поверенного в делах и защитника интересов коллегии (*defensor lecticarium*), некоего Корнелиана⁹⁴. Этот Корнелиан был также владельцем мастерской по производству черепицы в Сармизегетузе⁹⁵. В надписи названо его полное имя – Квинт Корнелий Корнелиан. Он посвятил мраморную стелу Непобедимому

⁸⁴ CIL. III. 1493 = IDR. III/2. N 104; 385.

⁸⁵ CIL. III. 7913 = IDR. III/2. N 185.

⁸⁶ CIL. III. 1043; 1505 = IDR. III/2. N 409.

⁸⁷ CIL. III. 975; 984; 1043; 1051; 1082; 1083; 1207; 1210; 1494; 1501; 1505; 1553; 7767; IDR. III/2. N 6; 116; 136; 186; 236; 254; 319; 406; 409; 410.

⁸⁸ CIL. III. 1082; 1083; 1043; 1051; 1424; IDR. III/2. N 6; 214; 236.

⁸⁹ CIL. III. 785 – (1351); ср. *Macrea M.* Op. cit. P. 157.

⁹⁰ CIL. III. 7485; *Macrea M.* Op. cit. P. 156–157.

⁹¹ CIL. III. 1457; IDR. III/1. N 271.

⁹² *Кнабе Г.С.* Древний Рим – история и повседневность. М., 1986. С. 110 и след.

⁹³ *Petron.* Sat. 28; ср.: *Juven.* VII. 141–143.

⁹⁴ CIL. III. 1438 = IDR. III/2. N 314.

⁹⁵ IDR. III/2. P. 427–428. N 550.

Солнцу Митре с изображением Митры-тавроктона⁹⁶. Известны и другие отпущенники семьи Корнелиев – августал Марк Корнелий Прим и Марк Корнелий Стратоник (IDR. III/2. N 404).

Области Апула и Сармизегетузы не были основным сельскохозяйственным районом провинции. Здесь было развито преимущественно горнорудное дело, ремесленное производство, а также крупная торговля. Земледельческими же были области нынешнего Баната и Олтении, где городской строй получил слабое развитие. Так, Суцидава не имела статуса города, хотя была портом и таможенной станцией на Дунае, а также ремесленным центром по производству изделий из бронзы и свинца⁹⁷. По своему внешнему облику она представляла город. Суцидавой управляли куриалы (*curiales territorii Sucidavensis*), восстановившие на свои средства храм Немезиды, посвятив его здоровью двух Августов, в которых историки видят императоров Валериана и Галлиена⁹⁸. Для таких районов были характерны сельские поселения. В Олтении, как считают, в римское время находилось более 150 сел. В распоряжение сел предоставлялись земельные угодья. Села находились на таких территориях вне городской организации, земля им предоставлялась не размежеванной на отдельные участки. Такой земельный участок имел границы и был измерен в югерах, но в дальнейшем распределение земли между селами и сельчанами правительство обычно не вмешивалось. Наместник обычно предоставлял самим властям села улаживать свои собственные дела, но он имел право проводить опись земель в провинции и даже в областях за лимесом, в нейтральной полосе. Эта нейтральная полоса была, как известно, установлена Римом по мирным договорам с племенами, заключенным после Маркоманских войн. В то же время в Дакии, за лимесом, появились новые земли. Они обмеривались и подлежали цензу и были населены какой-то гражданской общиной. Так, в одной надписи читаем, что в правление Гордиана III (в 239 г.) консульский бенефициарий при XIII Сдвоенном легионе, эдил колонии в Напоке Марк Валерий Валентин, был ответствен за производство ценза в областях по течению р. Сомеш на северо-западе Дакии, за лимесом (*agens sub signis Samum cum regione trans vallum* – CIL. III.827). Эта надпись может пониматься таким образом, что земли за лимесом Дакии (*trans vallum*) были обмерены и присоединены к провинции. Возможно, они были населены одним из пограничных с Дакией племен. Если это наше предположение верно, то мы имеем документальное свидетельство надписей о поселении в Дакии племен и о наделении их землею.

В связи с этим вновь возникает вопрос о характере колонизации Дакии, а именно – сохранилось ли после завоевания страны ее старое, дакийское население? Этот вопрос требует досконального исследования и не может быть окончательно решен в данной работе, поскольку

требует усилия и историков, и лингвистов, и археологов. Анализ же собственно исторического материала, относящегося к римской Дакии, привел меня к следующему выводу. Утверждать, что все прежнее население Дакии погибло или оставило страну вследствие войн Траяна, было бы неверно. Это доказывают отчасти и данные из Норика, где с приходом племен ругиев остались некие следы прежнего римского населения провинции. Возможно, часть населения Дакии ушла из страны и укрылась в горах, где она продолжала существовать и в послеримский период. Но в результате римской колонизации в корне изменился социальный и этнический состав населения страны – это видно из приведенных источников. Облик общества и его культура были типично римским образцом провинциальной культуры. Между тем мы имеем несомненное свидетельство автора середины IV в. – Евтропия. А он сообщает: "Траян, завоевав Дакию, поселил в ней огромное множество людей со всего римского мира для обработки полей и заселения городов"⁹⁹. Даже находящиеся в нашем распоряжении немногочисленные примеры (обычно из эпитафий) указаний на происхождение колониста показывают интенсивность колонизации и направление потока переселенцев, а также их этнический состав. В целом эпиграфический материал подтверждает справедливость суждений Евтропия. Данные свидетельствуют о притоке в Дакию поселенцев едва ли не со всего римского мира. И они, повторим, прибывали в большинстве своем из восточных провинций и городов: Пергам, Александрия в Троаде, Гиераполь, Гелиополь, Анкира, Филадельфия, Эризия, Тавий¹⁰⁰. Колонисты обозначают себя как *domo Asiae, cives Bithyniae, ex Kharaeorum* (из Карр в Месопотамии), *domo Amasia, domo Palmyra, Galatae consistentes*¹⁰¹. Колонисты ехали и из западных провинций (Африки, Реции, Норика, Паннонии, Далмации, Мёзии, Фракии)¹⁰². В надписях мы находим *civis Norica, ex Moesia Inferiore, ex Moesia Superiore, domo Viminacio, domo Aequo, ex municipio Splono, oriundus Vindobonae*¹⁰³, *Trever, domo Augusta Treverorum, Batava*. Красноречивым примером неполной ассимиляции ориенталов в римлян является надпись из Сармизегетузы: мавр Публий Элий Теймет, декурион и дуумвир колонии, прибыл в Дакию как простой солдат. Затем он дослужился до поста центуриона когорты (*cohortis Maurorum Optatiensium*). За долгий срок службы (26 лет) он не забыл, однако, своего родного языка. Своих детей он назвал этническими именами – Забдибол, Берикон, Памфилия. На свои средства в Сармизегетузе он построил храм отеческим богам – *Diis patriis Malagbel et Bebellhamon*

⁹⁹ *Eutrop.* VIII. 6.2: Traianus, victa Dacia, ex toto orbe Romano infinitas eo copias hominum traustulerat, ad agros et urbes colendas.

¹⁰⁰ IDR. III/2. N 164; CIL. III. 859; 6063; CIL. III. 8000 = IDR. III/2. N 166.

¹⁰¹ CIL. III.851; 859; 860; 871; 7802 (=1222); 1234; 1324; 1503 = IDR. III/2. N 112; II. N 56; III/1. N 166; 168; 174; III/2. N 164; 166; 348; 350; 382; 446.

¹⁰² *Russu I.I.* Tracii in Dacia Romana // *Acta musei Napocensis.* 1967. T. IV.

¹⁰³ CIL. III. 864; 914; 942; 966; 1214; 1223; 1262; 1322; 1323; 1324; 1524 = IDR. III/2. N 418; III/1. N 168; II. N 22 = CIL. III. 8014. N 36.

⁹⁶ IDR. III/2. N 279; 314; CIL. III. 1438.

⁹⁷ *Tudor D.* Oltenia Romană. P. 209–211; 401, N 143; IDR. II. N 190. (Эту надпись считают более поздней, времени IV–V вв., происходящей с правого берега Дуная).

⁹⁸ *Кругликова И.Т.* Указ. соч. С. 80–81; *Macrea M.* Op. cit. P. 114, 200–201.

et Benefal et Manavat, а также здание для угощения почитателей этих богов (CIL. III. 7954)¹⁰⁴.

О восточных колонистах Дакии более всего известно по когортам сирийцев, стоявших сначала в Германии и Паннонии, но затем переброшенных в Дакию. Они были набраны в Итурии, Коммагене и в Пальмире. В Дакии размещались две сирийские конные когорты лучников, набранные некогда Веспасианом в Коммагене. Но позднее появились войска из Пальмиры. В Поролиссе стоял отряд *Palmyreni Sagittarii ex Syria*. В посвящении от 250 г., поставленном в Поролиссе жене императора Деция Герении Этрусцилле, он называется *numerus Palmyrenorum Porolissensium sagittariorum civium Romanorum*¹⁰⁵. Этот воинский отряд за храбрость и мужество в бою получил в полном составе римское гражданство. Но если в правовом отношении эти люди стали римскими гражданами, то в культурно-нравственном – они далеко отстояли от римлян. Отряд с таким же названием стоял в Тибиске – *Palmyrenorum Tibiscensium*. В Оптатиане находился воинский отряд – *numerus O(ptatiensium)*. Ономастический материал из городов и пагов Дакии (Ампел, Миция) подтверждает, что сирийский элемент в Дакии был значителен¹⁰⁶.

Для множества известных из провинции имен характерно отсутствие непереносимой для имени римского гражданина формулы *tria nomina* (praenomen, nomen, cognomen). Как известно, система тройного римского имени установилась не сразу. Сначала римское имя состояло из praenomen и nomen. До времени эдикта Каракаллы (212 г.) все население Империи обрело cognomen. После эдикта Каракаллы, когда большинство подданных оказалось с nomen Аврелиев, отпала необходимость указывать его в надписях. От римского имени осталось только прозвище – cognomen. Родовое имя (nomen) в Империи дольше всего оставалось в употреблении у знати¹⁰⁷. Но в надписях Дакии со второй половины II в. пропадает название трибы. Их отличают те черты, которые указывают на отсутствие традиции ношения тройного имени. В надписях из Дакии наличествует некая беспорядочность в обозначении имени, например, в качестве praenomen стоит nomen (нередко nomen *Ulpus* как свидетельство популярности Траяна). Часто nomen служит для обозначения одиночного имени, как nomen *Iulius*, в качестве nomen simplex. Для Дакии известны и такие примеры, когда при имени указано прозвище, под которым ранее было известно то или иное лицо – черта, свойственная именам рабов, отпущенников и вообще лицам, не имеющим римского гражданства. Так, императорский раб (*vema*) Валентин добавляет к своему имени – *qui et Pontianus* (CIL. III. 7974 =

= IDR. III/2. N 453). Центурион, служивший в воинском отряде (*numerus*) Пальмирских лучников, Публий Элий Септимий Авдеон добавляет пояснение к своему имени – *qui et Maximus* (CIL. III. 1471 = IDR. III/2. N 336). В качестве своего cognomen он назвал родовое имя императора – Септимий. Та же история и с именем августала в колонии Сармизегетузе: Элий Макриний Эпидиан поясняет, что он прозывался также и Эпидом¹⁰⁸. С территории Суцидавы известно надгробие, поставленное Элию Валенту по прозвищу Эсбен (*qui et Esbenus*), его женой Сирой и отпущенником Фортунатом¹⁰⁹. Эсбен был фракийского происхождения¹¹⁰. Подобная практика указывать в качестве praenomen личные римские родовые имена, свидетельствует, что их носителями были люди мало романизированные, известные ранее по прозвищам или одиночным именам, которые они носили до получения римского гражданства¹¹¹. Переселение в новую провинцию открыло таким лицам возможность для материального благополучия и правового возвышения.

Итак, нетрудно убедиться, что лишь в первое время колония ветеранов в Дакии представляла собой контингент колонистов из западных провинций. Очень скоро этническая структура населения Дакии была размыта колонистами с греческого Востока. Колонисты были привлечены сюда обилием свободных земель, разработкой золота, а также торговлей, для занятия которой в Дакии существовали большие возможности. Здесь они получали римское гражданство и становились основой городов Дакии.

¹⁰⁴ Tudor D. Oraș... P. 88–89.

¹⁰⁵ Toth E. Porolissum: Das castellum in Moigrad. Budapest, 1978. S. 38; Tudor D. Oraș... P. 247.

¹⁰⁶ Russu I. I. Elementele syriene în Dacia Carpatică și rolul lor în "colonisarea" și romanizarea provinciei // Acta Musei Napocensis. 1959. T. VI. P. 167–180.

¹⁰⁷ Mócsy A. Bevölkerung in der Spätantike // Alföldi G. Bevölkerung und Gesellschaft in der römischen Provinz Dalmatien. Budapest, 1965. S. 214–217.

¹⁰⁸ CIL. III. 1488; IDR. III/2. N 368.

¹⁰⁹ CIL. III. 8040; IDR. II. N 323.

¹¹⁰ Thomaschek W. Die alten Thraker: Eine ethnologische Untersuchung. (Nachdruck). Wien, 1980. S. 9.

¹¹¹ См., например: Epiciadi Plarentis qui et Mico (CIL. III. P. 936, VI; IDR. I. N 36); Titus Beusantis qui et Bradua (CIL. III. P. 948, X).

Глава VIII

МУНИЦИПАЛИЗАЦИЯ РУДНИЧНОГО ОКРУГА ДАКИИ*

Римская провинция Дакия явилась последним территориальным приобретением Империи. Романизация провинции и развитие городского строя начались при Траяне и продолжались до времени правления Северов.

Особое место в хозяйственной жизни провинции занимал горнорудный округ Дакии – и по своей организации, и вследствие его колонизации.

К его колонистам относится большая группа свидетельств, из которой становятся известными переселенные в Дакию правительством для работы в золотых рудниках горнорабочие из Галатии и Вифинии, а также из Далмации. Из Дакии происходит группа надписей, свидетельствующая о статусе рудничных поселков, а также о многообразии происходившей в них жизни, что было связано с работой золотых рудников и добычей золота в провинции. Естественные богатства Дакии и прежде всего золотые рудники, которые стали императорской собственностью, были не последней причиной ее завоевания. Экономическая жизнь в провинции приобрела вследствие этого интенсивный характер. Центрами экономической жизни в провинции оказались не только города, но и рудничные поселки. Мы не касаемся здесь статуса и особенностей хозяйственной и муниципальной жизни городов Дакии. Все, что мы знаем о горнорудном округе Дакии, показывает, что жизнь здесь приобрела полумуниципальный характер и отличалась большой хозяйственной активностью населения. Горнорудное дело было одной из наиболее важных отраслей экономики провинции.

Горнорудный округ Дакии был выкроен из земель племенных общин, о которых из Дакии нет сведений. Не исключено, что золотые рудники до римского завоевания находились в собственности царя и с учреждением римской власти в провинции они перешли в собственность императора. Юридический статус этого округа (*territorium metalli*) был подобен положению императорских имений в провинциях. Рудники Дакии управлялись во время Траяна императорским отпущенником. В ведении такого прокуратора находился штат младшей отпущеннической административной администрации¹.

Главная роль в добыче золота отводилась свободным горнорабочим. Чтобы наладить работу золотых рудников, Траян переселил в Дакию горнорабочих из Далмации (*Sardeates*, *Pirustae*, *Baridustae*, как они

называются в надписях), а также из Вифинии и Галатии. Об этом свидетельствуют несколько посвящений с надписями из Альбурна Большого (ныне Рошиа Монтана), поставленных Зевсу лицами, прибывшими в Дакию из Галатии и Вифинии. Это были уроженцы сельских местностей. Такие посвящения исходят от лиц, носивших греческие имена, и сделаны они были на греческом языке. Дион, сын Лукиана, поставил посвящение Зевсу Ситтакомику. Из Свиды известно, что в Малой Азии был полис Σιττα и существовала *ἱερά κοινὴ Ἀξιττα*, где действовал храм Великой Матери богов². Аналогичное посвящение сделал некий Мирон Зевсу Кимистенскому; Деметрий, сын Арса, поставил алтарь Зевсу Наренскому. Несколько надписей исходит от коллегий, почитавших Зевса Сарвендена и Зевса Нарена³. И тот и другой эпитеты Зевса ведут нас в Галатию. Известно посвящение Юпитеру Солнцу Бусуригию, поставленное Элием Децембром. Это было божество кельтского происхождения. В Дакию его культ был принесен переселенцами из Галатии⁴.

Перечисленные алтари принадлежат peregrinскому населению поселков. В Альбурне Большом они имели собственные объединения – коллегии, куда входили и иллирийцы. Диане Августе посвятил алтарь Панес, сын Эпикада, по прозвищу Суттий. Иллирийские имена коллегатов Суттий и Сутта засвидетельствованы в Дакии⁵. В надписи из Амπεла (совр. Златна), центра горнорудного округа провинции, упомянут принцепс Тит Аврелий Афр, далмат, прибывший в Дакию из муниципия Сплонума (CIL. III. 1322). Этот принцепс получил римское гражданство уже в провинции не ранее времени правления Марка Аврелия, о чем свидетельствует его *poten*. В Дакии Тит Аврелий Афр оказался вместе с другими представителями племени сардеатов, поселенными здесь во II в.

Относительно далматского племени сардеатов известно, что они входили в число тех общин Далмации, которые были отнесены Плинием к *conventus Salonitanus*, где сардеаты составляли 52 декурии (*Plin. HN. III. 142*). Их племенным центром был Сплонум близ Салоны. Известно, что во время Панноно-далматского восстания 6–9 гг. Сплонум был одним из опорных пунктов восставших и играл важную роль в восстании. В Далмации Сплонум был одним из центров горнорудного дела и городское право получил от Адриана⁶. В Дакии сардеаты образовали, видимо, некую самостоятельную общину во главе со своим принцепсом. Тит Аврелий Афр был скорее всего из числа знати сардеатов, т.е. прежним старейшиной племени, но круг его обязанностей в Дакии был,

² *Daicovicu C. Neue Mitteilungen aus Dazien // Dacia, 1937–1940. Bucarest, 1941. VII–VIII. S. 303.*

³ *Ibid. S. 301–303.*

⁴ *Ibid. S. 307 sq.*

⁵ *Ibid. S. 301; Krahe H. Lexicon altillyrischer Personennamen. Heidelberg. 1929. S. 22, 109.*

⁶ *Alföldi G. Bevölkerung und Gesellschaft der römischen Provinz Dalmatien. Budapest, 1965, S. 158, 178, 183, 204, 301.*

¹ *Штаерман Е.М., Смирин В.М., Белова Н.Н., Колосовская Ю.К. Рабство в западных провинциях Римской империи в I–III веках. М., 1977. С. 191 и след.*

* ВДИ. 1987. № 4.

несомненно, другим. Здесь он стоял во главе поселка и работавших в провинции рудокопов из племени сардеатов и был ответствен за население одного или нескольких таких поселков.

Пирусты также принадлежали к иллирийским племенам. Согласно Страбону, пирусты занимали большую область (*Strabo*. VII.5.3). Их земли помещают на юге современной Черногории и Северной Албании. Страбонем они отнесены к самым значительным из паннонских племен. Пирусты также принимали участие в панноно-далматском восстании и были с трудом побеждены в горной и труднодоступной местности (*Vell. Pat.* II.115.4). У Плиния пирусты не названы, но упомянуты три новые общины, входившие в юрисдикцию Нароны и принадлежавшие к *conventus Naronitanus*. Птолемеем пирусты отнесены к далматским племенам. Им названо племя пирустов и три общины – керавний, сиклоты и скиртоны (*Ptol. Georg.* II.15.2), созданные после подавления восстания, когда пирусты были разделены на три группы, названия которых были образованы от мест их поселения⁷. Под собственным именем – пирусты – они известны из Дакии, из Альбурна Большого.

Нам известны несколько рудничных селений в Дакии – Альбурн Большой, Имменоз Большой, Кавиерей, Карт, Аннезийцы Андунокнаты, Марциний, а также такие названия, как Склайеты, Нокнеты, Товеты, Гельдоны, относительно которых нельзя с уверенностью сказать, были ли это племенные группы или названия поселков⁸. Названия Альбурн Большой и Имменоз Большой указывают на то, что пункты с подобными названиями были и меньших размеров. Названия некоторых из них были образованы от мест поселений, существовавших в Далмации. Так, *collegium castellum Baridustarum* в Дакии получила свое название от известного в Далмации поселения *Bariduum*⁹. Сенека, сын Бизона, поставил посвящение Гению коллегии баридустов в Дакии¹⁰. Некоторые поселки, такие как Девзара, Гермисара (*CIL*. III. 1359), а также Рескул близ Альбурна, имели фракийские или иллирийские названия¹¹.

Переселенные Траяном пирусты, а также прибывшие в Дакию галаты и вифинцы сохранили в провинции свои этнические наименования и какие-то черты своей внутренней организации. В Дакии они образовали собственные села и кастеллы, организованные администрацией рудников, где жили работавшие в рудниках перегрины и римские граждане¹². Переселенцы из Дунайских провинций известны и в других городах Дакии. Так, из Ромулы (совр. Решка) известно посвящение богине Дарданике, поставленное неким Аврелием Дарданом, происшедшим из Верхней Мёзии¹³.

Это рудничные поселки, названные в надписях *vicus*, *statio*, *castellum*, не обладали статусом города и находились на территории рудничного округа. Подобно селам, они имели магистров и декурионов. Их население обозначается как *castellani* (*CIL*. III.7821). Во главе рудничного поселка стояли лица с правом латинского или римского гражданства. Известны декурионы поселков иллирийцев, действовавшие одновременно с принцепсами. В поселке Кавиерей латинское гражданство отличало принцепса Максима Венета, а Мазурий Месс был декурионом аннезийцев андунокнетов. К администрации рудничного поселка принадлежал и упомянутый выше принцепс Тит Аврелий Афр, римский гражданин.

Иллирийцам и переселенцам из восточных областей Империи принадлежат документы II в: договоры о купле-продаже рабов, а также некоторые другие документы, раскрывающие финансово-ростовщическую деятельность их населения. Эти договоры написаны латинским курсивным шрифтом и представляют собой деревянные таблички, скрепленные в виде триптихов, не превышающие размером 20 см в длину и 14–15 см в ширину. Одновременно эти надписи являются свидетельством многообразной хозяйственной жизни поселков¹⁴.

Договор о продаже рабыни-девочки Пассии заключен в 139 г. между лицами, живущими в рудничном поселке. Названы Кавиерей, Карт, аннезийцы андунокнеты, декурионом которых, как уже упоминалось, был Мазурий Месс. В числе свидетелей сделки названо лицо с правом латинского гражданства – Максим Венет, принцепс. Остальные лица – перегринского права с иллирийскими именами: Дазий, сын Верзона, продавец девочки, и Максим, сын Батона, – ее покупатель. Сделка совершена в присутствии свидетелей – Максима Венета, принцепса, Мазурия Месса, декуриона андунокнетов, Планиа, сына Верзона, Склайета, Ликкая, сына Эпикада, марцинийца, Эпикада, сына Пларента, названного также Миконом¹⁵.

Употребленное в договоре выражение – *emit mancipioque acceperit* – предполагает, что сделка заключена между лицами, имеющими *ius commercii*, т.е. между латинскими или римскими гражданами. Согласно римским законам право манципации имели лица с правом римского гражданства, лица с латинским гражданством в колониях, латиниюнианы и те из перегринов, которым было дано право заключения торговых сделок с римлянами¹⁶. По римскому праву приобретаемая вещь поступает в этом случае в полную собственность на основании *dominium ex iure Quiritium*. Из определения вещей, относящихся к *res mancipi*, следует, что оно предполагает гражданский статус и имеет место на итальянской земле. В Италии к *res mancipi* принадлежат

⁷ Ibid. S. 52–56.

⁸ Krahe H. Op. cit. S. 6–7, 37, 72–73, 75, 103, 125.

⁹ Wilkes J. J. Dalmatia. L., 1969. P. 184, 244.

¹⁰ Daicovicu C. Neue Mitteilungen... S. 302 u. folg.

¹¹ Thomaschek W. Die alte Thraker (Nachdruck). Wien, 1980. S. 69, 71, 88.

¹² Daicovicu C. Les "castella Dalmatarum" de Dacia // Dacia. N.S. 1958. II. P. 260–263.

¹³ Tudor D., Vladescu C. Dardani la Romula Maiva // Apulum. 1972. N X. P. 183, 189.

¹⁴ CIL.III. P. 936. N VI; IDR. I. N 36. P. 212–217.

¹⁵ CIL.III. P. 936. N VI; IDR. I. N 36. P. 212–217; ИЛН // ВДИ. 1956. № 1. С. 195, № 500 (пер. Е. М. Штаерман).

¹⁶ Ulp. Reg. XIX. 4: *mancipatio locum inter cives Romanos et Latinos coloniariorum, Latinisque Iunianos eosque peregrinos, quibus commercium data est* (Фрагменты Доминия Ульпиана / Пер. Е. М. Штаерман // ВДИ. 1972. № 2).

поместья, к которым могут быть отнесены имения как сельские (*villa rustica*), так и городские (*villa urbana*), и отдельные дома, а также рабы и рабочий скот¹⁷.

В нашем договоре речь идет о купле-продаже рабыни. Поселки Кавиереций и Карт не имеют статуса города и находятся на рудничной территории, как бы изъятой из провинции. Как императорская собственность они подлежали управлению императорской администрации. Совершающие же покупку и продажу – лица peregrinского права, а сама сделка оформлена по римскому праву. Очевидно, мы можем видеть влияние римских отношений, пронизывающих все стороны экономической жизни, коль скоро речь шла о продаже и покупке рабыни в рудничном поселке¹⁸.

Аналогичен договор от 16 мая 142 г. Речь идет о покупке и приобретении в собственность Дазием Бревком мальчика Апалавста за 600 денариев у Беллика, сына Александра. Договор заключен в канаве XIII Сдвоенного легиона, стоявшего в Апуле (совр. Альба Юлия). Его свидетелями и гарантами являются римские граждане: Аппий Прокл, ветеран легиона, Антоний Целер, Юлий Виатор, Ульпий Северин, Луций Фирмий Примитив, Марк Вибий Лонг. Покупатель раба, как и сам продавец, не имеют римского гражданства. Однако сделка также оформлена по римскому праву (*emit mancipioque asserit*). Сходного содержания третий из договоров о продаже женщины-рабыни по имени Тевдота. Покупающий и продающий рабыню – римские граждане (CIL.III. P. 959. XXV).

К населению рудничных поселков относится документ из Альбурна Большого о продаже половины дома (от 6 мая 159 г.)¹⁹. Из текста договора следует, что Андудейя приобрела в собственность в Альбурне Большом, в квартале пирустов (*Alburno Maiori vico Pirustarum*), половину дома со всем к нему относящимся: заборами, изгородями, границами, входами, замками, окнами (*cum suis slaepibus saepimentis finibus aditibus claustris fenestris*) – у Ветурия Валента за 300 денариев. Эта половина дома соседствует с домами Платора Акцептиана и Ингенуя, сына Каллиста. И тот и другой – лица peregrinского права. При продаже дома было оговорено, что его бывший владелец, Ветурий Валент, будет вносить за этот дом налог-tributum до проведения следующего очередного ценза: *convenit(ue) inter eos, uti Veturius Valens pro ea domo tributa usque ad recensum dependat*²⁰. Договор составлен по

форме римского права. Peregrинка Андудейя покупает дом и находящуюся возле него землю посредством акта манципации: в тексте договора стоит та же римская формула – *emit mancipioque asserit*. Купившая половину дома Андудейя вряд ли имела *ius commercium*, дававшее ей право приобретения вещи в собственность. Относительно пирустов считают, что они не имели этого права в Далмации до того, как были переселены Траяном в Дакию, и не получили этой привилегии здесь²¹. Поселок, в котором жила Андудейя, – Альбурн Большой, не имел статуса города, и вся область находилась под управлением прокуратора рудников. Даже в том случае, если бы поселок находился на территории одного из ближайших городов – Амπεла, где было управление рудниками, или Апула, то в 159 г., когда был составлен этот контракт, ни один из них не имел статуса города и италийского права, гарантировавшего бы приобретение дома и земли в полную собственность²².

Считают, что Ветурий Валент, продавец половины дома, носивший римское имя, не имел римского гражданства; его поппен *Veturius* могло быть заимствовано от поппен какого-то оставшегося неизвестным наместника Дакии. К тому же его соседями были лица peregrinского права – Платор Акцептиан и Каллист, сын Ингенуя²³. Не исключено, однако, что Ветурий Валент был римским гражданином. Из Нижней Мёзии, из Капидавы, известна некая Витурия Ульпия из семьи дако-фракийского происхождения, получившая римское гражданство от Траяна. Имя Ветурия встречается в надписях Нижней Мёзии и считается принадлежащим местной семье²⁴.

Тот трибут, который причитался за дом и находившуюся вблизи него землю в виде сада или огорода, был налогом на землю. В сенатских провинциях он назывался *stipendium*, в императорских – *tributum*. Дакия была провинцией императорской. Земля здесь не могла приобретаться в полную собственность, тем более лицом peregrinского права.

дома или какую-либо ее часть, чтобы Андудейя, дочь Батона, или тот, кому это имущество будет принадлежать, не мог иметь, владеть и пользоваться на законном основании, тогда ту сумму, которую спросит дать Андудейя, дочь Батона, эту же сумму обещал отдать Ветурий Валент. И за эту половину дома Ветурий Валент получил от Андудейи, дочери Батона, 300 денариев и сказал, что имеет их. Между ними было также условлено, что Ветурий Валент будет вносить за этот дом трибут до проведения следующего ценза. Совершено в Альбурне Большом накануне non мая, в консульство Квинтила и Приска. Договор скрепил печатью Луций Васидий Виктор в присутствии свидетелей: Тита Флавия Феликса, Марка Лукания Мелиора, Платора, сына Карпа, Тита Аврелия Приска, Батона, сына Аннея, Ветурия Валента, самого продавца".

²¹ Polay E. Hauskaufvertrag aus dem römischen Dakien: (Ein Beitrag zum provincialen Bodeneigentum der Römer) // *Oikumene*. 1979. Bd. I. S. 199–203.

²² Ibid. S. 201, Anm. 13; 203.

²³ Polay E. Verträge auf Wachstafeln aus dem römischen Dakien // *ANRW. Principat*. 1982. Bd. VII. 14. S. 517–519.

²⁴ Florescu Gr. Fouilles archeologiques de Capidava // *Dacia*, 1937–1940. Bucarest, 1941. VII–VIII. P. 346–347.

¹⁷ *Gai. Inst.* II. 16; *Ubp. Reg.* 19.1.

¹⁸ CIL.III. P. 940–943. VII = IDR. I. N 37. P. 216–223.

¹⁹ CIL.III. P. 940–943. VII = IDR. I. N 37. P. 216–223.

²⁰ CIL.III. P. 945. VIII = IRD. I. N 39. P. 226–231: "Андудейя, дочь Батона, купила и приобрела в собственность половину дома, правую от входа, который находится в Альбурне Большом, в квартале пирустов, между соседями Платором Акцептианом и Ингенуем, сыном Каллиста, или если будут другие соседи или пройдет общественная дорога, за 300 денариев у Ветурия Валента. Половину дома, о котором идет речь, со всеми его заборами, изгородями, границами, входами, замками, окнами, как это наличествует и как это зафиксировано, позволено Андудейе, дочери Батона, иметь на законном основании. А если кто-либо предъявит судебную претензию на половину этого

Налог за землю платило все население провинции, кроме городов италийского права, земля которых, согласно этому праву, считалась как бы частью Италии. Она не облагалась налогом и была полной собственностью владевшего ею. Даже в отношении римских граждан и городов, не имевших италийского права, земля считалась лишь переданной во владение (*possessio*). Между тем в договоре из Дакки земля приобретает посредством манципации в собственность лицом peregrinского права, и оформляется этот договор по римскому праву. В литературе было предложено несколько объяснений этому казусу, не единственному в провинциях: или во II в. практически стерлось различие в статусе земель на территории Италии и земель провинциальных, или в условиях реальной жизни была упрощена процедура торговых сделок peregrinov с римлянами. Не имея *ius commercii*, peregrini могли приобретать в собственность землю, а также рабов.

В нашем случае речь идет о рудничном поселке, находившемся на территории, изъятой из управления провинциальной администрации, подчинявшейся прокуратору императора. Объяснение этому лежит, очевидно, в том, что население поселка было смешанным – в нем жили римские граждане, латинские граждане и peregrini, вступавшие в различные деловые, хозяйственные и семейные связи. Их имущественное и правовое положение было различным и при совершении сделок мог не учитываться их правовой статус. Из Альбурна Большого известен римский гражданин Луций Ульпий Валерий, который сдавал в наем свой труд кондуктору золотых рудников Сократиону, сыну Сократа в 163 г. Этот кондуктор не имел права римского гражданства, но вступил в арендные отношения с римским гражданином, нанявшимся на работу в руднике. Как сказано в контракте, Луций Ульпий Валерий неграмотен и за него в его присутствии написал некий Адьютор, сын Макара. Нанимается он на работу в руднике на год²⁵.

Из золоторудного округа происходят договоры о продаже свободного труда, которые датируются 163 и 164 г.²⁶ Из них следует, что государством сдавались в аренду частным лицам отдельные шахты или галереи, а также участки золотосных рек. Между нанимателем и нанявшимся на работу заключалось частное соглашение типа *locatio conductio*. Кондукторами были в большинстве случаев лица peregrinского статуса, как уроженцы греческого Востока, так и иллирийцы: Сократион, сын Сократа; Тит, сын Бевсанта, именуемый также Брадуа; Аврелий Адьютор. Нанявшимися на работы оказываются и peregrini, и римские граждане: уже называвшийся Луций Ульпий Валерий, Меммий, сын Асклепия, Реститут по прозвищу Старший. В

качестве писцов названы Флавий Секундин и Адьютор, сын Макара. Эти контракты показывают, что существовало тесное переплетение хозяйственных связей различных групп населения поселков.

Из Альбурна мы располагаем и некоторыми другими документами, датированными 162 и 167 гг. Они позволяют увидеть ростовщическую деятельность некоего Юлия Александра. Этот эллинизированный уроженец греческого Востока прибыл в Дакцию как римский гражданин. Его должниками здесь оказались иллирийцы и выходцы с греческого Востока, жители рудничных поселков. Они выступают в качестве занявших деньги под проценты и в качестве свидетелей совершения сделок, как, например, Андруенна, дочь Батона, из Девзары или Батон из Тавет. Свидетелями при получении денег в долг являются римские граждане: Луций Вассидий Виктор, Тиций Примитив. Так, у Юлия Александра некто Луп, сын Карента, занял в долг 500 денариев, которые он обязуется возвратить в срок²⁷. Этот же Юлий Александр дал в долг 60 денариев Александру, сыну Каррика, на месяц с условием уплаты 1%²⁸. Юлий Александр и Кассий Фронтин, оба римские граждане, составили в Девзаре заемно-ссудное товарищество на таких условиях, что все убытки в этом деле или вся прибыль от него распределялись между ними в долях, отвечающих суммам внесенных в это товарищество задатков. Юлий Александр внес в кассу 500 денариев, Секунд, раб-актор Кассия Палумба, – 267 денариев. Некоему Коссе они должны были выдать 50 денариев²⁹. Общая касса насчитывала 767 денариев. Из Девзары происходит и документ, из которого известно, что этот Юлий Александр дал в долг уже упоминавшейся Андруенне, дочери Батона, 140 денариев с уплатой 12% годовых³⁰. Все денежные суммы невелики – 60, 140, 500 денариев, но в сравнении с ценами на продающуюся половину дома, а также на рабов, известными из горнорудного округа, они оказываются почти равны им. Известно, что шестилетняя девочка-рабыня стоила 205 денариев, 10–15-летний мальчик – 600 денариев и 20–30-летняя женщина продавалась за 420 денариев³¹, а половина дома в Альбурне стоила 300 денариев.

Относительно практики работы на золотых рудниках Дакки можно считать, что здесь была распространена система колоната на участки земли – шахты или копи, находившиеся в распоряжении собственника рудников, в нашем примере – императора, и пересдаваемые в наем отдельным арендаторам (*conductor*). В надписи из Альбурна Большого назван некий *legulus*, Марк Аврелий Максим, поставивший алтарь Юпитеру (CIL. III.1260). Очевидно, он был колоном-арендатором в рудничном поселке. Из Ампеда известно посвящение императрице

²⁵ CIL. III. P. 948. IX; IDR. I. 40. P. 231–232.

²⁶ CIL. III. P. 948. IX; IDR. I. 40. P. 231–232; CIL. III. P. 948. X; IDR. I. N 41 = ИЛН // ВДИ. 1955. № 4. С. 225, N 449; CIL. III. P. 949. XI; IDR. I. N 42 = ИЛН // ВДИ. 1955. № 4. С. 225. N 450; *Кругликова И.Т.* Дакция в эпоху римской оккупации. М., 1957. С. 88–89; *Mrozek St.* Die Goldbergwerke in römischen Dazien // ANRW. Principat. B.; N.Y., 1977. Bd. VI. S. 95 u. folg.; *Idem.* Über die Arbeitsbedingungen in römischen Bergwerke des 2. Jahrhunderts u. Z. // Das Altertum. 1968. 14. H.3. S. 167–169.

²⁷ CIL. III. P. 949. XII; IDR. I. N 43 = ИЛН // ВДИ. 1956. № 2, № 971.

²⁸ CIL. III. P. 934–935. V; IDR. I. № 35 = ИЛН // ВДИ. 1956. № 2, № 970.

²⁹ CIL. III. P. 950–951. XIII; IDR. I. № 44 = ИЛН // ВДИ. 1956. № 2, № 972.

³⁰ CIL. III. P. 930–933. III; IDR. I. N 33.

³¹ *Штаерман Е.М.* и др. Указ. соч. С. 176 и след.

Аннии Луцилле, дочери Марка Аврелия и жене его соправителя, императора Луция Вера, поставленное отпущенническо-рабской администрацией рудников, а также колонами-арендаторами: *lib(erti) et familia et leguli aurariar(um)* (CIL. III.1307). Для времени более позднего (IV в.) среди паствы Никеты Ремесианского в правобережной *Dacia Ripensis* были горнорабочие – *auri leguli*, работавшие в золотых рудниках в области Ремесианы³². Коллегия золотодобытчиков (*Collegium aurariarum*) в Ампеле, состав которой был, вероятно, смешанным, объединяла колонов-арендаторов, а также императорскую администрацию в лице рабов и отпущенников. Эта коллегия посвятила алтарь Юпитеру за здоровье императора (его имя в надписи не названо) (CIL. III.941).

Некоторой аналогией тому, что отличало практику в золотых рудниках Дакии, являются данные из Испании и Верхней Мёзии. В Испании времени Адриана при аренде серебряных рудников в Випаске (ныне Ажуштрел в Португалии) действовали те же условия, что и в Дакии. Лица, разрабатывавшие шахты, названы как *coloni* или *ossuratores*. Мог быть и один колон, арендовавший шахту, и несколько колонов могли составить товарищество (*societas*) для добычи металла. Каждый из колонов нес расходы в соответствии с той частью шахты, которую он согласился разрабатывать. Колонам разрешалось продавать друг другу шахты или их часть. Желая продать или купить участок земли или шахту в рудничном поселке должен был сделать заявление прокуратору рудника³³. На руднике имелись ремесленные мастерские, цирюльня, баня, а также школы. Все они были обязаны удовлетворять потребности населения рудника, гарантируя, что никто не может заниматься соответствующими профессиями, кроме тех лиц, которые арендовали их у прокуратора.

Исходя из надписей, известных для золотых и серебряных рудников Верхней Мёзии, можно считать, что колоны арендовали у императора, соответственно у государства, шахты и отдельные копи на рудничной территории. Такие колоны-арендаторы имели на эти шахты и соответственно на эти участки земли нечто вроде частновладельческих прав. Из Верхней Мёзии из текста надписи конца I – начала II в. известно, что Вецилия, жена императорского отпущенника Тиранна, прокуратора рудников (*procurator metallorum*), построила на свои средства храм Юпитеру и Гераклу. Место для храма было дано Аппеем Гермесом и тремя Фабиями (*ab Appaeo Hermete et Fabis tribus*). Земля, на которой был построен этот храм, находилась в современном владении четырех колонов-арендаторов³⁴. Эти колоны-арендаторы не были людьми

богатыми, но оказывались в состоянии дать место для храма на своей земле и восстановить храм в рудничном поселке. Очевидно, Марк Аврелий Максим, *legulus* из Дакии, был фигурой, подобной этим колонам.

Уже упоминавшаяся надпись о *collegium aurariarum* из Дакии, а также данные о коллегиях в Альбурне Большем свидетельствуют о том, что в рудничных поселках существовали коллегии. Мы уже говорили о том, что работавшие в рудниках Дакии имели коллегии: коллегия, почитавшая Зевса Сарвендена, коллегия Зевса Наренского, коллегия Баридустов, коллегия в Ампеле, почитавшая Юпитера как *Sol Bussurigi*. Эти данные, а также документ о погребальной коллегии из Альбурна Большого имеют в виду население рудничных поселков. Надпись представляет собой решение руководства коллегией о ее роспуске от 9 февраля 167 г.³⁵ Коллегия находилась под покровительством Юпитера Цернена, божества кельтского происхождения, и насчитывала 54 человека. В момент составления решения о роспуске коллегии в ней находилось 17 человек. У руководства стояли лица peregrinского статуса, которые, как свидетельствуют их имена, были уроженцами греческого Востока: Артемидор, сын Аполлония, магистр коллегии, его сомагистр Юлий, сын Юлия. Квесторами коллегии были Валерий, сын Никона, и Оффа, сын Менофила. Как сказано в документе, со дня своего избрания магистром коллегии Юлий, сын Юлия, не находился ни в Альбурне Большом, ни в коллегии. Свидетели опубликования этого решения в подавляющем большинстве – римские граждане: Луций Васидий Виктор, уже известный при заключении купчей о продаже дома, Гай Секундиний Легитим, Стертиний Рустик, Элий Платор, сын Гельдона, Ульбий Феликс, Септембр, сын Платора.

Эта погребальная коллегия, по-видимому, имела свои декурии в других рудничных поселках. Документ был выставлен в *Alburno Maiori ad statione Resculi*. Это было село (или станция) Рескул, находившееся на часто посещаемой дороге, и поэтому решение о роспуске коллегии было выставлено здесь. Известно о *Rescul(um) vicus An(artorum)* в надписи времени Максимиана Фракийца, где Рескул является селом иллирийского племени анартов (CIL. III.8060).

Аналогичные данные известны из Верхней Мёзии. Они также свидетельствуют об интенсивности жизни в этих поселках и их большой хозяйственной роли в провинции. Из рудничного округа Верхней Мёзии, на северо-западе провинции, в районе Космай и Рудник (римские названия этих мест не сохранились), известно посвящение, поставленное Юпитеру Наилучшему Величайшему неким Марком Аврелием Кресцентием "за себя, своих близких и римских граждан". Кресцентий получил римское гражданство от Марка Аврелия и благодарственной надписью почтил граждан поселка³⁶. Римские граждане поселка

³² *Dušanić S. Aspects of Roman Mining in the Pannonia, Noricum, Dalmatia and Moesia Superior* // ANRW. Principat. B., N.Y., 1977. Bd. VI. P. 74.

³³ *Штаерман Е.М.* и др. Указ. соч. С. 54 и след.; *Буриан Я.* Управление императорскими рудниками в Испании в эпоху Ранней империи // ВДИ. 1959. № 3. С. 129 и след.

³⁴ *Mócsy A. Gesellschaft und Romanisation in der römischen Provinz Moesia Superior*. Budapest, 1970. S. 139; *Inscriptions de la Mésie Supérieure*. Beograd, 1976. T. I. P. 100–103, 127–128, N 103.

³⁵ CIL. III. P. 924–927. I; IDR. I. N 31. P. 192–198; ИЛН // ВДИ. 1956. N 3. С. 238–239, N 1206.

³⁶ *Inscriptions de la Mésie Supérieure*. P. 123. N 94.

(в надписи они называются *cives*) составляли его обособленную часть, довольно значительную и влиятельную. Некий Авлоксаний поставил посвящение Зевсу за себя и коллегия (ее название не сохранилось). Аврелий Бардибал, декурion ремесленной коллегии центонариев, его жена и мать упомянуты в надгробии декурiona³⁷. Существовала также и ремесленная коллегия кузнецов. Аврелий Валерий поставил посвящение Юпитеру в качестве декурiona коллегии; ее название дано в сокращении – АВН: это могли быть *argentarii* ("серебряных дел мастера"), *brattearii* ("позолотчики"); а также какое-то этническое наименование или теоним³⁸.

Сходство, которое обнаруживается в общественной и экономической жизни Дакии и Верхней Мёзии, где были также рудничные округа, показывает, что рудничные поселки сравнительно поздно урбанизировались. Серебряные и золотые рудники на горе Космай и Рудник в Верхней Мёзии называются в надписях как *metalla Ulpiana*, *metalla Dardanicum* и *Aureus Mons*. Статус муниципия они получили от Траяна, Марка Аврелия и в середине III в. Те рудничные территории, которые не были включены в состав городских земель, в правление первых Северов еще управлялись прокураторами³⁹.

Относительно времени, когда императорские рудники Дакии были переданы в управление прокураторов, назначавшихся из всадников, считается, что это произошло в правление Адриана. Со времени Адриана существовали системы двойного прокураторского надзора, когда один прокуратор рудничного округа был императорским отпущенником (*procurator metallorum*), а вторым прокуратором (*procurator augusti*) было лицо из всаднического сословия⁴⁰. В правление Каракаллы прокуратор золотых рудников Элий Сострат (*procurator augusti*) поставил в Ампеле алтарь за здоровье, победу и безопасность императрицы Юлии Домны⁴¹. В строительной надписи из Верхней Мёзии времени Септимия Севера назван прокуратор рудников Кассий Лигурин (*procurator augusti*) и колонны-арендаторы; Публий Фунданий Евтих и Публий Элий Муциан. Они по собственной инициативе и на свои средства восстановили пришедший в ветхость храм Матери-Земли, покровительницы и защитницы рудокопов. Храм был восстановлен в связи с прибытием Септимия Севера в Верхнюю Мёзию в 196 г.⁴²

Муниципализация рудничного округа в Дакии началась при Северах, когда Ампел получил в 200 г. городское право и статус муниципия⁴³. Наместник трех Дакий, Луций Октавий Юлиан, в 200–202 гг. был удостоен почестей от сословия декурionoнов Ампела (*ordo*

Ampelensium). Надписи указывают на образование гражданской общины во главе с сословием декурionoнов и, соответственно, земельной территорией (CIL. III. 1293; 1308). У нас нет соответствующих данных о территории этого нового муниципия, но поскольку Ампел находился рядом с Альбурном, можно считать, что последний вошел в его состав. Община Ампела конституировалась как община римских граждан и ставила алтари и посвящения Церере Августе в 215 г., Фортуне, которая была богиней-покровительницей города и почиталась как *Fortuna Supera* – Фортуна Всевышняя (CIL. III.1106). В Ампеле была почитаема также *Terra Mater*, покровительница рудокопов⁴⁴. Известно посвящение *Castores Augusti*, под которыми подразумевались Диоскуры⁴⁵. Из Ампела происходит посвящение Диане и Матери-Земле. Связь культа Дианы с культом Артемиды-Гекаты обнаруживается в посвящениях из серебряных рудников Мёзии и Далмации⁴⁶.

Большую часть населения Ампела составляли уроженцы греческого Востока. Так, Асклепий Асклепиад и Александриан были *cives Bithyni* (CIL. III.1324). Алтарь Юпитеру поставил сирийский гражданин Опеллий Сура⁴⁷. Юпитера Долихена и "бога Коммагены" почтили уроженцы Сирии – Аврелий Марин, Аддебар, сын Семей, и Океан, сын Сократа, жрецы бога (CIL. III.13016b (= 7835)). Юпитеру Наилучшему Вечному, "богу Коммагены", поставили алтарь за себя и всех своих близких жрецы бога – Марин, сын Марина, и Басс (CIL. III.7835 (= 1301a)). Консульский бенефициарий Аврелий Гай поставил алтарь Юпитеру Долихену за вечное процветание императора Гордиана III⁴⁸.

Предоставление центру рудничного округа права муниципия означало одновременно дарование права римского гражданства населению рудничных поселков, а также Ампела. В немногих надписях этого времени лица с правом римского гражданства носят имена Аврелиев: Аврелий Критон, Аврелий Зосимиан, Аврелий Зосим, *colonia* которых указывают на их греческое происхождение⁴⁹.

С горнорудным делом в Дакии были связаны семьи из других городов провинции – Антонии и Опеллии. Марк Антоний Сатурнин, декурion в столице провинции Сармизегетусе, оставил в Ампеле несколько посвящений: Юпитеру Наилучшему Величайшему, Эскулапу и Гигии, Диане, а также Матери-Земле (CIL. III.1281–1285). Марк Опеллий Адьютор упоминается в надписях из Сармизегетузы и Ампела⁵⁰. В Сармизегетусе он прошел все городские магистратуры и был

³⁷ Ibid. P. 132, N 113, 132; P. 136–137, N 121.

³⁸ Ibid. P. 123–124, N 95.

³⁹ Mócsy A. Gesellschaft und Romanisation... S. 33–40.

⁴⁰ Mrozek St. Die kaiserliche Bergwerksprokuren in der Zeit des Principats // Historia. Torun, 1968. N IV. S. 51.

⁴¹ Macrea M. Viața în Dacia Romană. București, 1969. P. 87.

⁴² Inscriptions de la Mésie Supérieure. P. 157, N 168; Mócsy A. Gesellschaft und Romanisation... S. 37.

⁴³ Macrea M. Op. cit. P. 131–132.

⁴⁴ Macrea M. Op. cit. P. 367.

⁴⁵ CIL. III.1287; Macrea M. Op. cit. P. 364.

⁴⁶ Dušančić S. Op. cit. P. 58–59.

⁴⁷ Russu I. J. Elementele syriene în Dacia Capatică și rolul lor în "colonisazarea" și romanizarea provinciei // AMN. 1959. Vol. VI. P. 179.

⁴⁸ Macrea M. Op. cit. P. 370.

⁴⁹ Russu I. J. Elementele syriene... P. 167; Idem. Inscriptii din Dacia. N 18.

⁵⁰ IDR. III/2. N 116, 117; CIL. III. 942, 1323, 8075.

удостоен почетной мраморной стелы, поставленной на деньги, собранные городской общиной. Он прибыл в Дакию из Далмации, из колонии Эквум. Наследник некоего Публия Цельзения Константа, декуриона в Эквуме, Марк Оппеллий Адьютор стал декурионом также в Сармизегетузе⁵¹. Он был и декурионом в Нижней Мёзии, и муниципии Монтана (совр. Михайловград)⁵², где поставил алтарь Гераклу за благополучие граждан пага Аквы на территории колонии Сармизегетузы (CIL.II.142). Его предпринимательская деятельность проходила в трех провинциях – в Дакии, Далмации и Мёзии. Этому же Марку Оппеллию Адьютору принадлежало керамическое производство в Ампеле: клеймо на черепице МОА читается как M(arcus) O(pellius) A(diutor).

Центр золоторудного района Дакии Ампел всегда имел большое экономическое и военное значение, связанное с охраной рудников. Здесь во II в. стоял отряд XIII Сдвоенного легиона. Прокуратор Апулийской Дакии Гай Семпроний Урбан поставил в Ампеле в 181 г. алтарь Юпитеру (CIL.III.1298). В Ампеле был дислоцирован также воинский отряд мавров из Испании (CIL.III.1294), стоявших здесь со времени Маркоманнских войн⁵³. Алтарь из Ампела был поставлен префектом этого отряда Аврелием Редуксом Фортуне Возвращающей и Гению отряда (CIL.III.1149). Префект мавров из Испании Тит Флавий Кресценций назван в другом памятнике из Ампела. Алтарь был поставлен воспитанником префекта за его здоровье Домашнему Сильвану (CIL.III.1294).

На территории Ампела еще до его муниципализации производился воинский набор в легионы. Лица дакийского происхождения (*natione Dacus*) упоминаются при отставке легионеров V Македонского легиона, когда из 27 легионеров, набранных в Дакии, двое называют в качестве места набора Ампел. Легионеры вступили в римскую армию в 145 г. и в 170 г. были уволены в отставку⁵⁴. Все это позволяет считать, что уже ранее на рудничной территории набирались войска в легионы, а это обычно отличало территории городов.

Провинция была тесно связана в хозяйственном и военном отношениях с дунайскими областями Империи, особенно с Мёзией и Далмацией. Документы из рудничных поселков свидетельствуют о развитой хозяйственной деятельности различных слоев населения провинции и о том, что на рудничной территории действовало то же право, что и на городских землях, – право передачи земли во владение другому лицу или ее продажи. В городах, возникших на рудничной территории, со временем оказалось возможным занятие земледелием, а развитие торговой и финансовой деятельности вовлекло в различные деловые связи как римских граждан, так и переезжавших.

городского самоуправления рудничному центру показывает, что в правление Северов хозяйственная жизнь и общественная деятельность на рудничной территории достигли большого размаха. Существование ремесленных и культовых коллегий, наличие посвященных надписей в честь императорского дома Северов и Гордиана указывают на то, что городская община здесь давно уже сформировалась. С преобразованием Ампела в муниципий муниципальное землевладение получило возможность для дальнейшего развития уже на городской земле.

⁵¹ Alföldi G. Op. cit. S. 119–121.

⁵² Fluss M. Montanenses // RE.; IDR. II. P. 82.

⁵³ CIL.III.1149, 1294, 1316; Macrea M. Op. cit. P. 77, 186, 208, 242–244.

⁵⁴ CIL.III.7505; Macrea M. Op. cit. P. 196.

РИМСКИЙ НАМЕСТНИК И ЕГО РОЛЬ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДАКИИ

Римский наместник, как известно, играл немалую роль в жизни вверенной ему провинции. Как лицо, облеченное большой властью, наместник был ответствен за внутреннее положение в провинции, а также за внешнеполитические дела. Его служебная карьера оказывалась часто связанной с общей ситуацией в Империи в тот или иной период ее истории. Дакия здесь не была исключением: ее внутренняя история, а также внешнеполитические контакты с варварским окружением, связи наместника с Римом и лично с императором, отношения, складывавшиеся между дунайскими провинциями, — все это сказывалось и на характере деятельности ее наместников.

Дакия вошла в систему Римской империи в правление Траяна в качестве провинции императорской, когда административный аппарат на своей верхней ступени уже сформировался. Назначение наместника в провинцию всецело зависело от императора, а сроки наместничества в период Империи бывали различными. В то время как в сенатских провинциях срок наместничества был ограничен одним годом, в провинциях императорских наместник мог находиться на своем посту сколь угодно долго, пока поставивший его император оставался у власти. Более того, биограф Антонина Пия сообщает, что он, став императором, не сместил никого из назначенных Адрианом наместников, а хорошо зарекомендовавших себя людей оставил в этой должности на срок от семи до девяти лет (SHA: Pii. V.3). В среднем же деятельность наместника в императорских провинциях продолжалась три-пять лет. Этот срок оказывался достаточным и для упрочения его власти в провинции. Эти годы были важны и для дальнейшей карьеры самого наместника — после успешного наместничества в Дакии могли последовать высокие посты на Рейне, в Британии и на Востоке, а также в самом Риме.

В ведении наместника находились, в сущности, все гражданские и военные дела. Он имел высшую после императора власть над всеми провинциалами (D. I.18.4). Ему надлежало как высшему магистрату строго и тщательно заботиться о том, чтобы провинция, которой он управляет, жила мирно и спокойно (D. I.18.6). Плиний Младший, вступив в свою провинцию, Вифинию, писал Траяну, что он нашел в ней такую преданность и верность императору, какую тот "заслужил от всего рода человеческого" (Plin. Ep. X.17B). Вместе с наместником провинциалы должны были приносить торжественные обеты о здравии императора и молить богов о его благополучии, а также о благополучии членов его семьи, праздновать день его провозглашения импера-

тором (*dies imperii*). Наместник принимал также присягу воинов и гражданского населения провинции на верность императору (Ibid. 35; 36; 52; 53). Он должен был быть информирован обо всем важном и значительном, что происходило на вверенной ему территории. Свою власть, влияние и связи с провинцией он осуществлял через посредство штата служащих. Этот штат наместника не оставался неизменным. Менялись и его численность, и функции входивших в него служащих.

Штат "службы наместника" (*officium consulare*) начал формироваться уже в I в.¹ Выделение солдат для занятия штабной и канцелярской работой из массы рядовых легионеров произошло, видимо, в правление Адриана. В III в. значение должностей в канцелярии наместника выросло вследствие расширявшегося со времени Северов объема их административной и судебной деятельности. К этому времени относится и большая часть материала из Дакии.

Персонал "службы наместника" был достаточно велик и имел различные обязанности. Он состоял примерно из 200 человек. Возглавлял его *princeps praetorii* в ранге старшего центуриона. К нему был прикомандирован помощник, именуемый *optio praetorii*. Комплектовалась "служба наместника" из младших офицеров и легионеров; в ее состав не входила личная гвардия наместника — его конная и пешая охрана. Обязанности заведующих отдельными канцелярскими исполняли "корникулярии" (обычно трое). В их ведении находились ординарцы и писари. *Commentarienses*, которых было также трое, отвечали за составление протоколов и книг, связанных с набором в армию. Уголовные преступления в армии расследовали "спекуляторы". При наместнике имелось 10 таких *speculatores Augusti*. Одной из их обязанностей было рассмотрение дел легионеров, нарушивших присягу или виновных в каком-либо нарушении воинского долга. В обязанности *quaestiones* входили допрос и пытки обвиняемых. По роду своей службы все они принадлежали к принципалам и, подобно центурионам, входили в штат наместника. Службу безопасности в провинции несли *beneficiarii*. Их посты были расположены на дорогах внутри провинции, в местах их пересечения и на рынках, открытых для торговли с варварами. В числе 20 человек они входили в *officium consulare*. *Beneficiarius consularis* и *beneficiarius procuratoris* имели право командования военными частями дорожной службы. В ведении наместника находились и особо ответственные курьеры-*stratores*, которые управляли дорожными станциями на важных стратегических дорогах Империи, обеспечивая быстрый проезд проезжавшим по государственным делам. Секретную службу безопасности несли *frumentarii*, имевшие различного рода поручения военной связи. Фрументарии, состоявшие под командованием центуриона, тоже принадлежали к числу принципалов. Количество принци-

¹ О развитии имперской канцелярии в армии в эпоху принципата подробнее см.: Смышляев А.Л. Об эволюции канцелярского персонала римской армии в III в. н.э. // ВДИ. 1979. № 3. С. 60 и след.; Он же. *Civilis dominatio*: римский наместник в провинциальном городе // ВДИ. 1997. № 3. С. 24 и след.; Он же. Вступление наместника в провинциальный город: церемония *adventus* по Ульпиану // ВДИ. 1991. № 4. С. 106 и след.

палов в *officium* наместника зависело от того, стоял ли в управляемой им провинции один легион, или же большее их число (как то бывало в периоды военных осложнений на границе). В правление Северов *фрументарии* и спекуляторы делаются своего рода органом тайной полиции; *принципалы* в армии и в *officium consulari* приобретают все большее значение, а должности, занимаемые ими, становятся чисто канцелярскими².

В штат наместника входили также *exceptores* (в Дакии их было шесть). *Exceptor consularis* был при наместнике личным секретарем, умевшим быстро записывать сказанное и затем переносить записанное в протокол³. В службе наместника были простые секретари – *librarii*, *exacti* (счетоводы), а также лица, занятые в его архиве (*actarii*) и в интендантской службе (*actuarii*). В канцелярии имелись и переводчики для сношений с варварскими племенами: *interpretes Sarmatarum, Geta-pogum, Dacorum*⁴. Все эти категории младших офицеров и простых легионеров, занятых в службе наместника, освобождались от черной работы в военном лагере.

Под контролем наместника находилась и почтовая служба, во главе которой стояло лицо, назначаемое из всадников. Из единственной надписи из Паннонии известен такой *praefectus vehiculationis* с окладом 60 тыс. сестерциев в год, ведавший почтовой службой в обеих Паннониях, в Норике и Верхней Мёзии⁵. В почтовой службе были заняты *frumentarii* (не входившие в штат наместника) и *stationarii*, ответственные за почтовые станции (*statio*). В обязанности стационариев входила смена лошадей, осуществлявшаяся в специальных пунктах – *mansiones*, расстояние между которыми составляло от 8 до 10 км. Государственная почтовая служба функционировала и в ночные часы.

Все эти должности военного и полувоенного характера показывают, сколь высокой организации достигла их деятельность при Империи и сколь быстро и сравнительно легко одна провинция в случае необходимости оказывалась связана с другой. Служба безопасности и тайные осведомители при наместнике Дакии обеспечивали в провинции такой мир и порядок, какие должны были поддерживаться во всех римских областях и какие олицетворял собой наместник. Находившийся на его службе штат младших офицеров и рядовых легионеров в той или иной мере был связан и с гражданским населением провинции, прежде всего с городами.

Должность наместника провинции была тем более значительна, что основание новых городов в провинции и предоставление городского права местному населению производил именно он, действовавший как доверенное лицо императора, по чьей рекомендации основывали в провинции город. Для этого выбиралась какая-то памятная дата – день

рождения императора или кого-либо из членов его семьи, религиозный праздник или событие, связанное с победой римского оружия.

Первым наместником Дакии был консул Деций Теренций Скавриан (106–110 гг.)⁶. В его руках сосредоточивалось командование тремя стоявшими в то время в провинции легионами: XIII *Gemina*, I *Adiutrix* и III *Flavia Felix*. Им по распоряжению Траяна была основана (с соблюдением римских обрядов) колония (*ex*) *au(ctoritate Imp(eratoris) Caesaris divi Ner(vae f(ili) Nervae) Traiani Augusti condita colonia Dacica per (D(ecimum) Terenti)um Scaurianum, (leg(atum) eius) pr(o) pr(aetore)*⁷. Из надписи следует, что ее основателем (*conditor coloniae*) считался император Траян, по чьему повелению она и была учреждена посредством выведения поселенцев из числа ветеранов, участников Дакийских войн Траяна. Ее название – Сармизегетуза (в честь прежней столицы даков) – было даровано городу позднее, при Адриане, в 118 г.⁸

Дальнейшее строительство в Сармизегетузе (со всеми особенностями внутреннего устройства и облика римского города) происходило при последующих наместниках Дакии. При Гнее Папирии Элиане в 132 г. в Сармизегетузе был сооружен водопровод⁹. Устройство водопровода в городе было одной из неусыпных забот наместника (Траян советовал Плинию Младшему позаботиться о проведении воды в Никомерию – *Plin. Ep. X.38*). Наместник провинции был одновременно и патроном ее столицы. Его обязанности как патрона столицы и соответственно всего населения провинции имеют свои основы в древнеримском институте патроната–клиенты¹⁰. На нем покоились в известной мере отношения с центральным императорским правительством, когда каждая провинция имела в Риме своего постоянного представителя и своего патрона в лице влиятельного сенатора, чью обязанностью была поддержка представляемой им провинции в судебных делах и в других подобных случаях. В III в. обязанности представителя провинции могли выполнять курульные эдилы в Риме, которые одновременно были и патронами провинциальных общин¹¹.

По-видимому, патронат бывшего наместника не прекращался с отъездом из провинции и, более того, поддерживался представителями его фамилии. Сын первого наместника Дакии, Децима Теренция Скавриана, Деций Теренций Гентиан также был патроном Сармизегетузы. В провинции он служил военным трибуном XIII Сдвоенного легиона, очевидно в наместничество своего отца, как то было принято в Риме для карьеры детей сенаторов. Он был народным трибуном в Риме,

⁶ Stein A. Die Reichsbeamten von Dazien. Budapest, 1944. S. 9, 10.

⁷ CIL. III. 1443 = IDR. III/2. N 1; *Daicovicu C. Sarmizegetusa* // RE. Stuttgart, 1974. Spbd. XIV. Sp. 612; см. также: Колосовская Ю.К. Паннония в I–III вв. М., 1973. С. 79–83.

⁸ *Daicovicu C. Sarmizegetusa*. Sp. 614.

⁹ CIL. III. 1446 = IDR. III/2. N 8; Stein A. Op. cit. S. 21–22.

¹⁰ *Swoboda E. Carnuntum: Seine Geschichte und seine Denkmäler*. Graz; Köln, 1964. S. 127.

¹¹ *Alföldi G. Nocirum*. L.; Boston, 1974. P. 102, 314, N 121, 122.

² *Смышляев А.Л.* Об эволюции... С. 73.

³ *Berciu I., Popa A.* Exceptores consularis in Dacia // *Latomus*. 1964. XXIII. 2. P. 302 ff.

⁴ *The Archaeology of Roman Pannonia*. Budapest, 1980. P. 127 f.

⁵ *Ibid.* P. 128.

квестором и понтификом и в 117 г. стал консулом. В 119–120 гг. производил ценз в провинции Македонии. Почетная надпись в честь Децима Теренция Гентиана поставлена городской общиной Сармизегетузы после 119/120 гг.¹²

Одним из наместников Дакии при Антонине Пии, а также патроном столицы провинции был Гай Курций Юст¹³. Его сын Гай Курций Руфин как трибун латиклавий (первая военная должность в сенаторской карьере) также служил в XIII легионе. Городская община Сармизегетузы поставила почетные мраморные стелы в честь и его, и его отца¹⁴. Столица Дакии поставила три статуи в честь наместника Гая Аррия Антонина, погибшего при Коммоде, а также его сына Гая Аррия Квадрата¹⁵.

Посвятительные надписи и алтари в честь наместников показывают зависимость гражданского населения от лица, чья власть в провинции была высшей и представляла императорскую. Относительно времени Августа нам, правда, известно, что провинциалы не имели права оказывать почести наместникам провинции во время срока их службы, а также в первые два месяца после того, как наместник оставит провинцию. Но очевидно, это не соблюдалось во II и III вв., о чем наглядно свидетельствует посвятительная надпись, поставленная от имени всей провинции в честь наместника Публия Фурия Сатурнина, который получил консулат, уже находясь в провинции Дакии при исполнении своих служебных обязанностей¹⁶. Весь стиль надписи и подобострастно выраженные в ней чувства свидетельствуют о зависимости городов провинции от императорской власти, олицетворявшейся наместником. В надписи сказано, что она обращена к богам благоволящим (*Dis Faventibus*), что провинцию "осенило согласие императоров", а сам Сатурнин, наместник двух августов – Марка Аврелия и Луция Вера, "с момента своего прибытия и до того времени, как он оставил провинцию, так расположил к себе всех и каждого в отдельности своей благожелательностью (*benignitate sua tractaverit*) и даже облегчил повинности (*oneribus etiam relevavit*), что счастливейшая и обязанная его доблестям, а также всецело преданная ему провинция охотно поставила этот памятник"¹⁷.

Наиболее известной фигурой среди наместников Дакии был Квинт Марций Турбон Фронтон Публиций Север, уроженец Далмации из города Эпидавра¹⁸. Возвышение Турбона – один из наиболее известных примеров того, как личное знакомство с императором способствовало быстрой карьере. Его назначение на пост наместника Дакии было

чрезвычайным, так как эта должность принадлежала к сенаторским, Турбон же был всадником¹⁹. Знакомство Квинта Марция Турбона с будущим императором Адрианом произошло в Паннии, где Турбон в 103–107 гг. был старшим центурионом (*primus pilus*) во II Вспомогательном легионе в Аквинке, а Адриан был в этом легионе трибуном латиклавием. При Траяне Турбон командовал в 114 г. Мизенским флотом, участвовал в подавлении восстания иудеев в Египте и Кирене, был прокуратором в Мавретании Цезарейской²⁰. При Адриане Турбон получил титул префекта Египта, но исполнял эти обязанности номинально, а в 118/119 г. Адриан поручил Турбону одновременно наместничество в двух провинциях – в Дакии и в Нижней Паннии – назначение экстраординарное, вызванное нападением сарматских племен.

В наместничество Турбона произошла военно-административная и территориальная реорганизация провинции: Дакия была разделена на два округа – Верхнюю Дакию, охватывавшую центральные и северные районы провинции, и Нижнюю Дакию, в которую входили юго-восточные области Трансильвании и Олтения. С этого времени Верхняя Дакия, где в Апуле стоял XIII Сдвоенный легион, управлялась наместником из числа сенаторов в ранге пропретора (всадник Турбон – исключение). Во главе Нижней Дакии стоял прокуратор всаднического ранга²¹. Тогда же были оставлены далеко выдвинутые на восток области провинции за р. Олт, принадлежавшие во времена Траяна Нижней Мёзии. Успешное наместничество Турбона в Дакии принесло ему в 119 г. пост префекта претория. Однако в последние годы правления Адриана он, подобно многим другим друзьям императора, подвергся опале (*SHA: Hadr. XV.7*). Кант Марций Турбон был патроном Сармизегетузы. Надпись в Дакии (*CIL. III. 1462*) поставлена была, когда сам он служил в Риме префектом претория, от имени колонии Траяновой Ульпии Дакийской Сармизегетузы, как она называлась вначале. Подобная же надпись была поставлена в Тибишке²².

Связь Турбона с Дакией, урбанизация которой только начиналась, существовала, скорее всего, на уровне высшей администрации городов. О таких связях Турбона может свидетельствовать то, что здесь он усыновил двух детей Тита Флавия Лонгина, вероятно, отпущеннического происхождения. Тит Флавий Лонгин служил декурионом во Второй Паннионской але, стоявшей на севере провинции. После выхода в отставку он удостоился высших городских магистратур и стал декурионом в столице провинции Сармизегетузе и в Напоке. Он был также декурионом канабы XIII Сдвоенного легиона в Апуле (*CIL. III. 1100*)²³.

¹² *CIL. III. 1463 = IDR. III/2. N 99.*

¹³ *Stein A. Op. cit. S. 23–24; Daicoviciu C. Sarmizegetusa. Sp. 653.*

¹⁴ *CIL. III. 1458. 1459 = IDR. III/2. N 91, 110.*

¹⁵ *IDR. III/2. N 85–87; SHA: Commod. VII. 1; Pert. III.7; Stein A. Op. cit. S. 46–47.*

¹⁶ *Stein A. Op. cit. S. 35.*

¹⁷ *CIL. III. 7902 (= 1412) = IDR. III/2. N 93; CIL. III. 1460 = DR. III/2. N 92.*

¹⁸ *Wilkes J. J. Dalmatia. L.; Boston, 1969. P. 253, 299, 327–328; Stein A. Op. cit. S. 14–16.*

¹⁹ *SHA: Hadr. II.2; IV.2; VI.7; Stein A. Op. cit. S. 14–18.*

²⁰ О карьере Марция Турбона см.: *Syme R. The Wrong Marcius Turbo // Roman Papers. Oxford, 1979. Vol. II. P. 541–556.* Другой порядок следования военных должностей Турбона в самом Риме дан И. Фитцем: *Fitz J. Data to the Career of Q. Marcius Turbo // Alba Regia. 1966. VI/VII. P. 201–202.*

²¹ *Gerov B. Zwei neugefundene Militärdiplome aus Nordbulgarien // Klio. 1959. N 37. S. 210.*

²² *CIL. III. 1551 = IDR. III/1. N 131; CIL. III. 1575 = IDR. III/2. N 70.*

²³ *Macrea M. Viaja in Dacia Romană. București. P. 44–45.*

Сыновья Тита Флавия Лонгина, усыновленные Квинтом Марцием Турбоном, известны как наместники и прокураторы провинций при Адриане и Антонине Пии: всадник Тит Флавий, сын Тита, из трибы Палатины, Приск Галлоний Фронтон Квинт Марций Турбон, прокуратор Нижней Дакии и Мавретании Цезарейской, и сенатор Тит Флавий, сын Тита, из трибы Палатины, Лонгин Квинт Марций Турбон, известный в 137 г. в качестве квестора при соправителе Адриана, Элии Цезаре. Как назначенный на ближайший год консулом (консул-суффект), он известен в 145 г. при Антонине Пии, когда был куратором общественных работ и сооружений в Риме; позднее, в 154–156 гг., он был наместником Нижней Мёзии²⁴.

По литературным источникам известен наместник Верхней Дакии в 152–153 г. Марк Седаций Севериан Юлий Акр Метиллий Непот Руфин Тиберий Турпилиан Цензор²⁵. Это длиннейшее имя свидетельствует о его усыновлении несколькими семьями и включает в себя помет его матери. Наместник этот прослеживается также по надписям из Дакии. Он удостоился внимания Лукиана и Диона Кассия. Севериан также был патроном Сармизегеты, и после наместничества в Дакии получил в 153 г. консулат в Риме²⁶.

Чтобы приветствовать его при вступлении в эту должность в Рим из провинции была отправлена депутация из пяти граждан: Ульпий Секундин, Марий Валент, Помпоний Гем, Юлий Кар, Валерий Валент. Посольство было отправлено на средства городов. Для его снаряжения требовались деньги, транспортные средства, подобающая одежда. В свиту таких посольств входили также рабы и вольноотпущенники, занятые на административной службе городов. Личность посла считалась неприкосновенной. Поднесение даров, допущение к жертвоприношениям Юпитеру на Капитолии, разрешение пользоваться почетными местами на зрелищах, врачебной помощью в случае болезни – все это входило в привилегии посольств из провинции. Посольство могло быть принято в Риме консулом, претором и самим императором. Целью было произнесение похвальной речи в честь наместника или императора, освобождение провинции от обременявших ее налогов, улучшение положения ее городов. Подобные посольства были очень обременительны для провинциального населения. Веспасиан ограничил состав посольств в Рим тремя лицами (D. 50.7.5.6). Отправление одного посла из Византии в Рим во времена Траяна для произнесения приветственной речи перед императором стоило городу 12 тыс. сестерциев (Plin. Ep. X.43; 44). Здесь можно вспомнить и известные суждения Плутарха, который, сам будучи участником подобного посольства к проконсулу провинции Ахайи, писал: "При нынешнем положении наших полисов не представляется больше возможным отличиться в качестве полководца, тираноубийцы или устроителя союзов. Остаются только

открытые суды или руководство посольствами к императору, так как эти дела нуждаются в человеке, соединяющем присутствие духа и сноровку" (10. 805A)²⁷. Известно, что в правление Севера в Риме разбиралось множество судебных дел из провинций (SHA: Sev. VIII.4).

Депутация от провинции могла Рима и не достигнуть, а достигнув, и не попасть на прием к императору. Алтарь, поставленный по обету Dis et Numinibus Aquarum, свидетельствует об успехе посольства (legati Roman ad consulatum Severiani clarissimi viri missi incolumes reversi ex voto – CIL. III. 1562 = IDR. III/2. N 56).

Самого Севериана в 161 г. мы находим наместником Каппадокии. Здесь застала его Парфянская война (161–165 гг.), высшее командование в которой было поручено Марком Аврелием Луцию Вера, находившемуся со своим штабом в Антиохии. Она началась для Рима неудачно, но привлекла внимание многих тогдашних историков, как находившихся в окружении Луция Вера (ср. SHA: Ver. II.8), так и писавших об этой войне понаслышке. Появившиеся позднее фантастические ее описания вызвали критику и раздражение Лукиана, который тогда был в Антиохии и оказался очевидцем многих событий войны²⁸. Позднее, живя в Афинах, он использовал ее сюжет для изложения своего понимания предмета: как следует писать историческое сочинение и чем именно оно должно отличаться от сочинения риторического²⁹.

Война между Парфией и Римом началась из-за Армении нападением парфян на римские войска, стоявшие на Евфрате. В трехдневном сражении у Элегии был разбит римский легион, вероятно XXII Deiotariana, а наместник, уже известный нам Севериан, покончил жизнь самоубийством³⁰. Лукиан назвал его "глупым кельтом, поверившим предсказаниям лжепророка Александра из Абонотиха", который обещал Севериану победу, а после разгрома римлян изменил текст своего предсказания (Alex. 27). Парфянскую войну вели полководцы Луция Вера – Марк Стаций Приск Лициний Италик, Марк Клавдий Фронтон и Публий Фурий Сатурнин; все они в разное время были наместниками Дакии. Война окончилась лишь в 165 г., а в 167 г. началась Маркоманнская война на Дунае, занявшая несколько лет (167–180 гг.) (см. гл. IV).

Возвратимся к Дакии. В правление Антонина Пия, когда наместники провинций вели войны с германцами и "свободными даками", наиболее известной фигурой был наместник Верхней Дакии в 157–158 гг. Марк Стаций Приск Лициний Италик. В биографии императора Антонина Пия скупо сообщается о конфликтах, которые были улажены на-

²⁴ Stein A. Die Legaten von Moesien. Budapest, 1940. S. 70–71; Fitz J. Die Laufbahn der Statthalter in der römischen Provinz Moesia Inferior. Weimar, 1966. S. 16–17, 47.

²⁵ Stein A. Die Reichsbeamten... S. 24–26.

²⁶ CIL. III. 1562, 1575; IDR. III/2. N 56, 70, 97, 98.

²⁷ Plut. Praecepta gerendi reipublicae. 20. 816D. (Пер. Л.А. Ельницкого // Плутарх. Наставления по управлению государством // ВДИ. 1978. № 3. С. 244).

²⁸ Войну вели полководцы Луция Вера. Сам он, влюбившись в красавицу из Смирны Пантею, предавался удовольствиям в Антиохии. Увидев знаменитую гетеру, Лукиан был поражен ее красотой и воспел ее в двух своих произведениях: "Изображения" и "В защиту изображений" (Лукиан. Сочинения. М., 1915. Т. I. С. XXXIX–XL).

²⁹ Lucian. Quomodo histor. conscrib. 14–27; SHA: Ver. VIII.4; Dio Cass. LXXI.1, 2.

³⁰ Dio Cass. LXXI. 2.1; Lucian. Quomodo histor. conscrib. 21; 25–26.

местниками провинции (Germanos et Dacos et multas gentes... contudit per praesides ac legatos – SHA: Pii. V.5). Марк Стаций Приск оставил посвящения во многих городах провинции: Ампеле, Апуле, Сармизегетузе³¹. Они поставлены за благополучие Антонина Пия и всей Римской империи – значит, легион Дакии вел тогда военные действия. В Апуле, где он располагался, Марк Стаций Приск поставил алтарь "Юпитеру Наилучшему, Величайшему и совету богов и богинь за благополучие Римской империи и за доблесть XIII легиона" (CIL. III.1061). Алтарь Victoriae Augustae был посвящен также Антонину Пию и связан с военными событиями в Дакии (CIL. III.1416). Известны посвящения Стация Приска Диане Августе, Юпитеру за благополучие Антонина Пия, а также посвящения Нимфам из Гермисары. В Верхней Дакии появились воинские подразделения из Африки и Мавретании Цезарейской, набранные из мавров (CIL. XVI.108). В 159 г., когда еще не истек срок наместничества Марка Стация Приска в Дакии, ему был определен консулат, и связано это было с большими военными успехами в провинции. В надписях Дакии он называется praeses dignissimus. В 161 г. он был наместником Верхней Мёзии, затем Британии и в 163 г. стал наместником Каппадокии. Сменив на этом посту погибшего Севериана, он отличился во время Парфянской войны Луция Вера³².

В его же наместничество или вскоре после того произошло разделение Дакии на три провинции – фактически три военно-административных округа: Dacia Porolissensis, на севере, с центром в Поролиссе; Dacia Apulensis, в которую вошла основная часть Верхней Дакии, где стоял XIII легион и находилась столица провинции – Сармизегетуза; третий округ – Dacia Malvensis – был образован из Нижней Дакии с главным городом Ромулой³³. Во главе всех трех Дакий стояли прокураторы всаднического ранга. Они обладали самостоятельностью в области гражданского управления и осуществляли военное командование над вспомогательными войсками своих провинций. Но Дакия Апулийская, которая, помимо вспомогательных войск, имела легион, оказалась на особом положении. Здесь было местопребывание наместника из сенаторов, занимавших ранее должность претора в городе Риме (legatus Augusti pro praetore). Этот наместник обладал высшей военной и гражданской властью – ему были подчинены все три всадника-прокуратора трех Дакий. В 166 г. в Дакию был переведен из Нижней Мёзии V Македонский легион и расквартирован в Потаиссе. С этого времени во главе трех Дакий стоял наместник консульского ранга, так как ему были подчинены два легиона; отныне он стал именоваться legatus Augusti pro consule trium Daciarum³⁴. Особое положение Дакии Апулийской и ее наместника-сенатора, в чьем распоряжении находились два легиона провинции, сказалось в дальнейшем на истории Дакии в период узурпаций императорской власти.

С событиями Маркоманнских войн, длительных и чрезвычайно сложных для Рима, связано наместничество в Дакии Марка Клавдия Фронтон, сподвижника Марка Аврелия. Марк Клавдий Фронтон, бывший уже консулом, стал первым наместником трех Дакий в ранге проконсула. В 169–170 гг. он был наместником одновременно трех Дакий и Верхней Мёзии³⁵, что было вызвано трудностями Маркоманнских войн, когда в борьбе против сарматских и германских племен потребовалось объединение войск обеих провинций³⁶. На этом посту Марк Клавдий Фронтон и погиб в 170 г. в сражении с германцами и сарматами. Как написано на пьедестале поставленной ему в Риме статуи, "после нескольких счастливых сражений против германцев и сарматов он пал за республику, храбро сражаясь до последнего". Эта статуя была поставлена на форуме Траяна, декретированная сенатом по предложению Марка Аврелия. В надписи под ней (Dobó. 819b) были перечислены должности его военной и гражданской карьеры. В надписи из Сармизегетузы Марк Клавдий Фронтон назван "храбрейшим полководцем и величайшим наместником" (dux fortissimus и praeses amplissimus – CIL. III. 1457 = IDR. III/2. № 90).

В связи с гибелью наместника на поле битвы и осложнением положения в Дакии сюда прибыл с экспедиционной армией Марк Аврелий³⁷. В столице в честь императора была поставлена почетная надпись (CIL. III.7969), свидетельствующая о тяжелом положении провинции и самой столицы, которая, "избегнув двойной опасности, была восстановлена благодаря доблести"³⁸. В чем именно состояла эта двойная опасность, неизвестно. Возможно, что это были осложнения, вызванные нападением язигов, конфликтами с вандалами и движением костобоков. Считают, что в это время Марком Аврелием могла быть высказана мысль об оставлении провинции Дакии³⁹. В присутствии императора вступил в свои обязанности новый наместник, Секст Корнелий Клемент – consularis et dux trium Daciarum⁴⁰. Ему пришлось вести сражения с вандалами и костобоками, вторжение которых произошло в 170 или в 171 г.

Присутствие Марка Аврелия в Дакии было вызвано и какими-то обстоятельствами, связанными с Публием Гельвием Пертинаксом, будущим императором⁴¹. В наместничество Фронтон он занимал пост

³⁵ О карьере Фронтон см.: Birley A. Marcus Aurelius. L., 1966; Daicoviciu C., Daicoviciu H.M. Claudius Fronto et Dacia Malvensis // Acta of the Fifth International Congress of Greek and Latin Epigraphy. Cambridge, 1967; Oxford, 1971. P. 343–347; Balla L. Prosopographia Dacica // DME. 1968. Debrecen, 1970. I. P. 143–144 (фр. рез.).

³⁶ Mócsy A. Pannonia and Upper Moesia. L.; Boston, 1974. P. 187–188.

³⁷ Balla L. Factio in Pertinacem // Acta Classica Univ. Scient. Debrecen, 1971. T. VII. P. 74–75.

³⁸ CIL. III.7969; Birley A. The Invasion of Italy in the Reign of M. Aurelius // Provincialia: Festschrift für R. Laur-Belart. Basel; Stuttgart, 1968. P. 222.

³⁹ Balla L. Recusantes provinciales in Dacia // Oikumene. Budapest, 1976. N 1. S. 189. Anm. 37.

⁴⁰ Stein A. Op. cit. S. 44; Balla L. Factio in Pertinacem. P. 75.

⁴¹ Balla L. Factio in Pertinacem. P. 73–76.

³¹ CIL. III. 940, 1061, 1299, 1416, 7882.

³² Stein A. Op. cit. S. 28.

³³ Idid. S. 28, 37–39. См. также гл. V.

³⁴ Ibid. S. 32 u. folg., 40 u. folg.

прокуратора Дакии Апулийской. В 170 г. Пертинакс был освобожден Марком Аврелием от своих обязанностей. В биографии Пертинакса сохранилось довольно неясное упоминание о недовольстве, которое Марк Аврелий выразил Пертинаксу лично: причина его могла крыться в военных неудачах. Как выяснилось потом, обвинение оказалось напрасным, и вскоре последовало оправдание Пертинакса и повышение его в должности. Как командующий I Вспомогательным легионом, дислоцированным в Паннонии, Пертинакс был введен в сенат самим императором. Вместе с Тиберием Клавдием Помпеяном, зятем Марка Аврелия, он провел несколько лет на дунайском фронте, командуя войсками в Реции, Норике, Паннонии и Дакии. В 175 г. он стал наместником обеих Мёзий и после этого получил пост наместника Дакии. Пертинакс управлял всеми тремя округами Дакии в качестве наместника консульского ранга (SHA: Pert. II.10).

Провинциальное общество было, несомненно, чутким к смене наместника, так как всякий раз ожидалось возможное изменение ориентации и политической линии правительства. Каждый наместник прибывал со штатом своей канцелярии, хотя, конечно, она не могла меняться во всех своих звеньях, но скорее – на высших административных постах. Известен интересный эпиграфический памятник из дакийской Ромулы: на черепице по мокрой глине нанесена курсивная греческая надпись, сообщающая об отъезде из Дакии одного наместника, Гая Аррия Антонина (176–177 гг.), и приезде другого – Публия Гельвия Пертинакса. Эта черепица вышла, скорее всего, из мастерской воинской части и передает важное событие в жизни провинции (IDR. II. N 391).

Несомненно, положение наместника во время гражданских междоусобиц и узурпаций императорской власти и даже в случае простой смены императоров могло быть весьма опасным. История Римской империи полна примеров крушения всаднических и сенаторских карьер при такой смене. Так, Гай Юлий Септимий Кастин, личный друг императора и, возможно, родственник Септимия Севера⁴², которому Каракалла поручил Дакию в 213 г., отправляясь на войну с Парфией, был смещен с поста Макрином и затем погиб при Элагабале (Dio Cass. 78.13.2)⁴³.

В правление Септимия Севера наместником трех Дакий был брат императора – Публий Септимий Гета (SHA: Sev. VIII.10; XIV.10). Он упомянут в надписи из Потаиссы 195 г., поставленной в его честь легатом V Македонского легиона Тиберием Клавдием Кандидом (CIL. III.903). В другой надписи из Апула сообщается, что Публий Септимий Гета был почтен статуей от младших офицеров его канцелярии – *cornicularii et commentarienses et speculatores* (CIL. III.7794).

В истории Дакии были и такие наместники, относительно которых можно сказать, что сами они и вверенная им провинция были не лояльны к центральной императорской власти. Одним из таких был Квинт Аксий Элиан, оставивший несколько памятников в столице провинции⁴⁴. Будучи всадником и прокуратором одной из трех Дакий – *Dacia Apulensis*, он дважды был одновременно наместником всей Дакии. Сословие декурионов Сармизегетузы поставило ему почетную надпись, из которой известна его карьера. Квинт Аксий Элиан был жрецом в Лавренте и Лавинии – италийских городах, образовавших сакральный союз, куратором общественных дорог в Италии – Траяновой и Аврелиевой – и куратором общины экланезийцев (в Самнии), прокуратором по управлению алиментарным фондом в четырех областях Италии (Апулии, Калабрии, Лукании и Бруттии), прокуратором императорского имущества в Мавретании Цезарейской (этот пост он занимал при Александре Севере), в Белгике и двух Германиях, затем стал прокуратором Дакии Апулийской и дважды исполнял обязанности наместника всей провинции (*bis vice praesidis*). В двух надписях из Дакии в титулатуре Квинта Аксия Элиана сказано, что он был прокуратором двух августов: *v(ir) e(gregius) proc(urator) Aug(ustorum)*. Но в то время как в одной из надписей с этим текстом (CIL. III.1422) в слове *proc(urator) Aug(ustorum)* второе *g* было сколото с камня и осталось *proc(urator) Aug(g)(ustorum)*, в другой (CIL. III.1423) – это второе *g* осталось – *proc(urator) Aug(ustorum)*. Это обстоятельство, давно обратившее на себя внимание исследователей, находит свое объяснение в том, что прокуратором Апулийской Дакии и одновременно наместником всей провинции Дакии Квинт Аксий Элиан был в совместное правление каких-то двух августов и остался на этом посту в правление одного августа⁴⁵. Если известно, что при Александре Севере Квинт Аксий Элиан управлял его личным имуществом в Мавретании Цезарейской (CIL. III.1456), то прокуратором двух следующих августов в Дакии он мог быть в правление или Максимиана Фракийца и его сына, или сенатских императоров – Пупиена и Бальбины, либо обоих старших Гордианов. За короткий срок, когда Квинт Аксий Элиан, будучи прокуратором, дважды был наместником Дакии, в Риме сменилось шесть императоров и все они умерли насильственной смертью. Следовательно, всадник Квинт Аксий Элиан оставался на своем посту со времени Максимиана Фракийца до правления одного августа – Гордиана III. Следовало ожидать, что Квинт Аксий Элиан будет смещен с этого поста, так как постановлением сената Максимиан Фракиец был объявлен врагом сената и народа Римского и в провинции была послана комиссия из 20 сенаторов с требованием отпасть от Максимиана⁴⁶. Но в

⁴² CIL. III.7638; Stein A. Op. cit. S. 66; Birley A. *Septimius Severus: The African Emperor*. L., 1971. P. 251.

⁴³ *Daicoviciu C. Einige Probleme der Provinz Dazien während des 3. Jahrhunderts // Studii Clasice*. 1965. Bd. 7. S. 325 u. folg. Другая датировка (214 г.) предложена И. Фитцем. См.: *Fitz J. When was Caracalla in Pannonia and Dacia? // Alba Regia*. 1966. VI/VII. P. 202–205.

⁴⁴ CIL. III.1422; 1423, 1456 = IDR. III/2. N 89, 157, 158, 191, 206, 244, Stein A. Op. cit. S. 71–72; Pflaum H.-G. *Les carrières procuratoriennes équestres sous le Haut-Empire Romain*. P., 1961. Vol. II. P. 851–854.

⁴⁵ Seeck O. *Die Entwicklung der antiken Geschichtsschreibung und andere populäre Schriften*. B., 1898. S. 219 u. folg.; Stein A. Op. cit. S. 71.

⁴⁶ SHA: Max. duo XV. 14; Herodian. VII.7.7.

Дакии этого не случилось. Наместник, провинциальная аристократия и легионы держали сторону Максимиана, и Квинт Аксий Элиан находился на посту наместника Дакии все это смутное время вплоть до единоличного правления Гордиана III. Сколотое второе g в слове *procurator Aug(g)* указывает на то, что он остался в этой должности и при Гордиане III.

Сохранение Дакией и ее наместником долее других провинций лояльности к Максимиану Фракийцу, а значит и ожидание Квинтом Аксием Элианом немилости со стороны Гордиана III, подтверждает характер посвящений, поставленных его сыном, Квинтом Аксием Элианом Младшим: это алтари по обету (*votum pro patris incolumitate susceptum cum gratulatione*) с латинским посвящением Эскулапу и Гигии, богам-хранителям (*dis conservatoribus*), а также с греческой надписью с тем же посвящением Эскулапу и Гигии и богам-человеколюбцам⁴⁷. Они дают основания считать, что Квинт Аксий Элиан благополучно избежал какой-то грозившей ему опасности, скорее всего произошедшей от того, что он и войска провинции продолжали сохранять верность Максимиану и при сенатских императорах.

При такой нестабильности императорской власти смена провинциальной администрации вряд ли могла происходить так, чтобы каждый император имел реальную возможность послать своего ставленника в Дакию, сместив на этом посту его предшественника. Обстановку неуверенности, неустойчивости центральной власти и просто чувство страха, испытываемого наместником в подобных ситуациях, отражает, по-видимому, текст votivного алтаря, поставленного Публием Элием Гаммонием Младшим, прокуратором Апулийской Дакии. В его титулатуре: *v(ir) e(gregius) procurator Aug(g)*. — также было счищено второе g: обстоятельство, указывающее на то, что свою службу в Дакии Гаммоний начал в качестве прокуратора двух августов и затем остался на этом посту в качестве прокуратора одного августа⁴⁸. Вся его карьера типична для всадника: он был префектом V Испанской когорты, воинским трибуном в Первой когорте Германцев, препозитом вспомогательных войск в Каппадокии, отправленных в Армению во время Персидской войны Александра Севера, префектом I алы Гетулов, препозитом вспомогательных войск Нижней Мёзии; при Гордиане III он стал префектом флота Нижней Мёзии и затем был им же назначен на пост прокуратора этой провинции. Отправление им должности прокуратора двух августов в Дакии приходится на время правления либо Филиппа Араба и его сына (244–249 гг.), либо Деция и его сына Этруска (249–251 гг.), а может быть, и на время правления Требониана Галла и его сына Волузиана (251–253 гг.) или даже Валериана и Галлиена (253–260 гг.). Затем он стал прокуратором одного августа, а таким ближайшим по времени правителем на короткое время стал узурпатор Эмилиан, провозглашенный императором в 252 г. в Египте, поддержанный в 253 г. нижнедунайскими провинциями и

признанный потом римским сенатом⁴⁹. Вряд ли за столь малый срок своего правления (после того как Эмилиан был признан сенатом, он правил только три месяца и затем был убит) Эмилиан успел подтвердить оставление на посту прокуратора Апулийской Дакии Публия Элия Гаммония Младшего. Гаммоний остался прокуратором *de facto* и, очевидно, сам распорядился сколоть с камня второе g в своей титулатуре, когда он стал прокуратором одного императора, вероятно Галлиена.

В Сармизегетусе он посвятил алтарь всем богам римского пантеона: Юпитеру Наилучшему Величайшему, Юноне, Минерве, богам-советчикам (*diis consentibus*), божу Здоровья, Фортуне Возвращающей, Аполлону, Диане-Победительнице, Немезиде, Меркурию, Гераклу Непобедимому, Солнцу, Эскулапу, Гигии, бессмертным богам и богиням⁵⁰. Этот алтарь свидетельствует отнюдь не о синкретизме верований прокуратора, но о чувстве неуверенности и страха. Если Публий Элий Гаммоний Младший, будучи действительно назначен прокуратором одной из трех Дакий при Филиппе Арабе, пережив затем гибель стольких императоров (Филиппа Араба и его сына, Деция и его сына, Требониана Галла и его сына), уцелел, став прокуратором Эмилиана, вскоре также убитого, то он действительно имел веские основания почтить всех богов римского пантеона. Возложение на прокуратора Апулийской Дакии обязанностей наместника трех Дакий, очевидно, имело место только в случае узурпации императорской власти или гибели прежнего наместника на поле битвы, когда новый император не успевал назначить своего ставленника. Поручая пост наместника прокуратору, он тем самым повышал его в должности, так как теперь ему вверялись и оба легиона провинции, и высшая власть, гражданская и военная, а сам этот пост был сенаторским. Имелась в виду и некая гарантия преданности такого наместника, поскольку своим назначением и социальным возвышением тот был всецело обязан новому императору. В правление Элагабала Ульпий Виктор, прокуратор Апулийской Дакии, исполнял обязанности наместника всей Дакии (*agenti vice praesidis* — CIL. III.1464). Ранее он был прокуратором Поролисской Дакии. Его военная карьера протекала при Каракалле и Элагабале на Дунае, а гражданская — в Италии⁵¹. Ульпий Виктор был префектом VII когорты Бревков, командовал вексилляциями вспомогательных войск Нижней Паннии, отправленными на Парфянскую войну при Каракалле, а также вексилляциями VII Клавдиева легиона, был трибуном II Парфянского легиона, набранного Септимием Севером в дунайских провинциях и расквартированного им после окончания гражданских войн под Римом. Он был субпрефектом анноны, управлял императорскими имениями в Этрурии и в Пицене, а также имениями Плавциана, близкого друга императора, на дочери которого Север

⁴⁹ Eutrop. IX. 5; Aur. Vict. De Caes. 29; Epit. de Caes. 31; Oros. VII.21.6; ср. Mattingly H. The Reign of Aemilian // JRS. 1935. N XXV. P. 55–58.

⁵⁰ IDR. III/2. P. 216–217, N 246.

⁵¹ Pflaum H.-G. Les carrières... II. P. 692–693; Stein A. Op. cit. S. 63.

⁴⁷ CIL. III. 7899 = IDR. III/2. N 157, 158; Dessau. 3849a.

⁴⁸ Stein A. Op. cit. S. 81–82; по мнению К. Дайковича, второе g в слове *Aug(g)*. не счищено с камня, а случайно стерлось. См.: Daicoviciu C. Sarmitzgetusa. Sp. 652 u. folg.

женит своего сына Каракаллу и которого убил в 205 г. (SHA: Sev. XIV.5–8).

Смерть императора, изменения политической ориентации в Риме, перемена в сфере провинциальной администрации – все это оказало влияние на общественную жизнь в провинции и повлекло за собой изменения в верхних слоях власти. После Септимия Севера его сыновья жили, ненавидя друг друга, и каждый из них имел свой двор, своих приближенных и друзей, среди которых были и сенаторы, и бывшие консулы. Обстановка неуверенности распространялась и на провинции. После того как Каракалла убил своего брата Гету, в Риме погибло много его приверженцев и сторонников (SHA: Caracal. II–IV; Geta. VI–VII), а из слов Геродиана явствует, что командовавшие в некоторых провинциях сторонники Геты, консулы и прокураторы (IV.6.4) после убийства Геты были уничтожены Каракаллой. В их числе был проконсул Нарбоннской Галлии (SHA: Caracal. V.1).

Дунайские армии, и, в частности, легионы Дакии, а также гражданское население провинции поддержали ряд узурпаций на Дунае в правление Галлиена. Недовольство в дунайской армии было вызвано стремлением Галлиена уменьшить влияние соединений, некогда сформированных на Дунае и получивших потом название иллирийских. В 256 г. (самое позднее – в 257 г.) он назначил своего старшего сына, Корнелия Валериана, командующим войсками в Иллирике⁵². В руках Галлиена оказалась власть над всеми дунайскими провинциями, что преследовало цель обезопасить центральное правительство от узурпаций дунайских легионов⁵³. Но во второй половине 258 г., когда Валериан Младший умер, последовала узурпация Ингенуя, который объединил под своей властью армии Иллирика. Это была первая серьезная попытка дунайской армии выдвинуть своего ставленника на императорский трон. В руках Ингенуя оказались легионы Реции, Норика, Паннонии, Верхней Мёзии и Дакии. Бунт иллирийской армии был подавлен войсками, прибывшими с Рейна и из Британии; Ингенуй был разбит в Паннонии⁵⁴.

В 260 г. войсками Верхней Мёзии был провозглашен императором Регаллиан⁵⁵. В его руках находилась власть в нескольких дунайских провинциях. Авторы "Биографий августов" определяют его как *Illyrici dux* и *in Illyrico ducatum gerens* (SHA: Trig. tyr. X.1; 9). Регаллиан командовал войсками в обеих Паннониях, в Верхней Мёзии и, очевидно, в Дакии. На монетах Галлиена, чеканенных в 261 г., отсутствуют названия легионов этих провинций⁵⁶. Успешные действия Регаллиана против сарматов (Ibid. 2), от чьих нападений обычно страдали

Нижняя Паннония и Дакия, косвенным образом указывают на то, что Дакия могла быть в числе провинций, поддерживавших Регаллиана. Происходил же Регаллиан якобы из Дакии, и даже из рода самого Децебала (Ibid. 8). Главной опорой Регаллиана была Паннония. Наскорю основанный им монетный двор в Карнунте чеканил монеты с его именем и именем его жены (или матери) Сульпиции Дриантиллы. Монеты представляли собой надчеканку монет Каракаллы и Александра Севера, Юлии Домны и Юлии Мезы⁵⁷. Правление Регаллиана на Дунае было недолгим. Он был разбит в том же 260 г. легионами, пришедшими из Германии, и конницей мавров, во главе которых стоял Авреол, командовавший конницей Галлиена⁵⁸.

Узурпации императорской власти не оставляли безучастным население провинциальных городов. Муниципальная знать неизбежно оказывалась втянутой в гражданские междоусобия. Население провинции Мёзии, поддерживавшее узурпатора Ингенуя, подверглось жестоким репрессиям со стороны Галлиена (Ibid. IX.3; X.2). Провинциалы испытывали страх перед каждой новой узурпацией. И если верить биографу Регаллиана, то именно страх провинциалов, боявшихся жестоких репрессий со стороны императора, и нерешительность войска (Ibid. X.2), а также вмешательство во внутренние распри роксоланов (разместившихся к тому времени в междуречье Дуная и Тисы и частично поселенных в пределах Паннонии) привели к падению Регаллиана⁵⁹.

Деятельность наместника распространялась и на строительство больших общественных сооружений. От его имени и при его попечительстве происходило сооружение и торжественное открытие общественных зданий. Так, в Поролиссе, крупном военном лагере на севере Дакии, благодаря инициативе прокуратора Дакии Поролиссской Тиберия Клавдия Квинтилиана и под его наблюдением был восстановлен в 157 г. амфитеатр, возведенный ранее из дерева. Вся постройка была осуществлена от имени императора Антонина Пия⁶⁰. В наместничество Ульпия Виктора при посредстве центуриона V Македонского легиона Тита Флавия Сатурнина воинским отрядом пальмирских лучников в Поролиссе в связи с прибытием Каракаллы в Дакию в 213 г. был восстановлен сгоревший храм пальмирского бога Бела⁶¹. От имени императора Септимия Севера при наместнике трех Дакий Оле Теренции Пуденте Уттедиане были восстановлены бани для Второй Флавиевой когорты. Работы происходили под наблюдением префекта когорты Секста Бебия Скрибона (CIL. III.1374). При наместнике Луции Помпонии Либерале в правление Септимия Севера торжественно было

⁵² Fitz J. *Ingenius et Régalien* // Collection Latomus. Bruxelles; Berchem, 1966. Vol. LXXXI. К сожалению, эта работа осталась мне неизвестной, я знакома с ней по ссылкам в других исследованиях. См., например: Mócsy A. *Pannonien und die Soldatenkaiser* // ANRW. Principat 6. B.; N.Y., 1977. S. 564 u. folg.

⁵³ Колосовская Ю.К. Паннония... С. 238 и след.

⁵⁴ Šašel J. *Bellum Serdicense* // Situla. 1961. Vol. 4. S. 27 u. folg.; Mócsy A. *Pannonia and the Upper Moesia*. P. 208 f.; Колосовская Ю.К. Паннония... С. 238 и след.

⁵⁵ SHA: Trig. tyr. V; Aur. Vict. 33.2; Epit. de Caes. 32.3.

⁵⁶ Ritterling E. *Legio* // RE. Stuttgart, 1924. Bd. XII. Sp. 1341–1342.

⁵⁷ Elmer G. *Der römische Geldverkehr in Carnuntum* // NZ. 1933. S. 59 u. folg.; Mócsy A. *Pannonia* // RE. 1962. Hbhd. IX. Sp. 569; *Idem*. *Pannonia and Upper Moesia*. P. 209.

⁵⁸ Saria B. *Zur Geschichte des Kaisers Regalianus* // Klio. 1937. N 30. S. 352 u. folg.; Šašel J. *Bellum Serdicense*. S. 27–30.

⁵⁹ Mócsy A. *Pannonia and Upper Moesia*. P. 208 f.

⁶⁰ CIL. III. 836; Stein. Op. cit. S. 29.

⁶¹ Tudor D. *Les constructions publiques de la Dacie romaine d'après les inscriptions* // Latomus. 1964. Vol. XXIII. 2. P. 277, 280.

начато строительство здания для коллегии центонариев⁶². В наместничество уже называвшегося Марка Стация Приска Лициния Италика в Апуле производились работы, связанные с водопроводом. Попечительство о работах взял на себя некий Луций Аврелий Трофим (CIL. III.1061). От имени префекта V Македонского легиона в Потаиссе при Галлиене был построен храм восточному божеству, богу Азизию (CIL. III.875). Легат XIII Сдвоенного легиона Гай Цереллий Сабин распорядился в 182–185 гг. восстановить митреум в Апуле (CIL. III.1114).

Упоминание в надписи о наместнике, от чьего имени здание было восстановлено или реставрировано, не означает, что оно было возведено целиком на его средства, но свидетельствует об уважении к представителю высшей императорской власти, по инициативе которой могло быть начато строительство. Сами строительные работы нередко производились руками военных и осуществлялись на средства казны (*sumptu fisci*), как это было при сооружении в Амполе канцелярии прокуратора золотых рудников. Наместник провинции мог побуждать к строительной деятельности военных, особенно младших офицеров из штата своей канцелярии, где должности хорошо оплачивались. Известно о сооружении общественного фонтана в Апуле спекулятором XIII легиона (CIL. III.990). В 193 г. легионер XIII легиона Марк Ульпий Муциан построил *horologiarium templum* (CIL. III.1070). Он представлял собой небольшой храм, на внешних сторонах которого были устроены солнечные часы – *horologia*.

От наместника провинции зависело общественное и социальное возвышение различных категорий населения провинции. Об этом известно, например, из писем Плиния Младшего Траяну (*Plin. Ep. X.5; 6; 7; 11*). В Дакии случаи предоставления римского гражданства относятся главным образом к ветеранам вспомогательных войск, во множестве расквартированных здесь. От имени императора, но, несомненно, по рекомендации наместника ветерану, лицу peregrinского права, по выходе в отставку предоставлялось римское гражданство, а с ним – и членам его семьи (жене, детям, иногда родителям), а если ветеран не был женат, то это право даровалось его будущей жене и его потомству. Данные военных дипломов особенно выразительны. Они довольно многочисленны и происходят обычно из городов и поселков близ тех крепостей и лагерей, где несли службу, а после отставки селились такие ветераны. Так, в наместничество Децима Теренция Скавриана в число солдат, получивших римское гражданство, попал Дарнифий, которого по его имени считают даком⁶³. Этот воин служил в Первой Ульпиевой тысячной когорте Бриттонов, которая в полном составе обрела римское гражданство, воинские награды и почетный эпитет *Pia Fidelis* за храбрость, проявленную в первой Дакийской войне. Римское гражданство было даровано солдатам уже во время службы, до выхода в почетную отставку.

Известен и другой воин той же когорты, получивший римское гражданство: Марк Ульпий Новатикон, сын Адкобровата, кельт из Британии⁶⁴. Военный диплом от 17 февраля 110 г. фиксирует предоставление Траяном права римского гражданства Фему, сыну Гората, уроженцу Итурии, и его сыновьям – Налу, Марку и Антонину⁶⁵. Отсутствие имени жены в дипломе этого ветерана указывает, очевидно, на то, что ко времени выхода в отставку он был вдов или римское гражданство было дано только мужскому поколению его семьи.

В наместничество Квинта Марция Турбона римское гражданство было пожаловано воинам, ушедшим в почетную отставку, которые служили в конном отряде Бриттонов, а в их числе – рядовому Главу, сыну Новата, происходившему из Сирмия, и его жене Юбене, дочери Белагента, – из племени арависков⁶⁶. В военном дипломе от 22 марта 129 г. сказано, что Адриан предоставил римское гражданство рядовому Евпатору, сыну Евмена, уроженцу Себастополя (в провинции Понт), и его сыновьям – Евпатору, Евмену и Фразону, а также дочери Филопатре⁶⁷. Евпатор, сын Евмена, служил в конной части, набранной в Иллирике, которая входила в 129 г. в состав войска Нижней Дакии. Военный диплом от 29 июня 120 г. из Верхней Дакии удостоверяет, что в наместничество Юлия Севера Адрианом было пожаловано римское гражданство воинам из отряда пальмирских лучников: Гамасею, сыну Алапафа, пальмирец, и Барицию, сыну Мала, из Пальмиры⁶⁸. При Антонине Пии 27 сентября 159 г. были отпущены в отставку воины Первой Ульпиевой когорты Бриттонов, в их числе Ивонерк, сын Малация, из племени бриттов⁶⁹. Эта когорта была причислена к войскам Поролиссской Дакии. Римское гражданство было даровано в 158 г. также рядовым Первой алы Галлов и Боспорцев, в их числе Гептапору, сыну Изия, из племени бессов. Эта ала входила в число войск Верхней Дакии⁷⁰.

Такие примеры – не единственные. Они показывают, что этнический состав римских граждан, происходивших из военной среды, в провинции был весьма пестрым: во II в. получают римское гражданство Гептатор, сын Изия, бесс; Бит, сын Сола, бесс; Ивонерк, сын Малация, бритт; Перхев, сын Афанатана, пальмирец; Бариций, сын Мала, пальмирец; Гамасей, сын Алапафа, пальмирец; Селенест, сын Рива, паннонец; Фем, сын Гората, уроженец Итурии. Для этих и подобных им римских граждан социальное возвышение ассоциировалось с личностью императора и наместника. Диплом делал римлянином кельта, иллирийца, выходца с Востока. Они входили теперь в число римских граждан той провинции, где оставались жить после отставки.

⁶² CIL. III. 1174; cp.: Stein A. Op. cit. S. 59.

⁶³ Russu I.I. Die Sprache der Thraco-Daker. București, 1969. S. 119.

⁶⁴ IDR. I. P. 70–71. DM I.

⁶⁵ IDR. I. P. 72–74. DM II.

⁶⁶ IDR. I. P. 88–92. DM VII.

⁶⁷ IDR. I. P. 99–103. DM X.

⁶⁸ IDR. I. P. 81–86. DM V; VI.

⁶⁹ IDR. I. P. 126. DM XVII.

⁷⁰ IDR. I. P. 118–121. DM XVI.

Став римлянином, такой ветеран получал доступ к городским магистратурам и жреческим должностям, он мог вести торговые и иные дела с римскими гражданами, обретал право наследования и заключения сделок по римскому закону, а также возможность приобретать в частную собственность землю, право жениться на римской гражданке; его дети носили полное имя римских граждан (*tria nomina*) и могли указывать в поставленных ими памятниках помет императора и одну с ним трибу. Следует заметить, что сама формула римского военного диплома о даровании гражданства звучала весьма торжественно; диплом гравировался на медной доске; его оригинал хранился в Риме, будучи прибитым к стене храма Минервы на римском Форуме; копия диплома выдавалась наместником ветерану на руки при отпуске его в почетную отставку.

В условиях военной обстановки, так сказать на поле боя, наместник имел право сам предоставить отличившемуся воину римское гражданство. Публий Гельвий Пертинакс, наместник Дакии в 177–179 гг., дал римское гражданство Публию Гельвию Приману, легионеру XIII легиона (CIL. III.1318). Очевидно, речь идет о воине, переведенном из вспомогательной воинской части в легион, где, как известно, могли служить только лица с правом римского гражданства. Группа таких воинов, переведенных в XIII легион (*translati in legionem*) наместником Дакии Тиберием Юлием Флакцином, поставила алтарь в Сармизегетузе Юпитеру Наилучшему Величайшему и Марсу Августу⁷¹. Наместник имел право возвести в жреческий сан достойное, по его мнению, лицо. Посвятительную надпись Гераклу Августу оставил некий Регин, *sacerdos institutus ab Helvio Pertinace consulari* (CIL. III.7751).

Посвятительные алтари и надписи показывают, что наместники блицетворяли в провинции единство и постоянство римской власти. Большинство таких памятников происходит из Апула, где, как мы уже упоминали, стоял один из легионов Дакии. Так, наместник трех Дакий Луций Эмилий Кар в 172–175 гг., в период Маркоманнской войны, посвятил алтарь Серапису, Юпитеру, Солнцу, Изиде, Луне, Диане, богам и богиням-охранителям (CIL. III.7771), а также Святому Сильвану и Аполлону Августу (CIL. III.1153). За здоровье трех августов – Септимия Севера, Каракаллы и Геты Цезаря, которые названы "нашими непобедимейшими господами", – поставлены наместниками алтари Фортуне Возвращающейся и Гераклу (CIL. III.1393, 1564, 14479). Уже известный Квинт Аксий Элиан сделал посвящение Фортуне Возвращающейся, дорожному Лару, Вечному Риму, Юпитеру Наилучшему Величайшему, Царице Юноне, Минерве, всем бессмертным богам (CIL. III.1422, 1423). Наместник Гай Аврелий Атилиан почтил Фортуну Августу (CIL. III.853). Обращение к Фортуне Возвращающейся говорит о переменчивости счастья и судьбы наместника, очень часто связанной и с военными перипетиями в Дакии и с неустойчивостью его собственного положения при особе императора.

Из немногих дошедших до нас свидетельств все же очевидны черты, типичные для характеристики самого наместника и его деятельности в провинции. Наместник должен был обладать гражданскими и военными доблестями. Он *praeses dignissimus*, как Публий Фурий Сатурнин, и *praeses amplissimus et fortissimus dux*, как Марк Клавдий Фронтон. Он олицетворяет в провинции стабильность и прочность императорской власти, а также согласие всех ее сословий. Его благорасположение распространяется на всех провинциалов. Находясь под управлением такого наместника, провинция должна была считать себя счастливейшей и обласканной его милостями, как сказано в уже упоминавшейся надписи в честь Публия Фурия Сатурнина. Эти свидетельства показывают, сколь велика была роль наместника в политической и общественной жизни вверенной ему провинции. Его личность и деятельность, несомненно, влияли и на культурную жизнь провинции. Все сферы провинциальной жизни: ее гражданская и военная власть, деятельность общин городов, их религиозная деятельность – словом, вся провинция, находившаяся под его властью, должна была быть "мирной и спокойной".

Но сам наместник как лицо, зависимое от императора, был в известной мере обделен правами и подвержен различным переменам, происходившим в императорском доме. Находясь на вершине служебной лестницы, наместник часто оказывался уязвимым для императорского гнева. Тем не менее, хотя императорская власть, назначая наместника, и рассчитывала, что мир будет сохранен им внутри Империи и на ее границах, это не всегда оправдывалось; наместник, преследуя свои собственные политические цели, часто оказывался неверен императорской власти.

⁷¹ CIL. III. 7768 = IDR. III/2. N 95.

ПОЗДНЕРИМСКИЙ ГОРОД В НОРИКЕ
В ОПИСАНИИ ЕВГИППИЯ

История позднеантичного римского провинциального города во многих отношениях продолжает оставаться неизвестной вследствие недостатка источников. Тем большую ценность для описания города этой эпохи приобретают те сведения, которые могут быть извлечены не только из сочинений исторического характера. К числу таких сочинений принадлежит произведение Евгиппия.

Сочинение Евгиппия, которое он сам назвал *Commemoratorium* и которое известно в литературе как *Vita sancti Severini*¹, уже давно привлекает внимание исследователей. На историческую ценность источника и достоверность сообщаемых им сведений многократно указывалось в литературе². Деятельность Северина как римского государственного деятеля и как святого ("Апостол Норика") вызывает все больший интерес в науке. Он жил во времена Аттилы. Написанное в 511 г. Евгиппием, аббатом Лукулланского монастыря в Италии (близ Неаполя), *Commemoratorium* представляет собой уникальное произведение для эпохи поздней античности³. *Vita* "бросает луч света на времена и события, о которых мы совсем ничего не знаем, так как до этого времени и потом дунайские земли окутывает глубокий мрак"⁴. Представляя собой произведение агиографическое, сочинение Евгиппия не отрывается от основ реальной жизни и содержит множество ценнейших сведений для внутренней и внешнеполитической истории одного из пограничных районов Империи на Верхнем Дунае во второй половине V в. Читая это произведение, мы ощущаем, как гибнет старое, антич-

ное, общество и в муках рождается новое, средневековое. *Vita* несет на себе черты этой переходной эпохи.

Vita написана учеником Северина, сначала монахом основанного им в Норике монастыря, затем аббатом того же монастыря в Италии. Как пишет Евгиппий, он работал над своим сочинением около двух лет и закончил его два года спустя после консульства некоего Инпортуна (509 г.). Мы встречаемся здесь со старой античной традицией определения хронологии по годам консульств, хотя *Vita* была написана в правление в Италии остготского короля Теодориха Великого (493–526 гг.). О замысле произведения Евгиппия мы узнаем из его письма Пасхасию⁵ и ответа последнего Евгиппию. Прежде чем решиться предать гласности свое сочинение, которое состоит из 46 небольших глав (*capitula*), Евгиппий послал его Пасхасию⁶. Считая себя человеком невысокого образования, Евгиппий просил Пасхасия ознакомиться с его сочинением и придать ему должную литературную отделку. Пасхасий отказался и ответил, что сочинение Северина написано так ясно и просто, что он не имеет ничего к нему добавить и что никто кроме учеников Северина не может описывать его жизнь (*Pasch. Ep. 1*).

И произведение Евгиппия, и свидетельства о нем получили широкую известность. Младший современник Евгиппия, Кассиодор (490–583 гг.), историк, сенатор и государственный деятель при дворе остготских королей, знал о сочинении Евгиппия и о том, что он составил также краткое извлечение из произведений Августина. Кассиодор замечал, что Евгиппий был не очень образованным человеком, но весьма сведущим в духовной литературе⁷. По свидетельству Исидора Севильского (ум. в 636 г.), Евгиппий написал также устав (*regulum monachis*) для Лукулланского монастыря, который он оставил своим монахам в качестве завещания. Исидор знает, что Евгиппий посылал Пасхасию небольшое сочинение о жизни Северина, написанное сжатым слогом⁸. О

⁵ Пасхасий – лицо историческое. Он был диаконом церкви в одном из семи регионов Рима, на которые был разбит город в начале VI в. в сфере церковного управления. Умер в 512/513 гг. Папа Григорий Великий (590–604) упоминает его как автора сочинения *De sancto spiritu* (*Eugippius. Das Leben...* S. 118).

⁶ Поводом для написания *Commemoratorium* послужило знакомство Евгиппия с жизнеописанием некоего монаха Басса, который жил в монастыре у Аримина (ныне Римини) и затем умер в Лукании. Его, как пишет Евгиппий, "я и многие другие хорошо знали" (*Eug. Ep. 1*). Евгиппий сообщает Пасхасию, что жизнеописание монаха Басса было написано неким сочинителем знатного происхождения, но человеком мирским. Сначала Евгиппию показалось возможным привлечь его к написанию жизни Северина, но потом он отказался от этой мысли.

⁷ Кассиодор упоминает Евгиппия в двух написанных им в период между 543 и 555 гг. книгах: *Institutiones divinarum et humanarum litterarum*, – представляющих нечто вроде энциклопедии теологической и светской литературы для монахов основанного им в одном из своих имений в Италии монастыря (*Vivarium*). См.: *Hartmann. Cassiodorus // RE. 1899. Bd. III. Col. 1672–1674.*

⁸ *Isid. De vita... XXVI: Eugippius... ad quemdam Paschasium libellum de vita sancti monachi Severini transmissum brevi stylo composuit.* См.: *PCC. SL. Parisiis, 1862. LXXXIII.*

¹ *Vita sancti Severini* изд.: *PCC. SL. Parisiis, 1863. LXII; MGH. Auct. Ant. I, 2 / Ed. H. Sauppe. Berolini, 1877.* (Далее ссылки см. в тексте гл.); *CSEL / Ed. P. Knöhl. Vindobonae, 1886. IX.2; Eugippius. Das Leben des heiligen Severin, Lateinisch und Deutsch / Einführung, Übers und Erläut. R. Noll. B., 1963.* Перечень изданий *Vita* и переводов на европейские языки начиная с эпохи Возрождения, см.: *Wattenbach W., Levison W. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter. Weimar, 1952. H. 1. S. 44; Lhotsky A. Quellenkunde zur mittelalterlichen Geschichte Österreichs. Graz; Köln, 1963. S. 138–141.*

² *Jung J. Römer und Romanen in den Donauländern. Innsbruck, 1877. S. 151 u.folg.; Mommsen Th. Eugippiana // Hermes. 1897. T. XXX. S. 454; Lhotsky A. Quellenkunde... S. 135 u.folg.; Idem. Österreichische Historiographie. München, 1962. S. 8; Wattenbach W., Levison W. Op. cit. S. 44–49; Norden E. Die römische Literatur. Leipzig, 1954. S. 115; Eugippius. Das Leben... S. 12 u.folg.*

³ Житие святого Северина: Пер. А.И. Донченко. СПб.: Алетея, 1998. См. также наши ст.: *Колосовская Ю.К. Commemoratorium Евгиппия как источник по истории позднеантичного города // ВДИ. 1977. № 1. С. 145–160; Она же. Позднеримский город на Дунае и варвары // From Late Antiquity to Early Byzantium. Pr., 1985. P. 117–121.*

⁴ *Wattenbach W., Levison W. Op. cit. S. 44.*

монастыре Северина "в пределах Норика" и о нем самом упоминает Павел Диакон (VIII в.) в своей "Истории лангобардов"⁹. До нас сочинение Евгиппия дошло в нескольких кодексах X, XI XII вв.¹⁰

Сопотомогаториум Евгиппия, как уже неоднократно отмечалось исследователями, основывается на его собственных наблюдениях и личном знакомстве и общении с Северином в Норике и устной традиции, бытовавшей среди старших собратьев монастырской общины¹¹. Предполагают, что Евгиппий родился в Норике около 460 г. и молодым человеком попал в монастырь Северина, но вначале не принадлежал к его окружению и только в последние годы жизни своего учителя, вероятно, стоял близко к нему¹². В последних главах Vita Евгиппий упоминается как участник описываемых событий; он присутствовал при кончине своего учителя, при эксгумации его тела и отгравке останков Северина в Италию. Он находился также при окончательном погребении Северина в Италии, в Лукулланском кастелле, которое приходится на 492–496 гг.

Свое сочинение о жизни Северина Евгиппий писал не как историк; главным предметом была выдающаяся humanitas его героя¹³. Эту особенность сочинения Евгиппия приходится иметь в виду при оценке достоверности его свидетельств о деятельности Северина. В произведении Евгиппия мы не найдем хронологических дат и временной последовательности описываемых событий, хотя Vita и не лишена общей хронологической канвы. Евгиппий ведет изложение по мере того, как вспоминает виденное или слышанное, иногда называя имя своего рассказчика или очевидца. Некоторые главы Vita, возможно, преднамеренно начинаются вневременными, эпическими оборотами (eodem tempore; per idem tempus; post haec; alio rursus tempore etc.), свойственными манере повествования в "Библии", из которой Евгиппий ввел в свое сочинение отдельные образы и сюжеты. В то же время Vita написана в известной для античности краткой форме изложения биографий – в форме эпитомы¹⁴. Из-под пера Евгиппия вышло ясное и простое описание жизни Северина, написанное отнюдь не по шаблону жизнеописаний святых, лишенное риторических прикрас¹⁵. В Vita вкраплены многие интереснейшие сведения исторического характера о жизни позднеантичного города, о взаимоотношениях Империи с пограничными племенами на Верхнем Дунае, и прежде всего с племенами ругиев. Эти сведения составляют главную ценность сочинения Евгиппия. Именно они дают

возможность использовать его произведение как исторический источник, тем более значимый, что от эпохи падения Западной Римской империи сохранилось, как известно, очень мало свидетельств.

Как явствует из всего сочинения Евгиппия, он был человек римской культуры и тяжело переживал падение римской власти в Норике, которое происходило на его глазах. Он отчетливо понимал, что Римской империи уже не существует. Одну из глав Vita Евгиппий начал следующей фразой: "В то время, когда еще существовала Римская империя, войны многих городов получали от государства плату за охрану границы. Когда этот порядок прекратился, вместе с границей распались воинские части. Только в Батаве продолжал стоять воинский отряд" (Vita. XX. 1). Из того различия, которое проводит Евгиппий между неримлянами (варварами) и римлянами, можно заключить, что он происходил из римской семьи. То обстоятельство, что Vita была написана в правление в Италии Теодориха Великого, не позволило, вероятно, дать другую характеристику господства варваров в Прибрежном Норике, чем *duro barbarorum imperio* (Vita. XVII. 2) или *iniusta barbarorum dominatione* (Vita. XL. 4).

Евгиппий, однако, не живописал жизнь римлян в Прибрежном Норике совершенно черными красками, хотя, читая его произведение, отчетливо представляешь, что жизнь в пограничной провинции проходила в постоянной опасности из-за варварских вторжений, в недостатке средств пропитания, в сокращении товарного обмена. Страна изменила свой облик: города и кастеллы окружены стенами, перед воротами которых находятся земельные участки и луга горожан, где пасется их скот. В случае нападений и люди, и скот уводятся в город; в пору уборки урожая, когда все население на полях, город охраняет стража.

Vita начинается с момента прибытия Северина за границу Норика и Паннонии в 60-е годы V в. О происхождении Северина, личности во многих отношениях замечательной, ничего не известно¹⁶. По его собственным словам, он прибыл на дунайскую границу Империи с Востока (Eug. Ep. 10; Vita. I.1). Евгиппий сообщает, что в Норике в устных беседах (по воспоминаниям монахов) Северин говорил, что он провел несколько лет в пустыне Востока и, "призванный" оттуда, прибыл в города на границе Прибрежного Норика и Верхней Паннонии, которые жестоко страдали от нападений варваров. Он называл некоторые города Востока и говорил, что достиг Норика, счастливо избегнув многих опасностей (Eug. Ep. 10–11). Однако, по словам Евгиппия, Северин был совершенно латинский человек (*hominem omnino latinum* – Eug. Ep. 10),

⁹ Paul. Diac. Hist. Langob. I. 19.

¹⁰ CSEL. IX. 2. Praef. P. II–VIII.

¹¹ Так, один из монахов Северина пробыл в монашеской службе около 40 лет (Vita. XXXV).

¹² Lhotsky A. Quellenkunde... S. 135; Noll R. Frühes Christentum in Österreich von den Anfängen bis um 600 nach Chr. Wien, 1954. S. 53–54.

¹³ Lhotsky A. Quellenkunde... S. 136.

¹⁴ Ibid. S. 138.

¹⁵ Эта особенность стиля Евгиппия в нашей литературе была отмечена С.С. Аверинцевым. См.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М., 1976. С. 39, 60–61.

¹⁶ Высказывается предположение о том, что Северин был консулом 461 г. Флавиус Северином, упоминаемым Сидонием Аполлинарием. Его деятельность протекала в Галлии и на Дунае в правление императора Майориана (457–461 гг.) (Lotter F. Severinus von Noricum: Legende und Historische Wirklichkeit. Stuttgart, 1976). Критический обзор исторических наблюдений о "Vita Severini" дан в работе Г. Вирта (Wirth G. Anmerkungen zur Vita des Severin von Noricum // Quaderni Catanesi, di Studi classici e medievali. 1979. N 1. S. 216–266). В ней автор указал на желательность исторической характеристики времени Северина, когда он выступает как государственный деятель при защите римской границы от алеманнов, тюрингов, ругиев и остготов.

что указывает скорее на западное происхождение Северина и, вероятнее всего, — паннонское¹⁷. Свидетельство Эннодия (ум. в 521 г.) дает основание полагать, что Северин мог быть уроженцем Паннонии. Эннодий сообщает, что Антоний, родившийся вблизи дунайских берегов, в Валерии, в знатной семье (прославившийся потом в монашестве), 8-летним мальчиком пришел в Норик к Северину (*ad inlustrissimum virum Severinum*), а после его смерти (482 г.) остался у епископа Констанция, который был родственником Антония¹⁸. Этого Констанция отождествляют обычно с Констанцием, епископом Лавриака (совр. Лорх), которого упоминает и Евгиппий (*Vita*. XXX). Происхождение Антония из *civitas Valeria* указывает на то, что Антоний был паннонцем. Как известно, Валерия была одной из четырех провинций, на которые была разделена Паннония при Диоклетиане. Этой *civitas Valeria* мог быть или город Аквинк (совр. Буда), или город Сопианы (совр. Печ). Считают, что и Констанций, и Северин также были паннонцами. О происхождении Северина из северной провинции свидетельствует его образ жизни: в стране, где замерзает Дунай, Северин ходил зимой босиком (*Vita*. IV. 10; XVII. 3; XXXIX. 2).

Не исключено, что Северин, как и пришедший к нему Антоний, был знатного происхождения. Возможно, до своего ухода "в пустыню Востока", что уже было также замечено¹⁹, он занимал высокую административную или военную должность, как это позволяют предполагать некоторые его действия в Норике административно-организационного характера, на которых мы остановимся далее, и не исключено, что приход Северина с Востока на Дунай был его возвращением в родные места.

Северин появился на границе Норика и Паннонии в то время, когда после внезапной смерти Аттилы (453 г.) распалась держава гуннов и все подвластные им племена на Дунае пришли в движение (*Vita*. I.1). Провинция Прибрежный Норик, куда прибыл Северин, входила в систему верхнедунайского лимеса Империи и была образована в результате административных реформ Диоклетиана, когда Норик был разделен на *Noricum Ripense* (Прибрежный Норик) и *Noricum Mediterraneum* (Внутренний Норик). В III–IV вв. провинция имела гражданского наместника-президиуса, местом его пребывания была Овилава (совр. Вельс), и командующего военными силами-дукса, который, вероятно, находился в Лавриаке²⁰. Но в то время, о котором повествует *Vita*, оборона провинции была совершенно дезорганизована. *Vita* ничего не сообщает ни о военных, ни о гражданских властях. Защита Прибрежного Норика осуществлялась небольшим числом войск в некоторых городах и крепостях, находившихся еще

в руках римлян. В этих прибрежных пограничных городах проходила многообразная деятельность Северина. Она слагалась отнюдь не только из проповедей и учреждения монастырских общин, но также из мероприятий социально-вспомоществовательного и внешнедипломатического характера. Эти последние выражались в защите римских интересов перед лицом варварских соседей Прибрежного Норика²¹. Из их рассмотрения мы сможем убедиться, как изменилось ко второй половине V в. внешнеполитическое положение города, как сузилась его экономическая основа и какие перемены произошли в муниципальной жизни городов.

Города, о которых повествует Евгиппий, представляли собой одновременно военные крепости. Относительно некоторых из них, как Лавриака, известно, что они имели статус колонии. В правление Септимия Севера здесь был поставлен II Италийский легион, находившийся в провинции еще в IV в.; Лавриака был и стоянкой дунайского флота²². При Диоклетиане на лимесе Норика, в городе Фавиана (совр. Маутерн), был размещен еще один легион — I Норический²³. Как свидетельствуют названия некоторых городов: *Asturis* (на границе Норика и Паннонии, где впервые появился Северин, совр. Цизельмауер), *Comagenis* (совр. Тульн), *Batavis* (совр. Пассау), — в них стояли некогда войска, набранные в Астурии (на севере Испании), в Коммагене, а также сформированные из батавов. Название Фавиана, по мнению некоторых исследователей, возникло из *castra Fabiana*. Мы можем думать о происхождении этих городов-крепостей из существовавших вблизи военных лагерей гражданских поселков-канаб, где обычно проживало население, обслуживавшее воинскую часть, жены и дети военных, ремесленники и торговцы.

Главным городом, где протекала деятельность Северина и где он основал монастырь, была Фавиана. Отсюда направлялась его многообразная деятельность на запад вдоль Дуная, вплоть до Реции. Северин посещал и внутренние города провинции — *Iuvavo* (именовавшийся прежде *Iuvavum*, совр. Зальцбург), и кастеллы на его сельской территории, такие как кастелл *Cucullis* (совр. Кухль). Он поддерживал связь и с городами Внутреннего Норика.

Население городов и кастеллов в большинстве случаев определяется Евгиппием как *cives*, но так же и как "горожане" (*oppidanei*), "обитатели" (*habitatores*) и "жители" (*mansores*). Однако вследствие изменившихся исторических условий и самого характера сочинения Евгиппия мы не можем видеть в этой терминологии указание на наличие в городах в конце V в. граждан и неграждан в том значении слова *civis*, какое оно имело в Ранней империи. Скорее, терминология Евгиппия отражает ту нивелировку, которая давно уже произошла в правовом статусе населения Римской империи, после эдикта Каракаллы (212 г.),

¹⁷ Zibermayr I. *Noricum, Baiern und Österreich*. Horn, 1956. S. 40, 46.

¹⁸ Ennod. *De vita beati Antoni monachi: circa Danubii fluminis in civitate Valeria Secundino parte... de splendore natalium* (Magni Felicis Ennodii Opera omnia // CSEL. Vindobonae, 1882. VI. P. 384–385).

¹⁹ Lhotsky A. *Quellenkunde*... S. 136.

²⁰ Polaschek E. *Noricum* // RE. 1936. Bd. XVII, Hbhd. XXXIII. Col. 994.

²¹ Eugipp. *Das Leben*... S. 19, 21; Noll R. *Frühes Christentum in Österreich*... S. 63–66.

²² Polaschek E. *Noricum*. Col. 1004.

²³ Ibid. Col. 1005; Zibermayr I. *Op. cit.* S. 7.

когда extra et intra muros все стали римскими гражданами²⁴. Дальнейшей нивелировке способствовали налоговые и административные реформы Диоклетиана, так что Исидор Севильский мог сказать в VI в.: город отличается от села только величиной и тем, что он имеет укрепления²⁵. Каждое поселение, если оно было окружено стенами, считалось городом. Его население в целом Евгиппий называет *populus* или *plebs* хотя, как мы увидим потом, в городах Прибрежного Норика вместе со старым римским населением жили и варвары.

Земледелие – экономическая основа городов древности – не только сохраняет свое значение, но занятие сельским хозяйством становится в это время жизненно необходимым. При сокращении торговых связей с соседними провинциями и Италией позднеантичный город вынужден рассчитывать главным образом на свои ресурсы. Мы узнаем из Vita, что земля вокруг городов обработана и плотно заселена (*haec quippe loca frequentata cultoribus* – Vita. XL. 5). Неоднократно упоминается о хлебных полях (*ager segetis*) (XII. 4; XVIII. 1–2), о лугах близ города, на которых стоят стога сена и пасется скот горожан (XXX. 3–4), о принадлежащих городам лесах (XXX. 4), о сборе горожанами фруктов (*ad colligenda poma* – X. 1). Возделывается и виноград: одно из местечек на сельской территории Фавиан называется *ad Vineas* (IV. 6).

На городских территориях, которые прежде в Норике были больших размеров²⁶, находятся села и кастеллы. Упоминается одно из сел вблизи Фавианы (*in proximo a Favianis vico* – VIII. 2). Оно подверглось нападению ругиев; захваченные в плен римляне были уведены за Дунай. Евгиппий называет кастелл Кукуллис на территории города Юваум (XI; XII). Поля жителей этого кастелла засеяны хлебом (*agri*); они разделены на участки, и маленькие (*per parva*) наделы лежат среди больших. Эти маленькие поля беднейших жителей (*pauperum*) кастелла составляют все их достояние, и в заботе о своем урожае они полагаются на самих себя. Когда посевы кастелла Кукуллис уничтожили полчища саранчи (священник этого кастелла, его жители и Северин молились в церкви о спасении урожая), некий бедняк (*quidem pauper*) всю ночь отгонял саранчу от своего маленького надела (*segetem exiguum*) (XII). В таких горных кастеллах обработка поля плугом, вероятно, была невозможна и производилась, очевидно, мотыгой "вручную согласно обычаю провинции" (*opus agrale iuxta morem provinciae propriis manibus* – XIV. 3)²⁷. Поселения в горах отстоят далеко друг от

друга. Мы читаем в Vita, что люди, отправившиеся из Тибурнии, именовавшейся прежде Теурнией (ныне Шпитталь на р. Драве), столицы Внутреннего Норика, с одеждой для бедных и пленных, с трудом перешли зимой горный перевал и преодолели около 200 миль, прежде чем достигли человеческого жилья (*per ducenta fere millia... usque ad habitacula hominum* – XIX. 3).

Несмотря на то что в экономике городов большую роль играет земледелие, население страдает от голода. Поля гибнут от засухи, от поразившей посевы ржавчины, от напавшей на них саранчи. Мы узнаем о жестоком голоде в Фавиане (III. 1), о голоде и неурожае в Лавриакке (XVIII. 1), о гибели урожая от саранчи в Кукуллисе (XII). При случившемся в Фавиане голоде не все богатые горожане хотели отдавать свой хлеб бедным. Северин корил некую вдову Проклу из знатной семьи (*nobilissimis orta natalibus* – III. 2) за то, что она спрятала много хлеба (*fruges plurimas occultasse*) и отказывалась дать свои запасы бедным. Положение было спасено тем, что груженные продовольствием корабли из Реции, застрявшие во льду р. Энус (совр. р. Инн), вдруг, благодаря наступившей оттепели, смогли двинуться по Дунаю и достигнуть Фавианы. Эти когда-то очень плодородные области Империи теперь были не в состоянии обеспечить хлебом население своих городов, и нужно было доставлять продовольствие из других провинций, в то время как известно, что в ранний период альпийские предгорья и равнины Норика имели прекрасные пастбища и виноградники (*Strabo*. IV. 6, 9) и оттуда вывозили сельскохозяйственные продукты, вино и масло. Большую роль в экономике провинции в IV в. играла торговля железом, скотом, кожами, а также изделиями местного ремесленного производства²⁸.

О ремесле в городах Vita ничего не сообщает. Но упоминание о ярмарках – нундинах (Vita. XXII. 2) указывает на то, что в городах существовали и торговцы, и ремесленники. Были они и у варваров. Известно о ювелирах у ругиев, занятых изготовлением королевских драгоценностей (*aurifices barbaros pro fabricandis regalibus ornamentis*) и находившихся на положении рабов (*servientes*). Примечательно, что саму мастерскую, где работали эти ювелиры, возможно из пленных ремесленников, Евгиппий называет эргастулом (Vita. VIII).

Сохраняются, скорее всего, нерегулярные торговые связи с соседними провинциями, в частности с Рецией, откуда, как мы видели, пришли по Дунаю в Фавиану груженные хлебом суда. Существуют связи и с Паннонией, хотя она находится во власти остготов. Уже отмечалось, что из Паннонии прибыл к Северину Антоний, мальчик из знатной семьи. Контакты с Италией также не совсем еще прерваны. Северин получает из Италии письма, и к нему приезжают люди, например из Медиолана (совр. Милан) (XXVI; XXXII; XLVI. 1). Но торговля с Италией ограничена и затруднена: оливковое масло доставляется в Норик редко и с большим трудом (XXVIII. 2).

²⁸ *Expositio totius mundi et gentium*, 57 // *Geographi latini minores* / Ed. A. Riese. Heilbronn, 1878.

²⁴ Из свидетельства Ульпиана известно, что происходивший из села на городской территории, имел своей родиной ту городскую общину, которой принадлежало село и, следовательно, был гражданином города: *qui ex vico ortus est, eam patriam intellegitur habere, cui rei publicae vicus ille respondet* (D. L. I. 30).

²⁵ *Isid.* XV. 2.6; 2.12: *oppidum autem magnitudine et moenibus discrepat a vico; vicus est autem sine munitione murorum* (PCC. SL. Parisiis, 1877. LXXXII); ср.: *Jung J. Op. cit.* S. 150.

²⁶ *Polaschek E. Noricum*. Col. 999.

²⁷ О кастеллах в горах Норика (*castella Norica in tumulis*) писали Вергилий и Гораций (*Verg. Georg.* III. 474–475; *Hor. Carm.* IV. 14). Их не без труда захватывали войска Друза и Тиберия при завоевании Реции и Норика в 16–15 гг. до н.э. (*Vell. Pat.* II. 95). См.: *Jung J. Op. cit.* S. 159; *Eugipp. Das Leben...* Op. cit. S. 8.

Дунай сохраняет свое значение торговой дороги и средства сообщения, но совершенно утратил роль рубежа, отделявшего римлян от варваров. Города живут в постоянном страхе быть захваченными варварами. Во время жатвы, когда все население трудится на полях, город охраняет небольшая стража из числа самих горожан. В Батаве, когда почти все горожане собирали хлеб и в городе осталось 40 мужчин для его охраны, малочисленный отряд варваров во главе с неким Хунумундом напал на город, разграбил церковь, убил пресвитера и всю стражу (XXII. 4–5). Мы узнаем также о том, что укрывшиеся в лесу близ Лавриака варвары решили ночью захватить этот город. Случайно загоревшийся из-за неосторожности грузчика стог сена на лугу вызвал в городе крики и переполох. Варвары, подумав, что они обнаружены, не решились напасть на Лавриак. Опустошив поля вокруг и захватив стадо одного горожанина, они отошли (XXX). Если люди и скот оказываются вне городских стен, варвары забирают скот и уводят в плен людей (*preadones barbari quaecumque extra muros hominum pecudumque repertant, duxere captiva* – IV. 1; XXX. 4)²⁹.

Набеги варваров почти не встречают отпора со стороны римлян, хотя в Фавиане еще стоит римский гарнизон. Назван его воинский трибун Мамертин, но гарнизон весьма малочислен (*milites quidem habeo paucissimos*) и плохо вооружен (IV. 2). Между тем город подвергается нападениям варварских отрядов. Они осмеливаются так близко подходить к городу, что решившийся выступить против них римский гарнизон настигает варваров у второго мильного столба от города (на расстоянии около 3 км). Бурги – небольшие укрепления вблизи границы – заброшены и оставлены³⁰. Варвары надолго задерживаются в провинции и беспрепятственно по ней разъезжают. Король аламанных Гибульд выдал посланному Северином диакону Аманцию 70 римских пленников и обещал вернуть других, которых он найдет, когда более тщательно обыщет провинцию (*cum diligenter provinciam peragraverit* – Vita. XIX. 5). Как пишет Евгиппий, позднее для этого был определен пресвитер Луцилл, который вызволил множество несчастных из плена (*magnam miserorum soripiam a captivitate revocavit* – XIX. 5). Воины кастелла Батава, отправившиеся за получением жалованья в Италию, были по дороге убиты варварами (XX). Население провинции уводили в плен ругии (VIII. 2), аламанны (XIX), герулы (XXIV. 3), тюринги (XXVII. 3). Аламанны и тюринги нападали также на Внутренний Норик и Рецию (XXV. 3; XXVII. 1).

Из этих сообщений Евгиппия можно с уверенностью заключить, что хозяйство провинции должно было приобретать все более натураль-

ный характер. Регулярным торговым связям препятствуют нападения варваров. Их частые вторжения из-за Дуная приводят к обеднению городов и сокращению их населения (*alii quidem trucidati, alii in captivitate deducti* – XXVII. 3). Как известно, варвары уводили в плен молодых и здоровых людей и ремесленников. Наконец, варвары разрушают города, и они перестают быть средоточием торговой и ремесленной деятельности. Уже в конце IV в. крупные города на Дунае пришли в запустение. Аммиан Марцеллин писал о городах на лимесе Паннонии как о заброшенных и пустынных (*Amm. Marc. XXX. 5. 2*). В этих условиях занятие сельским хозяйством становится едва ли не единственным возможным. В описании Евгиппия жители и городов, и кастеллов в сущности крестьяне. Их материальное благополучие в самой большой степени связано с сельским хозяйством и часто зависит от погодных условий. Все их заботы направлены на уборку урожая и заготовку плодов, на защиту самих себя, своего скота и другого достояния от нападений варваров. Роль города как убежища для населения сельской округи особенно очевидна из свидетельств Vita.

Возможно, по традиции город сохраняет за собой право верховной собственности на отведенную некогда всей городской общине землю: те наделы и села, о которых упоминает Vita, находились на землях городов. Но мы узнаем и о возникновении вблизи городов монастырей и монастырского землевладения. Самым большим был монастырь, основанный Северином в Фавиане, близ стен города (*monasterium haud procul a civitate construeret; iuxta muros oppidi* – Vita. IV. 6; XXII. 4). Вне городских стен существуют отдельные монашеские кельи в Батаве и в Бойотруме (совр. Иннштадт) (XIX. 1; XXII. 1; XXXVI. 1). Некоторые церкви, как в Батаве и Квинтане (совр. Кюнциг) также построены за городскими стенами (XV. 1; XXII. 1). Очевидно, часть городских земель находилась в распоряжении церкви и монастырей.

Хотя Евгиппий неоднократно упоминает церкви и базилики в городах и кастеллах, мы узнаем и о том, что в провинции еще сохранялись верования в языческих богов. Так, часть жителей кастелла Кукуллис, по выражению Евгиппия, "предавалась нечестивым жертвоприношениям" (XI. 2)³¹.

В социальном и имущественном отношении население городов далеко не однородно. О бедных в городах провинции Евгиппий говорит неоднократно (Vita. XII; XVII; XXVIII; XXIX; XLVI). Мы уже упоминали о знатной и богатой вдове Прокле в Фавиане и о бедняках (*pauperetimi*), владельцах маленьких наделов в кастелле Кукуллис. Но прежние функции обеспечения в городе социального равновесия путем благотворительной деятельности отдельных богатых семей в значительной степени взяла на себя церковь. По словам Евгиппия, хотя население

²⁹ Так, сторож монастырской базилики в Фавиане, отправившийся за две мили от города (около 3 км) для сбора фруктов, был захвачен разбойниками (*latrones*), "которых народ называет скамарами, и уведен за Дунай. Его и остальных пленников вызволил Северин, переправившись к скамарам через Дунай" (Vita. X). О движении скамаров см.: Дмитриев А. Д. Движение скамаров // ВВ. 1952. Вып. 5. С. 3–14.

³⁰ В один из таких оставленных бургов на расстоянии одной мили от Фавианы удалялся Северин, чтобы предаваться посту и молитвам (Vita. IV. 7).

³¹ Возможно, население кастелла Кукуллис составляли потомки романизированных кельтов. Нельзя не заметить сходства в названии кастелла *Cucullis* и *Genius Cucullatus*, божества кельтского происхождения. См.: Noll R. *Telesphoros – Genius Cucullatus* // Beiträge zur älteren europäischen Kulturgeschichte: Festschrift für R. Egger. Klagenfurt. 1953. Т. II; S. 184; см. также: Polaschek E. *Noricum*. Col. 1023.

провинции "вследствие сурового господства варваров" жестоко страдало от голода (*quamvis ex duro barbarorum imperio famis angustias sustinerent* – XVII. 1–2), бедные почти всех городов и кастеллов были накормлены стараниями Северина.

Для снабжения бедных пропитанием и одеждой в городах была введена десятина (*frugum suarum decimas pauperibus impendebant* – XVII. 2). Северин установил ее, пользуясь своим большим влиянием, а не следуя предписаниям церковных властей³². К поставке этой десятины он увещевал посланиями и население Внутреннего Норика (XVII. 4). Взимание десятины было возможно благодаря помощи монастырской и церковной организации³³. Такая организация, как видно из свидетельств Евгиппия, существовала и в Прибрежном Норике, и во Внутреннем. Он довольно часто упоминает о служителях церкви (XII; XVI; XIX; XXIV); назван епископ Лавриака Констанций (XXX) и епископ столицы Внутреннего Норика, Тибурнии, Павлин (XXI)³⁴. Во всех городах и кастеллах были церкви, где население собиралось не только ради проповедей и молитвы, но и для обсуждения забот, связанных с уборкой урожая, в случае угрозы нападения варваров, для раздачи продовольствия и одежды нуждающимся. Так, в одной из базилик Лавриака, где "собралось огромное множество нуждающихся", Северин собственноручно производил раздачу оливкового масла (*Vita*. XXVIII. 2).

Города не всегда охотно давали десятину. Задержали однажды ее поставку жители г. Лавриака (XVIII. 1), не прислали одежду для бедных жители Тибурнии (XVII. 4).

При посредстве церкви осуществлялись и вспомоществовательные мероприятия в пользу попавших в плен к варварам римлян³⁵. Северин "особенно усердно хлопотал о том, чтобы вернуть свободу людям, томящимся под господством варваров" (IX. 1). Свободу пленным он старался добыть посредством выкупа (IX. 1; X. 1), обмена (VIII. 2) и переговоров с варварскими королями (XIX. 3–5). Мы уже упоминали о том, что по договоренности Северина с королем аламаннов Гибульдом вернулось много пленников. Стараниями Северина были возвращены римляне, захваченные королевой ругиев Гизо (VIII. 2). Хотя *Vita* ничего не сообщает о муниципальных властях, можно предполагать, что все эти вспомоществовательные меры церкви проводились не без их участия. Но сам характер деятельности городских магистратов к этому времени мог существенно измениться.

Стало иным и само положение города в системе Римской империи. В сущности, позднеантичный город Прибрежного Норика находится уже вне этой системы. Фактически он состоит под властью королей ругиев и, как мы увидим далее, обязан им уплатой налога.

Ругии, которых упоминает еще Тацит (*Ger. 44*), во времена Северина занимали области современной Нижней Австрии, севернее Дуная, напротив Прибрежного Норика. Эти территории они захватили, освободившись из-под власти гуннов после смерти Аттилы³⁶. Страну ругиев (*Rugiland*) на том берегу Дуная упоминает Павел Диакон³⁷, называя и короля ругиев Фелефея (именовавшегося и Февой), который, по свидетельству Евгиппия, часто посещал Северина и пользовался его советами, как и ранее его отец Флакцифей (V; VIII). Короли ругиев, несомненно, знали латинский язык и, очевидно, могли писать по-латыни. Так, Евгиппий сообщает, что королю аламаннов Гибульде, которого мы уже упоминали, было послано Северином письмо с просьбой о возвращении римских пленников и получен письменный ответ (XIX. 5).

По отношению к Империи ругии находились на положении федератов; они были обязаны охранять ее границы по условиям договора. В 458 г. они поставили воинские контингенты императору Майориану. Положение федератов ругии использовали для усиления своего влияния в почти оставленной римской властью провинции. В некоторых городах Прибрежного Норика размещены гарнизоны ругиев. Так, в г. Коммагена некогда стояла *ala I Commagenorum*³⁸. Обосновавшиеся в городе варвары вступили с римлянами в союз и очень бдительно охраняли город, не позволяя свободно кому-либо в него входить или выходить³⁹. Отношения римского населения и варварского гарнизона были напряженными. Во время случившегося ночью землетрясения жившие в городе варвары (*barbari intrinsecus habitantes*), не разобравшись, в чем дело, силой заставили римлян открыть им ворота и, думая, что они окружены врагами, бежали из города, в замешательстве убивая друг друга (*Vita*. II. 1–2).

Римское население провинций ругии рассматривали как своих подданных. Если раньше право на устройство ярмарок в городах сенатских провинций предоставлялось сенатом, в императорских – императором⁴⁰, то теперь от королей ругиев зависело, дать ли римлянам право торговли в их собственных городах (XX. 2), или разрешение на устройство

³⁶ *Sohmidt L. Geschichte der deutschen Stämme bis zum Ausgange der Völkerwanderung*. B., 1910. I; *Die Geschichte der Ostgermanen*. S. 327.

³⁷ *Paul. Diac.* I. 19: *Feletheus... Rugorum rex ulteriorem Danubii ripam incolabat, quam a Norici finibus idem Danubius separat... Rugiland, quae latino eloquio patria dicitur.*

³⁸ *Polaschek E. Noricum*. Col. 1002.

³⁹ *Vita*. I. 4: *Hoc barbarorum intrinsecus consistentium, qui cum Romanis foedus inierant, custodia servabatur artissima nullique ingrediendi aut egrediendi facilis licentia praestabatur.*

⁴⁰ Император Константин, восстановив в прежнем виде, с портиками и другими зданиями, пострадавший от пожара город *Aquas Iasorum* (совр. Дарувар) в Паннонии, дал городу на вечные времена право на устройство ярмарок каждое воскресенье (CIL. III. 4121).

³² *Eugipp. Das Leben...* S. 21, 131; в раннехристианской церкви десятина известна только с VI в.

³³ *Ibid.* S. 21.

³⁴ На соборе в Сердик (совр. София) в 343 г., где было осуждено арианство, в числе сторонников епископа Афанасия, отстаивавшего католический символ веры, присутствовали епископы Норика. См.: *Noll R. Frühes Christentum in Österreich...* S. 17–19, 22, 43–44.

³⁵ Выкуп церковью пленников и участие епископов в переговорах с варварскими королями, как известно, явление нередкое для этого времени (*Eugipp. Das Leben...* S. 126).

в них еженедельных ярмарок – нундин. Жители кастелла Батавы просили Северина выхлопотать для них у короля Фелефея позволения торговать (*mercandi licentiam* – XXII. 2). Города были обязаны ругиям уплатой трибута (XXX. 1; XXXI. 4).

Ругии могли насильственно вторгнуться на римскую территорию, угнать пленных, перекрестить католиков в ариан (сами они были арианами). Королева ругиев Гизо, жена короля Фелефея, распорядилась однажды захватить некоторых римлян из села на территории Фавианы и увести их за Дунай, рассматривая захваченное римское население как своих рабов. Ругии отпустили римлян, чему решительно противилась королева, которая ответила вступившемуся за них Северину: "Прячась в своей келье, раб божий, и молись там себе, нам же позволь распоряжаться нашими рабами так, как мы хотим" (*ora, inquit, tibi, serve dei, in tua cellula delitescens: liceat nobis de servis nostris ordinare quod volumus* – VIII. 2).

Благодаря дипломатическим способностям Северину удавалось влиять на короля ругиев Флакцифея и его сына и наследника Фелефея, который стал королем около 475 г. Город Фавианы, как отмечал уже Р. Нолль, был выбран Северином не случайно в качестве места поселения и основания там монастыря: за Дунаем, на месте нынешнего Кремса, находилась резиденция королей ругиев. Король Флакцифей пользовался советами Северина в решении споров с остготами, занимавшими тогда Западную Паннонию и юго-восточную часть Внутреннего Норика. Отношения ругиев и остготов были враждебными. Остготы вторгались в области ругиев, а ругии не решались переходить Дунай и нападать на остготов (Vita. V). Когда под командованием короля Гунимунда образовался союз дунайских германцев против остготов (в котором участвовали скиры со своими вождями Эдикой и Гунульфом – первый был отцом, а второй – братом Одоакра, – и другие племена с вождями Бевком и Бабаем), к коалиции примкнули и ругии во главе с королем Флакцифеем. Но союзники были разбиты остготами на р. Болия в Паннонии в 469 г. (*Iord. Get. 277–279*). После поражения Флакцифей особенно опасался вторжения остготских вождей в свою страну за Дунаем (Vita. V. 1).

Отношения римлян и ругиев носили, вероятно, многообразный характер. Переправа через Дунай была беспрепятственной и для тех и для других (Vita. VI; IX; XXIII; XXXIII). Рынки ругиев за Дунаем (*nundinis barbarorum*) свободно посещали римляне (VI. 4; IX. 1–2). И знатные ругии (*ex optimatibus* – XXXIII. 1), и простые люди приходили в провинцию (VI). Евгиппий пишет о паломничестве всего рода ругиев к Северину после чудесного излечения им неизлечимо больного их соплеменника (*universa Rugorum gens* – VI. 5). Одни из монахов его монастыря в Фавиане были *barbarus genere*, возможно, ругием (XXXV. 1).

Евгиппий сохранил известия о влиянии Северина среди германских племен на Дунае. Он сообщает, что "некоторые варвары, направляясь на службу в Италию, приходили к нему, чтобы удостоиться его благословения" (VI. 6). И далее он приводит интереснейшее свидетельство об Одоакре: «Среди варваров пришел и Одоакр, который потом правил

в Италии, в очень невзрачной одежде, высокого роста молодой человек. Когда он стоял, согнувшись, чтобы не упираться головой в потолок низкой кельи, узнал от божьего человека, что прославится. На прощанье он сказал ему: "Иди в Италию, иди, хотя теперь ты в беднейшем платье, но вскоре будешь сам щедро одаривать многих"» (Vita. VII)⁴¹. Встреча Одоакра с Северином приходится на 469/470 гг., когда после поражения коалиции на р. Болия часть скиров вступила в римское войско. Уже будучи королем в Италии, Одоакр направил Северину письмо, в котором предлагал что-либо попросить для себя в знак благодарности за сбывшееся предсказание. Северин попросил о возвращении в Италию изгнанника Амброзия, находившегося, вероятно, в Прибрежном Норике, что Одоакр и исполнил (XXXII. 1).

Из сообщения Евгиппия мы узнаем о мерах, которые предпринимал Северин и, очевидно, другие представители церкви и, может быть, муниципальная власть по эвакуации населения из верхнедунайских городов, находившихся под угрозой захвата их аламаннами и тюрингами. Когда жители Квинтаны, совершенно опустошенной нападениями аламаннов, переселились в Батаву (XXVII), Северин убедил население обоих городов перебраться в Лавриак, так как и Батава оказалась в опасности (XXVIII. 1; XXX. 1; XXXI. 1). Но и стены Лавриака не были надежным убежищем, и городу также грозило быть захваченным аламаннами. Тогда в ход событий вмешался король ругиев Фелефей. Он выступил с войском, намереваясь захватить собравшееся в Лавриаке римское население и увести его, с тем чтобы насильственно расселить в городах провинции, подвластных ругиям и обязанных им уплатой трибута (*in oppidis sibi tributariis atque vicinis* – XXXI. 1). Тогда по просьбе населения Северин отправился к королю, "чтобы смягчить его сердце". Как пишет Евгиппий, Северин шел всю ночь и встретил войско короля у 20-го мильного столба (около 30 км) от города. Небезынтересен разговор, который состоялся между королем и Северином, сохранный Евгиппием. В ответ на напоминания Северина о том благе, которое извлекали из добрых отношений ругии и римляне

⁴¹ В источниках отразились различные сведения о происхождении Одоакра. Его считали скиром, готом, ругием, гунном и даже скифом. Наиболее достоверно свидетельство Иоанна Антиохийского, согласно которому Одоакр происходил из германского племени скиров. Его отец Эдика был известным полководцем при дворе Аттилы. Вероятно, Эдика погиб в битве на р. Болия в Паннонии. Иоанн упоминает и брата Одоакра, Оноульфе. В 470 г. скиры в качестве федератов вступили в армию императора Анфемия (467–472 гг.). Одоакр стал копьеносцем в императорской гвардии, возможно, благодаря поддержке патриция Ореста, который был знаком с отцом Одоакра. (Как известно, Орест был паннонцем и нотариусом при дворе Аттилы.) После гибели императора Анфемия германские федераты провозгласили императором Юлия Непота, свергнутого Орестом с помощью германских наемников. За это он обещал им предоставить в Италии треть земель для поселения. Но когда Орест не выполнил своего обещания, германские наемники под командованием Одоакра восстали. Орест был убит в Плаценции 28 августа 476 г. Его сын Ромул Августул – сослан в *castellum Lucullanum*, близ Неаполя, с обязательством выплаты ему ежегодного денежного содержания. Победившее войско федератов провозгласило Одоакра императором. Его резиденцией стала Равенна. Но его не признавали Далмация и Галлия. См.: *Ensslin N. Odoacer* // RE. 1937. Bd. XVII. Hbbd. XXXIV. Col. 1888–1891.

при его отце, Флакцифее, король Фелефей ответил, что он выступил с войском потому, "что не потерпит, чтобы народ, заступником которого выступает Северин, жестоко страдал от опустошительных набегов аламаннов и тюрингов, был предаваем огню, погибал от меча или был уводим в рабство, в то время как у нас есть близкие и подлежащие трибуту города (*vicina ac tributaria oppida*), где эти люди должны быть размещены" (*Vita*. XXXI. 4).

Евгиппий не раскрывает, в чем именно состояли обязанности *tributaria oppida* в отношении королей ругиев. Вряд ли речь идет о земельном налоге (*tributum soli* времени Ранней империи), который уплачивали в императорскую казну провинциальные города, не имевшие италийского права. Вероятнее всего, города платили ругиям подушный налог (*tributum capitis*). Возможно, король Фелефей потому настаивал на размещении римского населения в подвластных ему городах под наблюдением его войска, что в этом случае он мог быть более осведомлен о числе переселявшихся римлян, которые теперь должны были платить ему налог. Евгиппий сообщает, что Северину удалось убедить короля поручить ему заботу об этих людях, "чтобы в толпе такого большого войска они не оказались уничтоженными вместо того, чтобы быть переселенными". Король уступил и возвратился со своим войском обратно. *Vita* не сообщает, почему король уступил и отошел от Лавриака. Возможно, сфера власти и влияния ругиев в провинции на запад доходила до реки Анизус (совр. р. Энс)⁴², где был расположен Лавриак, и население городов, лежавших западнее него, было вне власти ругиев, аламаннов и тюрингов. Из следующего свидетельства Евгиппия видно, однако, что, хотя король и не прибег к насильственному перемещению населения из западных городов провинции, тем не менее позднее оно было вынуждено под давлением тюрингов и аламаннов обосноваться в подвластных ругиям городах. "Тогда, — пишет Евгиппий, — римляне, выселившиеся из Лавриака, которых принял под свое покровительство Северин, мирно разместились в городах и жили в союзе с ругиями" (*cum Rugis societate vixerunt* — *Vita*. XXXI. 6). В числе этих городов была и Фавиана.

Не все жители верхнедунайских городов были согласны оставить "родимую землю" (*genitae solum* — *Vita*. XXVII. 3). Горожане Батавы не хотели покинуть город; оставшиеся подверглись нападению тюрингов, одни были убиты, другие уведены в плен.

Действия по переселению и размещению населения лежали в компетенции администрации провинции. Однако, если верить Евгиппию, то без санкции каких-либо гражданских или военных властей было оставлено несколько римских городов на верхнедунайском лимесе и среди них такой большой город, военная крепость и стоянка дунайской флотилии, как Лавриак. Эти действия проводились под руководством и по инициативе простого монаха (Северин отклонил предложенный ему сан епископа — IX. 4), что свидетельствует о влиянии и авторитете Северина как у римского населения провинции, так и у ругиев, и о его

больших административных и организаторских способностях. Северин, возможно в прошлом крупный римский администратор или военный, о чем мы уже упоминали вначале, отчетливо понимал нестабильное положение римлян в Прибрежном Норике и предвидел возможность оставления провинции (XXXI. 6; XL. 4–5).

Власть ругиев над городами Прибрежного Норика восточнее Лавриака была распределена между королем Фелефеем и его братом Фердерухом, который из немногих городов, оставшихся в руках римлян на Дунае, как пишет Евгиппий, получил город Фавиану (XLII. 1). Отношение Фердеруха к римскому населению провинции до некоторого времени было, очевидно, благожелательным. Фердерух навещал Северина, последний простерегал его от захвата города и ограбления монастыря. Но после смерти монаха (482 г.) Фердерух "совершенно разграбил монастырь и оставил только стены, которые не мог перетащить за Дунай" (XLIV. 3).

Междоусобия в королевском доме ругиев (сын Фелефея, Фредерик, убил своего дядю Фердеруха), как считает Евгиппий, дали Одоакру повод вторгнуться во владения ругиев. Однако Евгиппий не осведомлен о действительной причине ухудшения отношений Одоакра с ругиями, которой послужило подстрекательство византийского императора Зенона, не признававшего Одоакра и поддерживавшего свергнутого императора Западной Римской империи Юлия Непота⁴³. Последний после провозглашения императором Ромула Августула удалился в Далмацию, где жил как частное лицо. (Позднее Одоакр распорядился убить Юлия Непота.) Используя разногласия между Византией и королем остготов Теодорихом, Одоакр намеревался выступить против Восточной Римской империи. Чтобы отвратить эту опасность, император Зенон поручил королю ругиев Фелефею вторгнуться в Италию и поселиться там с его согласия. Но прежде чем ругии смогли осуществить это, зимой 487 г. Одоакр перешел Дунай и разбил ругиев в их собственной стране. Король Фелефей и его жена Гизо были захвачены в плен и казнены в Равенне. Их сыну Фредерику с частью ругиев удалось бежать (*Vita*. XLIV). Вторично Одоакр послал войско против ругиев в 488 г. под командованием своего брата Оноульфа и комита Пиерия. Ругии были совершенно разгромлены⁴⁴. Оноульфу и Пиерию было дано распоряжение эвакуировать в Италию все римское население провинции (XLIV. 3–5)⁴⁵. Об этом походе Одоакра в страну

⁴³ Schmidt L. Op. cit. S. 330.

⁴⁴ Фредерик бежал к Теодориху, что дало тому повод выступить против Одоакра, который был убит в 493 г. в Равенне. Ругии участвовали в провозглашении Теодориха королем (ibid. S. 332).

⁴⁵ "Тогда было выкопано тело святого Северина и положено в приготовленный заранее деревянный саркофаг, так как Северин предсказал оставление провинции и переселение в провинцию на римской земле (*in Romani solo provinciam*) и просил не оставлять его кости варварам" (*Vita*. XL. 5–6; XLIV. 7). И далее Евгиппий продолжает: "Саркофаг положили на телегу, запряженную лошадью, и повезли. Вместе с этой телегой потянулись с нами все люди из провинции, оставив свои города на Дунае, и были распределены по всем местам в различных областях Италии" (*Vita*. XLIV. 7). Останки Северина были помещены сначала в кастелле *mons Felcetrum*.

⁴² Zibermayr J. Op. cit. S. 56.

ругиев сообщает и Павел Диакон (*venit in Rugiland pugnavitque cum Rugis*), отмечая, что была опустошена вся провинция и Одоакр привел в Италию множество пленных из варварских племен⁴⁶. Последовавшее по распоряжению Одоакра в 488 г. оставление римлянами Прибрежного Норика диктовалось, вероятно, опасностью угрожающего распространения из-за Дуная германского племени герулов вследствие уничтожения государственного образования ругиев⁴⁷.

Вопрос об оставлении Прибрежного Норика в 488 г. по распоряжению центральной власти и уходе гражданского населения провинции имеет самое непосредственное отношение к проблеме континуитета римских городов в раннем средневековье. Уже было отмечено в литературе, что следует отличать понятие "город" со всеми присущими ему особенностями типично городской жизни от понятия "город как место поселения"⁴⁸. Можно говорить не о континуитете города, но о континуитете населения, который обнаруживается в западных городах Прибрежного Норика, лежавших вне сферы влияния ругиев, разделительной линией власти которых в провинции была р. Энс. Переселение из верхнедунайских городов – сначала из Квинтаны в Батаву, а оттуда – в Лавриак – происходило добровольно. Ни центральная власть, ни провинциальные гражданские власти не проводили эвакуацию населения, оставлявшего города под давлением тюрингов и аламаннов. Не все население оставляло "родную землю". Римские названия этих городов, захваченных аламаннами и тюрингами, как отмечает Г. Таллер, хотя и в измененной форме, сохранились в именах городов средневекового и нового времени: Quintanis – Кюнциг, Batavis – Пассау, Lauriacus – Лорх, Cucullis – Кухль, – в чем следует видеть следы преемственности населения городов античных и городов средневековых. Напротив, те города, которые находились под властью ругиев и затем были оставлены по распоряжению центральной власти, когда произошла эвакуация Прибрежного Норика, не сохранили в своих названиях следов этой преемственности: Favianis – Маутерн, Comagenis – Тульн, Asturis – Цизельмауер. Причины этого Г. Таллер видит в том, что восточная часть Прибрежного Норика дважды пережила военные походы Одоакра против ругиев, приведшие к опусто-

шению провинции. Последовавшее в 488 г. оставление ее привело к тому, что в заселении городов образовался вакуум. Античные наименования некоторых поселений на восточном участке лимеса Прибрежного Норика – Arelape, Yvesis – и наименование реки Anisus сохранились в современных названиях рек – Эрлауф, Ибс, Энс. Это, как полагает Г. Таллер, свидетельствует, что сельское население в отличие от городского не все покинуло провинцию.

Что касается самого существования города в конце V в. как определенной формы организации экономической и муниципальной жизни граждан, то на основании свидетельств Евгиппия представляется возможным заключить, что по сравнению с городом I–III вв. и в экономической основе города, и в его муниципальной жизни произошли существенные перемены. Позднеантичный город уже не представлял собою гражданскую и землевладельческую общину римских граждан подобно городу Ранней империи. Хотя и земледелие, и скотоводство продолжают играть большую роль в хозяйстве городов, их экономическая основа крайне сужена вследствие сокращения торговых связей и нарушения товарного обмена. Гражданская община в значительной степени разбавлена варварским населением. Несомненно, в городах были должностные лица, но в характере их деятельности произошли изменения. Во всяком случае, среди городских магистратов находились лица, ответственные за внесение трибута королям ругиев. Но после похода Одоакра против ругиев за Дунай, власть последних в Норике резко пала, и в провинции оседают другие варвары из-за Дуная: аламанны, тюринги, герулы. Для них муниципальная власть городов была совсем ни к чему.

В религиозной жизни города большую роль начинает играть христианская община, и одним из признаков большого города становится наличие в нем епископской кафедры⁴⁹. Некоторые функции муниципальных властей заменились благотворительной деятельностью церкви и христианских общин. Условия существования этих городов всецело зависели от варваров, вследствие чего возросло значение города как места убежища для сельского населения. Все это позволяет сближать позднеантичный город с городом раннесредневековым.

но затем с согласия папы Геласия (492–496 гг.) они были захоронены в castellum Lucullanum, в специальной гробнице, построенной на средства богатой женщины, некоей Барбарин, которая ранее хорошо знала Северина и поддерживала с ним переписку (XLVI. 1–2). В Неаполе в VIII в. в честь Северина был сочинен гимн (*Hymnus sancti Severini abbatis* – MGH. Auct. Ant., Berolini, 1877. I. 2.). Название castellum Lucullanum, как уже было давно замечено, связано с роскошной виллой Луция Луциния Лукулла. Здесь в Кампании, близ Неаполя, была ранее вилла Мария (*Plut. Mar. 34*). Существовала Лукулланская императорская вилла при Августе и Тиберии. Сюда, как мы уже упоминали, был сослан Одоакром последний римский император, Ромул Августул (*Iord. Get. 242–243*).

⁴⁶ *Paul. Diac. I. 19*: ... vastaque omni provincia, Italiam repentes, copiosam secum captivorum multitudinem abduxit.

⁴⁷ *Schmidt L. Op. cit. S. 335*.

⁴⁸ *Thaller H. Die Städte der Vita S. Severini im Donauraum // Beiträge zur älteren europäischen Kulturgeschichte: Festschrift für R. Egger. Klagenfurt, 1953. Bd. II. S. 315–321*.

⁴⁹ Мы знаем о такой кафедре в Лавриаке (*Vita. XXX. 2*), где было по крайней мере две базилики (*XXVIII. 2*), Лавриак назван *urbis* (*XXX. 4; XXXI. 2*), а Констанций – *pontifex eiusdem loci* (*XXX. 2*), что, по мнению Цибермайра, указывает на роль Лавриака в качестве метрополии Прибрежного Норика (*Zibermayr I. Op. cit. S. 45*), т.е. главного города епархии. Избрание епископа производилось в это время еще всей христианской общиной. Даже в Риме до 483 г. епископ избирался христианской общиной (*Eugipp. Das Leben... S. 134*).

Проблема "Рим и варвары" принадлежит к числу важнейших в античной истории. Она всеобъемлюща, и для ее полного раскрытия требуются усилия многих ученых. В нее входит понимание роли варваров в общем историческом процессе, в романизации провинций, а также в падении Римской империи. Политический и нравственно-философский аспект темы о варварах как в греческой, так и в римской историографии также требует своего изучения. Мир племен предстает перед нами в многочисленных связях и взаимоотношениях, которые складывались у него с Римом. В данном исследовании этот вопрос рассматривается на большом отрезке времени – от I в. до н.э. – до IV в. н.э. – и в крупном регионе на пространстве от Верхнего Рейна до Нижнего Дуная. В племенном мире сформировались крупные племенные союзы: свевов, маркоманнов, даков и готов. Развитие этих народов оказывало существенное влияние на историю Рима и других племен. Они определяли в прямом смысле историю Римской империи вообще. История племен менялась политически и демографически с изменением политической карты Центральной и Юго-Восточной Европы.

Начиная со второй половины II в. н.э. картина все более усложнялась, а в число активно действовавших на исторической арене племен были включены новые народы Европы. Племена свевов, маркоманнов, даков, вандалов, лангобардов и готов находились в постоянном движении, вихрь которого увлекал за собой другие, более малые народы. Главной целью перемещений варваров были пределы Римской империи. И здесь сложившееся общество дунайских провинций, в частности Дакии, явилось первым полигоном, где произошло непосредственное и тесное взаимодействие римского мира и мира племен. Причиной же вторжения и перемещений, как мы видели, были физические и материальные силы племен, их сплоченность и численность. Эта сила заставляла народы постоянно надвигаться на границы Империи, которая являлась для них главным притягательным фактором. В своем движении эта сила племен наталкивалась порой на ответную мощь Империи и откатывалась назад, чтобы вернуться снова объединенной силой на протяжении II–III вв. Какой-то период времени натиск племен встречал противодействие со стороны Рима до тех пор, пока силы Империи не иссякли вовсе.

Мы проследили также историю некоторых из дунайских провинций в тех связях и взаимоотношениях, которые складывались у них с миром племен. Основы государственного устройства Империи, заложенные

Августом, касались прежде всего дунайских провинций, ибо там римский город был образован по типу италийских муниципиев. Здесь города стали центрами римского влияния не только в пределах провинций, но также среди мира племен. Известное заключение Элия Аристида, что римлянином является не только тот, кто живет в самом городе Рима, но также тот, кто обитает в пределах римского мира, может быть отнесено к романизированному миру варваров. Понятие "римлянин" объединяет весь римский мир под эгидой владычества римлян. Но в то же время население дунайских провинций определяется как полуварварское. Это свидетельствует о присутствии в них множества колонистов из слабо романизованных областей Империи, а также происходивших из числа варваров, поселенных с начала II в. на землях провинций. Города дунайских провинций как располагавшиеся на границе, испытывали влияние культуры соседних племен. И сами города оказывали влияние на мир племен самой средой обитания в городе, а также общей городской культурой, его общественными постройками и храмами, домостроительством в городах. Города воспринимались племенами прежде всего как оплоты римской власти, центры порабощения и эксплуатации, против которой племена так упорно боролись в течение многих веков, и потому города так ожесточенно разрушались варварами, особенно на закате Римской империи.

Если греки под словом "варвары" понимали некую общую массу народов, живущих на краю вселенной, воспринимая их как людей необразованных, глупых, не знакомых с городской цивилизацией, управляемых царями и находившихся на положении рабов, то теперь в определении "варвары" на первый план выдвигаются черты социально-политического и экономического порядка. Слово "варвары" для Римской империи означало силу, организованную и в социально-этническом, и в политическом отношениях. Прежнее понятие "варваров" как совокупности всех племен (*omnes gentes*) заполнялось конкретным содержанием – признанием их особых общественных и социальных порядков, в которых жил этот варварский мир. Прежний тезис Августа о могуществе римской власти потерял свое значение в конце II в., ибо вне пределов римского мира жило множество племен со своими государственными структурами, культурой, нравственно-религиозными понятиями, а также со своей правовой основой. Римская политическая мысль старалась осознать произошедшее, ибо господство над всем миром разделяли теперь вместе с римлянами и варварские племена.

Лимес Империи не только был военным сооружением, чтобы охранять провинциалов от варваров. Он ограничивал саму возможность перемещения племен в Европе. Теперь лимес переставал быть разделительной линией, отделявшей римский мир от мира племен. Если раньше, в I–II вв., правый берег Рейна и левый берег Дуная считались землями, входившими в сферу политического и экономического влияния Рима, где располагались зависимые от него племенные царства, то впоследствии такой промежуточной полосы за лимесом, в сущности, уже не было. Все народы и племена, жившие за чертой лимеса, оказались придвинутыми вплотную к границам Империи. И этот

варварский мир дал о себе знать уже во время Маркоманнских войн. Идея Августа и его завет – удерживать Римскую империю в естественных границах, которых она достигла при его правлении, – эта мысль была оставлена Траяном. Он перешел Дунай, завоевав Дакию, что одновременно явилось продвижением в варварскую среду римских социальных и общественных порядков. Для окружающего Дакию мира племен ее завоевание явилось событием большой политической и культурной значимости. Оно придвинуло Рим к племенам и народностям Подунавья, и его влияние в этом регионе стало более действенным. Но завоевание Дакии было явлением временным. Произошло столкновение одного мира с другим, когда римский мир отступил под давлением варваров, оставив им провинцию.

В итоге можно сказать, что отношения Империи с варварским миром охватывали почти все сферы жизни этого мира. И движение в племенном мире происходило постоянно в течение всего периода Римской империи в виде военных конфликтов, дипломатических соглашений, торговых и культурных контактов.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

Абиен, сын Пентилла 22
 Август Гай Октавиан, имп. 6, 10, 27, 32, 33, 39–42, 44, 52, 58, 60, 61, 70, 72, 88, 92, 130, 159, 164, 173, 202, 206, 209, 268, 270, 272
 Августин, отец церкви 253
 Авдеон, Публий Элий Септимий, центурион 217
 Авекий, трибун 49
 Авзобий 164, 167
 Авидий Кассий, наместник Сирии, узурпатор 109, 117, 125, 126, 134, 142
 Аврелиан, имп. 92, 146, 148, 149–151
 Аврелии, род 167, 216
 Аврелий 76
 Аврелий Аквила, декурион 210
 Аврелий Афр, Тит, принцепс 219, 221
 Аврелий Баб 201
 Аврелий Бардибал 228
 Аврелий Валерий 228
 Аврелий Виктор, историк 89, 96, 149
 Аврелий Виктор, легионер 132
 Аврелий, Гай 229
 Аврелий Гераклит, прокуратор 208
 Аврелий Дардан 220
 Аврелий Зосим 229
 Аврелий Зосимиан 229
 Аврелий Кальпурниан Аполлонид, Тит 104
 Аврелий Констанций, всадник 204
 Аврелий Критон 229
 Аврелий Мартин, жрец Юпитера 229
 Аврелий Мукапор 201
 Аврелий Редукс 230
 Аврелий Фавст 201

Аврелия 180
 Авреол, начальник конницы 247
 Авсоний 143
 Агенобарб, Луций Домиций 27, 41
 Агриппа, Марк Випсаний 27
 Агриппина Младшая 167
 Адгандестрий, вождь хаттов 49
 Адгонет, сын Виндила 104, 107
 Аддебар, сын Семья, жрец Юпитера 229
 Адриан, имп. 75, 83, 87, 101–103, 189, 195–197, 200, 205, 226, 228, 230, 233, 237, 238, 249
 Адьютор, сын Макара 225
 Адьютор, Аврелий 224
 Адьютор, Марк Опеллий 203, 204, 229
 Азизий, бог 146
 Акаст, раб 168
 Актумер, вождь хаттов 49
 Акутул 167
 Аларих, царь готов 145
 Александр из Абонутейха 239
 Александр Македонский 29, 52
 Александр Север, имп. 89, 118, 119, 134, 140, 198, 244, 247
 Александр, сын Каррика 225
 Александриан 229
 Алки, божества германцев 54
 Альбии, род 167
 Альбий Сабин 168
 Альбия Теренция 168
 Амабилис, Тит Лизиний, августал 210
 Аманций, диакон 260
 Амброзий 265
 Амилл Квинт Вибий, августал 210
 Аммиан Марцеллин, историк 40, 132, 144–146, 153, 163, 261

* Составитель В.Н. Токмаков

Сендуссии – 29, 34	Тюринги – 120, 260, 265, 266, 268
Секваны – 29, 30	Убии – 35, 39, 48, 107
Семноны – 31, 35, 43, 45, 51, 53–55, 118, 124, 128, 142, 146	Узипеты – 34, 36, 43
Серры – 139	Упераки 165
Сигинны – 45	Фалиски – 20
Сикулоты – 220	Фенны – 32
Силинги – 148	Фракийцы – 58, 90, 93, 94, 113, 119, 123, 131, 132
Сирийцы – 216, 229	Франки – 40, 145
Скамары – 260	Фригийцы – 131
Скиртоны – 220	Фризы – 41, 159, 160, 171
Скиры – 264, 265	Хавки – 49, 106
Скифы – 28, 29, 33, 60, 61, 65, 90, 91, 135, 136, 140, 147, 265	Хаттуарии – 41
Скордиски – 57	Хатты – 41, 43, 46, 49, 52, 72, 106, 178
Славяне – 6, 54, 93, 104, 106, 116, 119, 121, 123, 142, 145	Херуски – 6, 35, 41–43, 45–49, 71
Сугамбры – 35, 39, 43	Эдуи – 23, 24, 57
Тавриски – 56, 60, 95, 164, 169	Эстии – 31, 32
Тайфалы – 155	Ютунги – 39
Тевтоны – 37, 40	Язиги (языги) – 47, 67, 77, 81, 82, 90, 100, 101, 110, 111, 116, 117, 126, 135, 140, 177, 241
Тенктеры – 34, 36	Язиги-метанасты – 62, 63, 177
Тервинги – 148, 155	
Трансмонданы – 92, 145	
Трансюгитаны – 145, 146	
Трибоки – 29, 30, 33	
Тридавы – 21	
Тубантии – 43	
Тунгры – 135	

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
-------------------	---

Раздел первый

ПЛЕМЕННЫЕ СТРУКТУРЫ НА РЕЙНЕ И ДУНАЕ

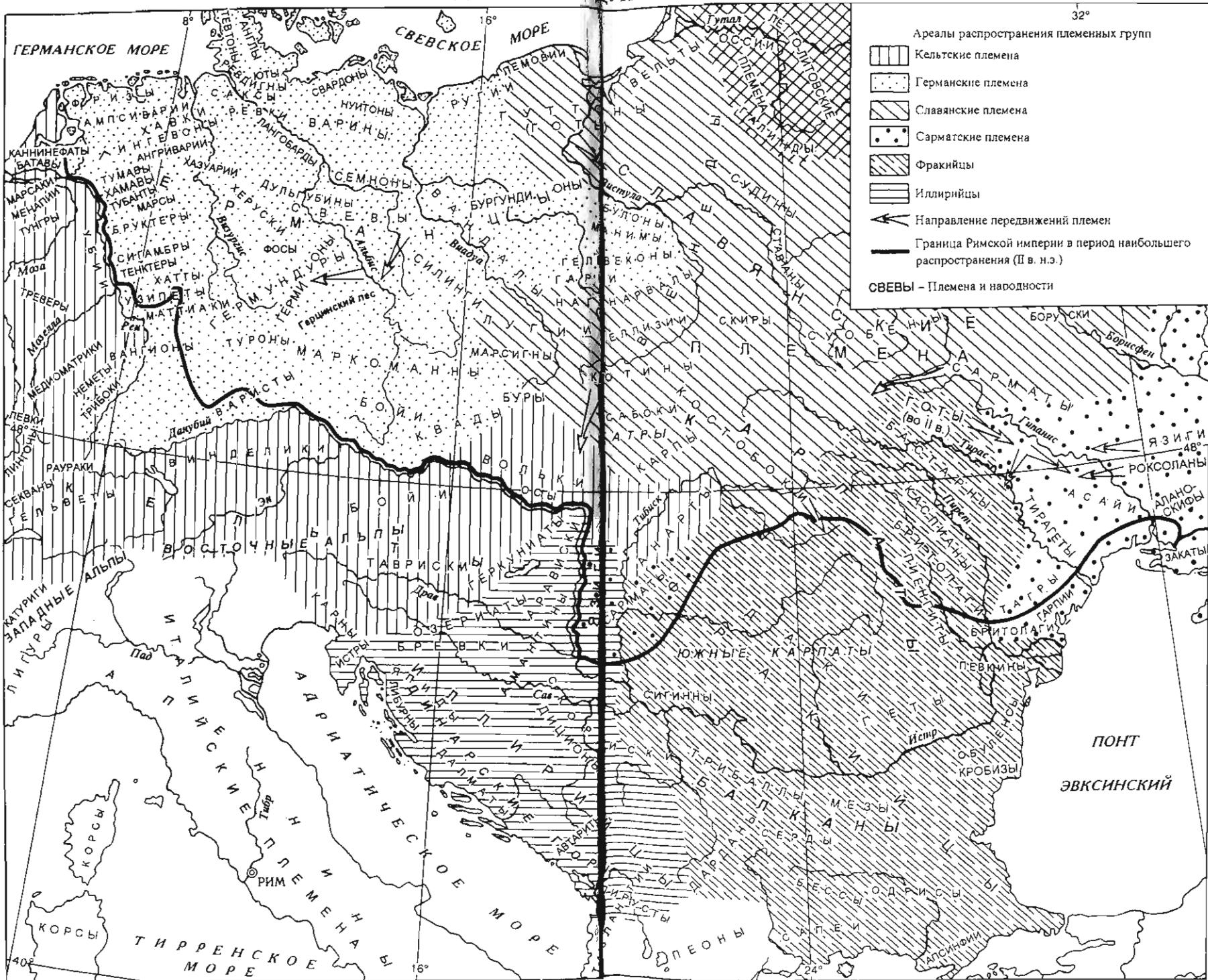
Глава I	
Гостеприимство в системе <i>ius gentium</i> древнего Рима	11
Глава II	
Племена и Рим на Рейне и на Дунае в I в. до н.э. – I в. н.э.: Свевы, маркоманны, херуски, даки	27
Глава III	
Война Траяна с даками	72
Глава IV	
"Маркоманские войны" с племенами на Дунае	98
Глава V	
Войны Рима с племенами на Нижнем Дунае в III в.	128

Раздел второй

РИМСКИЙ ГОРОД И ТОРГОВЛЯ НА ДУНАЙСКОМ ЛИМЕСЕ

Глава VI	
Торговля римлян с племенами на Дунае и Рейне	158
Глава VII	
Города Дакии и их социально-экономическая структура	186
Глава VIII	
Муниципализация рудничного округа Дакии	218
Глава IX	
Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии	232
Глава X	
Позднеримский город в Норике в описании Евгиппия	252

ПЛЕМЕНА И НАРОДЫ РЕЙНСКО-ДУНАЙСКОГО РЕГИОНА I-III ВВ. Н.Э.

РИМСКАЯ ИМПЕРИЯ (ЕВРОПЕЙСКАЯ ЧАСТЬ) I—III вв. н.э.

